

К Л А С С И К А   З Е М Л И   К У З Н Е Ц К О Й

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС ПОЭЗИИ КУЗБАССА

ТОМ I

К Е М Е Р О В О
2020

УДК 882(571.17)
ББК 84(2Рос-Кем)6
К 47

Руководитель проекта Б. В. Бурмистров

Редколлегия:

С. Л. Донбай, И. А. Куралов, Д. В. Мурзин, А. В. Правда
Редакторы-составители: Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова
(подготовка текстов и биографий)

Авторы литературно-критических статей:

В. С. Арнаутов, И. В. Ащеулова, Т. А. Горохова, А. И. Казинцев, Г. И. Карпова,
И. А. Куралов, Н. А. Небогатов, Н. В. Налегач, С. Л. Старовойтова,
Е. Н. Тюшина

Иллюстрации О. Г. Чибисовой

Классика земли Кузнецкой: в 3 т. –
К 47 Т. 1: Золотой запас поэзии Кузбасса. –
Кемерово: ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2020. – 510 с. –
ISBN — 978-5-6042636-9-3. – Текст: непосредственный.

В первом томе трёхтомного собрания поэзии и прозы кузбасских авторов представлены настоящие поэтические шедевры. Книга предлагает читателю не только великолепные стихотворные строки, но и уточнённые биографии 25 поэтов, развёрнутые статьи об их творчестве и о публикациях разных лет. Издание предназначено как для широкого круга читателей, так и для историков и литературоведов.

УДК 882(571.17)
ББК 84(2Рос-Кем)6
ISBN — 978-5-6042636-9-3. © ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2020.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ, ДАЛЁКИЙ И БЛИЗКИЙ!

Если ты держишь в руках эту книгу, я счастлив от того, что у тебя впереди минуты, часы удивительного общения со стихами известных кузбасских поэтов. Я уверен, что в этих стихах ты найдёшь близкое, родное...

Возвращаясь в 1796 году из сибирской ссылки, Александр Николаевич Радищев посетил северные районы Кузбасса. В путевых записках он отразил свои впечатления о «приобретении Сибири»: «Что за богатый край сия Сибирь, что за мощный край! Потребны ещё века, но когда она будет заселена, она предназначена играть большую роль в анналах мира».

Сибирь, Кузбасс... Необъятный, своеобразный край нашей Родины. Величественно-могучий край не мог не породить крупных поэтов, поэтов яркого, самобытного дарования. Поэтическое слово, появившееся в Кузбассе с 1930-х годов прошлого века, стало художественной летописью созидания сибирского угольного края, края строительства промышленных гигантов и одновременно края создания настоящей художественной литературы и культуры. В 1950–1980-е годы в Кузбассе была создана мощная поэтическая школа, которую высоко оценили Виктор Астафьев и Ярослав Смеляков.

Кузбасские поэты сумели запечатлеть не только неповторимое своеобразие сибирской природы, но и характеры сибиряков: строителей, шахтёров, металлургов... Поэты не просто воспевали красоты Кузбасса, но и обращали внимание на экологические и духовно-нравственные проблемы региона. Поэтическое слово тоже созидало Кузбасс, талантливо рассказывая о времени и о людях. Одно из первых стихотворений о шахтёрах Кузбасса написал Владимир Чугунов, работавший в 1930-е годы машинистом врубовой машины в Анжеро-Судженске.

Одним из доказательств деятельного участия поэзии в преобразовании Кузбасса и Сибири и является предлагаемый читателю сборник стихов. В нём представлены поэты, которые родились, жили и работали в Кузбассе. Как личности и как поэты они сформировались в советскую эпоху, однако не стали похожими друг на друга. У каждого из них есть свои темы, свой поэтический почерк, свой голос.

Вернувшись с войны, поэты-фронтовики активно работали. Герой Советского Союза Михаил Борисов строил автодорогу для Запсиба. Участник парада Победы Евгений Буравлёв – железную дорогу Сталинск – Абакан. Сын полка

Владимир Мамаев работал машинистом турбины на Новокемеровской ТЭЦ. Владимир Измайлов трудился на Таштагольском руднике. Командир взвода ПТР (противотанковых ружей) Михаил Небогатов был литсотрудником в областной газете «Кузбасс». Труженик тыла старший мастер Василий Фёдоров в 1940-е годы строил военные истребители на Новосибирском авиационном заводе.

Дети фронтовиков также активно трудились для Кузбасса: машинистом тепловоза был Виктор Баянов, обмуровщиком котлов на Кемеровской ГРЭС работал Виталий Крёков, электросварщиком на заводе в Кемерове трудился Валерий Ковшов, прорабом на стройках Кемерова работал Иван Полунин, монтёром связи был Владимир Поташов, талантливыми журналистами в областных и районных газетах трудились Анатолий Саулов, Валентин Махалов, Игорь Киселёв, Владимир Матвеев, Геннадий Юров, Владимир Ширяев, Валерий Зубарев, Николай Колмогоров. Педагоги по призванию Леонид Гержидович (Берёзовский), Любовь Никонова (Новокузнецк), Тамара Рубцова (Юрга) с душой и ответственностью работали в школах Кузбасса.

Кузбасские поэты двадцатого века сумели создать лирические произведения высокого уровня, не уступающие поэзии, созданной в столице. Они сумели сказать правдивое слово потомкам, потому что чувствовали свою ответственность за жизнь Кузбасса и России.

Вечные темы любви и добра, милосердия и сострадания ещё раз потревожат тебя, дорогой читатель, и, надеюсь, стихи помогут тебе в трудные минуты найти правильное решение, верный путь.

Сегодня, когда интернет заполнил всё духовное пространство, когда дети наши живут в виртуальном мире, когда современную литературу лихорадит неестественными, несвойственными человеку сюжетами и проблемами, когда настоящие чувства подменяются суррогатом и подделками, чаще всего пошлыми и бесстыдными, чистое живое слово – это бальзам для души.

Сохранением этого слова озабочены писатели не только земли Кузнецкой, но и других регионов страны. В Томске вышло более 15 томов «Томской классики», в Новосибирске – более 10 томов «Сибирской классики», в Кузбассе мы наметили издать трёхтомное собрание прозы и поэзии. Это наш подарок к 300-летию Кузбасса. Во второй том этого проекта войдут прозаические произведения известных кузбасских писателей – А. Волошина, В. Мазаева, Л. Скорик, В. Куропатова, Г. Емельянова, Г. Немченко, В. Конькова и др., в третьем томе будут собраны лучшие произведения прозы и поэзии со-

временных авторов. Время не стоит на месте – подрастает новое поколение писателей, которое продолжит эту золотую серию литературы Сибири.

У вас в руках 1-й том поэзии, в который вошли 25 авторов. Это золотой запас поэзии Кузбасса, в россыпях чистых и правдивых поэтических слов запечатлена душа нашего замечательного края.

Подвигло нас к изданию ещё и то, что на многочисленных встречах в различных аудиториях, особенно молодёжных, на вопрос: «Знаете ли вы наших кузбасских литераторов – поэтов и прозаиков?» – не всегда слышишь утвердительный ответ.

Как же можно забывать или вообще не знать такие замечательные строки:

*Живя доверчиво и просто,
Я не прошу иной судьбы –
Лишь чаще видеть дом у моста
С куделью дыма из трубы,
Да под горою омут синий,
Да поле в балках и буграх
С берёзою ещё не зимней
На обжигающих ветрах.*

(Виктор Баянов)

*Слава Богу, что мысль не венчается,
Как стихи – тайна мысли проста:
И уходит она и встречается,
Но всегда самозвано чиста.*

(Валерий Ковшов)

*И холода не пройдены...
И косточки б погреть...
И некуда от Родины
Единственной лететь.*

(Владимир Поташов)

*И свыше нас заставит плакать
В момент святого торжества
Сквозь генетическую память
Идущий образ Божества
И двинется, слагаясь в строки,
На свет немеркнувший спеша,
В биохимическом потоке
Незамутнённая душа.*

(Любовь Никонова)

Вслушайтесь, вдумайтесь – какая чистота в чувствах, в мыслях... Как не довериться этим строкам? Как не раскрыть душу навстречу этим проникновенным словам, в основе которых Любовь, Добро и Милосердие?

По-разному сложились судьбы авторов этих и других таких же проникновенных строк – кто-то дожил до старости, а некоторые ушли молодыми: Анатолий Саулов – в 25 лет, Владимир Поташов – в 42 года, Игорь Киселёв – в 48 лет, Николай Колмогоров – в 50 лет... Это было поколение, закалённое войной или трудом послевоенного времени, люди с сильными характерами, уверенные в своей правоте и справедливости. Нам их сегодня так не хватает.

Надо отметить, что книга содержит не только лучшие поэтические произведения, но и уточнённые биографии поэтов, статьи с новым взглядом на их творчество, литературно-эстетическим восприятием из двадцать первого столетия. Мы отошли от традиционной формы фотопортретов, отдав предпочтение портретам рисованным, и они, как нам думается, более точно передают образ и характер каждого автора.

Книга будет иметь не только художественную, но и научно-историческую ценность. Это запас культурного слоя кузбасских недр, которые будут исследовать будущие поколения историков и литературоведов. Над книгой работал коллектив авторов-составителей: Сергей Донбай, Андрей Правда, Галина Карпова, Борис Бурмистров, Иосиф Куралов. В создании исследовательских материалов о творчестве талантливых кузбасских поэтов приняли участие кемеровские ученые-филологи: профессор, доктор филологических наук Людмила Алексеевна Ходанен (Н. Колмогоров, В. Крёков); профессор, доктор филологических наук Наталья Валерьевна Налегач (В. Ковшов); доцент, кандидат филологических наук Ирина Владимировна Ащеулова

(Л. Гержидович, А. Ибрагимов, В. Махалов, В. Ширяев); доцент, кандидат филологических наук Галина Ивановна Карпова (М. Борисов, Л. Никонова, Т. Рубцова, В. Фёдоров, В. Чугунов); учитель-краевед Светлана Леонтьевна Старовойтова (В. Баянов, Г. Юров); литературный критик-краевед Татьяна Александровна Горохова (И. Полунин). Статья 1974 года поэта Михаила Александровича Небогатова, посвященная лирике А. Саулова, не утратила своей значимости и сегодня.

Свой взгляд на творчество собратьев по перу представили писатели, члены Союза писателей России: поэт Иосиф Абдурахманович Куралов (Е. Буравлёв, В. Зубарев, М. Небогатов, В. Поташов); прозаик, критик Виктор Степанович Арнаутов (Г. Молостнов); прозаик, библиотекарь-краевед Екатерина Ивановна Тюшина (В. Измайлов, В. Мамаев, В. Матвеев, В. Чугунов). Статью о лирике И. Киселёва написал московский публицист Александр Иванович Казинцев, заместитель главного редактора журнала «Наш современник».

Цель, которую мы ставили перед собой, – привлечь внимание нового поколения кузбассовцев к литературному наследию поэтов, не только отражённому в этой книге, но и оставшемуся за рамками данного издания.

Поэты творили, создавали то духовное пространство, в котором тепло и уютно жить нам, нашим детям и внукам. Негоже нам забывать их имена!

Будут меняться поколения, но то, что создано нашими предшественниками, уверен, всегда будет тревожить, волновать умы и сердца наши...

*Борис Бурмистров,
поэт, лауреат Большой литературной премии России.*

Виктор Михайлович Баянов

*10 июля 1934 г., д. Дедюево, Топкинский район,
Кемеровская область – 17 марта 2011 г., Кемерово.
Поэт, прозаик. Член Союза писателей СССР с 1965 года.*

***

Сторона любимая, приметная,
У тебя приметы есть предметные.
Где-то есть такие ж кедры с соснами,
Где-то есть такие ж зимы с вёснами.
Горы есть со снеговыми шапками
И посёлки с трубами и шахтами.
Только нет нигде чего-то главного,
По цене одной лишь жизни равного,
Очень близкого чего-то, очень местного,
Сердцу только одному известного.
Стоит лишь откуда-то вернуться,
Как готово сердце захлебнуться.
Весь мой век такое с ним случается.
Пробовал унять – не получается.

1962 год («Росы», 1963)

***

Нет, наблюдать не любишь ты,
Как дождь идёт, дорогу тыча.
Ни для кого не рвёшь цветы,
Не понимаешь пенье птичье.
Непостоянен ты ещё
И очень глух к добру и худу.
Как хорошо, как хорошо,
Что я таким уже не буду.

Застыв, не ждёшь ты никогда,
Что вот сосна сбежит с откоса,
Что вот русалка из пруда
Появится и выжмет косы.

Сто раз ты около прошёл,
Не веря ни в какое чудо.
Как хорошо, как хорошо,
Что я таким уже не буду.

Вот канет этот день во тьму,
И вроде яблоньки-дичонка
К плечу крутому твоему
Прижмётся трепетно девчонка.
Ты не узнал ещё печаль
И сердца легкую остуду.
Семнадцать лет..
Как жаль, как жаль,
Что я таким уже не буду.

1963 год («За рекой Талиновой», 1965)

ФОТОГРАФИИ

Мы их храним, с собой повсюду возим.
Иной под старость глаз не сводит с них.
А я на свете прожил тридцать восемь
И фотографий не люблю своих.
Вот детская. Весёлая. Едва ли
В ней что-то есть от прожитой беды.
А мы отцов в те годы не видали,
Полураздеты были и худы.
Я помню, как упала лошадь в согре,
Как до района еле добрались,
Где целый час крутил меня фотограф
И добивался: «Мальчик, улыбнись».
И чтобы он меня не дергал грубо,

И чтобы вдруг снимать не расхотел,
 Я улыбнулся ясно и беззубо,
 И он таким меня запечатлел.
 А вот я мрачный на последних фото,
 За кем-то взгляд внимательный следит.
 Как будто обижаюсь на кого-то,
 Как будто я на целый мир сердит.
 Я отношусь к ним строже всё и строже –
 В альбомах или в рамках на стене,
 Они всегда удачны и похожи,
 Но говорят неправду обо мне.

1964 год («За рекой Талиновой», 1965)

***

То ли вьюга будет мечь,
 То ли цвель смородина.
 Из каких-то дальних мест
 Я вернусь на родину.
 И спрошу свои края,
 Заполночи, замежи:
 – Как тут милая моя?
 Мне ответят: – Замужем...
 Сердце оплеснёт водой
 Ледяной, подлёдною.
 Повстречаюсь с молодой,
 Расспрошу подробнее.
 Тропки-стёжки у неё
 Самые ли торные?
 Белостенное жильё
 Самое ль просторное?
 Сразу же, как завела

Вдаль дорога горькая,
Заскоблила, замела
Тёплый след мой в горенке?
И ещё спрошу без зла:
– По какому правилу
Праздники себе взяла,
Будни мне оставила?

1964 год («За рекой Талиновой», 1965)

***

Бойся, Анна,
                                слушай, Анна,
И ушам своим не верь:
Кто-то громко, кто-то странно,
Незнакомо стукнул в дверь.

Твой бродяга, твой отходник
С полной сумкой за спиной, –
Твой удачливый охотник
Возвращается домой.

Он твои забросит ситцы,
Он не то тебе добыл –

Для тебя в тайге лисицу
Чернобурую убил.

Только входит он сурово,
Словно кедр, высок и прям.
На щеке застыл свинцово
От медвежьей лапы шрам.

Знать, умаяла дорога
Через горы и лога.
Знать, заметил у порога
След чужого сапога.

Ох, заметил след неяркий,
Потому не ест, не пьёт,
Драгоценные подарки
Из мешка не достаёт,

Не глядит на молодую
И, натуре вопреки,
Клонит голову седую
На большие кулаки.

1964 год («За рекой Талиновой», 1965)

РОДНИК

Блестит вода, как в сказочном копытце,
В замшелом срубе, вкопанном в межу.
Я прихожу, чтоб из него напиться,
И как я встречей этой дорожу!
Ах, как приятно в тишине дремотной,
Средь дружески кивающих вершин,
Склонясь, наполнить влагой искромётной
Видавший виды глиняный кувшин!
И пить, да так, чтобы не только глотку
Струя воды внезапно обожгла,
А чтоб она текла по подбородку,
Чтобы она за шиворот текла.
Кипит родник, воркует голубино,
Прохладой вея на клубничный луг.

Над ним краснеет старая рябина,
Малина густо разрослась вокруг.
И все года, под ярко-алой зорькой,
На гладь воды, что, как слеза, чиста,
Всё падают – то плод рябины горький,
То сладкий плод с малинова куста.

1965 год («Моя земля», 1967)

* * *

«Из колодца вода льётся,
Вода волноватая...»
У глубокого колодца
Стыну виновато я.
Потому, что песня – диво,
Да не мною сложена,
И, как первым снегом нива,
Грустью припорошена.
Надо мной в тиши витая,
Продолжает жечь она.
А поёт немолодая
Маленькая женщина.
Много лет её я знаю.
Ею злая долюшка,
Как вода та ледяная,
Выпита до доньшка.
Слышу голос от крыльца я
От лужка примятого:
«Сама белая с лица,
Любила черноватого...»
Эту песенку простую
За столом не выдымить,

Нет, такую золотую
Просто так не выдумать.
Надо, став едва
влюбленной,
Свянуть тоньше веточки
И, встречая почтальона,
Ждать годами весточки.
Надо много
        в зной и грозы
Той водицы выплескать.
Надо прежде вдовьи слёзы
Все до капли выплакать.
Вот идёт она с ведёрком
В светлом платье простеньком,
Будто тонкая кедёрка
По таёжной просеке.
Ей легко ещё покуда
Мягь густую травушку.
Никакие пересуды
Не коснулись краешком...
Гаснет день. Дымятся трубы.
Дым плывет, качается,
У колодезного сруба
Песенка кончается.
И, как в песне той поётся,
На траву примятую
Из колодца вода льётся,
Вода волноватая.

1966 год («Моя земля», 1967)

РЕКА И ОЗЕРО

Река распадками бежала,
Свивалась, как змея в огне.
И ничего не отражала
В своей бурунистой волне.
Свергалась со скалы отрожной
И, нарушая гор покой,
Издалека казалась сложной,
Глубоководною рекой.
Была сварливой, неудобной,
Разбрасывала пену зло.
Вблизи же вся до гальки донной
Просматривалась, как стекло.
К озёрной сини пробивалась,
Несла с собою то и то.
И все лишь ею любовались,
А тихим озером – никто.
А озеро светло лежало.
Спокойно, а не на бегу
Густые тучи отражало
И прибережную тайгу.
И не открыты, не оттаяны,
Недосягаемы извне,
Стовековые, стлы тайны
В его кромешной глубине.

1966 год («Моя земля», 1967)

***

Утёс такой – не подступиться.
И, каменно сливаясь с ним,
На выступе большая птица
Сидела пугалом лесным.
К глухим камням безвольно жалась,
Своё как будто отжила.
И вызывали только жалость
Её поникшие крыла.
Но ветер с гор ударил косо,
Всё зашумело, ожило.
И птица сорвалась с утеса,
Расправя крылья тяжело.
И, споря со струей тугою,
Вдруг обернувшись молодой,
Пошла кругами над тайгою
И над озёрною водой.
Вновь различала сверху зорко –
Бурундука на мшистом пне,
Любую щель, любую норку
И каждый камешек на дне.
И птицу стало мне не жалко –
Ведь я не знал её такой –
А стало только жарко-жарко
От тайной зависти людской.
Пусть эта зависть мне простится
И до конца во мне горит.
Я понял, что любая птица –
Красивая, когда летит.

1966 год («Лирика», 1972)

***

Ах, что со мною, что со мною?
Мой быт – не ягода с куста.
Нет-нет да за моей спиной
Шепнут: «Святая простота».
Бывает, встретят и похвалят,
И за меня поднимут тост.
Но тут же тоненько ужалят,
Мол, не поймёт – уж больно прост.
Всему с улыбкою внимаю,
Молчанье трезвое храня,
Хоть их, быть может, понимаю
Поглубже, чем они меня.
Иду, спешу к заветным вехам.
Слова чужие бьют как нож:
– Когда ты станешь человеком
И простоту в себе убьёшь?
Я не шумлю, я не лютую.
А в думах трудное, своё –
Не как убить её, святую,
А как бы сохранить её.

1967 год («Берёзовый сок», 1969)

ОСЕНЬЮ

Богата согра в эту осень.
Глядят опята из-за пней.
На днях, наверное, под озимь
Распахан клин земли за ней.
Лес оглушён сорочьей ссорой.
И кажется – над краем всем

До опьянения пахнет согрой,
Не пахнет пахотой совсем.
Отсюда я дровишек связки
Таскал домой, в ушибах весь.
Мои бывальщины и сказки
Отсюда вышли. Жили здесь.
На выворотне в комьях глины
Сижу, земли печальный сын.
Полно рябины, тьма калины
Среди берёз, промеж осин.
И я себя при этой свите
Казню, как сроду не казнил:
Ну что ж ты, Витя,
Что ж ты, Витя,
Притих и голову склонил?
Ведь крепок был под всякой ношей.
Хоть изредка, но ладно пел.
Так неужели, мой хороший,
Извёл себя? Когда успел?
Пусть хвори взяли на заметку,
Но ты сдаваться не спеши.
И не горюй, что пелось редко,
Зато – ни слова без души...
Всё гуще, всё дробней в низине
Накراпы нудного дождя.
Пора и к дому. А в корзине –
Одна волнушка, два груздя.
Бреду под тучею-навесом
Промокшей пахотой и мглой.
И всё слабее тянет лесом,
Всё явственней – сырой землёй.

1983 год («Зазимок», 1984)

***

Памяти Е. Буравлёва

Он весь кремнёвой был породы,
Как грубо тёсанный гранит.
Решила, видно, мать-природа,
Что жизнь потоньше отгранит.
И та взялась работать споро,
Дала немислимый разбег.
Был страшно долог путь сапёра
Под прусский город Кёнигсберг.
Не уходили, не сгубили
Потом ни раны, ни хандра.
Впрок закалили, отдубили
Его сибирские ветра.
А жизнь несла неудержимо.
Сливались яростно в одно
Её пороги и прижимы,
Её и зеркало, и дно.
И ни любви, и ни зазнобы,
Чтоб к ней, сбивая сапоги,
Нести ожоги и ознобы –
Подарки тундры и тайги.
Прораб на заполярной стройке,
И всем открытый, и – ничей,
Он знал, о чём судачат сойки,
Вздыхает кедр,
Поёт ручей.
И в книжечках стихов и прозы,
Где свой особый лад и быт,
Ни лести выгодной, ни позы,
Ни мелких жалоб, ни обид.

Так жил.
За славой не гонялся.
И я, не знаю, почему,
Всегда хотел, всегда боялся
Свои стихи читать ему.

1984 год («Какой земле принадлежим», 1994)

КОНСТАНТИНОВО – 1995

Дом. Сад. Амбар. Плетнёвый перелаз.
Здесь жил поэт, влюбляясь и мечтая,
Здесь без него семидесятый раз
Отговорила роща золотая.

Нет в доме песен, а в амбаре – ржи.
От сада прелью тянет и золою.
И листья – жёлтые стрижи –
Мелькают над усадьбой нежилою.

Замшелый клён, состарясь под окном,
Устал клюкой ощупывать дорогу.
Он знал поэта. Он ещё при нём
Однажды в стужу приморозил ногу.

И голову рябина о плетень
При нём ещё разбила, будто спьяну.
И ей, совсем усохшей, по сей день
Никто бинта не наложил на рану...

Вспять отсвистели годы и ветра –
Предстали те ж поля и перелески.

И мать поэта ждёт его с утра,
Раздвинув на окошках занавески.

Он строг и странен в этот свой приезд –
Как будто от дурной какой-то вести,
Ломает брови, плохо спит и ест.
И курит всё,
и не сидит на месте.

Далёк, далёк, хоть вот он, рядом, сын.
Его судьба томит её и ранит.
Кто знает, из каких он палестин.
Когда теперь
и с кем домой нагрянет.

В глазах уж нету прежней синевы.
И кудри осеклись. Куда всё делось!
Весь год в село хотелось из Москвы,
А из села скорей в Москву хотелось.

Хоть на неделю б у родни застрял,
У изб, лугов и мостиков горбатых.
Куда спешит и что он потерял
На всяких вражках, преснях и арбатах.

В холодном Питере едва ль придёт покой.
Дороги нет и к тёплым южным странам.
Недаром тонкий месяц над Окой
Повис кривым персидским ятаганом...

Все явственней навязчивый мираж:
Вот он оделся с тщательностью строгой.

Стянул шнурком суровым саквояж.
На лавочку присел перед дорогой.

Уже с крыльца – слова, обрывки фраз.
Прошёл к калитке. Помахал знакомо,
Совсем не зная, что в последний раз
Перешагнул порог родного дома.

С тех пор холодный двор и ветхий сад
Хранят в глухом молчанье год от года
Последний вздох его,
Последний взгляд,
Последний шаг последнего ухода.

1995 год («Поле», 2000)

***

Покатый взлобок. Голь. Потрава.
Свистящий ветер верховой.
Мне так и видится застава,
Казачий пост сторожевой.
И ныне холм в краю предгорном,
Где сказочно земля щедра,
Стал совести постом дозорным,
Пикетом Правды и Добра.
Высь Шукшина ...
Хлеба резные,
Лесок, покос, родник во мху.
Да что там степь, ему – Россия
Вся на виду и на слуху!
В подлеске ветер быстр и юрок.
След сапога росой не смывает.

Он был здесь только что. Окурок
В сырой траве ещё дымит.
Где ж уголок его сугревы,
Тепла, которым дорожил?
Спуститесь вниз, а там – налево, –
Кивает некий старожил.
Тропинка на зелёном ворсе.
В низине – дом. И он в дому.
Но не спускаться надо вовсе,
А подниматься нам к нему.

1984 год («Поле», 2000)

***

Поле.
Копны снежком примело.
Вербы стыннут и клонятся сами.
Здесь – давно ли! – шумело село
С петухами, колодцами, псами.
Люди жили, пускай не в раю,
В закутке своем тесном и дружном.
И на северном знали краю,
Что сейчас происходит на южном.
Но бросать родовое жильё
Где-то взяли впоследствии моду.
За войну да и после неё
Поубавилось сильно народу.
Полевая дорога. По ней
Всё село раскатилось в итоге:
Кто в район, кто в село помышней,
Ближе к тракту, к железной дороге.
Здесь в грядущие ночи и дни

К небу тёплым дымкам не подняться.
 Только вербы остались одни
 В чистом поле стареть и склоняться.
 Вот и все.
 Лишь на ровном пути
 Вдруг заставило что-то споткнуться,
 Оглянуться и быстро уйти.
 И вздохнуть. И ещё оглянуться.

(«Поле», 2000)

«НИ СЛОВА БЕЗ ДУШИ...»

«Главная черта баяновского таланта – это, на мой взгляд, задушевность. Я не знаю у него ни одного стихотворения, которое бы родилось из какой-нибудь невыстраданной, но эффектной мысли, ради искусственного образа или соблазнительного поэтического приема. Лучшие стихи Баянова – это свидетельства его личного опыта. Именно поэтому его поэзия так лирична, так привлекательна своей неподдельностью, подлинностью мыслей и чувств», – писал о творчестве кузбасского поэта Михаил Небогатов, тоже кузбасский поэт, природный талант которого позволяет отнести к данной оценке с полным доверием. Они жили в одну эпоху и пришли к своему читателю по зову души, щедро делясь стихами, как летнее солнце – лучами, а сибирская зима – снегами.

Герой стихов Виктора Баянова сродни героям Шукшина: открыт, добр, немного чудаковат с точки зрения бытового здравого смысла. Голос его легко затеряется в речи шукшинской массовки в алтайской деревушке Сростки: так чисто, без литературной обработки звучит в стихах Виктора Михайловича наполненная народной языковой культурой речь крестьянина – мужика от земли. А ещё о нём, о герое Баянова, говорят: «святая простота». И непонятно, то ли усмеются при этом, то ли произносят слова с благоговением...

Талант Виктора Михайловича Баянова сродни чистому лесному роднику – истоку живительной силы земли, неиссякаемому, верному, тихо говорливому. Так и Баянов: громких слов не любил, на создание имиджа поэта души не трагил, а ту самую простоту в себе берёг как главное качество личности. Родник

этот уникален, потому что навсегда сохранил поэт преданность родной земле – малой родине, прекраснее которой ничего для него не было. Скажут, что такая приверженность одной теме делает творческий мир поэта ограниченным, суженным. Это суждение поверхностно, ведь в душевных чувствах важно не разнообразие, а глубина. Как точно об этом скажет сам поэт в стихотворении «Река и озеро». Возникают в нём вовсе не пейзажные наблюдения, а в обобщённом философском содержании – два типа человеческих личностей, а применительно к поэзии – два типа творца. Первой наше внимание привлекает бурная река с её непростым характером:

*Издалека казалась сложной,
Глубоководною рекой.
Была сварливой, неудобной,
Разбрасывала пену зло.*

Она вся в движении, которое притягивает к себе: поток бежит, свивается, свергается, пробивается. Динамичное это движение так напоминает современного городского жителя, стремительно проживающего свои дни в движении, в скорости, в суете по мелким и крупным поводам. И она же воплощает образ поэта – любимца публики, играющего в талант, бросающего все силы души на внешние эффекты, на самолюбование. Действительно, кажется, что в этой динамике, в реализации амбиций творца и есть смысл жизни, и сама такая жизнь в непритязательном зрителе вызывает желание наблюдать за ней с восхищением:

*И все лишь ею любовались.
А тихим озером – никто.*

Тихое озеро не похоже на реку: оно покойно лежит, отражая красоту природы, храня «стовековые тайны» не одного человеческого рода, а судьбы самой страны. Не так ли и исконное крестьянство на Руси, воплощённое в образах «чудиков» в рассказах В. М. Шукшина и «старух» в повестях В.Г. Распутина, является самобытной «кромешной глубиной» народной стихии, её истории. Баяновская лирика – часть этих озёрных вод, которые «недосягаемы извне», ещё «не открыты, не оттаяны» ...

Эти глубины народной мудрости, опыта, практического знания русской жизни, родного языка, глубины исконной культуры и восприятия красоты природы потрясают только внимательного читателя. Да, есть такие творцы,

чьи строчки наполнены не внешним эффектом созвучий, а внутренней тишиной раздумий. И тогда разворачивается душа, и звучит песня. Читая стихи Баянова, незаметно для себя произносишь вслух напевные, как песня, строчки, повторяешь их, улавливая музыку народной жизни:

*Гаснет день. Дымятся трубы.
Дым плывёт, качается,
У колодезного сруба
Песенка кончается.
И, как в песне той поётся,
На траву примятую
Из колодца вода льётся,
Вода волноватая.*

Так оканчивается стихотворение о судьбе землячки, о судьбе родины, о судьбе России... Сколько красивых душой и статью русских женщин согнула война, заставила «связнуть тоньше веточки», оставила на всю жизнь в одиночестве – будто «тонкую кедёрку на таёжной просеке»! Но поёт русская душа, стучит в ожидании чуда сердце – и ничто не сможет разуверить женщину в её любви! От этой горестно-протяжной русской песни застывает виновато невольный слушатель, разделивший душою и боль крестьянки, и её надежду.

Трудно жить на земле, трудно крестьянствовать! Но ещё труднее сказать об этом честно и с любовью. Так, как умел Виктор Михайлович Баянов. Он родился 10 июля 1934 года в завораживающе красивых местах – в деревне Дедюево Топкинского района. От станции до деревни по лугам шагать, лесом шагать, ручей перейти, на взгорки подняться... Этой дорогой не раз возвращался в деревню сам Виктор Михайлович, эту дорогу помнит его герой – деревенский мальчишка послевоенного лихолетья, помнит до подробностей, не попавших на сделанные в районе «на память» фотографии. А вот память настоящая сохранила и образ дороги, где на возу ни одного мужика – их забрала война, и слёзы матери, поднимавшей кормилицу-лошадь, упавшую в сугроб от голодного бессилия. И не раз вернётся в свою деревню Баянов, с благодарностью говоря в своих стихах о людях, вспомним Есенина, «оттого и дороги», «что живут со мною на земле».

Молодость, романтика скорости и новых дорог привели Виктора Михайловича к профессии машиниста, с которой расставаться Баянов не хотел

до последнего. Вот такой феномен: действующий поэт-машинист, и обе работы для души! За творчество и преданность профессии любили его на родном предприятии (Ново-Кемеровский химкомбинат, теперь – «Азот»), любили и уважали в писательской среде. В 1965 году Баянов стал членом Союза писателей СССР, в 1969 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького в Москве, был членом редколлегии и главным редактором журнала «Огни Кузбасса», опубликовал 10 поэтических сборников. В своём отношении к делу был настоящим сибиряком: трудился основательно (легковесности не любил ни в человеке, ни в строчке), не стремился к наградам, искал в людях прежде всего хорошее, доброе, потому как сам был очень добр к живущим рядом, воплощал в слове неповторимые черты малой родины, дорогой сердцу каждого сибиряка.

Есть ли в поэзии Виктора Баянова место философским размышлениям? Есть, ведь глядя на просторы природы, невольно задумываешься о том, что такое жизнь? Как распорядиться ею, такой быстротечной и ускользающей безвозвратно? Да и может ли человек чем-то распорядиться? Чувство неподвластно («То ли вьюга будет мечь...»), судьба неподвластна («Из колодца вода льётся...»), будущее неподвластно («Богата согра в эту осень...»). Чем же жив человек на земле? Поэт считает, что человек живёт возможностью любить. Например, любить образ летящей птицы и разделять с ней радость и гордость полёта, потому что «любая птица – / Красивая, когда летит». Любить то место, где впервые и на всю жизнь открылся тебе мир, любить с полной отдачей:

*Стоит лишь откуда-то вернуться,
Как готово сердце захлебнуться.
Весь мой век такое с ним случается.
Пробовал унять – не получается.*

И от этой любви к «стороне любимой, приметной» наполняться силой. Как, например, в знойный день мы рады родниковой воде. Да родник-то этот непростой – это ключ жизни, отражающий всё, что успеваем мы пережить:

*И все года, под ярко-алой зорькой,
На гладь воды, что, как слеза, чиста,
Всё падают – то плод рябины горький,
То сладкий плод с малинова куста.*

Череда наших дней, событий, чувств... То светлый день и приятный, как летом вкус душистой малины, то рябинно-тяжёлый и горький, как день, когда ушёл из жизни поэт Виктор Баянов (17 марта 2011 года). Ушёл в неведомое, оставив нам лучшее: память о себе – добром человеке и свои стихи, напевные, открытые, честные. Читайте, люди, и светлейте сердцем, ведь в мире баяновской поэзии нет «ни слова без души».

Светлана Старовойтова.

БИОГРАФИЯ ВИКТОРА БАЯНОВА

Виктор Михайлович Баянов родился 10 июля 1934 года в деревне Дедюево Топкинского района Кемеровской области. Отец – Михаил Давыдович Баянов – до войны работал ветеринаром. Мама, Мария Сергеевна Баянова (в девичестве Драчёва), работала в колхозе на свиноферме. Виктор в раннем детстве часто болел и до года был крещён в православную веру. Мама после родов первенца через месяц вышла на работу, а кормила Витю его бабушка, у которой до его рождения родилась дочь. Жили бедно. В Дедюево в 1930-е и 1940-е годы не было ни электричества, ни радио. В 1938 году в семье родилась дочь – Надежда Михайловна Баянова (в замужестве Лощинина). Начальную школу Витя окончил в д. Дедюево.

После войны, в 1947 году, отец стал работать путевым обходчиком. Семья переехала из Дедюево на разъезд «Казарма 17-й километр», недалеко от села Топки. В посёлке жили 10 путевых обходчиков со своими семьями. С 12 лет в школу надо было ходить за 3 километра в село Топки. После семилетки Виктор поступил и в 1951 году окончил железнодорожное училище ГПТУ-53 в городе Топки. С 1951 года жил в Кемерове. В 1951–1953 годах два года работал кочегаром на паровозе. В 1953 – 1956 годах служил в Советской Армии в ГДР. Первая публикация стихов состоялась в 1956 году в газете Группы советских войск в Германии «Советская Армия», а в 1957 году – в газете «Комсомолец Кузбасса». После армии Виктор работал машинистом паровоза, затем машинистом тепловоза на Ново-Кемеровском химическом комбинате (с 1975 года – производственное объединение «Азот»).

В 1957 году Виктор взял в жёны Антонину Ивановну Кравцову (27.03.1935 г.р.), с которой был знаком со школьных лет. В браке родилась дочь Валентина Михайловна Баянова. Для единственной внучки Екатери-

ны (в замужестве Привалихиной) Виктор Баянов написал поэму для детей «Необычайные приключения деда и внучки летом на даче» (первоначальное заглавие «Волшебный поезд», 1995).

В 1959 году Виктор Баянов был участником межобластного совещания молодых писателей Кузбасса и Томской области в г. Кемерово с 23 по 27 апреля. Первый поэтический сборник «Росы» издан в 1963 году. Осенью 1965 года поэт принят в члены Союза писателей СССР (членский билет № 7115 от 18.11.1965 г.). В июне 1966 года познакомился с московскими поэтами Я. Смеляковым и В. Фёдоровым, которые приехали в Кемерово для работы на Зональном семинаре молодых писателей Западной Сибири и Урала. Во время торжественного открытия семинара во Дворце строителей 31 мая 1966 года первый секретарь обкома КПСС Афанасий Фёдорович Ештокин сказал: «Самобытными, глубокими произведениями заявили о себе писатель Владимир Мазаев и поэт Виктор Баянов».

В 1966 году в числе 20 поэтов Баянов участвовал в месячнике дружбы молодых поэтов Советского Союза и Германской Демократической Республики. Выступал в Москве, Ленинграде, Пскове, проехал по Германии. В 1969 году окончил двухгодичные Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького в Москве, встречался с поэтами К. Ваншенкиным, Я. Смеляковым, В. Фёдоровым, А. Твардовским. В. Д. Фёдоров упомянул Виктора Баянова в докладе «Пути развития Советской России» на Третьем съезде писателей РСФСР в Москве (24 – 27 марта 1970 г.): «До сих пор мы считаем молодыми Николая Рубцова и Александра Романова, Бориса Примерова и Александра Хохлова, Александра Плитченко и Виктора Баянова». В 1960 – 1990-х годах побывал на родине своих любимых писателей: в пушкинском Михайловском, толстовской Ясной Поляне, есенинском Константинове, фёдоровской Марьевке, шукшинских Сростках.

Виктор Баянов – автор 10 прижизненных поэтических сборников и двух книг прозы: «Август» (1969) и «Не красным летом» (1971). Печатался в литературных журналах «Наш современник», «Москва», «Октябрь», «Смена» (все – Москва); «Сибирские огни» (Новосибирск); «Огни Кузбасса», «Красная горка» (Кемерово).

С 1973 года член бюро Кемеровского областного отделения Союза писате-

лей РСФСР. Член редколлегии альманаха «Огни Кузбасса» с 1966 года, с 1986 по 1988 год – редактор альманаха «Огни Кузбасса», с 1999 по 2005 год – главный редактор журнала «Огни Кузбасса». 9 – 12 декабря 1980 года участвовал в работе Пятого съезда писателей РСФСР. Заслуженный работник культуры России (1984). Награждён орденами «Знак Почёта» (1966), «Дружбы народов» (1981), «Доблесть Кузбасса» (2004), медалью «Ветеран труда». Лауреат премий «Молодость Кузбасса» (1968), им. В. Фёдорова (1985).

В. М. Баянов скончался 17 марта 2011 года, похоронен в г. Кемерово на Центральном городском кладбище № 4, аллея 21.

С 24 мая 2012 года Топкинская центральная районная библиотека носит имя В. М. Баянова (г. Топки, ул. Кузнецкая, д. 10). С 2014 г. учреждена ежегодная областная литературная премия имени поэта Виктора Баянова, лауреатами стали поэты А. Катков, В. Крёков, А. Иленко, А. Раевский, И. Куралов. В именной библиотеке проводятся Баяновские чтения, состоялись три научно-практические конференции: «Виктор Баянов и поэты его круга» (2014), «Потому что поэтом рождён» (2015), «Виктор Баянов. Личность. Творчество. Эпоха» (2019).

Книги Виктора Баянова:

Росы. Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1963. – 57 с.

За рекой талиновой. Стихотворения. – Кемерово: Книжное издательство, 1965. – 55 с.

Моя земля. Стихотворения. – Кемерово: Книжное издательство, 1967. – 92 с.

Берёзовый сок. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1969. – 64 с.

Август: Рассказ. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1969. – 28 с.

Не красным летом: повесть и рассказы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1971. – 139 с.

Томь-река. Лирика. – Москва: Современник, 1972. – 109 с. *Лирика. Сборник стихов.* – Кемерово: Книжное издательство, 1972. – 232 с.

Гость. Стихотворения. – Кемерово: Книжное издательство, 1976. – 112 с.

Зазимок. Стихотворения. – Кемерово: Книжное издательство, 1984. – 176 с.

Какой земле принадлежим. Стихотворения. – Кемерово: Ковчезек, 1994. – 79 с.

Поле: стихи разных лет. – Кемерово: Сибирский писатель, 2000. – 191 с.

Страна любимая, приметная... Стихотворения / Сост. С. Л. Старовойтова. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2019. – 160 с.

Михаил Фёдорович Борисов

22 марта 1924 г., Михайловское, Алтайский край –

9 марта 2010 г., Москва.

Участник Великой Отечественной войны, Герой СССР (10.01.1944).
Поэт, журналист. Член Союза писателей СССР с 15 января 1975 года.

***

Под Прохоровкой снова тишина,
Хотя хрипят обугленные танки,
И с каждым часом явственней слышна
Здесь колгота вороньей перебранки.
Лежу ничком, сжимая кулаки,
И кажется, что прямо за спиною
Россия-мать глядит из-под руки
На то, что было нашей огневою.
И кое-как поднявшись во весь рост
И протерев глаза (от дыма, что ли?),
Я вместе с ней гляжу,
Как на погост,
На чёрное истерзанное поле.
Вокруг живого места не найти.
В полсотне метров глыбою стальнойю
Последний «тигр» застыл
На полпути.
Мы устояли...
Но какой ценою!
И здесь и там, доколь хватает глаз,
С моей судьбой навек неразделимы
Лицом вперёд,
Вздыхнув последний раз,
Лежат мои друзья и побратимы.
Прикрыв собою пядь земли родной,
Они лежат в уверенности строгой,
Что грянет гром на новой огневой
И встанет смерч над вражеской берлогой.
А я стою, хоть день давно погас,
От жгучего бессилья камня...

Мне память сохранила этот час,
И я склоняюсь молча перед нею.

(«Тревожное эхо», 1969)

***

По кручам
И лишь изредка – равниной,
Слепой тропы
                                  огульно не кляня,
Бегу всю жизнь,
А посвист соловьиный
Тревожит и преследует меня.
В груди опять
До призрачности зыбко...
Как будто пробудилась в сентябре
Моя любовь –
                                  прощальная улыбка
Давным-давно растаявшей заре!
Но вопреки досужим наговорам
Спешу туда,
Где с каждым днём звончей
Поёт за каменистым косогором
Весною расколдованный ручей.
Он, как и я, прямой дороги ищет.
И я теперь признаться не боюсь,
Что рядом с ним
Кажусь добрей и чище,
Что рядом с ним
                                  уверенней кажусь.

1966 год («Тревожное эхо», 1969)

***

Сорок третий горечью полынной
На меня пахнул издалека –
Чёрною,
Обугленной равниной
Видится мне Курская дуга.

«Тигры» прут, по-дикому упрямы,
Но со мною в этот самый миг
Прямо к окуляру панорамы
Целый полк, наверное, приник.
Громыкнуло сразу на полсвета.
Танки, словно факелы, горят...

И живёт в душе моей всё это,
Несмотря на вьюжный снегопад!

Те бои – как мера нашей силы,
Потому она и дорога,
Насмерть прикипевшая к России
Курская великая дуга...

1963, 1970 год («Эхо на рассвете», 1982)

***

Раскрылать мне, ветер, плащ-палатку
И, отправив в дальний-дальний путь,
Не забудь,
Что я под Пятихатку
Тридцать лет стремился завернуть.
Тридцать лет... А будто бы всё было,
Всё случилось только лишь вчера.

...Мины землю рубят, как зубилом,
Как кувалдой, лупят «мессера».
Вот из мглы вперёд рванулись танки,
Вот они надвинулись уже...
Скоро их пятнистые останки
Задымят на этом рубеже.
Мы стоим на выбитой опушке
Средь нагих, израненных корней.
Весь заслон – четыре полковушки
С горсточкой безусых пушкарей.
Тут с судьбою просто породниться,
Встречный марш играя на басах.
И ребят обветренные лица
Каменеют прямо на глазах.
Пусть земля и кажется им шаткой,
Но стальной откатывает вал,
Словно наш заслон под Пятихаткой
Глыбою базальтовой стал.
Мне сюда пробиться бы сквозь годы,
Побывать на старой огневой,
И мои житейские невзгоды,
Как тогда, пройдут над головой...

1975 год («Эхо на рассвете», 1982)

***

Никогда не скинуть нас со счёта,
Не забыть –
  и броских,
  и усталых.
С сорок трижды памятного года
Мы уже стоим
На пьедесталах.

Мы не просто «винтики в машине»,
Коль смогли
Не только по приказу
Проложить к сегодняшней вершине
Точную
И правильную трассу.
Было в нашем подвиге солдатском
Внутреннее,
                                личное
                                веленье

И на Курском,
И на Сталинградском,
И на каждом новом направлении!

1969 год («Эхо на рассвете», 1982)

***

В октябрь врезая крылья плотно,
Заполняя всё вокруг,
Летят повзводно
И поротно
Родные
Лебеди
На юг.
Летят над стынью повилики
Крылом к крылу средь бела дня,
И их приветственные клики
В свой чёткий строй
Зовут меня.
А тут –
Заречные просторы,
Тальник на пойменном лугу

И те берёзки,
Без которых
Себя представить не могу!
Мне по-сыновьи, на пределе,
Ещё любить
И славить Русь...
Летите ж, други, как летели.
Я здесь до срока остаюсь.

(«Земные высоты», 1983)

***

Мы под обугленным селом
Чумазые,
Как черти,
Который день в снегу живём
За сто шагов от смерти.
За сто берёт и автомат,
Кучней ложатся мины,
Но пострашнее для ребят
Мороз,
Что дубит спины.
Шинель – не зимнее пальто,
И пахнут дни не щами,
Баланду в термосах и то
Подносят к нам ночами.
Поочередно через край
Хватив баланды клятой,
Ещё сильнее стылый «рай»
Крестят потом ребята.
Нас в три погибели свело
Лежанье это наше...

Мы рвёмся в бой.
Зовёт село
Теплом своим – Лебяжье.

1967 год («На линии огня», 1985)

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

Они идут за рядом ряд,
Как три лавины,
За ними Ворошиловград,
Пол-Украины.
И тянет явно коньяком
От их походки... А мы
Скупым сухим пайком
Заткнули глотки.
Припали к снегу, затаясь,
Мороз по коже:
Идёт коричневая мразь,
Да, мразь, а всё же...
У дула чёрное кольцо,
Не видно неба –
Мне пистолет суёт в лицо
Комбат свирепо.
Орёт:
– Ты, Мишка, сибиряк,
По скулам вижу.
Дай подойти им, так-растак,
Как можно ближе! –
Мой командир ещё орёт,
Но сам при этом
Плашмя со лба стирает пот

Тем пистолетом.
Меня он знает – не слабак,
В мозолях плечи.
Я подпущу врага и так
Под хлёт картечи.
...И подпустили мы его,
И смерч ударил.
Не видно больше ничего
В смердящей гари.
Комбат опять орёт:
– Растак,
Бери пониже!
Ты – настоящий сибиряк.
По хватке вижу!..
А враг уже нахрапом прёт
К моей траншее,
И у меня холодный пот
Бежит по шее.
Порушил цепь убойный град,
Мутится разум...
Но бью внахлёт – и новый ряд
Ложится наземь.

1983 год («Колокол памяти», 1989)

ИСПОВЕДЬ

Я всё испытал на веку –
Весну босоногого детства
От милого с Обью соседства
До зорьки,
Летящей в строку.

Я всё испытал на веку –
 К врагу неизбывную ярость,
 надежду,
 Тупую усталость
 И верность стальному штыку.
 Я всё испытал на веку –
 Влюблённость почти неземную,
 А после разлуку шальную,
 Её перемол на муку.
 Я всё испытал на веку –
 Мой голос и в лучшие годы
 Был голосом жгучей работы,
 Под стать заводскому гудку.
 Я всё испытал на веку –
 Слепящая закипь металла
 И зорька,
 Впорхнувшая ало,
 Всё чаще ложатся в строку.
 Я всё испытал на веку...

1985 год («Колокол памяти», 1989)

***

Заглух весёлый зов трубы
 В разгуле лет лихих,
 Гнедые встали на дыбы
 И бег размерный стих.
 Лютует люд моей страны,
 Грешит и так, и сяк...
 Но нас, что юности верны,
 Не купишь за пятак.
 Чту всех,

С кем был в одном строю,
Но больше тех из них,
Кто ставил Родину свою
Превыше благ земных.

1997 год («Присяга на верность», 2008)

***

На Валдаи загляну, поклонюсь ковылю,
До зари погрущу по пшеничному свею.
Я Россию любил
И всё так же люблю,
А в последнее время ещё и жалею.

Под берёзкой седой,
Вспомнив алчную гнусь,
Непутёвый разлад и неправое дело,
Об Отчизне своей от души помолюсь,
Чтоб над нею гроза навсегда отгудела.

На немалом моём, на житейском веку
Сколько горя она на себе испытала!
Даже сотни проток, что питают Оку,
По объёму бы с ним
Ни за что не достало.

С нею долю делю и невзгоды терплю,
И стою, как стоять доводилось Антею.
Я Россию любил
И всё так же люблю,
А в последнее время ещё и жалею.

1998 год («Присяга на верность», 2008)

МИХАИЛ БОРИСОВ. ПОЭТ СОЛДАТСКОГО ДОЛГА

Легендарный Герой Великой Отечественной войны и личный враг Гитлера, сибиряк Михаил Фёдорович Борисов стал большим поэтом-баталистом. Имя Михаил, данное ему с рождения в честь Святого Архистратига Михаила, главы небесного воинства, ко многому обязывало потомка семиреченского казака. С детства его воспитывали воином: в три года посадили на коня, а в четыре он сделал свой первый выстрел из ружья, четырёхзарядной берданки. Дед, Сергей Захарович Борисов, был хорошим рассказчиком. От него Миша услышал рассказы о Волге, о русско-японской войне, о казачьей службе в станице Или близ города Верного (Алма-Аты), а ещё множество солдатских сказок и песен.

Миша Борисов со школьных лет был влюблён в поэзию. В душе он был уверен, что не случайно родился в Михайловском, – название связывало его с любимым поэтом Александром Пушкиным. Первые стихи написал на Алтае, в городе Камень-на-Оби, куда переехала семья летом 1930 года из Михайловского, Баевского района. В пятом классе получил прозвище «сочинитель», «Пушкин из 5 «А»: стихотворения публиковались в классных и школьных стенгазетах.

Читать Михаил Борисов научился рано, был завсегдаем читального зала городской библиотеки. С возрастом окупился в поэтический мир Пушкина, Лермонтова, Байрона. Прочитав труды К. Э. Циолковского, буквально заболел космосом. Мечту о межзвёздных полётах пронёс через всю жизнь. За стихотворение «Смерть комиссара» (речь в нём шла о гибели комиссара погранзаставы) Миша получил первую премию на городской олимпиаде детского творчества и в награду – небольшой школьный глобус. Юный поэт ещё не знал, что вскоре ему предстоит прошагать «полмира с вещмешком походным на плечах».

Юношеские впечатления (с 17 лет до 21 года) о фронтовой жизни артиллериста, противотанкиста – «огромный пласт впечатлений, чувств, переживаний» – фронтовым отпечатком легли на стихотворения, созданные Михаилом Борисовым спустя почти два десятилетия после Победы.

Отец героя-фронтовика Фёдор Сергеевич Борисов (как и прежде отец Сергея Есенина) не одобрял увлечение сына литературным твор-

чеством, считал сочинение стихов пустяковым занятием, которым на жизнь не заработаешь, мечтал, чтобы сын трудился на руководящей партийной работе. Примечателен факт, что Михаил Борисов, будучи с 14 лет активным комсомольцем, в военное время комсоргом и с 1943 года членом КПСС, искренне веря в идеи социализма, социальной справедливости, народовластия, практически не писал партийных, идеологических стихов. Можно назвать только стихотворение «Моему комсомолу» (1978) да посвящение к поэме «Дорога к звёздам»: «Комсомольцам 40-х годов посвящается». Борисов прежде стремился запечатлеть в поэзии народные судьбы и чаяния, стать голосом народа.

Кузбассовцы могут гордиться, что становление поэта Михаила Борисова состоялось на Кузнецкой земле. Поэтическое дело стало для поэта-фронтовика не менее важным, чем его труд по возведению знаменитого Запсиба. В 1965 году в Кемеровском книжном издательстве вышел первый поэтический сборник «Верность», который сорокадвухлетний поэт представил на Зональном семинаре молодых писателей Западной Сибири и Урала в начале июня 1966 года. В столицу Кузбасса приехали известные поэты из Москвы: Василий Фёдоров, Ярослав Смеляков, Сергей Наровчатов. Руководители поэтических секций семинара и стали литературными учителями для поэта Михаила Борисова: «...каждый по-своему повлиял на моё творчество. Их поддержка позволила поверить в себя, стать на ноги... Поэзия всю жизнь хранила меня...». Книга «Верность» заслужила похвалу скупого на это Я. Смелякова, который сказал поэту-фронтовику, что в литературе его ожидает большая удача. Вторая поэтическая книга – «Тревожное эхо» издана в Кемерово в 1969 году.

Чудом выживший в войну Герой Советского Союза, прозванный «витязем в семи тигровых шкурах», считал своим долгом художественно запечатлеть жизнь и чувства павших за Родину «безусых пушкарей». Одни из лучших военных стихов Борисова – это стихи-воспоминания о боях на Курской дуге, созданные в 1960 – 1970-е годы. В стихотворении «Под Прохоровкой снова тишина...» он воспел солдатский подвиг: молодые бойцы остановили танковую атаку, ценой своей жизни отстояли пядь земли родной. Поэтический голос Борисова – это не «я», а «мы», созданное из множества голосов павших друзей

и побратимов. Все они, «в бессмертие идущие ребята», верили в победу на «новой огневой», знали, что главная «вражеская берлога» будет уничтожена. В стихотворении «Никогда не скинуть нас со счёта...» поэт подчеркнул, что солдатский подвиг совершили бойцы по «лично-му велению». Они не были «винтиками в машине».

В стихотворении «Раскрылать мне, ветер, плащ-палатку...» горсточка пушкарей стала «базальтовой глыбой», непреодолимым заслоном для вражеской танковой бригады. Прохоровское поле превратилось в «погост», поле мёртвых солдат, искорёженной техники и растерзанной земли: «...Мины землю рубят, как зубилом, / Как кувалдой, лупят «мессера». В «нелёгкой памяти» поэта уравнена боль и за убитого мальчишку («с кем был на короткой ноге / И кто был в то время со мною / На огненной Курской дуге»), и за земную красоту, уничтожаемую войной – «безликим чудищем»: «И, однако, чтоб ни перенёс, / Я готов опять пойти под пули, / Лишь бы мне по-доброму блеснули / Золотые пёрышки берёз» («Обо мне сентябрьские дожди...», 1965). Михаил Борисов говорит от лица поколения, которое «не знало юности», но всегда ощущало себя «солдатами на переднем крае доброты» («Мы опять негаданно взгрустнули...», 1964).

Поэту было важно показать живых страдающих людей, оказавшихся во фронтовых обстоятельствах. В стихотворении «Последние метры – последняя ярость...» нам представлена целая гамма переживаний: неутихающая ярость в сердцах солдат-победителей, взявших рейхстаг, ведь слишком велика цена победы; попытка преодолеть «душевную смуту» с помощью чистки до блеска медалей; и очищение души через хоровое пение о «самом заветном». Во многих стихотворениях Борисова подчёркивается особое духовное единение солдат. Война – это зло, но зло преходящее и побеждаемое силой фронтового братства. Обращение к своему личному человеческому и фронтовому опыту, к опыту своих друзей-однополчан необходимо поэту, чтобы показать возвышенные движения души, готовность к самопожертвованию, к подвигу, показать высоту нравственных идеалов фронтовиков. Примером для Борисова и многих лихих бойцов Великой Отечественной войны был легендарный Василий Иванович Чапаев: «Но разве, согласитесь, без Чапая / В смертельной схватке выдержал бы

я?» («Река Урал»). В мальчишеских играх в Чапаева юнцы «азы Победы постигали».

Третий поэтический сборник «Дорога к звёздам» (1974) был издан в Москве. Книга «Эхо на рассвете» (1982) была удостоена диплома Министерства обороны СССР. В военной лирике 1980-х годов поэт пишет по-новому, говорит «горькую правду о солдате», углубляется психологизм, более зримыми становятся конкретные детали, достоверней жесты: «мороз по коже», «плашмя со лба стирает пот тем пистолетом», «не слабак, в мозолях плечи», «смердящая гарь», «холодный пот», «мутится разум» («Психическая атака», 1983). Солдатскому долгу поэт остался верен и в 1970-е, и в лихие 1990-е годы. В свой товарищеский круг Борисов включал лишь тех, кто «ставил Родину свою превыше благ земных».

В стихотворениях 1960 – 1970-х годов поэт писал не только о войне. Он воспевал красоту многих рек: и сибирских («Кабырза», «Ночь на Усе», «Томь»), «Обь спокойная», и абхазской («Речка Псоу»), и синь речную Волги («Туман над Волгой»). Встреча с большими и малыми реками для лирического героя всегда целительна, как и встреча с безымянным, но поющим «весной расколдованным ручьём» («По кручам и лишь изредка – равниной...», 1966).

Трогательные поэтические слова сказаны поэтом-фронтовиком о любимых деревьях – берёзе, черёмухе, иве, вишне: «Но хранит моя дикая вишня / Нерастраченной нежности свет» («Вишня», 1964); «Словно женщине верной / Иве кланяюсь в ноги» («Одинокая ива», 1965). Западная Сибирь, с красотой и мощью её природы, людей с особым сибирским характером, была для коренного сибиряка Михаила Борисова «матерью родимой», главным жизненным ориентиром. «Ты звезда моя и поводырь!», – так объяснился он в любви к Сибири в стихотворении «Тобольский мотив».

Если в творчестве 1960 – 1980-х годов можно говорить о традициях и аллюзиях с пушкинской, лермонтовской, есенинской лирикой, то в зрелом творчестве слышна тютчевская интонация, в стихотворениях и эпиграфах упоминаются европейские лирики: Ф. Виньон, П. Верлен, Ф. Гарсиа Лорка. В 1980-е гг. военная тема не исчезла, но она дополнилась стихами философской направленности, о самопознании, творче-

стве: «Берёзовому кланяюсь листу...», «Вдохновение», «Размышление о себе», «По-за спиной всё те же шепотки...», «Мой голос не рвётся на взлёт...», «Опустился вечер на поля...» и др.

В творчестве Михаила Борисова 1990-х и 2000-х годов появилась яркая публицистическая лирика, исполненная гражданственности и патриотизма: «Приглашение к разговору», «Доколе?», «Мой мир» и др. стихотворения. Поэт, умудрённый суровым опытом войны, чутко уловил состояние народа в эпоху глобальной перестройки: «Ордынским одурманенный угаром, / Народ / Толпе разгульной стал сродни» («Я обнимаю поле Куликово», 1991), «По всей стране моей народ / На адском мечется изломе» («В кострище стынет жар-огонь...», 1991). Пророчески прозвучали слова о сегодняшнем испытании народа: «Мы начинали, знаете, с зачёта. / Нас ждёт ещё экзамен основной» («Теперь всё чаще сверстники мои...», 1980).

В воспоминаниях о легендарных боях поэт Борисов черпал силы, чтобы противостоять «житейским невздам» в мирной жизни. Свою миссию поэта-гражданина, поэта-патриота М. Борисов, как и его кумир А. Пушкин, как и близкие ему по духу писатели-сибиряки В. Шукшин, В. Фёдоров, В. Распутин, считал делом государственной важности. Объясняясь в любви к России, Михаил Борисов написал такие строки: «С нею долю делю и невзгоды терплю, / И стою, как стоять доводилось Антею» («На Валдаи загляну...», 1998). Главными ценностями для него всегда были «Откровенность, преданность и честь» («Старым собратьям по оружию»).

Поэтический голос Михаила Борисова, воспевшего святость солдатского подвига, слышен и неповторим среди голосов поэтов фронтового поколения. В его лирике грохоту войны всегда противостояла тишина: «заревая», «береговая», «придорожная», «первозданная»... Беречь тишину, беречь человека, беречь его главную колыбель во Вселенной – планету Земля – вот один из главных поэтических заветов поэта из Сибири Михаила Борисова, поэта с планетарным и духовным взглядом на жизнь.

Галина Карпова.

БИОГРАФИЯ МИХАИЛА БОРИСОВА

Родился 22 марта 1924 года в посёлке Михайловском Баевского района Каменского уезда Новониколаевской губернии (с 1937 года – Алтайский край; в 1960-е годы посёлок Михайловский близ Баево был ликвидирован) в русской крестьянской семье. Мама – Анна Трофимовна Борисова (Галицкая). Отец – Фёдор Сергеевич Борисов. Окончил 8 классов в г. Камень-на-Оби (семья жила там с лета 1930 года), отлично учился, был лидером в спортивных состязаниях, занимался в оборонных кружках.

Летом 1941 года Михаил Борисов добровольцем ушёл на фронт, был направлен в Томское артиллерийское училище, а уже с декабря 1941 года его фронтовой путь прошёл от Крыма через Северный Донец, Сталинград, Курскую дугу, Харьков, Киев, Прагу до Берлина. Михаил Борисов стал личным врагом Гитлера: за 10 минут боя на Прохоровском поле 11 июля 1943 года уничтожил из 76-мм орудия ЗИС-3 восемь фашистских тяжёлых танков Т-VI «Тигр». За легендарный подвиг гвардии сержанту Михаилу Борисову 10 января 1944 года было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

С 1946 года жил в Новосибирске. С 1949 по 1952 год – сотрудник органов МГБ (Министерство государственной безопасности) СССР Приморского военного округа. В 1951 году родился сын – Виктор. С 1955-го по 1970 год жил и работал в Кузбассе, в г. Сталинске (с 1962 года – Новокузнецк). Участвовал в строительстве шахт и Запсиба. Имея профессию юриста (Новосибирская юридическая школа, Алма-Атинский юридический институт), приобрёл профессию строителя: в 1960 году окончил Кузнецкий горный техникум.

В Новокузнецке встретился с руководителем литгруппы при газете «Кузнецкий рабочий» А. Е. Пинаевым, поэтом, журналистом, ст. научным сотрудником ВостНИГРИ. Участвовал в работе Новокузнецкого Творческого объединения молодёжи (ТОМ), который устраивал вечера поэзии на заводах, в городском саду металлургов, в школах. С 1964 года стихотворения М. Борисова публиковались в газетах «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс», «Кузнецкий рабочий»; с 1965 года печатались в журналах «Сибирские огни», «Октябрь», «Огонёк»,

«Советский воин», а также в коллективных сборниках, изданных Кемеровским книжным издательством: «День поэзии» (1965), «Сибирь поэтическая» (1966) «День поэзии» (1970), «Гремели бои» (1975).

8 мая 1965 года в городе Кемерово был одним из участников создания Аллеи Героев на улице Весенней, посадил именную липу. В качестве почётного солдата был зачислен в списки личного состава воинской части, дислоцированной в Новокузнецке.

С 16 января 1968 года служил в органах МВД СССР, с 24.02.1970 года откомандирован в Москву в Главное управление Внутренних войск МВД. Работал в редакции журнала «На боевом посту», в Академии МВД. С августа 1981 года – в отставке.

Михаил Борисов – автор лирических стихотворений, созданных с 1962-го по 2007 год, и двух поэм – «Дорога к звёздам» (1973) и «Цвет огня» (1988). Автор 25 поэтических книг, изданных в Кемерово, Москве, Барнауле. Его стихотворения переведены на болгарский, венгерский, немецкий, польский языки. Он является лауреатом нескольких литературных премий: им. А. Фадеева (1980), им. Н. Скоморохова (1990), им. К. Симонова (2000), «Прохоровское поле» (2002), «Золотой венец Победы» в номинации «Документальная литература» (2008).

Среди наград – орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» (10.01.1944), два ордена Красной Звезды (12.11.1943, 29.04.1945), орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени (30.04.1975), орден Отечественной войны I степени (11.03.1985), орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (18.10.2004). Среди наград последних лет – медаль Суворова «За вклад в литературу и культурное наследие России» (10.02.2004), юбилейный гражданский орден Серебряная Звезда «Общественное признание» (2005), Золотой знак «Почётный меценат и благотворитель» (24.02.2005) и др.

Легендарный фронтовик неоднократно выступал на Пушкинских, Есенинских, Шукшинских чтениях. С писательскими бригадами объездил почти весь Советский Союз и братские республики (Польша, Болгария, Сербия). Много занимался работой по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения сограждан: выступал в школах и институтах, на заводах и фабриках, в воинских частях и военных училищах, на радио и телевидении. С его участием сняты до-

кументальные фильмы «Первый салют» (1963), «Поле под Прохоровкой» (1983), «Свидетель века. Михаил Борисов» в фильме «11 июля 1943 года» (НТВ, 2001). В 2008 году художник В. Е. Лукьянов создал живописный портрет М. Ф. Борисова. В фонде книжных коллекций КемОНБ им. В. Д. Фёдорова хранятся две книги писателя с автографами А. Г. Тулееву от 13.01.2010 года.

Умер писатель 9 марта 2010 года. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве (участок 14, надгробный памятник из чёрного гранита с портретом). В Москве на доме, где жил писатель, установлена мемориальная доска (пер. Маршала Будённого, д. 17). В Центральном музее Внутренних войск МВД России есть уголок М. Ф. Борисова.

Бюсты М. Ф. Борисова установлены в белгородском музее-диораме «Огненная дуга» и на районной Аллее Героев в г. Камень-на-Оби. В Государственном военно-историческом музее-заповеднике «Прохоровское поле» Борисову посвящена экспозиция, на которой представлены документальные и личные вещи Героя, переданные им в музей. Имя Михаила Фёдоровича Борисова носит Прохоровская гимназия, около которой установлен бронзовый бюст Героя. 12 июля 2015 года на месте геройского подвига был открыт памятник «Поединок», посвящённый Борисову. На здании гимназии № 5 г. Камень-на-Оби, где учился Михаил Борисов, в 2007 году установлена мемориальная доска. 22 февраля 2011 года имя Михаила Борисова присвоено Центральной городской библиотеке г. Камень-на-Оби Алтайского края, на фасаде здания по ул. Ленина, д. 29, установлена памятная доска. С 22 марта 2010 года там проводятся ежегодные Литературные Борисовские чтения.

Книги Михаила Фёдоровича Борисова:

Верность: стихи / Редактор И. М. Киселёв. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1965. – 88 с.

Тревожное эхо: стихи / Редактор и автор предисл. А. Е. Пинаев. Ведущий редактор Т. И. Махалова. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1969. – 60 с.

Дорога к звёздам: стихи и поэма. – М.: Военное издательство, 1974. – 92 с.

Эхо на рассвете: стихи и поэма. – М.: Воениздат, 1982. – 134 с.

Кратеры Бабакина: документальная проза [Космонавтика в СССР]. – М.:

- Знание, 1982. – 160 с.
- Земные высоты: стихи. – М.: Советский писатель, 1983. – 128 с.: порт.
- Огни на высотах: стихи и поэма. – М.: Воениздат, 1984. – 95 с.: ил. – (Библиотечка журнала «Советский воин»).
- На линии огня: стихотворения. – М.: Современник, 1985. – 110 с.
- Край мой отчий: стихи и поэма. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1985. – 144 с.
- Цвет огня: стихи, поэма. – М.: Воениздат, 1988. – 159 с.: фото.
- Колокол памяти: стихи. – М.: Советский писатель, 1989. – 150 с.
- Берёзовому кланяюсь листу: стихи. – М.: Ветеран, 1994. – 175 с.: порт.
- Всё это – она: стихи. – М.: РБП, 1994. – 8 с. – (Рекламная библиотечка поэзии).
- Река времени: стихотворения и поэма. – М.: Изд. центр МОФ «Победа-1945 г.», 1995. – 383 с.: порт.
- Последний тайм: стихи. – М.: Международная ассоциация баталистов и маринистов, 1995. – 46 с.
- Судьба моя – войны жнивье. – М.: Журнал «На боевом посту», 1996. – 62 с.
- Отпусти меня, боль. – М.: Объед. ред. МВД России, 1998. – 31 с.: портр.
- Избранное: стихотворения и поэма. – М.: Ветеран Отчизны, 2000. – 286 с.: портр.
- Место в строю: стихотворения и поэма. – М.: Дом педагогики, 2001. – 270 с.
- Спи впольза, Земля: стихи, поэма. – М.: Советский писатель, 2003. – 302 с.
- Избранное: стихотворения. – М.: Фонд «Народная Память», 2005. – 304 с.
- Стихи разных лет. – М.: Дельта НБ, 2005. – 302 с.: портр.
- Самое близкое: стихотворения, поэма. – М.: Легпроминформ, 2006. – 318 с.
- Присяга на верность: стихи. – М.: Легпроминформ, 2008. – 294 с.
- Полоса жизни: стихи. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2011. – 222 с.

Евгений Сергеевич Буравлёв

21 сентября 1921 г., село Гридино, Калужская область –
4 сентября 1974 г., Кемерово.

Поэт. Член Союза писателей СССР с 1961 года.

Я МСТИТЬ ВЕРНУСЬ

Ошиблась смерть, объятая зря раскрыла.
 Пусть правда, что рука не ляжет на штурвал,
 Что не летать мне птицей быстрокрылой,
 Не штурмовать врага, как штурмовал.
 Я слёз не выжму, раны – пустяки,
 Но за потерянные капли крови
 Свинцово-тяжело сжимаю кулаки,
 Плотней сдвигаю к переносью брови.
 Не к тишине палат – я к грохоту привык.
 Пусть ненависть к врагу мои залечит раны.
 Чтобы в боях прославить русский штык,
 Я снова под знамёна боевые встану
 И мстить вернусь – не трус, не ротозей,
 А сталинский солдат непобедимый –
 За кровь свою, за кровь своих друзей,
 За кровь защитников страны родимой.

*15 января 1942 года. Магнитогорск, госпиталь
 («Они писали о войне». Сб. документальных материалов.
 Вып. 1, 2015)*

***

Моим ровесникам

Биография начиналась так:
 В небо рвался багряный флаг,
 Возвращались с гражданской бойцы –
 Наши будущие отцы.
 Нас рожали в голодный год,
 Лишь бы только продолжить род.

Нас выхаживали с рожка –
Были матери без молока...
А потом у знамён отцов
Мы клялись не упасть в грязь лицом...
Биография начиналась так:
В день по восемь, по десять атак.
Биография начиналась так:
Со взрывчаткой бросались под танк,
А потом – медаль за Берлин.
А потом – цеха, корабли,
Новостройки в рабочих лесах,
Ветер поисков – в паруса...
Биография начиналась так:
Был рабочим столом верстак.
А потом – из житейских былин
Книжки тоненькой первый блин.
Мы писали стихи не для тех,
Кто живёт только ради утех,
Ради модных штиблет и рубаш
И усмешечки на губах.
Пусть у нас ни двора, ни кола –
Лишь бы Родина вечно жила,
Лишь бы в сердце – завет отцов,
Лишь бы встречный ветер – в лицо.
...И до самых седых волос
Мы работали на износ,
Не отсиживались в кустах:
Биография начиналась так!

январь 1962 года («Моя работа – моя любовь», 1964)

***

Я не пишу о войне:
Трудно писать о войне.
А уж кому, как не мне,
Строчку не бросить на круг?
Лётчику и стрелку,
Сапёру и штрафнику,
Взводному в энском полку
Есть что сказать, мой друг.

Только не до строки,
Там, где легли полки,
Там, где взята в штыки
Последняя высота.
Не срифмовать мне, друг,
Оторванных ног и рук,
Не срифмовать всех мук
и всех оставшихся там...

Хотя идти на редут –
Это ведь тоже труд.
Страшный, но всё-таки труд –
Ради жизни, мой друг.
Смерти самой вопреки
Безусые пареньки
Бросали вместо строки
Сами себя на круг.

Но умели молчать
Там, где нельзя кричать,
И попадали в печать
Только посмертно, друг.

(«Моя работа – моя любовь», 1964)

***

А вы смогли б, свободно, просто,
Без дани веяньям времён,
Свои стихи прочесть с помоста,
Где Стенька Разин был казнён?
Ведь вы ж могли, взойдя на площадь,
Что занял глыбища-поэт.
А здесь – подавно. Здесь же проще,
Здесь даже памятника нет!
Смогли б такие, чтоб от сердца –
От первой строчки до конца, –
Чтоб обратить в единоверцев
На всей святой Руси сердца?
Такие, чтобы не в угодую
Ни тем, кто судьбами вершил,
Ни тем, кто в трудный час народа
Лишь под ногами мельтешил?
Смогли б?.. Добро. Но прежде взвесьте,
Достанет ли ума и сил:
Ведь это здесь, на этом месте –
Начало правды на Руси.
Здесь в честь побед салютовали,
Скорбели в годы тяжких бед,
И здесь же тех четвертовали,
Кто был предвестником побед.
Ну, кто из вас предельно честен?
Готов ли он, как на суду,
Прочесть стихи на лобном месте,
У всей России на виду?

1965 год («Острова», 1965)

***

А. Мартынову

Очень трудно без песен,
Люди не могут без песен,
Мир без песен так тесен,
Так бесцветен и неинтересен,
Что взрываются души,
Словно в звёздную полночь ракеты:
Души ищут отдушин –
И рождаются в мире поэты.

И тогда не зевайте! –
Ловите горячие строки,
Удивляйтесь и прозревайте:
Вам отпущены сжатые сроки,
Потому что поэты
Сгорают дотла, как кометы,
Только росчерком света
Озарив на мгновенье планету.

декабрь 1965 год («Острова», 1967)

***

Не нужен мне блокнот с собою
Для впечатлений про запас,
Когда живу твоей судьбою,
Твоим дыханием, Кузбасс,
Когда бок о бок с земляками
Шёл, одержим одной мечтой,
Ворочал брёвна, землю, камень,
Чтоб ожил край необжитой!

И если смутное волнение
Ещё не складывалось в стих,
Я не пенял на вдохновенье,
Бессильно руки опустив.
Я знал: вот-вот он народится,
Весь озарённый новизной,
Предубеждений и традиций
Недуг ломая затяжной.
Мне обо всём поведать надо,
Мне дело есть до всех проблем –
Чему на свете люди рады,
И что осточертело всем,
И чем живут мои герои,
В чём сердцевина жизни всей,
У стен какой невзятой Трои
Родится новый Одиссей.
А новый день, с его борьбою,
Со всем, что есть и быть могло! –
Пиши событие любое,
Да так – чтоб души обожгло.
Чтоб вместе с жизнью шла строка –
Плечо к плечу, в руке рука!

(«Шестая гряда», 1971)

***

Я прохожу по старым деревням...
Как люди жили... Ах, как люди жили...
Здесь не прошло, наверное, ни дня,
Чтоб не влачить его на третьей жиле.
И это поле, где свели тайгу,
И этот наст, что лёг через болота, –

Я даже и представить не могу,
Что всё далось здесь без седьмого пота.
И первый колос с первой борозды,
И первый парень в зыбке из корыта,
И первый ковш колодезной воды
Слезами семикратными омыты.
На крутояре рос за домом дом,
Деревней становился дальний хутор.
Упорен и настырен был чалдон,
Хоть приходилось солоно и круто.
Мужичьи вижу взмокшие чубы,
Ладони заскорузлые в мозолях...
Своей земли, своей судьбы рабы,
Они по пуду съели соли...
Теперь всё в прошлом – тропы, большаки
И лебедой заросшие погосты.
Сполна хватили лиха мужики –
Землепроходцем быть не так-то просто.
Зато уж песни складывались здесь –
Раздольные, бесстрашно-озорные,
Как будто бы зовёт, уводит песнь
В иные дали, в дни совсем иные.
Как будто весь азарт, весь жар души
К свободе, к солнцу вырвутся, как птицы!
Ах, песни старые... Как с брагою ковши, –
Пусти по кругу – хватит всем напиться...
Зато какие ставили дома, –
Карнизы и наличники какие! –
Как будто за узорами зима
В Орловщину ходила или в Киев.
Как будто всю тоску по красоте
Искусные вязали кружевницы,

Не ведая, что давней их мечте
Приду я и сегодня поклониться.
... Я прохожу по старым деревьям,
Тропинка вьётся к сини небосклона,
Степные колокольчики звенят,
Как кандалы прапрадеда-чалдона.

апрель 1969 год («Шестая гряда», 1971)

***

Как на шестой гряде от бани,
В Таёжке либо на Терси,
Не избалованы вниманьем
Растут поэты на Руси.
Растут, как листья самосада,
И до поры – о них молчок.
Потом, когда пожухнут гряды,
Народ отметит: «Крепачок!»
И сколько раз минутой тяжкой,
Когда несладко мужикам,
Пойдёт последнею затяжкой
По кругу крепкая строка.
Пойдёт, как взводный тот окурок
Перед решительным броском.
...Ну, а покамест на смех курам
Торчат за баней лопушком.
Иной и двинул бы в столицу,
Но пораскинет наперёд,
Что там ему не прокормиться,
А тут – картошка, огород.
Иной, махнув на всё рукою,
Рискнёт – и бьётся на юру,

И письма шлёт, и пьёт с тоскою:
Мол, не пришёлся ко двору...
И всё же нового Кольцова
Откроют новые друзья.
А он в Таёжке окольцован –
Его закрыть уже нельзя.

1969 год («Шестая гряда», 1971)

***

Человеку так мало надо –
Чтобы мама сидела рядом,
Колыбель чтоб была не тесной,
Чтобы сказка была интересной.
Человеку нужно немного –
Сухарей котомку в дорогу,
Горсть земли от порога родного
Да напутствия доброе слово.
Человек мечтает о малом –
Чтобы пуля его миновала,
Ну, а коль не минуть прицельной,
Чтобы рана была не смертельной.
Человеку немного надо –
Корку чёрную в дни блокады,
Да махорки щепоть на закрутку,
Да на сон хоть одну минутку.
Человек мечтает так кротко –
Вот отбить бы эту высотку,
Контратаки отбить, окопаться,
Щей да каши поесть, отоспаться.
Человеку скромно так снится –
Вот дойти бы живым до границы,

Потеснить врага за кордоны
И спокойно вернуться до дому.
Человеку немного надо –
Починить кое-как ограду,
Подлатать на избёнке крышу,
Посадить под окошком вишню.
Человеку дай самую малость –
Чтоб жена несварливой досталась,
Чтобы был на рубахи ситец,
Чтобы дети всегда были сыты.
Человеку всего-то и надо,
Чтоб за всю его жизнь в награду
Честь по чести его обмыли
И в родную землю зарыли...
Но не верьте ему, не верьте –
От рожденья до самой смерти!
Чтобы жизнь ему ни давала –
Человеку всё мало, мало!
Отправляясь на встречу с судьбою,
Он весь опыт берёт с собою –
Всё, что люди скопили веками,
У него всегда под руками.
И ему подавай не тропы,
По которым кто-то протопал –
Подавай ему путь не торный,
А к открытиям ведёт который.
И злым пулям кланялся ниже
Не затем, чтобы только выжить.
И в блокаду хлеб и окурок –
Не затем, чтоб спасти свою шкуру.
И не верьте, что все его планы –
Овладеть высотой безымянной,

И не ради каши солдатской –
А чтоб новых сил поднабраться.
И не то чтоб дойти до границы,
А до самой вражьей столицы
Гнать врага беспощадно по следу
До разгрома, до полной победы.
Человек только с виду тихоня,
Да пока его кто не донял,
Копошится себе, незаметен,
Но за всё на земле в ответе.
Не забор подлатать ему надо
На развалинах Сталинграда –
Новый город поднять, не иначе,
Чтоб сильнее стать и богаче.
И достатка в семье ему мало –
А ещё, чтоб любовь окрыляла,
Чтоб жилось с любимой вместе
И легко, и светло, как с песней.
И тогда отрешённо, смело
Он готов на любое дело.
И не верьте тихоне заранее –
Нет предела его дерзаньям.
Никогда не берите на веру,
Что ему бы Луну да Венеру, –
Разгадав их, он непременно
Завладеть захочет Вселенной.
Даже если умрёт он – не верьте:
Всё, что сделано им, – бессмертье!
В этом – главном – от века к веку
Заключается суть человека.

(«Шестая гряда», 1971)

***

Можно сто раз воскликнуть:

«Да будет вода!» –

Но и всё же воде не бывать никогда.

Можно сто раз воскликнуть:

«Да вырастет хлеб!» –

Но и всё же не вырастет хлеб на земле.

Можно сто раз воскликнуть:

«Да скроется тьма!» –

Но и всё же она не исчезнет сама.

Можно сто раз воскликнуть:

«Будь вечной, любовь!» –

Но и всё же её не сберечь силой слов.

У любви, у заветной мечты испокон

Существует один непреложный закон:

Чтоб костёр полыхал на ветру до утра –

Не ленись, не скупись на дрова для костра!

Не польётся воды никогда, никакой,

Если ты для колодца не помашешь киркой.

И на поле былинка не взойдёт ни одна,

Если в спящую землю не бросишь зерна.

Никогда не развеется тьма на земле,

Если разума солнце не вспыхнет во мгле.

Без готовности жертвовать, – как ни зови, –

Никогда не сберечь ни друзей, ни любви.

1970 год («Шестая грядка», 1971)

***

Не скупись никогда

на улыбку, на шутку, на доброе слово.

Не стесняйся быть щедрым
в дружбе, в любви.
Даже если ошибся товарищ –
не спеши обойтись с ним сурово;
даже если с любимой размолвка –
прости, позови.
Не скрывай никогда
ни своей доброты, ни любви своей к людям –
ведь они в них нуждаются
так же, как ты,
Оттого, что глаза чьи-то станут
теплее, доверчивей, чище – от тебя не убудет.
Может, в мире как раз не хватает
твоей доброты.

(«Шестая гряда», 1971)

***

Когда бы не были поэты
(Своей лишь заняты судьбой)
Душой, локатором планеты,
Её сигнальной трубой –
На кой бы чёрт сдались, простите,
Со всею музыкой они,
В которой, как там ни ищите, –
Самоанализы одни?
Таких поэтов мало ныне.
Их жизнь сама сведёт на нет.
Но судят «критики» иные
Нас по законам прежних лет.
Находят в строчках, опалённых
Огнём волнений вселюдских,

Намёк то на богов районных,
То на всевышних городских,
И так и эдак попримерят,
И – убеждай не убеждай –
Строке болящей не поверят:
Ты пободрее строчку дай!..
Откуда знать им, как ранима
Любой бедою, ложью, злом
Душа поэта-гражданина,
Как негодует совесть в нём!
Откуда знать им, что немногим
Дано пророков ремесло,
Чтоб протрубить сигнал тревоги –
Едва затлеет где-то зло?

(«Шестая гряда», 1971)

***

Ты – ночь моя и зорюшка,
И радость ты, и горюшко,
Мечта моя тревожная,
Как ветер, ненадёжная.
То всех похвал достойная,
То самая разбойная,
То правая рука моя,
То самая лукавая,
То преданно-желанная,
То самая обманная –
Как в зной мираж, манящая,
Как дождь косой, летящая.
То домоседка скромная,

То самая бездомная –
 Весёлая весна моя,
 Любовь, смешная самая.

ноябрь, 1969 год («Шестая гряда», 1971)

ПЕРВЫЙ

Могучее и много значащее для русской литературы, особенно для той её части, которая создается в Кузбассе, имя – Евгений Буравлев – впервые я услышал году в 1969-м или 1970-м в прокопьевской литературной группе.

Именно так – группа, а не студия, не кружок, не объединение, называли мы наше сообщество, собиравшееся еженедельно, по четвергам, в редакции городской газеты «Шахтёрская правда», где нас любили и постоянно публиковали, и моя первая стихотворная публикация состоялась именно в «Шахтёрке», когда я был ещё школьником.

Хорошо знаю, что своих «домашних» поэтов, прозаиков, публицистов в те времена и вплоть до девяностых привечали во всех городских и районных газетах Кузбасса, да и в областных тоже. Из чего росла эта приветливость? Попытаюсь объяснить.

В семидесятые, несмотря на не самый солидный возраст, мне довелось общаться со многими редакторами и ведущими журналистами местных газет. Разговор постоянно, в основном по моей инициативе, выходил на поэзию. И почти всегда среди самых разных поэтических имён звучало постепенно становившееся мне привычным имя – Евгений Буравлёв. А чаще просто – Буравлёв.

Говорили о нём журналисты всегда с нескрываемым пиететом. Записные московские знаменитости тех времён (Евтушенко, Вознесенский и т.д.), конечно, возникали в беседах, но, скорее, как доказательство компетентности: ты не думай, парень, что я журналист только про навоз и уголь, я поэзию тоже знаю, Евтушенко, например... А Буравлёв появлялся в таких разговорах, как человек и пароход, как

коренное кузбасское явление, как комбинат «Прокопьевскуголь», как КМК, как объединение «Азот», как то, без чего Кузбасс – не Кузбасс.

Мой сегодняшний опыт подсказывает мне, что именно уважение газетчиков к Евгению Сергеевичу Буравлёву – навсегда Человеку Номер Один среди профессиональных писателей Кузбасса – было в шестидесятые-семидесятые-восьмидесятые годы причиной приветливости редакций к нашим литераторам всех возрастов и любого уровня мастерства. По меньшей мере, одной из причин. И совершенно ясно, что это связанное с Буравлёвым благорасположение родных редакций к родным авторам хорошо сказалось в своё время на росте литературных талантов Кузбасса.

Но не только ведь газетчики относились к Буравлёву почтительно. Его любила и власть. Отчётливо помню ходившие среди кузбасских поэтов легенды о том, как Буравлёв пинком открывал двери в обкоме партии. «Пинком» было, конечно, поэтической гиперболой, но её появление имеет корни в действительности: ведь именно он, Евгений Буравлёв, создал в Кузбассе областную писательскую организацию. Без поддержки областной власти в лице обкома КПСС такое значительное, если не сказать огромное, дело, в те времена было бы невозможно.

Из чего росло уважение к Буравлёву?

Думаю, из повсеместного признания его талантов – поэтического, организаторского и чисто человеческого, который проявлялся в безупречном умении выстраивать отношения, как сегодня говорят, по всем вертикалям и горизонталям. Добавляла уважения и уникальная биография. Всегда вызывавшая глубокий интерес биография Буравлёва, сегодня, сочетанием почти несочетаемого, способна привести исследователя в почтительный трепет.

Судите сами. Воевал с самого начала Великой Отечественной войны, служил в военно-воздушных силах. Был отправлен в штрафной батальон, где, как говорится, кровью смыл. И остался жив. Служил авиамехаником и авиастрелком, к концу войны – сапером и взрывником. Трижды был ранен, награждён орденом Красной Звезды и медалями.

После окончания Великой Отечественной войны работал в полярной авиации в Заполярье, в 1948 – 1952 годах участвовал в строительстве железной дороги Салехард – Игарка, с 1952 – в строительстве

железной дороги Сталинск – Абакан. В 1961 году окончил заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького и в том же году стал членом Союза писателей СССР. В 1962 году создал Кемеровское областное отделение Союза писателей СССР и стал первым его председателем.

Евгений Сергеевич как руководитель организации немалую часть своей огромной души вкладывал в работу с молодыми авторами. Почти все лучшие поэты и прозаики, пришедшие в литературу в шестидесятые и в первой половине семидесятых, прошли через семинары, организованные Буравлёвым.

Как участник и свидетель литературного процесса в Кузбассе с семидесятых годов, могу утверждать, что все семинары и совещания молодых литераторов с тех времён до сего дня проходят по образцу, введённому Буравлёвым. Сегодня такие учебные встречи профессиональных писателей с молодыми литераторами иногда называют новомодными словечками наподобие «мастер-класс», но точнее, на мой взгляд, называть их: Буравлёвские семинары. А еще точнее – школа Буравлёва.

Школа Буравлёва прочно стояла на стихах Буравлёва. Сильных, ярких, незабываемых, вызывающих желание после первого знакомства обязательно вернуться к ним.

*Я не пишу о войне:
Трудно писать о войне.
А уж кому, как не мне,
Строчку не бросить на круг?
Лётчику и стрелку,
Сапёру и взрывнику,
Взводному в энском полку
Есть что сказать, мой друг.*

Это одно из самых известных стихотворений Евгения Сергеевича. По рассказам поэтов старшего возраста, когда-то прошедших школу Буравлёва и уже ушедших из жизни, это стихотворение подвергалось цензуре. Шестая строка выглядела иначе: саперу и штрафнику. Но этот штрих биографии поэта не попал в печать. Не попали и еще две строки:

*Разве тиснёшь стишок
Там, где костей мешок.*

Этому стихотворению Буравлёв напророчил судьбу в этом же стихотворении.

*Смерти самой вопреки
Безусые пареньки
Бросали вместо строки
Сами себя на круг.
Но умели молчать
Там, где нельзя кричать,
И попадали в печать
Только посмертно, мой друг.*

Только посмертно попали в печать изъятые из стихотворения слова и строки. Буравлёв в своих стихах нередко был публицистом. Но жил в нём и тонкий лирик.

*Люблю осенние цветы.
Зазимки, ветры их ломали.
Но, первозданны и чисты,
Они цветут, как будто в мае.*

А ещё он был большим экспериментатором. Осваивал самые разные стили. Это видно по многим его стихам. А особенно заметно в лирическом монологе «Земля».

*Выходя на трибуну, предоставленную поэтам,
Я так не решил, о чём быть поэме.
О физике, о какой-нибудь новой проблеме?
Или о лирике? Или о том и об этом?*

В этом ярком эксперименте чувствуется влияние Маяковского. Думаю, что обращение к стилю Маяковского неслучайно. В лирическом монологе слышится голос командира. Кем и был всю жизнь Буравлёв. Стиль классика очень подходит для такого монолога и органично вписывается в школу Буравлёва.

Один из тех, кто прошёл школу Буравлёва, был и его учеником, и соратником, и соавтором, и навсегда остаётся поэтом, говоря о котором, заслуженно добавляют – милостью Божьей – Виктор Баянов, посвятил памяти Евгения Сергеевича Буравлёва произведение, которое, по внутренней мощи, видится не стихотворением даже, а настоящим Памятником Поэту и Человеку.

*Он весь кремнёвой был породы,
Как грубо тесанный гранит.
Решила, видно, мать-природа,
Что жизнь потоньше отгранит.*

В этих строках просматриваются почти все оставшиеся от Евгения Сергеевича немногочисленные фотографии. Мужественное угловатое лицо, твёрдый взгляд, запрещённая сегодняшней цензурой папироса в руке и вьющийся от неё, видимо, тоже запрещённый, дымок...

*Не уходили, не сгубили
Потом ни раны, ни хандра –
Впрок закалили, отдубили
Его сибирские ветра.*

И яркий эмоциональный взрыв автора стихотворения-памятника в последних строках.

*Так жил.
За славой не гонялся.
И я, не знаю почему,
ВСЕГДА ХОТЕЛ, ВСЕГДА БОЯЛСЯ
СВОИ СТИХИ ЧИТАТЬ ЕМУ.*

Дорогого стоит такое признание ученика учителю. Пусть даже и посмертное признание. Но абсолютно заслуженное. Потому что Буравлёв – настоящий учитель, чей учительский свет доносится через поколения до сего дня. А Баянов и другие писатели Кузбасса – свидетельства истинности учительского света Буравлёва. И незыблемой для писателей Кузбасса истины: Евгений Сергеевич Буравлёв навсегда и во всём наш Первый.

Иосиф Куралов.

БИОГРАФИЯ ЕВГЕНИЯ БУРАВЛЁВА

Евгений Сергеевич Буравлёв родился в селе Гридино Спас-Деменского района Калужской области 21 сентября 1921 года. Отец, Сергей Георгиевич Буравлёв, работал на строительстве железных дорог строй-мастером, прорабом, скончался в 1934 году. Мама, Антонина Александровна Буравлёва, во втором замужестве Козина (1904 – 1975), работала секретарём-машинисткой. Евгений в школу пошёл на Турксибе. Первой самостоятельно прочитанной книгой были стихи. Первые стихи были написаны в школьные годы. Окончил школу № 56 в пгт. Промышленная Новосибирской (с 1943 г. Кемеровской) области.

В 1938 году по комсомольскому призыву поступил в Иркутское военное авиационно-техническое училище ВВС РККА, которое окончил в 1940 году. Был направлен техником самолёта-истребителя И-16 в 87-й истребительный авиаполк. Участник Великой Отечественной войны, был трижды ранен, горел в самолёте, побывал в штрафбате, третья, самое тяжёлое, ранение получил под Кёнигсбергом. В июне 1945 года участвовал в Параде Победы в Москве в составе сводного батальона 3-го Белорусского фронта. С января 1942 года, находясь на лечении в госпитале Магнитогорска, стал записывать стихи в тетрадь. Три стихотворения из фронтовой тетради отправил в военную газету и получил ответ от Александра Твардовского, который одно стихотворение одобрил.

В конце 1945 года в звании старшины был направлен в Игарскую авиагруппу. Как мужчина-фронтовик не мог пройти мимо подлости, заступился за женщину и в конце 1947 года был осуждён на 5 лет и 3 года поражения в правах, два года сидел в Красноярском СИЗО № 1, где работал воспитателем с трудными подростками. В 1949 году был переведён на ГУЛАГовскую стройку ГУЛЖДС № 503, работал в Игарской производственной колонне топографом, возглавлял экспедиции.

В 1953 году приехал с женой Валентиной Ульяновной Савицкой к матери и отчиму А. А. Козину, бухгалтеру мостопоезда №154, на станцию Тальжино (пригород Сталинска, после 1961 года Новокузнецк). Работал в управлении «Сталинскстройпуть», главным инженером комбината промпредприятий, строил железную дорогу Сталинск

(Новокузнецк) – Абакан (Южсиб). Судимость и поражение в правах с него сняли в 1955 году.

Первые стихи опубликовал в 1950 году в многотиражной газете «Строитель транспорта», в 1953 году – в газете «Комсомолец Кузбасса» (13 июня), в журнале «Сибирские огни» (№ 5) и альманахе «Енисей» (№ 10). Участник областного совещания молодых и начинающих поэтов в Кемерово со 2 по 5 октября 1953 года. 9 – 16 января 1956 года участвовал в Третьем Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве. Участник двух межобластных совещаний молодых писателей Кузбасса и Томской области, организованных Новосибирским отделением Союза писателей РСФСР и Кемеровским областным литобъединением (прошли в Кемерово с 23 по 27 апреля в 1959-м и в 1961 году). 27 апреля 1959 года вошёл в состав бюро областного литературного объединения.

Первый сборник стихов «Кладоискатели» вышел в Кемеровском книжном издательстве в 1956 году. В августе 1955 года сдал экзамены в Литературный институт имени М. Горького, учился в творческом семинаре поэта Михаила Светлова. Летом 1961 года заочно окончил Литинститут и 17 ноября 1961 года был принят в Союз писателей СССР (членский билет № 3058). В дни декады сибирской литературы в Москве во время обсуждения журнала «Сибирские огни» 11 марта 1961 года его поэзия получила высокую оценку.

В 1962 году переехал из Междуреченска в Кемерово и в течение 10 лет возглавлял созданное им 28 апреля 1962 года Кемеровское областное отделение Союза писателей РСФСР. С июня 1962-го по август 1963 года вместе с писателем О. П. Павловским объехал города и посёлки Кузбасса. На книге очерков «Миллион влюблённых» (1964) Е. С. Буравлёв надписал: «Друг читатель! Люби свой замечательный край».

Автор 16 книг, из них 11 поэтических, и двух пьес: «Жемчужина Сибири» (1964), «На крыльях мечты» (1966). Автор слов песен «Марш молодости Кузбасса» (1967, муз. Г. Григоренко), «Песня о Междуреченске» (1967, муз. Е. Лугова).

Поэтическое творчество Евгения Буравлёва получило высокую оценку учёных-литературоведов (А. Абрамович, А. Казаркин, Н. Якушин, А. Микешин, К. Шилова) и писателей (М. Соболев,

А. Смердов, В. Махалов, М. Небогатов, В. Мазаев, В. Коньков, Н. Колмогоров). Произведения Е. С. Буравлёва печатались в литературных журналах «Молодая гвардия», «Крокодил» (Москва); «Енисей» (Красноярск); «Сибирские огни» (Новосибирск); «Огни Кузбасса» (Кемерово). Поэзия Буравлёва вошла в коллективные поэтические сборники, изданные в Сибири и Москве: «Цветущая земля» (Кемерово, 1954); «Стихи о Сибири» (Москва, 1961); «День поэзии» (Москва, 1963); «День поэзии» (Кемерово, 1964); «Сибирь поэтическая» (Кемерово, 1966); «Антология сибирской поэзии» (Иркутск, 1967); «Песни нашего края» (Кемерово, 1967); «День поэзии» (Кемерово, 1970); «Встреча» (Будапешт; Кемерово, 1974).

С 1961 года Е. С. Буравлёв – член редколлегии альманаха «Огни Кузбасса», с 1963 по 1968 год – редактор альманаха «Огни Кузбасса». Сделал альманах «Огни Кузбасса» подписным изданием с выходом четырёх номеров в год. Организатор знаменитого Зонального семинара молодых литераторов Западной Сибири и Урала под эгидой Союза писателей РСФСР и ЦК ВЛКСМ, который проходил с 29 мая по 7 июня 1966 года в г. Кемерово. С 22 по 27 мая 1967 года участвовал в работе Четвёртого съезда писателей СССР. 26 ноября 1973 г. вместе с поэтом Марком Соболев руководил секцией поэзии на семинаре молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока в Чите.

Награды: орден Красной Звезды (1945); медаль «За победу над Германией» (1945); Почётная грамота Обкома КПСС и Облисполкома.

Скончался 4 сентября 1974 года. Похоронен в г. Кемерово на Центральном кладбище № 1 (на площади с левой стороны от домика смотрителя). На могиле установлен беломраморный памятник с портретом писателя.

На доме № 39 по Советскому проспекту, где жил поэт, установлена мемориальная доска. В Государственном архиве Кемеровской области создан личный фонд поэта (Р-1161), в котором хранится рукописная фронтовая тетрадь стихов периода 1942 – 1949 годов.

Книги Евгения Сергеевича Буравлёва:

Кладоискатели: стихи, поэма. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1956. – 104 с.

Родник у дороги: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1960. – 119 с.

Красная горка: Слово о моих земляках-кузнечанах, о любви и поэзии и о первом ковше угля. Поэма. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1961. – 123 с.

Человек, обгоняющий время: о бригадире экскаваторщиков Н. И. Советове. – Кемерово: Книжное издательство, 1961. – 31 с.

Узнаю тебя, друг: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1962. – 74 с.

Моя работа – моя любовь: стихи. – М.: Советская Россия, 1964. – 120 с.
Миллион влюблённых: (Встреча с современником) / В соавторстве с О. Павловским. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1964. – 242 с.

Первая плавка: поэма. – Кемерово: Книжн. изд-во, 1965. – 56 с.

Острова: стихи, поэмы. – Кемерово: Книжное издательство, 1967. – 132 с.

Шкипер Чик: повесть для детей. – Кемерово: Книжное издательство, 1968. – 48 с.

Приключения Маришки и её дружка Лопушка: повесть для детей. – Кемерово: Книжное издательство, 1969. – 53 с.

Шестая гряда: стихи, поэмы. – Кемерово: Книжное издательство, 1971. – 284 с.

Под флагом Чазыбука: документальное повествование о беспримерном походе безмоторной пироги; «Маруся отравилась»: повесть. – Кемерово: Книжное издательство, 1973. – 103 с.

Работа: стихи и поэмы. – М.: Советская Россия, 1974. – 143 с.

Стихотворения. – Новосибирск: Западно-Сибирское краевое издательство, 1976. – 136 с.

Биография начиналась так...: стихи, поэмы, воспоминания о поэте. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1985. – 272 с.

Леонид Михайлович Гержидович

25 января 1935, с. Панфилово, Крапивинский р-н –
4 марта 2016, д. Юго-Александровка, Кемеровский р-н.
Поэт. Член Союза писателей СССР с 1989 года.

КОРОСТЕЛЬ

Коростель, товарищ мой давнишний,
Вновь всю ночь не спится нам в тайге.
Что в затихших травах говоришь ты
На своём скрипучем языке?

Верю – ты,
Как я, влюблён в берёзы,
В звон кедровый, росные луга.
В край таёжный через зной и грозы
Много тысяч вёрст ты отшагал.

Коростель мой, серенькая птица,
Ты собою вовсе неказист:
Хвост торчком, как сломанная спица,
Длинноног, совсем не голосист.

Но скрипишь себе, и песня эта –
До конца по-своему твоя.
С этой песней я встречаю лето,
С этой песней вновь рождаюсь я.

(«Песня моя, тайга», 1970)

***

В тайге угрюмой и лохматой,
Подвесив сито к шалашу,
Я от рассвета до заката
Сижу и шишки шелушу.
А по рогатистой колоде
Из кедрача, как старый друг,

Меня наведывать приходит
Зверёк таёжный – бурундук.
И не минуты не помешкав,
Почти из-под моей руки
Он тащит крупные орешки
К себе в защёчные мешки.
Ну, что ж, бери. Я не в обиде.
Во мне ты не разбудишь злость.
Всё ж, как-никак, ты местный житель,
А я пришёл к тебе, как гость.

1969 год («Песня моя, тайга», 1970)

РОЯЛЬ

Давным-давно в холодной ветхой школе,
Укутанной в заснеженную шаль,
В большом углу, как лодка на приколе,
Стоял разбитый, старенький рояль.
Сушились звуков трепетные вёсла.
Я их совсем не слышал и не знал,
Поскольку на рояле том из взрослых
Никто в ту пору, помню, не играл.
Он выглядел совсем не образцово,
Но как-то намечалось торжество;
От взрослых глаз, как от дождя косого,
Я спрятался под днищем у него.
И, закачавшись, раскололась школа,
И, накренившись, ожил тихий зал.
Была лодчонка сорвана с прикола,
И я поплыл в неведомую даль.
И плыл, и плыл я, взбалмошный мальчонка,

Стучали волны о корму взахлёб,
И по спине моей, под фуфайчонкой,
Бродил не то огонь, не то озноб.
А за спиной от частых похоронок
Проплаканный и от коптилок слеп
Дремал устало сумрачный посёлок.
И снился людям в каждом доме хлеб.
И я не знал, что мне предназначался
Не голодом очерченный удел.
А школьный зал качался и качался,
И я в углу, нахохлившись, сидел,
И было далеко мне до причала.
Кружился танец, платьями шурша.
И плакала во мне и замирала
Во что-то посвященная душа.

(«Таволга», 1979)

ТАЙГА МОЯ

Забилась копалуха в тень.
По дуплам белка цокот прячет.
В тайге стреляют целый день
И каждый выстрел что-то значит.
Тайга!
Ненастится огнём
Твоё извечное величье.
Становишься ты с каждым днём
Всё беззвериней и бесптичней.
Теряешь ты свои черты –
Сера, черства, что хлеб с половой.
Для всех уже не в силах ты
Быть некой «дойною коровой».

На приступ, словно на редут,
Идут
И, словно бы карая,
Стригут, по-своему стригут:
И поперек, и вдоль, и с края.
Тайга!
Любви великой дрожь
В твоей упрятана природе.
Ты от болезней сбережёшь
И от несчастий загородишь.
Люблю я тишь твоей глуши,
Люблю шмелиные спектакли.
Здесь родники моей души
Не пересохли, не иссякли.
И музыки, чем птичий гам,
Нет на земле милей.
О, люди !
Давайте в лес входить мы будем,
Как праведники
В Божий храм.

(«Таволга», 1979)

***

С трубою чёрной на макушке
И с белой лайкой у дверей
В ложбине пряталась избушка,
И в ней я жил среди зверей.
Один до родниковой речки
С ведром торил тропу в метель,
Рубил дрова, курил у печки
И сам стелил себе постель.

Во всём придерживался меры,
Себя любя и не любя,
И выгнездить пытался веру
Одну лишь – в самого себя.
Стреляя дичь по перевалам,
Я жил себе, как в ножнах нож.
И думал: с этаким забралом
В тайге никак не пропадёшь.
Мели снега и зори висли.
И я не ведал, как лыжнёй
Моя беда коварной рысью
Повсюду следует за мной.
Когда пургою ты захлёстан
И рядом друга не видать,
Себя во всём совсем не просто
Боготворить иль презирать.
И стал мой сон, как призрак, зыбок.
И, просочась в моё жильё,
Ко мне вскочило на загривок
Зверь-одиночество моё.
Оно нещадно издевалось.
Оно глумилось надо мной:
То тьмой полуночной шепталось,
То хохотало тишиной,
То, убегая за увалы,
Вело меня в кошмарный сон,
То вой метели превращало
В пронзительный трамвайный звон.
И я, как пойманный, метался,
И был придавлен я и сир,
А где-то плакал и смеялся
Так просто брошенный мной мир.

И за спиною дверь вздыхала.
И был готов бежать я в ночь.
И лайка руки мне лизала,
Не зная в чём и как помочь.

(«Таволга», 1979)

***

Исчезнуть и вновь народиться,
Наполнить прохладой грудь,
Колодезной влаги напиться,
На вечное солнце взглянуть.

Надолго расплавиться в песне,
Над строчкой сгореть до золы,
Орлом вознестись в поднебесье,
Сосной прорасти из земли.

Быть мудрым и просто беспечным
И слышать, и знать всякий раз,
Что мы на земле – бесконечны.
Что вечность заложена в нас.

(«Хвойный дождь», 1987)

***

В поселках и чащах дремучих
Открыто я жил
И таясь.
Мне выпала долгая участь
С землею налаживать связь.

Слепым был и сирым,
Покуда
Нежданно,
Легко и светло
Любви многоцветное чудо
В меня, как огонь, не вошло.

Как в тёплую избу с мороза
Я чудную грань пересёк,
В берёзе увидел БЕРЕЗУ,
В цветке мне явился ЦВЕТОК.

И многое сердце вместило:
Дорогу и дом у плетня.
Душевым огнём осветило
И с Родиной слило меня.

(«Хвойный дождь», 1987)

СИНИЦА-ГАИЧКА

В линиялой, бусой маечке,
Когда метель мела,
Со мной синица-гаичка
Под пихтами жила.

Вертялая, как девочка,
Пискавый голосок.
Её я за доверчивость
Подкармливал, чем мог.

Я рад был крохе маленькой,
С охоты приходя.

Мороз коробил валенки.
Дымилась нодря.

Сидел я, плечи кутая,
Она пищала: «Вить!» –
Со мною стужу люгую
Пытаясь разделить.

И в этой дикой снежности
От дома вдалеке
Так много было нежности
В писклявом голоске.

(«Пихтовая родина», 2000)

МАТЕРЬ-БЕРЁЗА

Индевеет лицо от мороза
И скользит между сучьев нога...
Ты прости меня, мать-берёза,
Раздеваю тебя донага.

Топориным размеренным стуком
Оглашаю окрестный лесок.
На метлу обрублю твои руки –
Заработаю хлеба кусок.

Ты прости, не выходит иначе.
Возмутись и стряхни меня вниз.
Ты весной каждой раной оплачешь
Эту нашу совместную жизнь.

Ты оплачешь моё безрассудство,
Мой кощунственный хлеб на столе,
Все деянья, лишённые чувства,
На поруганной мною земле.

Льдом в снега посыпал я слёзы,
Вьюговьём заглушило мой плач...
Ты прости меня, мать-берёза,
Я сегодня твой подлый палач.

По-над нами суровые тучи
Злыми лбами упрутся в зарю...
На метлу обрублю твои сучья,
У вершины топор усмирю.

Будешь в трепете ты невесёлом
Возвышаться уродливо ввысь
И являть своим остовом голым
Всю мою несуразную жизнь.

(«Мать – берёза», 1993)

КОТ

От мира отгороженный,
Познав тоску и страх,
Я жил в сторожке брошенной
На четырёх ветрах.

Однажды из урочища,
Как чародей извне,
Без имени, без прозвища
Явился кот ко мне.

Он лешим неухоженным
Обшаривал мой дом,
И уши отмороженно
Топорщились на нём.

Я принял это чудище
И накормил, чем мог.
И он, довольный участью,
Прибился мне под бок.

Там где-то воры шастали,
Чтоб сесть потом в тюрьму,
По улицам глазастые
Машины шли во тьму,

А здесь, в углу заброшенном,
На ветхом топчане,
Мурлыча,
Плоть зверёныша
Рассказывала мне

О том, что в мире деется,
Где трудно жить любя,
Где можно понадеяться
Лишь только на себя,

О том, что кушать хочется,
Когда съестного нет.
И то, что одиночество –
Труднейшее из бед.

Холодную позёмкою
Стучала в дверь метель,

Но грела нас убогая
И жёсткая постель.

И слушал я участливо,
Что пел мне кот в тиши ...
И были, были счастливы
Две сирые души.

(«Пихтовая родина», 2000)

***

Нет ни копейки, а богаче всех.
В наградах весь, а нету ни медали.
Не потому ли мой весёлый смех
Ручьи над перелесьем расплескали.

Целуй меня, духмяная трава!
Люблю твои узорчатые платья.
И людям благодатные слова
Роняйте с пихт, крылатые собратья!

Тайга моя,
Я всё твоё приму.
Храни, оберегай меня, как сына.
В твоём неувядающем доме
Свободой дышит каждая осина.

Здесь всякий куст мне близкая родня.
Твоих деревьев праведные листья
Повыучили сызмальства меня
И чести, и любви, и бескорыстью.

(«Пихтовая родина», 2000)

В ЛЕС УЙТИ...

В лес уйти не от жизни, а к жизни.
Дятлов слушать, ловить окуней,
Чтоб дыханье родимой отчизны
Ощутить и осмыслить полней.

В птичьих криках и травах узорных,
В озарения благостный час
Усмотреть изначальные корни,
От рожденья живущие в нас.

Над мирской суетой усмехнуться,
Помолчать у костра в полумгле
И счастливой слезой задохнуться
От любви к этой доброй земле.

(«Хвойный дождь», 1987)

ИЗВЕЧНОЕ ВЕЛИЧИЕ ТАЙГИ ЛЕОНИДА ГЕРЖИДОВИЧА

В биографии Леонида Гержидовича есть жизненный момент, прочно связывающий поэта с природой, с сибирской тайгой, – это работа лесником, пасечником, охотником-промысловиком. Символично, что все стихотворения связаны именно с этим родом деятельности. Думается, можно рассматривать их как условный цикл, некое смысловое целое, где образ тайги становится центральным. Тайге был посвящен сборник стихов 1970 года «Песня моя, тайга». Тайга, безусловно, один из самых распространенных и узнаваемых образов Сибири наряду с холодом и суровыми условиями существования. Посмотрим, насколько поэтический образ тайги Гержидовича соответствует устоявшейся семантике. «В тайге угрюмой и лохматой» – читаем мы в одноименном стихотворении; «В край таёжный через зной и грозы» («Коро-стель»); «Твоё извечное величье», «Тайга!

Любви великой дрожь / В твоей упрятана природе. / Ты от болезней

сбережёшь / И от несчастий загородишь. / Люблю я тишь твоей глуши...» («Тайга моя»). Действительно, в создании художественного образа тайги присутствуют все узнаваемые эпитеты, тайга огромна, обширна, величава, угрюма и строга, зимой в ней властвуют морозы, а летом – зной, она полна опасностей и тайн, она прячет свои богатства от непрошенного любопытства. Но, с другой стороны, это слова и мысли сибиряка и лесного жителя, который видит в тайге не только древнюю силу и стихию, но и друга, поэтому тайга – это родина, «пихтовая родина» (название сборника 2000 года), где хорошо душе и все знакомо глазу и рукам. Это и работа: «Я от рассвета до заката / Сижу и шишки шелушу» – и отдохновение душе, и одиночество, одновременно терзающее и спасительное («И, просочась в моё жильё, / Ко мне вскочило на заговор / Зверь-одиночество моё»). Поэтому образ тайги у Гержидовича формирует два важных аспекта в поэзии: воспевание родной сибирской природы, бесконечная любовь к ней и публицистический пафос, связанный с экологической проблематикой защиты и сбережения тайги.

Первый мотив разворачивается практически во всех стихотворения цикла, второй можно заметить в стихотворении «Таволга», с его призывом относиться к тайге, к природе вообще, как к храму, не только входить в тайгу, как в храм, но и молиться ее величию: «О, люди! / Давайте в лес входить мы будем, / Как праведники / В Божий храм». В этом поэт совпадает с традицией русской натурфилософской лирики XX века (Н. Заболоцкий, Б. Пастернак, С. Есенин, Н. Рубцов), воспринимающей природу как живой, одухотворенный организм, полный смыслов, необходимых для человека. Поэтому чрезвычайно жизнеутверждающе звучат строки из стихотворения «Нет ни копейки, а богаче всех...»: «Тайга моя, / Я всё твоё приму. / Храни, оберегай меня, как сына. / В твоём неувядающем дому / Свободой дышит каждая осина. / Здесь всякий куст мне близкая родня. / Твоих деревьев праведные листья / Повыучили сызмальства меня / И чести, и любви, и бескорыстью». Свобода природы, её высший смысл и мудрость учат человека нравственным постулатам, учат быть человеком, этот тезис очевидно прочитывается в финальных строчках.

Пространство тайги, ее сущность, душа формируют особую флору и фауну. Предпочтения поэта заметны в анализируемых стихотворениях: «Коростель», бурундук – таёжный житель из стихотворения «В тайге угрюмой и лохматой...», белка из стихотворения «Тайга моя», синица-гаичка и кот

из одноименных стихотворений, мать-береза. Остановимся подробнее на стихотворении «Кот» из сборника 2000 года «Пихтовая родина». Данное стихотворение включалось поэтом практически во все сборники избранного.

Прежде всего, важна изначально, в первой строфе, заявленная отгороженность, заброшенность лирического героя, явно его противопоставление «всему миру», счастливый мир оказывается с одной стороны, а человек, познавший «тоску и страх», – с другой. Брошенность, отгороженность усугубляется малым пространством, в котором вынужден поселиться герой, – заброшенная сторожка в тайге, «на четырёх ветрах». Семантика перекрёстка, четырёх сторон света важна как ситуация выбора для лирического героя, после вынужденного отшельничества обязательно следует принять одну из сторон света, одну из множества возможных прав. Кот появляется в замкнутом пространстве лирического героя как посланец мира внешнего, при этом он выполняет сразу несколько функций. «Однажды из урочища, / Как чародей извне...» – в данном случае кот выступает в качестве волшебного помощника, чародея, способного на чудеса. «Он лешим неухоженным / Обшаривал мой дом...» – кот воспринимается посланцем самой тайги, её духом-лешаком. «Я принял это чудище / И накормил, чем мог...» – монструозность, чудовищность кота может восприниматься как символ ужасной судьбы, заброшенности, оставленности. И, наконец, черты социальной и жизненной неухоженности кота прочитываются в отморозенных ушах, голоде, необъяснимом появлении его из леса. Кот становится знаком всезнания, тем котом учёным, мудрецом, что знает о жизни всё, он и испытал на своей шкуре все возможные невзгоды: голод, холод, страх, он знает важный закон жизни, который доказывает, что «трудно жить любя», и «можно понадеяться / Лишь только на себя». В этом смысле кот оказывается alter ego лирического героя, которому данная истина открылась давно. Поэтому одиночество лирического героя в соотношении с всезнанием кота становится сознательным выбором как индивидуальный протест против неустроенности мира.

Таким же знаком тайги, её голосом можно считать коростеля из одноименного стихотворения. Лирический герой обращается к коростелю с монологом, птица становится «близким другом», «товарищем», объектом душевного разговора. «Голос тайги» и лирического героя многое связывает: любовь к тайге и, шире, к родному краю, страсть к путешествиям, «хождения» по тайге, проникновение в тайны природного мира. Коростель наделен

«скрипучим языком», который может быть неприятен или непонятен, но для лирического героя важно другое – возможность слиться с голосом коростеля, ощутить взаимное единство, когда становишься неотъемлемой частью природы, живешь и обновляешься вместе с ней. «Коростель» Гержидовича воспринимается как бы парафразом к стихотворению Н. Рубцова «Ночное ощущение» (1969), но, в отличие от лирического героя Рубцова, не получившего ответы на драматические вопросы индивидуального существования («Зачем стою во мгле? / Зачем не сплю в постели?»), лирический герой Гержидовича знает эти ответы изначально, потому что оказывается более счастливым собеседником коростеля («С этой песней я встречаю лето, / С этой песней вновь рождаюсь я»).

Заметим, что в подборке стихотворений одно выделяется и воспринимается особняком. Это стихотворение «Рояль». Казалось бы, рояль как образ высокого искусства не имеет отношения к природным образам и мотивам, тем более к тайге, эта вещь из другого мира и совершенно из иной области чувств. Однако именно недостижимость рояля как возможность для деревенского мальчишки играть на инструменте раскрывает первичную природность лирического героя. Звуки рояля, звуки вальса размыкают горестный бытовой круг военного, голодного детства («А за спиной от частых похоронок / Проплаканный и от коптилок слеп / Дремал устало сумрачный посёлок. / И снился людям в каждом доме хлеб») и уносят героя в будущее, где нет голода, холода и страдания. Звуки рояля открывают мальчику возможности будущей жизни, будущей личной реализации, поэтому рояль становится элементом будущей творческой, поэтической судьбы лирического героя. В этом смысле он не только не лишний в контексте природных мотивов, но органично добавляет, подчеркивает тонкий поэтический слух будущего поэта.

Завершая наш краткий обзор подборки стихотворений Леонида Гержидовича, его «золотой запас», отметим, что поэт всю жизнь был верен родному сибирскому краю, оставался певцом таёжной романтики и создал стихотворения, отражающие суровый, правдивый и прекрасный характер сибирской природы.

Ирина Ащеулова.

БИОГРАФИЯ ЛЕОНИДА ГЕРЖИДОВИЧА

Родился Леонид Михайлович Гержидович 25 января 1935 года в селе Панфилово Крапивинского района Западно-Сибирского края (с 1943 года – Кемеровская область). Предки, по семейному преданию, происходили из племени дзуков и пришли из Литвы в Беларусь в конце XIX века. Фамилию, которая по-литовски звучала как Гержидавичус, стали писать по-белорусски – на «ич». Дед Осип Фабианович Гержидович служил не то приказчиком, не то бухгалтером. Бабушка Юлия Андреевна занималась воспитанием детей. Отец Михаил Осипович Гержидович учился в Москве в университете, но за неблагонадёжность был отчислен и полностью посвятил себя революционной деятельности. Дед по материнской линии Тимофей Кириленко в Минске работал на железной дороге, но по Столыпинской реформе решил с сыновьями перебраться в Сибирь, где тогда давали землю.

Родители Леонида, Михаил Осипович Гержидович и Татьяна Тимофеевна Гержидович (в девичестве Кириленко), поженились в Минске, где у них родились две дочери – Евгения и Идея. В конце двадцатых годов они перебрались к родителям жены в Златогорку Щегловского уезда. Затем партия послала коммуниста Михаила Гержидовича в село Панфилово, организовывать колхоз. Здесь у четы Гержидович родились ещё трое детей – Нинель, Михаил и Лен (так поэта звали изначально). Только после получения паспорта он стал Леонидом. Миша умер в младенчестве. В 1938-м году отца арестовали по доносу обидевшегося сельчанина и расстреляли. Мама с четырьмя детьми вынуждена была переехать в Барзас, где жили родственники. Там и прошли детские и школьные годы Леонида под гнётом звания «сын врага народа». Отца реабилитировали только в 1956 году.

После окончания семилетки в Барзасе в 1952 году Лёня поступил и окончил Новосибирский спортивный техникум (1952 – 1955), получил разряд по боксу. Любил поэзию, много стихов знал наизусть. Однажды, посетив литературное объединение, познакомился со студентом литфака Новосибирского пединститута Игорем Киселёвым, открывшим для него поэзию Сергея Есенина. Из воспоминаний Л. М. Гержидовичана: «...на другой день в библиотеке имени Карла Маркса он взял мне 4-томник 1925 или 24 года издания [1926 – 1927 – примеч. сост.]. Я всю ночь читал, весь день, на занятия и

тренировки не пошёл, так меня захватило, стихотворений десять я переписал, до сих пор я их помню» (3 марта 2003 г.). С 1955-го по 1958 год Леонид служил в армии в Новосибирске, в спортивной роте. В армии начал серьёзно заниматься творчеством, появились первые публикации. Сестра Идея находилась в ссылке в Магадане. Её сын Саша воспитывался у бабушки. Леонид после армии забрал Сашу и привёз к сестре в Магадан. Там он полгода работал грузчиком в порту.

После Магадана 18 лет работал учителем физкультуры в школах Кемеровской области: в селе Усть-Сосново Топкинского района (1958-1960), школе № 1 посёлка Промышленный (1960 – 1962). Сотрудничал и публиковался в районных газетах, работал в 1962 – 1963 годах литсотрудником в Промышленновской районной газете «Красное знамя» (позднее переименована в «Эхо»). В пгт. Промышленная вступил в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС), стал коммунистом, что было обязательным для советского журналиста. Дружил с поэтом и журналистом Александром Бересневым, посещал литературную студию при газете. Из воспоминаний Л. М. Гержидовича: «Однако газетчик из меня не получился. Я понял, что это не моё, и уехал в Берёзовский работать в школу. При встречах, уже через годы, мы с ним только и говорили, что о поэзии. Александр Береснев, с которым мне довелось поработать в газете «Красное знамя» Промышленновского района, ещё в молодости помог мне найти путь к настоящим стихам».

С 1964 года работал учителем физкультуры в СОШ № 1 г. Берёзовский, тренером, спортивным инструктором, сотрудничал в местной газете. С 1968-го по 1973 год учился в Кемеровском государственном пединституте, окончил спортивный факультет.

Леонид Гержидович – автор поэтических книг «Песня моя, тайга» (1970, под псевдонимом Л. Березин), «Таволга» (1979), «Хвойный дождь» (1987), «Кедровый говор» (1991), «Мать-берёза» (1993), «Есть в женщине...» (1994), «Улица» (1995), «Пихтовая родина» (2000), «Избранное» (2000), «След» (2005), «Двое» (2009, в соавторстве с Н. Красовой). В 2004 году изданы две книги стихов для детей: «Приглашаю в лес гулять» и «Как дела, лесной народ».

Член Союза писателей СССР с 1989 года. Лауреат литературной премии им. В. Д. Фёдорова (2002). Один из создателей Берёзовского городского Союза творческих работников, редактор литературно-художественного альма-

наха «Берёзовские мелодии», член жюри ежегодного городского конкурса поэтов и прозаиков «Свой голос». Его стихотворения публиковались в литературных журналах «Москва», «Наш современник», «Охота и охотничье хозяйство», «Свидание с природой» (Москва); «Огни Кузбасса», «После 12» (Кемерово); «День и ночь» (Красноярск).

Из воспоминаний Нины Красовой, жены Л. М. Гержидовича: «Поступали приглашения перебраться в Москву. Но Леонид Михайлович считал, что без родины поэт не может состояться. А для него родина – Кузбасс, Барзас, бескрайняя краса сибирской тайги. Вот эта тайга со всем, что её населяет, и человек в ней, прошли красной нитью через всё творчество поэта. После восемнадцати лет работы в школе он оставляет её и уходит в тайгу (одной из причин явилось отклонение кандидатуры Л. М. Гержидовича на пост директора спортивной школы. Одна из высокопоставленных партийных чиновниц сказала: «Как это? Он же стишки пописывает!»). Уволившись из школы по собственному желанию, поэт-спортсмен работал лесником, штатным охотником, пасечником... Однако, уйдя в тайгу, вёл волейбольную секцию во Дворце культуры Шахтёров. Его волейболисты брали первые места в области. На летних каникулах он собирал ребят из неблагополучных семей, водил их в походы, на сплавы, объезжал с мальчишками весь Кузбасс и Алтай. Леонид Михайлович учил ребят жизни, многие из его воспитанников нашли себя в серьёзном бизнесе, заняли руководящие посты. Однажды 10-летнему мальчугану Гержидович дал нести рюкзак и ружьё, а сам шёл впереди, не оглядываясь. Стояла жара, груз был тяжёлым, мальчишка шёл в слезах, разозлился, решил, что не будет просить о помощи. Когда Леонид Михайлович объявил привал, сев отдохнуть, ребенок про себя подумал: «А я это смог!». За год до пенсии Леонид, ощутив свою вину за убийство животных и птиц в тайге, положил ружьё и больше не стрелял. Последний перед пенсией год он работал сторожем в бассейне г. Берёзовский».

В 1997-м году поселился в маленьком посёлке Юго-Александровке вместе с женой – поэтессой Ниной Антоновной Красовой. На долгие годы этот посёлок стал «меккой» для кузбасских литераторов. В 2000 году Леонид Михайлович Гержидович перенёс тяжелейшую операцию на позвоночнике. Шансы на выздоровление были ничтожны. Но стараниями друзей и родных недуг был побеждён. В 2005 году с лёгкой руки Натальи Шелеповой, руководившей в то время отделом культуры г. Берёзовский, организуется ежегодный молодёжный поэтический фестиваль «Юго-Александровский родник».

Телеоператор и фотохудожник Юрий Светлаков, друг Леонида Гержидовича, выпустил три фотоальбома со стихами и фотопортретами поэта: «Дом поэта» (2010), «Диалог» (2010), «Отражение» (2014), а также снял документальный фильм о встречах с Гержидовичем и его женой поэтессой Ниной Красовой в Юго-Александровке.

Л. М. Гержидович – Почётный гражданин города Берёзовского (2002). Награждён медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «50 лет городу Берёзовский» (2015). Последние годы жил в Юго-Александровке. Умер 4 марта 2016 года. Похоронен на сельском кладбище п. Юго-Александровка Кемеровского района.

В г. Берёзовский на здании школы № 1, где поэт работал, 16 мая 2017 года была установлена мемориальная доска. В 2019 году Центральной городской библиотеке г. Берёзовский присвоено имя поэта Л. М. Гержидовича.

Книги Леонида Михайловича Гержидовича:

Песня моя – тайга: стихи [под псевдонимом Л. Березин]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. – 74 с.

Таволга: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1979. – 94 с.

Хвойный дождь: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1987. – 111 с.

Кедровый говор: стихи. – Берёзовский: Берёзовская типография, 1991. – 36 с.

Мать-берёза: стихи. – Кемерово: Сибирский родник, 1993. – 64 с.

Есть в женщине...: стихи. – Берёзовский: Берёзовская типография, 1994. – 54 с.

Улица: стихи. – Берёзовский: Берёзовская типография, 1995. – 78 с.

Пихтовая родина: стихи. – Кемерово: Сибирский писатель, 1999. – 324 с.

Двое: стихи / в соавторстве с Н. Красовой. – Кемерово: Антом, 2009. – 78 с.

Избранное: стихи. – Ленинск-Кузнецкий: Полиграфкомбинат, 2000. – 94 с.

След: стихи. – Ленинск-Кузнецкий: Полиграфкомбинат, 2005. – 148 с.

Приглашаю в лес гулять: стихи для детей. – Кемерово: Кузбасс, 2004. – 16 с.

Как дела, лесной народ: стихи для детей. – Кемерово: Кузбасс, 2004. – 16 с.

Любви многоцветное чудо: стихи / Автор предисловия Ю. Я. Светлаков; составители Н. А. Красова, С. Л. Старовойтова. – Кемерово: КеОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2019. – 160 с.

Валерий Фёдорович Зубарев

*30 августа 1943 г., с. Кайла, Яйский район – 3 декабря 2012 г., Кемерово.
Поэт, журналист. Член Союза писателей СССР с 1977 года.*

***

Говорил со мною ветер
на прозрачном языке.
Был он грустен, был он светел,
и дождинка на щеке...

Он ли,
буйный и курчавый,
к ветке каждой
приставал?
И азартно, как овчарок,
тучи грузные стравлял?

В озарении внезапном
бросил дерзкую игру
и собак прогнал на запад
в золотую конуру.

Как и прошлою весною,
словно друг, накоротке
разговор повел со мною
на забытом языке.

Ты скажи мне, ветер, честно,
для чего опять смутил?
Чтобы я простился с чем-то
или что-то возвратил?

(«Говорил со мною ветер», 1970)

***

От работы большой утомиться.
Распластавшись, лежать на спине, –
чтоб стояла парящая птица
отраженьем твоим в вышине.

Чтоб душа твоя тоже взлетела...
Да её ли закрепощать,
если скоро и брренное тело
перестанет себя ощущать.

Если даже бескрылое тело,
покоряясь волшбе забытья,
занимать начинает пределы
голубого небытия.

И земля не гнетёт притяженьем.
Высота в перепонках звенит.
И становишься сам отраженьем
этой птицы, ушедшей в зенит.

(«Магнитное поле», 1974)

***

Чуть рассвет – о конце говорит
всё, в чём пелось таёжной глубинке:
вот раздавленным солнцем горит
утро в смятой таёжной икринке;
Вот подъемными кранами день
из дремучего вырван покоя...
Чешуйками светотень
на капоты летит через хвою.

Рев моторов тайгу оглушит...
И – виденьем –
в бессильном порыве
птица певчая утрашит,
клюв разинувшая по-рыбьи.

(«Мыслящий огонь», 1981)

***

Посылает дому дом
электрические блики.
Что ни дом, то под окном –
мох и млечность голубики.

Отзывается движок
в лиственницах полусонных.
Врезанный, как черешок,
прививается посёлок.

Приживается народ.
Не совсем укоренился,
дел ещё невпроворот...
Но уже осемьянился.

И растут во мгле ночной,
как загадки для природы,
на веревке бельевой
рубашоночки и робы.

(«Мыслящий огонь», 1981)

***

Всё мечтала: «В город на денёк бы...»
А когда ей выдался денёк,
вскорости примаялась: «В тенёк бы...»
Вот и подвернулся ей тенёк.
Скидывай, товарка, снаряженье
и полуботиночки сними...
Отдыхают, тянутся блаженно
маленькие жёсткие ступни.
Разложив холщёвые мешочки,
подобрев обветренным лицом,
набивает хлеб за обе щёки,
хрумкает солёным огурцом.
Прибежав, бродячая собачка,
свесила умильно язычок.
Тут как тут: – Ну, как житуха, бабка? –
воробьиный выстрелил зрачок.
И блистая новизною смысла
(что от жизни он неотделим),
каждый листик в сквере становился
не декоративным, а живым...
Ох, родная!.. Хватит! Снаряжайся...
У людей на лицах свет и тень.
Не колдуй так искушённо... Сжалься...
И полуботиночки надень.

(«Мыслящий огонь», 1981)

СОЛНЕЧНАЯ СКАЗОЧКА

Там, где под мотивчик весенний
огородник городил огород,

Вот корова добрыми губами
убивает кроткую траву.
Раздвоенье разум потрясает,
но в душе ликует мужичок,
ведь отава снова подрастает,
и топочет пегий новичок.

(«Мыслящий огонь», 1981)

* * *

Вслед за летним удушливым днём
унесутся машинные гулы.
И несмело в покое ночном
ветер вытянет трубочкой
губы.

Встрепенется листва за окном.
«Осени меня», – буду молить я.
Пусть откроется тайна:
о чём
шелестят тополиные листья.

Но постигнуть мне это,
увы,
лишь мешают слова человечьи.
Заглушая наречье листвы,
ответвляется наше наречье.

Так зачем же, рассудок поправ, –
зазвенит ли обитель лесная,
зазудит ли селение трав,
зажурчит ли протока речная, –

слух сулит откровенья душе,
замирающей, словно впервые?..
Но и этим я счастлив уже,
голоса
различая
родные.

(«Мыслящий огонь», 1981)

***

В следах
от бельевой верёвки,
с автографами на коре,
на положении
сиротки
стоит берёза
во дворе.

И встрепенёшься потрясённо,
когда она
в пустую высь
вдруг птицу выбросит
из кроны,
как редкую
живую мысль.

(«Мыслящий огонь», 1981)

***

Смысл жизни – жить, а я не жил.
Я над каким-то высшим смыслом
и так и этак ворожил ...

и был, конечно, пессимистом.
Я, как мыслитель, тёр виски.
Я мог неделями не бриться.
Не веселили мне зрочки,
распахиваясь, дней светлицы.
Ни звук, ни запах и ни цвет,
ни время и ни расстоянье
неуловимого в ответ
не вызывали трепетанья.
И чей-то смех, и чей-то стон,
и взгляд насмешливый и юный... –
пока я не рванулся вон
из сурдокамеры раздумий.
И заново открытый быт
чудес наивных не жалеет.
Перо... да ведь оно скрипит!
Бумага... как она белеет!

(«Мыслящий огонь», 1981)

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

– Брысь отсюда! –
прикрикнул на рысь,
в бородище –
янтарная смолка,
в голове –
загустевшая мысль:
– Как по правде зовут тебя,
ёлка?

Сгинул леший.

И ряской речной
задышало иное словечко,
потому что спросил водяной:
– Как по правде зовут тебя,
речка?

И пошли расцветать чудеса!
Всё сместилось:
и ёлка, и речка,
люди, звери, земля, небеса ...
Как по правде зовут тебя,
Нечто?

Тьму имён тебе дал человек:
ты – и сам он,
и речка,
и ёлка,
и мучительно сросшийся бег
одряхлевшего лося и волка.

Но бессильного имени звук
на губах замирает.
И снова
всё, сливаясь, мерцает вокруг
новизной перевозданного слова.

(«Час тик», 1988)

***

Брезжит
где-то вблизи от опушки
голосок заревой.

Но безоблачный голос
пичужки
не заменит мне
твой.

На полянке в древесной оправе –
медуница,
кипрей...
Но невольно ищу
в разнотравье
запах
кожи твоей.

Даже в гроздьях смородины
спелой
та же города власть, –
там
на шее высокой и белой
спеют бусы,
светясь.

И влечёт
этой властью нетайной
от речной быстрины,
где, как ласка подруги
случайной –
ласка ровной волны.

(«Час пик», 1988)

***

Негромко просвечивает
заря
сквозь тонкую кожу
востока,
чтоб звонким нагрудником снегиря
разжечься
по мере восхода.
Так гулко пространство,
как будто бы впрямь
попал я вовнутрь органа.
К тому же велит
эта стылая рань
отзывчивым быть,
как мембрана.
И щелкнет отчётливо
в скважине ключ...
И вспыхнет квадратик
оконный...
И девочка где-то
на солнечный луч
наступит
ножонкою сонной.

(«Час тик», 1988)

***

Не жил и раньше
не любя,
но изменилось что-то...
«Люби меня, как я тебя...» –
начертано на фото.

Когда-то
шуточно скорбя,
не видел в редком доме:
«Люби меня, как я тебя...»
в девическом альбоме.

Не просветить
поверхность слов
тому,
кто сам бежит их.
Воспринимал
альбомный слог
как пошлый пережиток.

Возник он в памяти
знобя...
И с дрожью
жизнь итожа, –
«Люби меня, как я тебя...» –
Я заклинаю тоже.

Нет слов
наивней и мудрей...
Светящуюся строчку
вписав
в альбом души моей,
не ставь на этом
точку...

(«Зеркало Бога», 2006)

***

Мы добытчики угля и слова,
мы холодного мира основа.
Мы несём этот крест до конца,
чтоб не мёрзли страна и сердца.

Кто считает, что солнца им хватит,
Кто за уголь и слово не платит
Даже чувством на жертвенный труд... –
В мире дважды холодном умрут.

(«Зеркало Бога», 2006)

МОЙ ДРУГ, ТОВАРИЩ, БРАТ – ВАЛЕРА

Валерий Фёдорович Зубарев. Валерий Зубарев. Валера. Мой товарищ, друг, брат, с которым мы долго шли по жизни вместе. До тех пор, когда он ушёл из неё, а я остался. И не могу говорить дежурными словами о его значении, величии, месте в литературе. Хотя, несомненно, всё это есть – и значение, и величие, и только ему одному принадлежащее место.

Талантлив он был безгранично и во многом. Конечно, прежде всего, в стихах. Но была у его таланта еще одна грань, переходящая в гениальность, – он был гений общения. Он умел так слушать и так говорить, что всё сказанное нами друг другу в бесконечных беседах приобретало гигантский смысл. И этот смысл не улетучивался со временем, а как бы превращался в смысл жизни, помогал жить.

Валера на десять лет старше меня. Но мы уже давно воспринимали друг друга, как ровесники. Это лет в 20–30 разница в десять лет кажется большой. А в 40–50, в 50–60 и старше она почти не ощущается.

Знаком с Валерой с семидесятых годов. А с 1993 года работал с ним в одном кабинете. В 2003 году вместе перешли в другой кабинет. И в старом кабинете, и в новом сидели друг против друга. Мне казалось, что мы срослись лбами и мыслями. Я понимал его с полуслова. С полувзгляда. Он меня – тоже. Один из нас только открывал рот, другой уже отвечал на ещё не заданный вопрос.

А сколько было прочитано стихотворений – и своих, и других поэтов – во время нашей двадцатилетней работы за столами, расположенными друг против друга, – сказать невозможно. До сих пор стоят в памяти лучшие стихи Валеры, наполненные особым, ни с кем и ни с чем несравнимым зубаревским смыслом:

*В следах
от бельевой верёвки,
с автографами на коре,
на положении
сиротки
стоит берёза
во дворе.
И встрепенёшься потрясённо,
когда она
в пустую высь
вдруг птицу выбросит
из кроны,
как редкую
живую мысль.*

Есть у Валеры замечательное стихотворение, первая строка которого дала название его первой книге, изданной, если мне не изменяет память, в 1970 году. Вот как выглядит первая строфа упомянутого стихотворения:

*Говорил со мною ветер
на прозрачном языке.
Был он грустен, был он светел,
и дождинка на щеке...*

Мне было 17 лет, когда впервые увидел первую книжку Валеры и прочитал её на одном дыхании, меньше, чем за час. Работал я тогда в редакции прокопьевской городской газеты «Шахтерская правда», где все знали, что я пишу стихи. Собственно и взяли меня в редакцию сразу после школы, потому что со старших классов начал публиковаться в газете со стихами и газетными текстами.

Знакомство с книгой Валеры было не только добровольным (хотя, конечно, прежде всего, добровольным), но и по заданию редактора, бывшего весь-

ма равнодушным к литературному творчеству местных авторов. Он дал мне пять изданных под одной обложкой книжечек (в те времена это называлось «кассета, да и сегодня так же) и задание: прочитай и напиши рецензию, а вот этот парень живет в Киселёвске. С этими словами редактор извлёк из пачечки книгу Валеры.

Упоминанием о Киселёвске редактор, сам того не ожидая, сильно подстегнул мой интерес. С самого раннего детства этот город казался мне очень и очень убогим. В нём жила наша родня, к которой нередко возила меня моя бабушка. Логика моя была железная: что же это за город, если в нём нет драмтеатра и домов со шпилями? Одни обвалы и терриконы. У нас тоже обвалы и терриконы. Но зато есть драмтеатр.

Книжка Валеры разрушила моё детское представление о Киселёвске. Я понял: если в городе живёт талантливый поэт, значит город не такой уж и убогий. Пусть в нём нет драмтеатра – зато есть Зубарев.

Когда я читал первую книгу Валеры, конечно же, не мог и предположить, что всего через несколько лет мы с ним познакомимся. А ещё через какое-то время станем друзьями. И он будет читать мои стихи, а я – внимательно прислушиваться к его замечаниям. А потом и он станет прислушиваться к моим словам. И мы с ним, разными путями, окажемся в Кемерове и много лет вместе проработаем в той духовной и душевной сфере, которая называется литературой. Когда-то Зубарев сказал:

*От работы большой утомиться.
 Распластавшись, лежать на спине, –
 чтоб стояла парящая птица
 отраженьем твоим в вышине.
 ... ..
 И земля не гнетёт притяженьем.
 Высота в перепонках звенит.
 И становишься сам отраженьем
 этой птицы, ушедшей в зенит.*

Валера ушёл в зенит. И многое изменилось. Но осталось и нечто неизблемое. Наш общий писательский дом находился в советские времена в здании № 40 по Советскому проспекту. Мы называли наш дом известным всей стране родным словом – Союз. Из этого слова сияли великие смыслы, в которых

проступали – и Советский Союз, и Союз писателей, и славное пушкинское утверждение: друзья мои, прекрасен наш союз!

В нулевые и десятые наш дом дважды «европейски» отремонтировали. Но и сегодня он находится в том же здании, в тех же стенах. И мы его называем по-прежнему – Союз. Стены Союза помнят всех, кто в них побывал. Помнят они и моего друга-товарища-брата Валеру Зубарева. И никакие евроремонты не сотрут эту память.

Иосиф Куралов.

БИОГРАФИЯ ВАЛЕРИЯ ЗУБАРЕВА

Валерий Фёдорович Зубарев родился 30 августа 1943 года в селе Кайла (ныне Яйский район) Кемеровской области. После окончания Прокопьевского горного техникума три года служил в армии, где окончил офицерские курсы. Работал мастером производственного обучения в ГПТУ № 47 города Киселёвска. После окончания факультета русского языка и литературы Новокузнецкого педагогического института заведовал промышленным отделом городской газеты «В бой за уголь» (г. Киселёвск). Был собственным корреспондентом газеты «Кузбасс». С 1968 года публиковался в журнале «Огни Кузбасса».

В 1973 году Валерий Зубарев участвовал в фестивале молодой сибирской поэзии в Якутске. Участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве (1976), его стихи одобрили московские поэты Евгений Евтушенко и Михаил Луконин. В 1976 году на Днях советской литературы в Кузбассе его стихи оценил Кайсын Кулиев и дал рекомендацию для вступления в Союз писателей СССР. Поэт Валерий Зубарев стал членом Союза писателей СССР в 1977 году. Жил в городе Кемерово.

Автор шести поэтических книг. Книга стихов «Мыслящий огонь» была затребована в фонды библиотеки Конгресса США и Гарвардского университета. В 1988 году В. Зубарев, единственный из поэтов Кузбасса, выступил со стихами в Колонном зале Дома Союзов. Печатался в газетах «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «Литературная Россия» (Москва), в журналах «Сибирские огни» (Новосибирск), «Огни Кузбасса» (Кемерово).

При жизни поэта его стихотворения вошли в антологии, большинство

из которых издано в Кемерове: «День поэзии» (1970), «Дыхание земли родимой» (1979), «Час России» (Москва, 1988), «Портрет родного края» (1990), «Стань молнией» (Ташкент, 1992), «Дороже серебра и золота» (1994), «На родине моей выпали снега» (1998), «Площадь Пушкина» (1999), «Собор стихов» (2005), «Писатели Кузбасса. Проза, поэзия: хрестоматия» (2007), «Русская сибирская поэзия. Антология. XX век» (2008), «Шахтёрская доля такая» (2012).

В. Ф. Зубарев работал ответственным секретарём Кемеровской писательской организации; был сопредседателем Союза писателей Кузбасса (1987 – 2003); секретарём Союза писателей России; членом редколлегии и ответственным секретарём альманаха «Огни Кузбасса». Лауреат Первой премии Всероссийского литературно-публицистического конкурса, премии «Молодость Кузбасса» (1979), литературных премий «Образ» (2007) и им. В. Д. Фёдорова (2011). Заслуженный работник культуры РФ (2002). Награды: медаль «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2002). Почётный работник культуры Кузбасса.

Умер Валерий Зубарев 8 декабря 2012 года. Похоронен в г. Кемерово на Центральном кладбище № 5, квартал 36. На могиле установлен гранитный памятник с портретом писателя.

В декабре 2013 года на заседании Киселёвского городского Совета народных депутатов принято решение об установлении мемориальной доски Валерию Фёдоровичу Зубареву на здании Центральной городской библиотеки. В Центральной городской библиотеке города Киселёвска создана музейная экспозиция поэта В. Ф. Зубарева.

Книги Валерия Фёдоровича Зубарева:

Говорил со мною ветер...: стихи. – Кемерово, 1970. – 40 с.

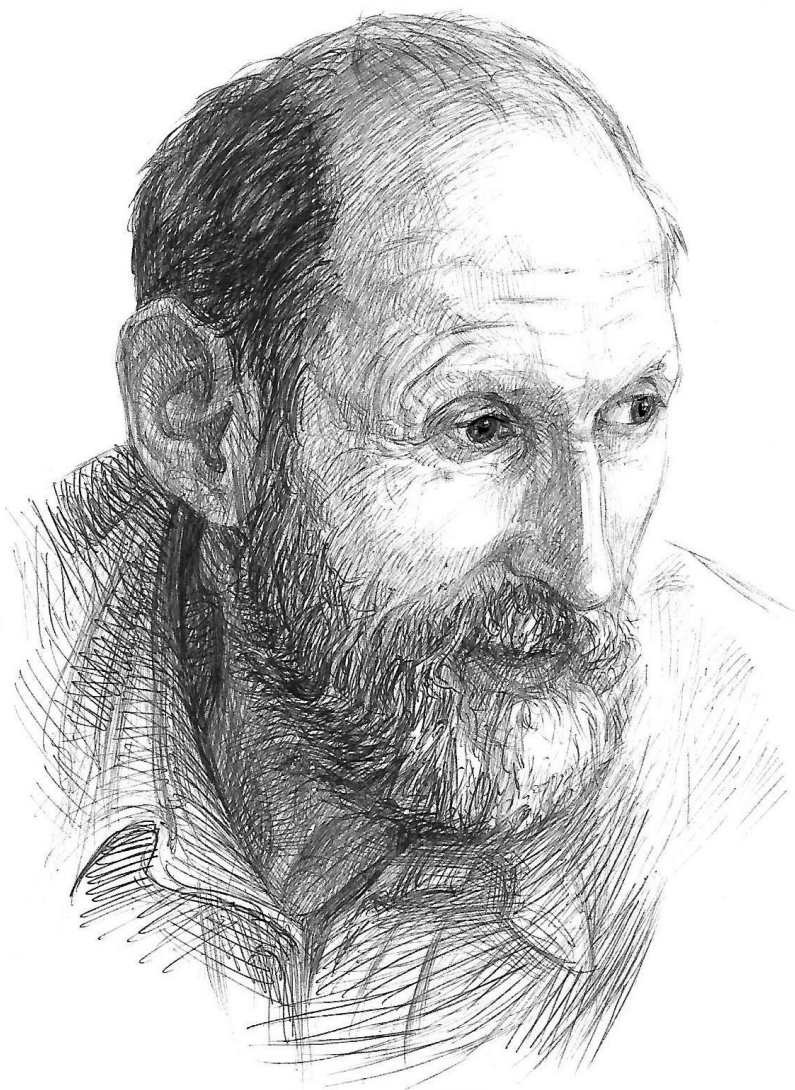
Магнитное поле: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1974. – 72 с.

Мыслящий огонь: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1981. – 144 с.: ил.

Час пик: книга стихов. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1988. – 143 с.: ил.

Другое «Я»: стихотворения. – Кемерово: Ковчезек, 1998. – 343 с.: ил.

Зеркало Бога: стихи недавних лет. – Кемерово: Сибирский писатель. – 2006. – 159 с.

Александр Гумерович Ибрагимов

28.05.1947, Прокопьевск, Кемеровская область – 18.07.2020, Кемерово.

Поэт, литературный критик. Член Союза писателей России с 1998 г.

***

И вновь на улицах – Отечественная
В июнь врывается, пыля...
И, как солдаты изувеченные,
Бредут вдоль улиц тополя.

И город, как военный госпиталь,
Когда становится теплей.
И вновь старухи шепчут: «Господи...»,
Крестясь на культы тополей.

И дворник мажет их извёсткой,
Как будто он кладёт бинты.
И ночью ярче, ярче звёзды –
Сквозь их уродливость видны.

И в город вновь война врывается
Обрубком чьей-нибудь руки,
И вновь калеки возвращаются,
И вновь смеются дураки.

И молчаливые и страшные,
И понимая, что не так... –
Их, как солдат, никто не спрашивал,
Швыря в ужасы атак!

И вновь на улицах – Отечественная,
И вдоль афиш, и вдоль реклам:
Стоят деревья изувеченные,
И тянут, тянут культы к нам...

июнь 1966 («Космоязычие», 2015)

***

Пусть будет каждому любовь
За все падения расплатой.
И будет каждому распяты,
Чтоб понимать чужую боль.

Пусть будет каждый осуждён,
Чтоб быть оправданным посмертно.
И пусть в столетье беспросветном
Ты будешь сам собой рождён.

И пусть отчаянье в груди,
Как смертный вздох, в тебе зияет.
Венец бессмертия сияет
Пусть перед каждым впереди.

Пусть лучший друг тебя предаст,
И пусть любимая покинет,
Но мир, который не погибнет,
Лишь мужество тебе придаст.

Пусть каждый станет сам собой,
Пусть будущее в нём проступит,
Пусть каждый ту черту преступит,
Которую зовут судьбой.

И расцветут над каждым вновь
Его поступки и страдания...
А впереди – как оправданье:
Пусть будет каждому любовь.

1966, 1980 («Пусть будет каждому любовь», 1983)

ОСЕНЬ ПОЭТА

Памяти Бориса Пастернака

Тонкий, как детский плач,
Блеск утренних паутинок.
Счистит глину с ботинок
Житель покинутых дач
И муравьиных тропинок.

Тайнами погребов
Пахнёт осеннее утро.
Так совершенно и мудро
Кончилось время трудов –
Не начиналось будто.

И по земле босиком,
Росою рифмы смывая,
Себя в себе забывая,
Уже раскрыт чернозём,
Как тетрадь черновая...

Вот сосновый итог.
Дверью скрипнувший воздух.
Осень в астрах и осах
С утра о его порог
Пере-
          ломила посох.

1968, 1980 («Пусть будет каждому любовь», 1983)

***

Февраль над фресками проталин,
Под грифельным изломом крыш,
И небосклон чуть-чуть притален:
Весенняя модель... – Париж!

Февраль... распахнутые шубы,
И так близка твоя щека,
И снегиреющие губы
В прогалине воротника!

февраль 1968, 1993 («Космоязычие», 2015)

ЛЕТО В ТИСУЛЕ

И белая лошадь хвостом
Играет, как веером... Осень.
Звезда над потухшим холмом
Восходит, как робкая озимь.

Любимая в кухоньке той
Растопит больную печурку.
И будет родной наготой
Меня приготавливать к чуду.

И дым, покидая трубу,
Над серой деревней кочует.
И белая лошадь в пруду
Своё отраженье почует...

август 1969 («Буквы одуванчика», 1976)

УЧИТЕСЬ УХОДИТЬ

Учитесь уходить... не потревожив тени,
Безумно улыбаясь: да-да... как странно жить.
Учитесь уходить... пересчитав ступени,
Чуть слышно повторяя: учитесь уходить...

Учитесь уходить... не потревожив двери,
Не закричав руками и не касаясь стен.
Учитесь уходить, как звери перед смертью –
Ступнями понимая, что это – насовсем.

Учитесь уходить... пока... пока не поздно,
Пока во сны любимой не просочился страх.
Учитесь уходить... учитесь – это просто...
Губами замирая у спящей на губах...

1970, 1983, 1994 («Космоязычие», 2015)

ПЕРЕД ВЫЗДОРОВЛЕНИЕМ

Сергею Донбаю

Как тропинки прогоркли:
Это оттепель – вдруг.
Запершит, точно в горле,
Птичий тающий звук.

И зажмуриться: Боже...
И в окне увидеть:
Дни всё больше и больше –
Их так сладко вдыхать.

И деревья, деревья
В этом новом году
Тало-снежные перья
Отрясают в саду.

И дышать не больнее,
Чем прощать и любить.
Дни длиннее, длиннее –
Вот и жить бы... и жить.

март 1970 («Буквы одуванчика», 1976; «Космоязычие», 2015)

ОСЕНЬ В ЖУРАВЛЯХ

Вновь старуха латает мешки,
А старик запасает уголь.
Вот и меньше стало мошки –
Это лето идёт на убыль.

Над рекою вспыхнул откос,
И насквозь продул лопатки!
И пустынный ветер унёс
С островов мотыльки-палатки...

С деревянной ногой пастух
Созерцает стадо на пляже,
Отгоняя осенних мух,
Жжёт костёр возле ржавой баржи...

Залатала старуха мешки –
Будем завтра копать картошку.
Золотую иглу тоски
Отработаю понемножку...

1974, 1995 («Космоязычие», 2015)

ПОСРЕДИНЕ ЗИМЫ

Я родился и жил посредине зимы –
В океанских снегах ... где холмы и холмы,
Где пасёт снегопады суровый пастух
И летит за окошком сверкающий пух.
Где петух «ку-ка-рре!» прокричит поутру,
И вода, как хрусталь, прирастает к ведру.
Где дочурка моя, как цветок у окна,
И ногами о лете лепечет она ...
А в распяты́е окна просиял во весь рост
Человек-Одуванчик, прилетевший со звёзд.
Земляничная тропка запнулась у ног ...
Дверь ногой распахну и шагну за порог.
И скрипит, и мерцает промёрзшая твердь
Под ногами пришедших на звёзды смотреть.
И воронками света, как вода за кормой,
Над бараком плывёт океан ледяной!
Ну, а кто там на лодке? И куда он плывёт?
Человек не учует, ну а зверь не поймёт ...
Я на звёзды смотрю. Я стою на ногах.
Волчий вой ослепительно вспыхнул в холмах.
Я не взвою в ответ. Затаились холмы.
Я родился и жил посредине зимы.

1976 («Тело судьбы», 1990; «Космоязычие», 2015)

НА РАССТОЯНИИ ЛЮБВИ

Поэма. Глава 1

Между нами расстояние Любви ... этого достаточно для встречи,
Млечная мелодия в крови, млечные в руках сияют свечи.

Мы с тобой не виделись ещё ... между нами времени зеркало.
В родинках сияющих плечо ночью сквозь окно моё мерцало.

Между нами миллионы лет... бабочки порхают и мгновенья.
Вон ручей, журчащий как браслет, выронила ты из сновиденья.

Бездны между нами ... только нам в них не затеряться как песчинкам:
В городе, горящем от реклам, в рощице столетий по тропинкам...

И когда от приступа тоски задохнусь навек под небосклоном –
Вспыхнет в пролетающем такси свет лица – созвездием знакомым.

Господи, я тихо улыбнусь ... Господи, прости за нетерпенье.
Вечность между нами, ну и пусть. Вечности равно одно мгновенье.

В Млечный путь мы вышли ... так влечёт млечная мелодия друг к другу.
Вот и сердце всюду узнаёт Будущего ласковую руку...

1981 («Пусть будет каждому любовь... », 1983)

***

И как чудо на скудной глине
Отворилось передо мной
Серебристое древо полыни,
Чуть горячее голубизной.

И сквозь изморозь узнаванья,
Преломляясь в слезах, возник
Храм-репей, трава без названья,
Муравья изумлённый лик.

август 1990 («Космоязычие», 2015)

***

Памяти Виктора Гваракидзе

Этот лист,
Эта капелька клёна,
Весь в мерцании звёзд и корней,
Задрожал и упал с небосклона,
И затих на ладони моей.

Этот лист –
Весь в прожилках сознания,
В паутине сквозного огня.
Этот вздыбленный клён мироздания,
Оглянувшийся на меня.

сентябрь 1990 («Космоязычие», 2015)

***

Блаженный зной в лесу сосновом.
Процеженная в иглах тень
Слоняется незваным словом
За мной повсюду целый день.

И буквы солнечного света
С утра шевелятся в траве,

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС ПОЭЗИИ КУЗБАССА

И мы живём в разгаре лета
От Рождества – в Седьмой Главе.

В июльском зное сенокосном,
Где полдень с молнией в руке
Грозится неприступным соснам
И отражается в реке.

Здесь с Иисусовой молитвой
Стоит душица до зимы,
И дух бессмертия смолистый
Невольно источаем мы.

Блаженный бор нерукотворный ...
У ног кирилица хвои.
Вот здесь травинкою соборной
Смирились замыслы мои.

*16 июля 1999 («Собор стихов», 2003;
«Избранные стихи», 2012)*

РАЙСКОЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Наташе

Эту самую краткую ночь,
Эти самые краткие дни
Поцелуями не превозмочь –
Неразлучны друг с другом они ...
Словно детство и старость пришли
И стоят под блеснувшим окном
В золотисто-невечной пыли,
Улыбаясь и босиком.
Эту встречу беречь – не сберечь
Нежной жалостью в тишине.

Твои руки нагие до плеч
В золотисто-закатном огне...
На ступеньках крылечка стоит
В робком соприкосании рук
Беззащитно-бессмертный старик
И его расцветающий внук.
Ваза, полная жарких цветов,
Зацвела-расцвела на столе...
И никто ещё не готов
Жить и жить без конца на земле.
Ты глядишь в розоватый просвет,
Где чуть-чуть зеленеет звезда,
В эту ночь, в это краткое «нет» –
Выдыхаешь блаженное «да»...

20 июня 2004 («Избранные стихи», 2012)

***

Слева направо бегут облака
По голубеющей влажной бумаге...
Нетороплива Божья рука,
Недосягаема в детской отваге.

Облако-детство в небе стоит,
Облако-образ, цветущий над крышей.
Ласточка медленно-быстро летит,
Словно о ней подумал Всевышний.

Ласточка, словно мгновенная мысль –
И не успеешь за мыслью угнаться.
Только и смотришь в пугливую высь –
Страшно без ласточки в небе остаться!

Ласточка вьётся и с глиной летит,
И под карнизом нежно хлопочет.
Облако-детство в небе стоит
И улетать оттуда не хочет.

Справа налево вьётся строка,
Перегоня ласточку Крыма ...
Непредсказуема Божья рука –
Непознаваема ... Неповторима.

19 апреля 2010 («Избранные стихи», 2012)

ПОЭТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСУМ АЛЕКСАНДРА ИБРАГИМОВА

Художественному миру поэзии Александра Ибрагимова присущ универсализм. Практически весь «каталог» поэтических мотивов и образов мы найдём в его стихах: веры, любви, восхищения и любования природой, творчества, памяти. Но, думается, ядром, центром поэтического мира, от которого отталкивается всё и вся, становятся образы природы, понимание и разгадывание её существования и мотив духовной жизни души.

Природа предстаёт у Ибрагимова в многогранности и разнообразии, нет такого времени года, времени суток, которое осталось бы без внимания поэта. В этом, безусловно, можно увидеть сходство с поэзией Б. Пастернака, С. Есенина, Н. Рубцова. Ибрагимов становится в этот ряд закономерно, ибо тоже считает природный мир основой бытия, необходимым и главнейшим элементом человеческой жизни. Из отношений с природой рождаются и любовь, и память, и осознание себя, и творчество, слово как таковые.

Ибрагимов стал певцом дачной жизни, воссоздав в поэзии образ Журавлей, деревенского, дачного пригорода Кемерово, тем самым вписав узнаваемое конкретно-локальное пространство в мифопоэтический текст города, придавая ему черты оригинальности, где-то даже сказочности. Жизнь на даче – это свобода, радость, сын, любовь. Журавли фигурируют в каждом природном сезоне, становясь универсальным пространством жизни и смерти, юно-

сти и старости, начала и конца, любви и разлуки. Например, замечательное стихотворение «Осень в Журавлях»: «Вновь старуха латает мешки, А старик запасает уголь. Вот и меньше стало мошки – Это лето идёт на убыль...». Мы видим и пушкинских старика и старуху, занимающихся вполне обычным делом – подготовкой к уборке картошки и будущей зиме, не спорящих о несбыточном, смирившихся. И пастуха с деревянной ногой (баба-Яга в мужском обличье), ожидающего у реки будущего Ивана-царевича. И осеннюю неизбежную тоску, которую можно растворить в рутинной работе. Обыденное и бытовое растворяется и сочетается с мифологическим, литературным, универсальным, поэтому природа никогда не бывает скучной, в ней тайна, тайник, храм, идёт постоянная работа разных начал, независимо от времени года. Весна: «Как тропинки прогоркли...», «Слева направо бегут облака...»; лето: «Лето 1993 года», «Настоян бор на Божьем свете...», «Влажно-зелёный летний закат»; осень: «Воспоминание», «И всё-таки осень... Стрекочет косилка», «Жёлтый лист упадёт...»; зима: «Снегопад». Лирический герой Ибрагимова постоянно помнит о собственном месте в природном бытии и приветствует это положение.

Другим значимым мотивом, как мы уже обозначили, становится мотив духовной работы над собой, духовной жизни души. С 1999 года в жизни поэта начинается важный этап воцерковления. Он посетит Могочинский, Псково-Печерский и Валаамский монастыри. Отношения с Богом, Его ощущение в природе, сыне, в душе, в бытии – станут неотъемлемой частью поэзии Ибрагимова. Рассмотрим несколько примеров.

Стихотворение «Слева направо бегут облака...» в своё время входило в сборники «Избранное» и «Солнцестояние» (Весна). Казалось бы, совершенно пейзажное стихотворение, посвящённое приходу весны, прилёту ласточки: «Ласточка вьётся и с глиной летит, / И под карнизом нежно хлопочет». Но весь этот мир – Божий, он создан по определённом замыслу, и полёт ласточки, приход весны, облако, похожее на детство, стихи, бегущие по бумаге, имеют своё место, объяснение и, одновременно, тайну. Человек и приходит в этот мир, чтобы увидеть в нём Бога, почувствовать и понять. «Непредсказуема Божья рука – / Непознаваема... Неповторима». Ещё один пример – «Блаженный зной в лесу сосновом». Эпитет «блаженный» уже указывает на присутствие высшей силы. Она растворена в природе, в словах стихов, в душе человека. И человек, и природное бытие оказываются посто-

янно вписанными в круг божественного существования: «И мы живём в разгаре лета / От Рождества – в Седьмой Главе», «Здесь с Иисусовой молитвой / Стоит душица до зимы...». Поэтому жизнь человека, соотносясь с Божественным присутствием, должна быть наполнена смирением и покаянием: «Вот здесь травинкою соборной / Смирились замыслы мои». Ещё один пример из стихотворения «Под утро обморочный сад...»:

*Прививок нет от одиночеств.
Нет ни Отечества, ни отчеств,
И пять столетий до утра...
Шептал Господь, меня любя:
«Да сохранит судьба тебя...»*

Господь не только сотворил мироздание, он проявляется в самых бытовых предметах: в бутылке, вилке, салате, свечке, в зелени сада. Но главное ощущение лирического героя связано с присутствием Господа в его жизни, душе, судьбе. Любовь Господа хранит человека, спасает от греха и ошибок, ибо Бог есть Любовь. Абсолютная уверенность в данной аксиоме хранит человека в поэтическом мире Ибрагимова.

Художественный мир поэзии Ибрагимова строится во многом на форме четверостишия. В этом смысле можно утверждать, что поэт продолжает традицию русской лирики, особенно характерную для Серебряного века и поэзии О. Мандельштама. Важно, что один из поэтических сборников называется «Крест русского четверостишия», это доказательство того, что данная стихотворная форма имела фундаментальное значение для поэта. Четверостишие – форма ёмкая, позволяющая вместить очень короткие, но глубокие мысли. Например, четверостишие «28 апреля 1947 года», посвящённое дню рождения поэта:

*Я родился в раю – рай ютился в аду.
На весеннем обрыве войны – жгли ботву, как во сне...
И звенел Млечный Путь о ведёрко в апрельском саду,
И парным молоком облака розовели в окне.*

Мы видим и ситуацию вхождения в жизнь послевоенного поколения, связанную с недоеданием, последствиями войны, бытовым неустройством – всё это определяется ёмким словом «ад». Но поэт фиксирует и ощущение

чуда рождения, новый человек приходит в мир, и мир отзывается звоном Млечного Пути, апрельской капелью, розовеющими облаками в небе. Ребёнок связан со всем бытием, и с бытом, находящимся в горизонтальной плоскости («жгли траву...»), и с круговоротом планет, созвездий, времён года, находящимся в вертикальной плоскости. Ситуация рождения оказывается универсальной для каждого отдельного человека. Подобный универсализм находим и в четверостишии о любви, и в четверостишии о поэте:

*Ему Её любить,
А Ей не в том столетье
Случайно обронить
Перчатку на паркете...*

Время, столетье, эпоха становятся не важны, когда речь идёт о любви, поэтому оброненная перчатка может быть знаком любви как в 19-м столетии, так и в 20-м, и в будущем. Поэзия души оказывается важна только для самого поэта и немного для вечности. Об этом четверостишие «Поэт»:

*Сначала писал стихи всему человечеству.
Затем единственной – только Ей.
Потом – для птиц... и у жерла вечности
Книгу издал для души своей.*

Или такой пример:

*Это – весна. Это бредит весна!
Воздух, дрожащий каплями лета,
В глянце распахнутого окна –
Рукопись, ручка и вихрь поэта.*

Запоминается, захватывает, завораживает ёмкий и многозначный образ весеннего воздуха, в котором уже живёт будущее лето, будущие грозы-дожди, будущая любовь и полнота летнего цветения. И, естественно, последняя строфа отсылает к мотиву творчества, к уже написанному или написанному в будущем, к смыслам, только складывающимся в сознании поэта. Атрибуты поэтического труда в разные эпохи и различны, и одинаковы: бумага, перо, ручка, рукопись, вдохновение. Как не вспомнить здесь стихотворение Б. Пастернака «Мчались звёзды...» из цикла «Тема с вариациями», Ибрагимов

во многом откликается на пастернаковскую мысль о вселенской значимости только что написанного «Пророка» А. С. Пушкина. Весна, беременная будущим летом, мироздание запечатлеваются в словесном «вихре поэта», он становится пророком бытия. Нечто похожее находим и в таком четверостишии:

*Зелень бора и снег облаков,
Синевы раскалённая влага...
Вот и всё, что пришло из веков,
Что, струясь, отражает бумага.*

Слова отражаются в окружающем бытии, но и природный, бытийный мир отражается в стихах, словах, мыслях. Поэтому каждое четверостишие афористично по своей сути, выражает универсализм жизни.

В конечном итоге поэзия Ибрагимова затрагивает именно универсальные категории и мотивы существования человека в реальности. Как точно это сфокусировано в стихотворении «Пусть будет каждому любовь...». Стихотворение-мольба, стихотворение-молитва, несущее мысль о предначертанности каждой судьбы, каждого поступка, каждого шага. Каждый получит по заслугам, но, в конечном счёте, всех смирит и примирит любовь. Думается, именно любовь – к Богу, природе, женщине, ребёнку, брату по перу, человеку – становится краеугольным камнем в фундаменте поэтического здания Александра Ибрагимова.

Ирина Ащеулова.

БИОГРАФИЯ АЛЕКСАНДРА ИБРАГИМОВА

Поэт Александр Гумерович Ибрагимов родился 28 апреля 1947 года в городе Прокопьевске Кемеровской области. Детство прошло в деревне Спиченково Прокопьевского района с любимыми бабушкой Олей и дедом Андрианом. Отец Гумер Александрович Ибрагимов родился в 1923 году в г. Прокопьевске, был призван в армию 9.10.1941 года, участвовал в обороне Москвы, был ранен под Клином, награждён медалью «За боевые заслуги». После двух ранений красноармеец 365-й дивизии 30-й армии Гумер Ибрагимов получил инвалидность 2-й группы и с марта 1943 года служил в Прокопьевском горотделе НКВД. В 1949 году после окончания двухгодичной след-

ственной школы в Москве работал в областном комитете госбезопасности (КГБ). В 1950 году семья Ибрагимовых переехала в Кемерово. Полковник Г. А. Ибрагимов уволился из органов в 1971 году по состоянию здоровья. Мама Ида Андриановна Ибрагимова – педагог по образованию, заочно окончила факультет дошкольного воспитания Кемеровского пединститута, заведовала детским садом. В семье было два сына: первенец Александр и его младший брат Олег. Любовь к книгам и чтению привила мама, в семье была большая домашняя библиотека. Стихи Саша начал писать в школьные годы с 13 лет. С 1964 года являлся участником Кемеровского творческого объединения молодёжи (КТОМ), где его заметил Е. С. Буравлёв. Юные поэты собирались по четвергам в здании Кемеровского горкома комсомола. В 1965 году Александр окончил 10 классов кемеровской школы № 41, в этом же году в областной газете «Кузбасс» (12 августа) и альманахе «Огни Кузбасса» (№ 16) появились первые публикации стихотворений восемнадцатилетнего поэта. Через одиннадцать лет, когда поэту исполнилось 29 лет, в Кемеровском книжном издательстве вышла первая книга стихов «Буквы одуванчика» (1976) с предисловием Фазиля Искандера. О книге хорошо отозвался поэт Эдуардас Межелайтис.

В конце 1966 года Александр уехал в Киев, затем вернулся в Кемеровскую область, с 1969 года несколько сезонов работал на лесосплаве на Томи, в 1970 году – гидромониторщиком на Чукотке. С 1971 года жил в Кемерово, работал дворником, пожарным, занимался торговой рекламой. В 1974 году окончил заочное отделение филологического факультета Кемеровского государственного университета, дружил с кемеровскими поэтами Виталием Крёковым, Николаем Колмогоровым, Сергеем Донбаем, Владимиром Соколовым.

В 1982 году Александр уехал с женой Зоей (поэт звал её Анной, чтобы их имена начинались с общей буквы) и дочерью Ольгой в п. Замульта Усть-Коксинского района Республики Алтай, где родилась вторая дочь Лея. В первой половине 1980-х годов Александр Ибрагимов был связан с рериховским движением. В 1986 году семейные отношения разладились, начался новый жизненный период: крещение, встреча с Натальей Торощиной, венчание с ней в 1987 году, переезд в Томск. В 1990 году в семье Александра и Натальи Ибрагимовых родился сын Ладо. В 1988-1991 годы руководил студенческим городским литературным объединением при Томском институте автоматизированных систем управления и радиоэлектроники (ТИАСУР).

Вернулся в Кемерово и с 1993 года руководил творческой Мастерской «АЗ» (АЗиЯ) при Кемеровском государственном университете. В Творческом Круге Мастерской «АЗ» занимались будущие профессиональные поэты Дмитрий Мурзин, Андрей Пятак, Алексей Петров, Андрей Правда и др. Мастерская «АЗ» провела десять состязаний молодых поэтов города Кемерово «Апрель-апрель!». С 1995 года был создателем и художественным редактором молодежного литературно-публицистического журнала «После 12», который в 2015 году отметил своё двадцатилетие. Главный редактор журнала «После 12» – супруга поэта Наталья Геннадьевна Ибрагимова.

В 1998 году Александр Ибрагимов был принят в Союз писателей России, был членом бюро «Союза писателей Кузбасса», членом жюри областного молодежного конкурса «Свой голос», составил и подготовил к изданию более двадцати книг стихотворений молодых поэтов. Стихотворения и поэмы Александра Ибрагимова публиковались в московских журналах «Наш современник», «Москва», а также в журналах «Литературная Грузия» (Тбилиси); «Сибирские Афины» и «Начало века» (Томск); «Сибирские огни» (Новосибирск); «Бийский Вестник» (Алтайский край); «День и ночь» (Красноярск); «Огни Кузбасса» и «После 12» (Кемерово). С 1970 года поэтические произведения Александра Ибрагимова входили во все издаваемые в Кемерове коллективные сборники: «День поэзии» (1970); «Дыхание земли родимой» (1979); «Песнь о Сибири» (1982); «Дороже серебра и золота» (1994); «День поэзии» (1994); «Пять стихотворений о любви» (1998); «На родине моей выпали снега» (1998); «Площадь Пушкина» (1999); «Поэты университета» (2004); «Собор стихов» (2005); «Писатели Кузбасса: Хрестоматия. Проза, поэзия» (2007); «Русская сибирская поэзия: Антология. XX век» (2008); «День поэзии: Фёдоровские чтения в Марьевке» (2008); «Поэзия Кузбасса: XX – XXI век. Поэты 70–80-х. Том 3» (Кемерово, 2014); «Солнцестояние» (2016), «Паровоз – пятьсот колёс» (2017).

В 1999 году начался период воцерковления: поездки в Могочинский, Псково-Печерский и Валаамский монастыри. В 2002 году была издана шестая поэтическая книга «Крест русского четверостишья». В 2003 году А. Г. Ибрагимов совместно с поэтами Б. В. Бурмистровым и С. Л. Донбаем подготовили книгу православной поэзии «Собор стихов», за которую в 2005 году поэты-составители были удостоены Всероссийской литературной премии им. Святого благоверного великого князя Александра Невского. В

2007 году вышла в свет книга документально-поэтической прозы «Белый Квадрат», за которую в 2009 году А. Г. Ибрагимову была присуждена областная литературная премия им. А. Н. Волошина. В 2012 году автор восьми книг стихов и прозы стал лауреатом премии Кузбасса. Итогом полувекового служения поэзии стало двухтомное издание стихотворений и поэм «Космоязычие» (2015). Среди наград – Почётная грамота Министерства культуры РФ и Российского профсоюза работников культуры (2009); областные медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2002), «За веру и добро» (2004), «За служение Кузбассу» (2007).

А. Г. Ибрагимов скончался 18 июля 2020 года. 20.08.2020 в Знаменском соборе г. Кемерово прошло отпевание и прощание с поэтом. Поэт завещал развеять свой прах над горой Белухой, одной из крупнейших горных вершин России (находится в Усть-Коксинском районе Республики Алтай).

Книги Александра Гумеровича Ибрагимова:

Буквы одуванчика: Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1976. – 80 с.

Пусть будет каждому любовь. Стихи, поэмы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1983. – 88 с.

Тело судьбы. Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1990. – 176 с.

Моя трава зеленоглазая. Стихи. – Кемерово: Сибирский родник, 1994. – 64 с.

Это лето всех лет. Стихотворения. – Кемерово: Азия, 1997. – 78 с.

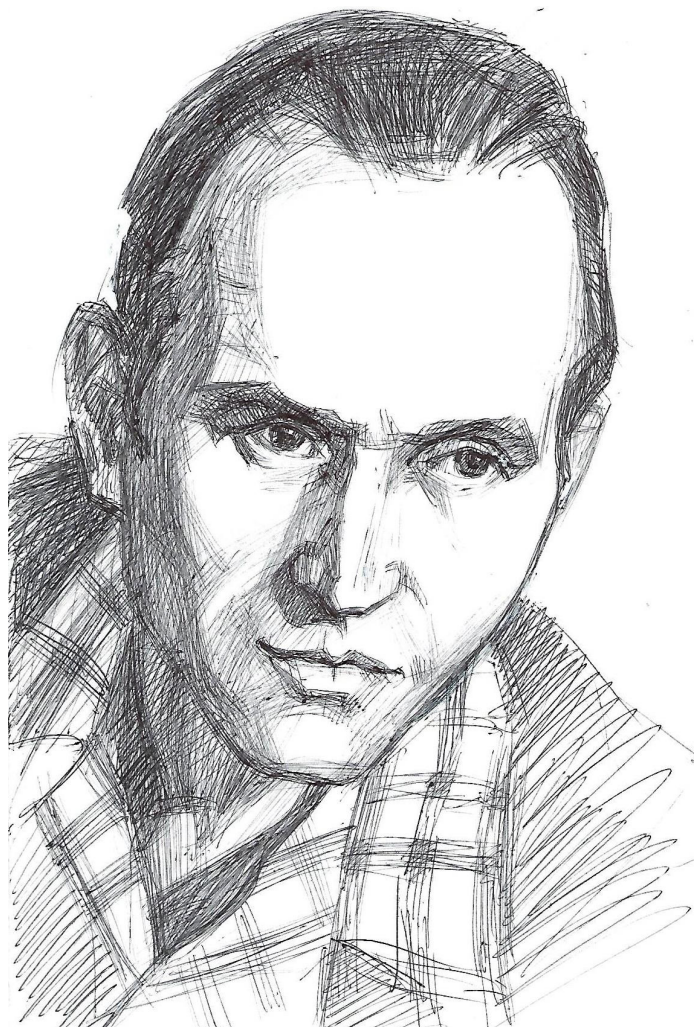
Крест русского четверостишья. Стихи. – Кемерово: Творческая мастерская «АЗ» КемГУ, 2002. – 94 с.

Белый квадрат: Поэт о поэте. – Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2007. – 256 с.

Избранные стихи. – Кемерово: РекламСити, 2012. – 84 с.

Космоязычие. Стихи. В 2-х т. Т. 1. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2015. – 407 с.

Космоязычие. Стихи. В 2-х т. Т. 2. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2015. – 579 с.

Владимир Алексеевич Измайлов

*1 января 1926 г., село Быстрый Исток, Алтайский край –
23 ноября 1989 г., Кишинёв.*

Поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей СССР с 1963 года.

***

Он тѣк вначале меж камней,
 Меж кочек, по траве зелёной,
 Готовый раствориться в ней,
 Чтоб зря не падать с крутосклона,
 Всосаться в землю, в корни трав,
 Цветов, кустарников, деревьев,
 Он, иссякая, был бы прав
 В своём труде, простом и древнем.
 Но – склон был крут.

И он познал

Всю невозвратность вспять,
 к истоку –
 Неотвратимо крутизна
 Путь перерезала потоку.
 И, не ища судьбы другой,
 В восторге дерзкого порыва,
 Собравшись – весь! – волной тугой,
 Он смело ринулся с обрыва
 И, падая, взлетел на миг,
 Весь солнцем в радугу расцвечен,
 В порыве дерзостном велик,
 И во мгновенном взлёте вечен!
 И торжествующей грозой
 Он мир камней бросает
 в робость ...
 ... А мог бы источать слезой
 Своё бессилье в ту же пропасть ...

(«Разбуженное сердце», 1963)

ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ

Я гляжу взволнованно, по-детски:
Будто снег, застывший на лету,
Яблони цветут в Новокузнецке,
Яблони цветут.
Мне руками хочется потрогать
Их голубовато-белый дым,
Что, смягчая стройных улиц
строгость,
Делает весь город молодым.
Люди прозорливо рассмотрели
Нужность гениального мазка
Яблоневого тонкой акварели
В мощной панораме КМК...
Снова с неожиданною силой
Город ваш овладевает мной,
Как-то по-весеннему красивый,
Как-то по-особому родной.
Радостно взволнованный, по-детски
Лепестки ловлю я на лету.
Яблони цветут в Новокузнецке,
Яблони цветут...

(«Разбуженное сердце», 1963)

***

Мой товарищ спросил у меня без затей:
– Отчего в Междуреченске много детей?
Как пойдёшь по проспекту, так даже на взгляд
Впрямь, не город в тайге,
А сплошной детский сад!..

Отчего?
Оттого, что красивы места,
Оттого, что вода родниково-чиста,
Оттого, что, на улицы хлынув весной,
Как вино, кружит головы запах лесной,
Оттого, что, когда зацветут огоньки, –
Старики для старух заплетают венки!
И мужья, от забот отвлекаясь дневных,
Замечают, что жёны красивы у них!..
Оттого, что увидишь, куда ни пойдёшь, –
Молод город и строит его молодёжь.
Ах, завидуйте, старые города, –
Здесь любовь по-особенному молода!
Водят парни девчат на оранжевый луг,
Осыпая цветами-огнями подруг.
А черёмуха!
Вся побелела гора!..
И не спит молодёжь,
И поёт до утра.
А когда напоятся, когда замолчат...
Ожидай, старики, голосистых внучат!
Мой товарищ спросил у меня без затей:
– Отчего в Междуреченске много детей?
Я плечами пожал, отмахнулся рукой:
– Отчего?
Да, наверное, климат такой!..

(«Заснеженные сосны», 1967)

ПО БЫЛОМУ ПЕРЕДНЕМУ КРАЮ

Я тихонько иду
По былому переднему краю,
И сквозь пламя зари
Мне былое видней и видней.
Обжигается память,
По звеньям перебирая
Раскалённую в битвах
Цепь кованных мужеством дней.
Задышается память,
Идя в лобовую атаку,
Спотыкается память,
Ложась под кинжальным огнём,
Напрягается память,
Взрываясь гранатой под танком,
И крылато взлетает,
Спеша за бегущим врагом...

Дни боев,
Дни побед!..
На любом рубеже вам
Память памятник ставит,
Напоминает, строга,
Как от Пушкинских гор,
Из-под грозных высот Новоржева
В Прибалтийский «котёл»
Мы за месяц загнали врага.
Вспоминаю атаки
И кровью кипящие раны,
И привычность смертей
На великом победном пути...

А вокруг – всё спокойно,
И как-то легко мне и странно,
Что следов боевых
Не найти,
Не найти,
Не найти...

Сыплет снег,
Сыплет снег –
Ничего разглядеть невозможно,
Будто пухлые нити
Меж землею и небом висят.
И над мирной землей –
Ни тревог,
Ни боев,
Ни бомбёжек,
И на тысячи верст –
Снегопад,
Снегопад,
Снегопад...
Будто лёд в моём сердце
Неслышно и сладко растаял,
Вся военная боль
Только памятью сердца слышна.
На спокойной земле
Тишина застоялась густая
И на тысячи вёрст –
Тишина,
Тишина,
Тишина...
Словно звенья цепочки,
Я памятью перебираю

Раскалённые дни –
Ни один не остыл,
Не остыл.
Мне всю жизнь проходить
По былому переднему краю,
Я уйти не могу
Ни в запас,
Ни в отставку,
Ни в тыл ...

(«Заснеженные сосны», 1967)

НА ДАЛЬНОМ РУБЕЖЕ АТАКИ

... Всё скрыто дымкой,
Скрыто дымкой,
И снег висит как пелена.
Со мною рядом невидимкой
Идёт война,
Идёт война.
Она вопит безмолвным воплем,
Она – во мне,
Она – со мной ...
Я в зимней тишине утоплен,
Захлёбываюсь тишиной.
И в ней, звенящей и зловещей,
Вновь падаю на землю ниц,
А взрывы блещут,
Взрывы блещут
Бесшумной яростью зарниц.
Дрожит земля ...
От этой дрожи
На миг лишь ноги подогнём

И встать не можем,
Встать не можем –
И погибаем под огнём.
Минуты тают,
Жизни тают...
Но вот мои семнадцать лет
Сквозь смерть взлетают,
В жизнь влетают –
И цепь встаёт за мною вслед.
«Ура» и мёртвого поднимет,
И бросит в панику врагов, –
И смерть над ними,
Смерть – под ними!..
А я – бессмертнее богов,
Не взят ни миной,
Ни снарядом,
Не скошен пулей наповал.
... А где-то рядом,
Где-то рядом
Товарищ мой отвоевал.
Кровь брызнула в сугробы дробно –
И кровь горит,
И снег горит,
... Как мирно,
Неправдоподобно
На снег присели снегири.

(«Заснеженные сосны», 1967)

***

Высоты помним,
Сёла,
Города...
А на поляне, от жилья в сторонке,
Земля затравенелая тверда –
Заплыли и траншеи, и воронки.
Всё отошло...
Отплакали ветра
Над павшим и забытым после боя.
И двадцать лет шумит, шумит ветла,
Что выросла здесь так, сама собою.
Не ветер ли, бродяга, посудил,
Что жаль могилы, позабытой всеми,
Да издали принёс и посадил
Выносливо-бесхитростное семя?
В безвестность канул
И остался там –
От мест жилых,
От всех живых не близко...
А сколько их по всем былым фронтам,
Которым ни креста, ни обелиска!
Поляна и спокойна, и светла,
Весной в цветах,
Зимой в сугробах тонет.
Под ветром, дрогнув, заскрипит ветла,
А чудится, что человек застонет.

(«Человеку нужна любовь», 1967)

***

Над Междуречьем небо синее,
 А по лугам и по горам
 Годубовато-нежным инеем
 Туман струится по утрам.
 И так услышать удивительно
 В полночный сокровенный миг,
 Как звонкий плеск Усы стремительной
 Перекрывает шум Томи!
 Повеет свежестью и холодом
 Простор речной,
 Покой лесной,
 И дышится свежо и молодо
 Любовью,
 Радостью,
 Весной.

(«Разбуженное сердце», 1963)

РАЗВЕДЧИК И ГАЗЕТЧИК

Владимир Алексеевич Измайлов относится к поэтам, прошедшим с боями по фронтам Великой Отечественной войны. Измайлов был разведчиком, а у них судьба на фронте особая. Разведчики всегда находились в опасности, их в любой момент могли обнаружить и убить, и надеяться они могли только на себя, на свою сноровку, выдержку, умение, хитрость. В той жестокой борьбе он выжил, хоть и стал инвалидом.

Стихи Владимир Измайлов писал с детства, однако как поэт сформировался в грозные годы войны. На войне он научился чувствовать и мыслить широко, здесь возникло и окрепло его неравнодушное отношение к жизни, людям, к событиям эпохи. Тема войны впоследствии стала ведущей в творчестве поэта. «В войну разведчик, после войны – газетчик», – так писал он о себе. Воссоздание героической атмосферы незабываемых лет, мужество и отвага своих товарищей, чувство вины оставшихся в живых перед обездолен-

ными матерями и вдовами, осиротевшими детьми и память о войне, которая не оставляет ни на минуту: «Со мною рядом невидимкой идёт война, идёт война. Она вопит безмолвным воплем, она – во мне, она – со мной...» (стихотворение «На дальнем рубеже атаки»).

Война изранила душу, но не отняла у поэта веры в людей и собственные силы. Герои стихов Измайлова – сибиряки, те самые, которые отстояли Москву в жестокой битве. Измайлов славит их стойкость, умение противостоять любым бедам. Работящие, отзывчивые и честные люди, работающие на земле, на стройках, и сибирячки, умеющие молча преодолевать вдовье горе и любить: «Неизбывное избывают и не могут никак избыть» (стихотворение «Вдова»).

Поэт восхищается послевоенными сибирскими городами, где не только работают промышленные гиганты и добывают уголь, а ещё и яблони цветут: «Я гляжу взволнованно, по-детски: будто снег, застывший на лету, яблони цветут в Новокузнецке, яблони цветут» (стихотворение «Яблони цветут»).

Владимир Измайлов влюблён в свою страну, где текут быстрые реки, шумит тайга, хозяйствует зверьё и всё полно тайн, которые манят к себе. Ему, прошедшему войну, всё дорого: и рассвет над рекой, и красота лета, и щедрость ливня, и тепло солнца, и говор родника, и полёт гусей. Его волнует также и отношение человека к земной красоте:

*Спел я песню про гусей-лебедей,
 Про озёр далёких синие глаза.
 На которые никто не поглядел,
 Про которые никто не рассказал:
 Где непуганая сказка живёт,
 Где в стеклянный океан тишины
 Утром зорька алая плывёт
 В голубом покое сонной волны.*

(«Спел я песню...»)

Он восхищается природой и ненавидит тех, кто её разрушает, кто не ценит красоту и духовное совершенство человека: «Пахнет росой и мёдом, в ярких цветах трава... Как же ты, Мать-Природа, в мудром покое права!» («О покое»). Советская поэтесса Вера Инбер так оценила стихотворения Владимира Измайлова с сибирской тематикой: «Природа родного края во

многим предопределила характер творчества Измайлова. У его стиха твёрдая поступь и широкое дыхание подлинного таёжника. Измайлов одинаково хорошо понимает и человека в тайге, и зверя в тайге».

В стихотворениях Владимира Измайлова есть гражданская тематика и острая публицистичность.

Есть логика борьбы.

За или против.

А воздержавшихся в борьбе

не признают.

И нет нейтральной полосы на фронте –

По ней всегда и те, и эти бьют!

(«Триптих о логике борьбы»)

Каждой своей строкой он выступал как борец за подлинную красоту, добро и правду. Он и в мирной жизни оставался солдатом, только теперь уже солдатом поэзии: «Нет преград между миром и мной, нет защиты от сложностей жизни, – мне темно, если в мире темно, трудно мне, если трудно Отчизне». Владимир Алексеевич Измайлов ушел из жизни 23 ноября 1989 года, оставив на память стихи с пожеланиями: «Человеку не надо жалости, и щедрот, подносимых на блюде, люди, будьте добры, пожалуйста, будьте гордыми, люди!»

Екатерина Тюшина.

БИОГРАФИЯ ВЛАДИМИРА ИЗМАЙЛОВА

Родился Владимир Алексеевич Измайлов 1 января 1926 года в старинном селе Быстрый Исток Алтайского края, где окончил семилетку, вступил в ряды ВЛКСМ. Работал избачом, табельщиком, счетоводом на золотых приисках Алтая. В 1943 году был призван Турочакским райвоенкоматом Ойротской автономной области (позднее – Горно-Алтайская АО, Республика Алтай) в действующую армию, был помощником командира взвода 87-й отдельной разведроты. В июле и декабре 1944 года был дважды ранен в руку и голову, затем было третье ранение и контузия. Боевой путь прошёл от хутора Новорусова (Адыгея) до города Либавы (сейчас – Лиепая, Латвия). Гвардии сержант Владимир Измайлов был награждён орденом Отечественной войны

II степени, медалями: «За победу над Германией», «За участие в Великой Отечественной войне». Двенадцатого февраля 1946 года демобилизовался и приехал в Кузбасс. Работал в Горной Шории на Таштагольском руднике комсоргом, диспетчером, экскаваторщиком, затем инспектором районного отдела народного образования. В 1953 году перешёл на журналистскую работу. Его репортажи, корреспонденции, первые стихи публиковались в областной газете «Кузбасс».

С 1950 года стихи Владимира Измайлова регулярно печатались в журнале «Сибирские огни» (Новосибирск), а с 1951 года – в журнале «Сталинский Кузбасс» (Кемерово), который в 1954 году был переименован в «Огни Кузбасса».

С 1958 года В. А. Измайлов занялся профессиональным литературным трудом, жил в Кемерове. На областном радио вёл цикл передач «Страна Поэзия». С 1963 года Владимир Алексеевич Измайлов – член Союза писателей СССР. В 1965-1967 годах был членом редколлегии альманаха «Огни Кузбасса». В июне 1966 года вместе с Ярославом Смеляковым руководил секцией «Поэзия» во время работы Зонального семинара молодых писателей Западной Сибири и Урала в Кемерове.

Первый сборник стихов Измайлова «Широкая дорога» вышел в Кемерове в 1953 году. В Кемеровском книжном издательстве вышли сборники его стихов «Родней родного» (1959), «Твой город» (1961), «Разбуженное сердце» (1963), «Я здесь свой» (1965), «Человеку нужна любовь» (1967); книга рассказов «Последний перевал: Из рассказов про деда Самою» (1964). Дед Самой родился из устных рассказов, почти из анекдотов. Анекдотичность этих рассказов заключалась в постоянном столкновении суеверий и привычек старого охотника с новой жизнью.

Стихотворения Владимира Измайлова вошли в сибирские антологии: «Сибирь поэтическая» (Кемерово, 1966), «Антология сибирской поэзии» (Иркутск, 1967). В 1966 и 1967 годах стихотворные подборки Измайлова опубликовали московские журналы и газеты: «Огонек», «Москва», «Литературная Россия», «Советская Россия», «Труд». В 1967 году издательство «Советская Россия» выпустило сборник его стихотворений «Заснеженные сосны», в 1970-м – «Рассказы про деда Самою», а в 1988 году – сборник рассказов «Кедровый букет».

С конца 1960-х годов Владимир Алексеевич жил в городе Кишинёве (Молдавия). Преодолевая болезни и разлуку с сибирской землей, он продол-

жал писать. В Кишинёве были изданы шесть книг его стихов, поэм, рассказов. В Молдавии ему было присвоено почётное звание «Заслуженный деятель искусств Молдавской ССР». Владимир Алексеевич Измайлов ушел из жизни 23 ноября 1989 года, похоронен в Кишинёве.

Книги Владимира Алексеевича Измайлова:

Широкая дорога: стихи. – Кемерово: Кузбасс, 1953. – 110 с.

Родней родного: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1959. – 88 с.

Твой город: стихи для детей [о городе Кемерово]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1961. – 44 с.: ил.

Разбуженное сердце. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1963. – 117 с.

Дед Самоя, кам Шатней и закон тайги: рассказ. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1964. – 18 с.: илл. (Библиотечка одного рассказа)

Последний перевал: Из рассказов про деда Самою. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1964. – 56 с.

Я здесь свой: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1965. – 104 с.

Заснеженные сосны: стихи. – М.: Советская Россия, 1967. – 127 с.

Человеку нужна любовь: стихи / Вступит. ст. С. Смирнова. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967. – 119 с.

Неповторимость: Стихи. – Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1969. – 143 с.: ил.

Рассказы про деда Самою. – М.: Советская Россия, 1970. – 87 с.

Поздний листопад: Рассказы. – Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1971. – 163 с.;

Проплывёт моя память...: Стихи и поэма. – Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1975. – 135 с.

Через три смерти: поэмы. – Кишинёв: Литература артистикэ, 1978. – 178 с.

Не учатся любви...: Стихи и поэмы. – Кишинёв: Литература артистикэ, 1981. – 280 с.

Избранное: стихи, поэмы, рассказы. – Кишинёв: Литература артистикэ, 1987. – 560 с.

Кедровый букет: Рассказы / Вступит. ст. В. Астафьева. – М.: Сов. Россия, 1988. – 286 с.

Игорь Михайлович Киселёв

*3 марта 1933 г., село Павловское, Алтайский край –
19 ноября 1981 г., Кемерово.*

*Поэт, журналист. Член Союза писателей СССР
с 9 декабря 1970 года.*

В ЛЕСУ

Как дышится в лесу!
Как льдинки горлом льются!
Как будто пьёшь росу
Из блестящего блюда.

Слеза или хрусталь,
Следы насквозь промокли,
И даль в слезах, и даль
Сквозь слёзы – как в бинокле.

Как слышится в лесу!
Заполнив чащу с верхом,
Мчит эхо на весу
По веткам, как по вехам.

Далёкий скрип сосны
Доносится с опушки,
И жалобы кукушки
Прозрачны и ясны.

Как пишется в лесу!
Лес, приглушив гуденье,
С листа прогнав осу,
Дарует вдохновенье.

А луч позолотил –
И в просеках мелькнули
Обрывки паутин
Из хроники июля.

Как верится в лесу
В загаданное счастье!
Уйти в седьмом часу,
Оглядываясь часто.

Жаль, тени по лицу –
Некрепкая завеса...
Как хочется в лесу
Не уходить из леса!

сентябрь, 1965 год («Перецвет», 1966)

СТИХИ О НАТАШЕ РОСТОВОЙ

Ах, Наташа Ростова, Наташа Ростова!
До чего ты мне нравилась,
Честное слово!
Я влюблённым в тебя приходил на уроки,
Я бродил, как Болконский – печальный и строгий.
И друзья меня спрашивали некрасиво:
– Что за муха, приятель, тебя укусила?
Я надменно молчал.
Ведь они не видали,
Как под вечер, у клёнов одних на виду,
Задыхаясь, бежала ко мне на свиданье
Длинноногая девочка в школьном саду!
Как цвели её тёмные в сумерках ленты,
Как она говорила, картавя слегка:
– Вот покрепче себя обхвачу под коленки
И – держи! – улечу от тебя в облака!
Не шутя говорила она.
Не нарочно.

Потому что была она, как лепесток.
И, пугаясь, придерживал я осторожно
Невесомый, точёный её локоток.
Улетела Наташа.
Куда же?
Туда же,
Куда все, повзрослев, улетают Наташи,
Оставляя на память нам школьные ленты,
Поселяя в нас память о солнечном лете,
Подарив нам печаль, от которой не спится
И которой в стихи суждено превратиться.
Всё стареет:
        и рощи,
        и вальсы,
        и шутки ...

Напиши мне, пожалуйста, не угаи,
Где теперь опадают твои парашюты?
Где теперь облетают ромашки твои?

Здесь по-прежнему сумерки бредят цветами,
И под теми же клёнами,
Не на виду,
Задыхаясь, к кому-то бежит на свиданье
Длинноногая девочка в школьном саду.

август, 1965 год («Перецвет», 1966)

***

Здесь ветер с моря пахнет рыбой
И свежестиранным бельем.
...А мы с тобой прожить могли бы
На этом острове вдвоём?

Бродить по сопкам низким этим,
Валяться в реденькой тени
И знать, что никого не встретим,
Что мы на острове одни.

Глядеть на волны в мыльной пене,
Скучать, рыбачить по утрам
Да слушать в раковинах пенье
Далеких неизвестных стран.

Мы знаем горький вкус разлуки,
Прохладу ссор и радость встреч.
...От одиночества и скуки
Смогли б мы нежность уберечь?

(«Перецвет», 1966)

КОНЬ

Как он шёл, подлец!
Как он шёл!
Как заря по нему стекала!
Бронзовела
    с отливом в шёлк
Шея, выгнутая лекалом.

Как сверкала дуга на нём
С бубенцом из весёлой стали!
По шоссе проливным дождём
Ноги тонкие грохотали.

Неприступный! –
Попробуй тронь! –

Статью хвастая незнакомо,
Подлетал к сельсовету конь
Представителя из райкома.

В сельсовете скрипела дверь.
И, столкнувшись с недобрым взглядом,
Бормотали:
– Ну, чистый зверь, –
Мужики, дымя самосадам,

Будто глазом кого ища,
Конь дышал и легко, и сыто.
А деревня была нища,
Голодна была и сердита.

С опечалившихся дворов
За бесценок –
За куль ячменной –
Уводил на базар коров
Год тот первый послевоенный.

На подъёме застряв крутом,
Матерясь и едва не плача,
Люто бил водовоз кнутом
Спотыкающуюся клячу.

А у дома, у груди шпал,
Равнодушен к беде-напасти,
В нетерпении танцевал
Гордый конь золотистой масти.

И хозяин,
Дороге рад,

В ноздри дул ему,
Трогал холку,
И опять мимо наших хат
Конь играючи нёс двуколку.

Долго,
Пристально,
Тяжело,
Вплоть до леса за выпасами,
Провожало его село
Непрощающими глазами.

июль, 1965 год («Перецвет», 1966)

* * *

Не знаю, отчего,
На вид обыкновенны,
У дома моего
Просвечивают стены.

Я долго строил дом,
Чтоб, не сломав традиций,
Тем домом, как щитом,
От всех отгородиться.

Как панцирь, как броню
Перед ветрами всеми,
В которой сохраню
Себя от потрясений.

Пророчу или лгу,
Смеюсь, буяню, плачу –

Я нежность и тоску
От глаз чужих упрячу!

Там судит мой закон
Неправого и злого!
Там не замкнут замком
Трепещущего слова!

И вот я у стола,
Один во всей Вселенной.
Но словно из стекла
Просвечивают стены!

И мир, прорезав тьму,
Ликуя и стеная,
Гремит в моём доме
За четырьмя стенами.

Тревогу затая,
Быль с выдумкой мешая,
Не знаю, где моя
Беда, а где – чужая.

Быть может, оттого,
Светлы и откровенны,
Просвечивают стены
У дома моего...

декабрь, 1965 год («Перецвет», 1966)

МАРИИНСК

Перевянут все цветы,
Перевянут.
Мало осенью тепла,
Мало света.
Этот город –
Как цветок деревянный
На закате деревянного лета.

Мастерами он гремел,
Мастерами.
Не сидели мастера
На приколе –
Руки добрые свои
Простирали
От Байкала
До уральских предгорий.
Поднимались мастера
Спозаранок,
Надевали понарядней
Рубахи.
А и дела-то:
Топор да рубанок,
Да янтарные гудящие плахи.

Рассуждали мастера
Неторопко,
Не спешили приниматься за дело.
Чтобы дом – так был он дом,
Не коробка,
Чтоб душа в нём отдыхала и пела.

Ветер волосы пушил,
Веял стружкой,
И за речку улетал
Без печали.
Расходились мастера
Друг за дружкой,
Уносили топоры
За плечами.
Завещали мастера
Подмастерьям:
Подружитесь, мол, навек
С кружевами!
И вставал за ними дом,
Словно терем,
Чтобы сказки в терему
Проживали.

Тучи серые брели
В поднебесье,
Уходили мастера,
Умирали.
И вставал над ними город –
Как песня,
Да такая,
Что сердца замирали!

Шли над городом лета
За летами,
В ставни стучались дожди,
Как слепые.
Осыпались кружева,
Облетали,

Горьким прахом становились
И пылью.

Был он славен, Мариинск,
Мастерами,
Славен вязью кружевной
Настенной.
Уходили мастера,
Умирали,
Но бессмертно мастерство
И нетленно.

Я по родине бродить
Не устану,
Но в душе храню,
Как искорку света,
Этот сказочный цветок
Деревянный
На закате деревянного лета...

декабрь, 1967 год («Ярославна», 1968)

СКОРОСТЬ

Время!
Как мы тебя переводим!
Время! Как мы тобой дорожим!
На мгновение дух переводим,
И опять без оглядки бежим.

На ходу и грустим, и хохочем,
Торопливо целуем подруг.

Лишь мелькает трава у обочин,
Нам взглянуть на неё недосуг.

Скорость!
Скорость!
Не звука, так света!
Как в ушах она грозно поёт!
Нам проклятие скорости этой
Оглянуться никак не даёт.

Не даёт, постоянно тревожа,
Будоража нас и теребя,
Справедливей, сердечней и строже
Заглянуть и в других, и в себя.

И томит меня странная робость,
И не знаю я, чья тут вина,
Что душа, как пропеллера лопасть,
При полёте совсем не видна.

Если крика души не послушаем,
Если скажем ей:
– Дальше спеши!
Обернётся она равнодушием.
Эта вечная гонка души.

И, дрожа над пылинкою часа,
Словно нищий над грудой монет,
Перестанем с друзьями встречаться
Нам для этого времени нет.

Что в них украдкой смотрится природа,
Как в созданные ею зеркала.

Во многом пронизательнее Бога,
Доверчивей деревьев и детей,
Такие вот с ума сводили Блока
И уводили пленником в метель.

Я видел их не часто, этих женщин,
Далёких, как в магическом стекле.
Их, может быть, становится всё меньше
На нашей слишком занятой земле.

Они мерцают капельками света,
Так непредусмотрительно хрупки...
...И страшно мне, что сильный ветер века
Вот-вот погасит эти огоньки.

1970 год («Четыре дождя», 1971)

ВОСПОМИНАНИЕ

Село на трёх дорогах.
Там, прихвастнуть не грех,
Я знаю всё про многих
И многое – про всех.

Там, прислонясь к частушке,
Бесстыж и в меру пьян,
У старенькой церквушки
Поголивал баян.

Но вы его не троньте,
Не вздумайте дерзить:
Он мог и чардаш Монти
В момент изобразить.

Я много лет там прожил.
Там так меня тревожил
Девичий голосок.
Негромок и высок.

Там Катенька Смирнова
Любила одного,
А вышла за другого...
Но это ничего.

1973 год («Человек приходит к человеку», 1975)

ЧЕЛОВЕК ПРИХОДИТ К ЧЕЛОВЕКУ

Не на суд, не в солнечную Мекку,
Не искать спасенья к алтарю, –
Человек приходит к человеку:
– Дай-ка я с тобою поговорю!

Он молчит.
Он брови тяжело хмурит.
Много курит.
И не балагурит.

И от этого несуетловья,
Следуя законам бытия.
Возникают
Дружбы и любви.

Крепнут
Государство и семья.

Но постойте.
В прошлом, что ни века –
Пляшет дым и хижины горят.
Человек стреляет в человека
Вот уж столько долгих лет подряд!

Мир так хрупок!
В мире мира нету!
И заставы вдоль границ сильны.
Изо всей истории планеты
Наскребёшь лет двадцать без войны.

Неужели атомным пожарам
Суждено зажечь материки!
Нет!
В народе сказано недаром,
Что глаза у страха велики.

И века недаром промелькнули.
Мы считаем, – тем мы и сильны, –
Ненормально, если свищут пули,
И нормально, если нет войны!

И порукой в том
От века к веку, –
Создавая мирную зарю
Человек
Приходит к человеку:
– Дай-ка я с тобой поговорю!..

1974 год («Человек приходит к человеку», 1975)

Только строки любимые вспомнишь –
И поймёшь, их дыханьем согрет,
Что поэт – это «скорая помощь»,
Если он настоящий поэт.

Летом,
Осенью,
В полдень и в полночь,
В шуме города,
В дальней глуши
Мчи, поэзия, людям на помощь.
Неотложная служба души!

1974 год («Человек приходит к человеку», 1975)

***

Не знаю, к несчастью ли, к счастью,
В предчувствии ль близкой беды,
Я стал ощущать себя частью
Деревьев, и звёзд, и воды.

И вот что случилось однажды:
Под солнцем, в июльской пыли,
Внезапно я вздрогнул от жажды,
Почувствовав жажду земли.

Я сбился с ослепших тропинок,
Бессильной тоской исходя,
И тысячью хрупких травинок
Я ждал, задыхаясь, дождя.

Подумал: должно быть, я болен,
Упал от дорог вдалеке.

И кто ей в дороге ни встретится,
Угрюм ли он, замкнут ли – пусть:
Грустит, и смеется, и светится,
И я в ней грущу и смеюсь.

Уйду.
Но в той песне останется
Всё то, что дышало во мне:
Как дерево к радуге тянется,
Как радугу клонит к земле ...

1979 год («Ночные реки», 1980)

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Хочу – пусть это безрассудно, –
Когда тропой иду крутой,
Чтоб кто-то яростно и трудно,
Теряя силы, шёл за мной.

И чтоб к нему лихой порою,
Заполняя бытиё,
Пришло дыхание второе,
Наполовину и моё!

июнь 1965

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Прочла в журнале «Наш современник» стихи Игоря Киселёва. Они меня потрясли. Я читала и плакала. До чего просто, красиво, ни одного лишнего слова. Вот побольше бы таких прекрасных поэтов в наши дни. Большое спасибо редакции за публикацию стихотворений Игоря Киселёва»

(Л. Рутман, Казань). Таких откликов, прочувствованных, благородных, ибо сопереживание – чувство подлинно благородное, получено в отделе поэзии немало. Писали со всех концов Союза – из Киева, Краснодара, Баку, Ленинграда. Посмертная публикация кемеровского поэта Игоря Киселёва («Наш современник», № 1, 1987) была не просто замечена читателями. Случилось то, что так редко происходит сегодня, но что во все времена является целью настоящей поэзии, – стихи затронули души людей, побудили их вновь пережить чувства, владевшие поэтом. Недаром читательница Л. Мельникова из Кемерова пишет: «...Все строфы стихов произносились (характерно и то, что стихи И. Киселёва перечитывались вслух – А. К.) как бы в два голоса – моего и самого поэта».

Довелось слышать и много устных отзывов, в том числе и от самих поэтов. Только критики никак не реагировали на публикацию. Видимо, концепция кризиса поэзии столь дорога для них, что они просто не пожелали заметить явление, ей противоречащее.

Что же побудило людей так горячо отозваться на публикацию? Конечно, прежде всего эмоциональная открытость стихов, столь дефицитная в поэзии наших дней. «Ласково коснулись сердца» – читательское определение точно характеризует суть стихов Игоря Киселёва.

Поэзия И. Киселёва рождена общим настроем эпохи конца 1950-х – первой половины 1960-х годов (именно тогда создавалась первая его книга, вышедшая в 1966 году). Доверительное общение с читателем, готовность поведать ему о сокровенном и в свою очередь разделить его печали и радости – всё это присуще стихам Киселёва. Впрочем, тут уместно говорить не только о свойствах стихов, но и о свойствах души – Игорь Киселёв, по свидетельству знавших его людей, был удивительно похож на свои стихи. «Манера его чтения была своеобразной, – вспоминает ленинградский поэт В. Шумилин. – Тихо, задумчиво, с грустью, он не декламировал стихи, а как бы беседовал, доверительно открывал душу собеседнику, говоря о самом сокровенном, пережитом, наболевшем».

В 1960-е годы стихи И. Киселёва, как и других авторов, чуждых расчётливой риторике, были заглушены громогласными декларациями эстрадных поэтов. Позднее, видимо, из-за удалённости сибирского города, где он жил, от крупных литературных центров, его не коснулась волна широкого интереса к «тихой лирике». Но стихи И. Киселёва ещё раз подтверждают истину – подлинная поэзия долговечнее своего времени. Сейчас, когда в обществе воз-

рождается настрой, характерный для времени зарождения проникновенной, исповедальной лирики, произведения ушедшего из жизни поэта звучат удивительно современно.

Однако, как ни привлекательна открытая эмоциональность стиля, она сама по себе не равнозначна подлинной поэзии. Стихам Игоря Киселёва присущ и внутренний драматизм, то предвидение собственной судьбы, которое отличает произведения настоящих поэтов. Из Кемерово мне прислали газету «Комсомолец Кузбасса» от 5 июня 1966 года с отчетом о совещании молодых писателей Сибири, где стихи Киселёва были названы «сенсацией», их отметил тогда Ярослав Смеляков. Фотография улыбающегося поэта, тут же слова о том, что у него выходит первая книга, что она придала ему уверенности. Но книгу он назвал «Перецвет» – по стихотворению, в котором с какой-то щемящей болью сопричастности рассказывается об осеннем цветении деревьев накануне холодов:

*Зажглись доверчивые свечи
От запоздалого тепла.*

*К себе прислушиваясь чутко,
В тычинках пестуя плоды,
Цветы упрямо ждали чуда,
А надо было ждать беды.*

*Был вечер солнечным настолько,
Настолько солнечной река –
Никто не видел, что с востока
Плывут слепые облака.*

*А на рассвете непогода
Уже шумела за дверьми,
Как будто плакала природа
Над неразумными детьми...*

Предчувствие беды не заглушало в поэзии Киселёва радостного, изумленного переживания красоты бытия, но придавало ему особый оттенок.

И ещё о двух драгоценных качествах подлинной поэзии, которые трудно обнаружить в стихах Игоря Киселёва. На одно из них обратила

моё внимание опытный редактор Н. И. Павлова. Его стихи она назвала непреднамеренными и рассказала об одном прозаике, который в старости сокрушался: «В литературе всё теперь пишется для чего-то, с особой целью, преднамеренно, так что, даже глядя на синее небо, я уже не могу искренне радоваться, я думаю: э, нет, это не просто синее небо, оно для чего-то такое синее...»

Стихи Игоря Киселёва действительно отличаются непреднамеренностью. Это не значит, конечно, что поэт бездумно описывал происходящее, что его творчество не одушевлено стремлением к высоким целям. Но никогда не привлекали его цели корыстные, поэт не хотел с помощью стихов добиться каких-либо личных выгод. Более того, ему было чуждо даже вполне в общем-то естественное желание произвести на читателя благоприятное впечатление. Он думал о читателе, но не как о потенциальном поклоннике, а как о человеке, нуждающемся в его сочувствии, сострадании. Он любил это редко звучащее в нашей обыденной речи слово, видел в сострадании назначение настоящей поэзии. «И слетит со страниц состраданье», – писал он о минутах сокровенного общения с произведениями Блока, Есенина.

Полным отсутствием позы обусловлена захватывающая свобода лирики Игоря Киселёва. В его стихах поэзия рождается из житейской прозы, улыбка как бы таится в печали, драма соседствует с идиллией, ирония с патетикой, забавная игра с лирическим откровением. Редкостная эмоциональная насыщенность, полнота чувства! Это качество сближает поэзию Киселёва с творчеством другого трагически рано ушедшего поэта – Николая Рубцова.

Конечно, чтобы оценить всё богатство эмоций, все оттенки состояния души, отобразившиеся в поэзии Игоря Киселёва, одной-двух подборок стихов недостаточно. Необходима книга. Представительная книга, которая бы познакомила с этим прекрасным поэтом современного читателя.

Александр Казинцев.

БИОГРАФИЯ ИГОРЯ КИСЕЛЁВА

Игорь Михайлович Киселёв родился в селе Павловском на Алтае 3 марта 1933 года. В школьные годы семья переехала в Новосибирскую область. Отец, Михаил Михайлович Киселёв, окончил историко-филологический факультет

Томского государственного университета, работал сельским учителем, преподавал литературу. Мама, Алевтина Фёдоровна, работала воспитателем в детском саду, писала стихи. Игорь начал писать стихи с восьмого класса. После окончания факультета русского языка и литературы Новосибирского педагогического института приехал по распределению в Кемерово. В 1955 году работал литсотрудником газеты «Комсомолец Кузбасса». Первая публикация стихов в газете «Комсомолец Кузбасса» – 24 августа 1955 года. Два года служил в рядах Советской Армии на Дальнем Востоке. В 1958 году работал редактором газеты в Бюро технической информации Кемеровского совнархоза, вернулся в «родную газетину» «Комсомолец Кузбасса». Четыре года трудился на Новосибирской студии телевидения, затем редактором в Кемеровском книжном издательстве. В 1966 году на Зональном семинаре молодых литераторов Западной Сибири и Урала особо было выделено имя Игоря Киселёва как талантливого поэта. Рукопись первой поэтической книги Игоря Киселёва «Перецвет» получила высокую оценку Марка Соболя, Ярослава Смелякова, была дана рекомендация издать её в московском издательстве «Молодая гвардия».

Автор книги прозы «Рядом с легендой» (1965) и шести поэтических книг, изданных в г. Кемерово: «Перецвет» (1966), «Ярославна» (1968), «Четыре дождя» (1971), «Человек приходит к человеку» (1975), «Ночные реки» (1980), «Благодарю, земля, благодарю» (1983, посмертно). Седьмая книга стихов «Под солнцем и ненастьем» в 1989 году вышла в московском издательстве «Советская Россия» со вступительной статьёй А. И. Казинцева. Всесоюзная известность пришла посмертно. Лауреат премии журнала «Наш современник» (1987).

Член Союза писателей СССР с 9 декабря 1970 года (членский билет № 02556). В 1970-е годы был руководителем областных поэтических семинаров. В 1976 году поэзию И. Киселёва высоко оценила Людмила Щипахина, приехавшая с московской делегацией писателей на Дни советской литературы в Кузбассе. С 1979 года член редколлегии альманаха «Огни Кузбасса». 9 – 12 декабря 1980 г. участвовал в работе Пятого съезда писателей РСФСР в Москве. Награды: Почётная грамота Кемеровского обкома КПСС за активную пропаганду литературы в период проведения Дней литературы в Кузбассе в январе – феврале 1981 года.

Печатался в литературных журналах «Наш современник» (Москва); «Сибирские огни» (Новосибирск); «День и ночь» (Красноярск); «Рубеж» (Владивосток); «Огни Кузбасса», «Красная горка» (Кемерово).

Скончался 19 ноября 1981 года. Похоронен в г. Кемерово на Центральном кладбище № 1 (справа у входа). На могиле установлен памятник в виде камня с надписью «Поэт Игорь Киселёв» и высеченной на беломраморном листе строкой поэта «Я стал ощущать себя частью деревьев, и звёзд, и воды». Лучший фотопортрет поэта создал корреспондент газеты «Кузбасс» Виктор Грызыхин в 1978 году, а живописный портрет написал художник Герман Захаров в 1982 году. В 1993 году на доме № 106 по проспекту Ленина (Кемерово) установлена мемориальная доска. В библиотеке Заводского района города Кемерово (ул. Веры Волошиной, д. 29), которая с 2004 года носит имя поэта Игоря Киселёва, создана музейная комната. С 2006 года проводятся Киселёвские чтения (раз в два года). Администрацией г. Кемерово в 2007 году учреждена муниципальная премия им. И. М. Киселёва за особые достижения в области поэзии.

Книги Игоря Михайловича Киселёва:

Рядом с легендой: [Очерк о коммунисте А. К. Орбите]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1965. – 29 с.

Перецвет: Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1966. – 95 с.

Ярославна: Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1968. – 103 с.

Четыре дождя: Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1971. – 127 с.

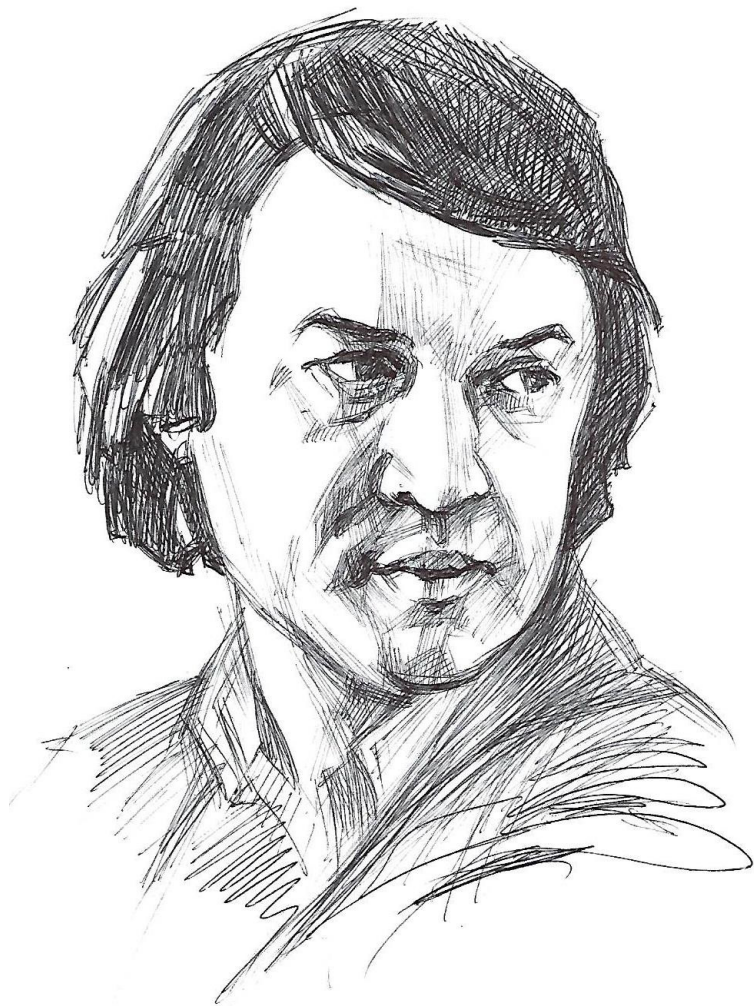
Человек приходит к человеку: Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1975. – 109 с.

Ночные реки: Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1980. – 223 с.

Благодарю, земля, благодарю...: Стихотворения, поэма / После­словие И. Фоянкова. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1983. – 207 с.

Под солнцем и ненастьем: Стихотворения / Вступительная статья А. И. Казинцева. – М.: Советская Россия, 1989. – 223 с.

Свет ранней звезды. Стихотворения / Вступительная статья С. Л. Старовойтовой; составители И. А. Киселёва, С. Л. Старовойтова. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2017. – 160 с.

Валерий Васильевич Ковшов

*13 декабря 1947 г., д. Красные Ключи, Крапивинский район –
25 июля 2008 г., п. Красные Ключи.*

Поэт. Член Союза писателей России с 1995 года.

***

Всё кажется, будто вчера,
сбежав от учебников горьких,
кричали мы дружно «ура»
и приступом брали пригорки.

Всё кажется, ливни идут,
и травы растут в поднебесье,
где звонкие крылья поют
свои ястребиные песни.

С тяжелых берёзовых сот
свисают пахучие грозди...
и можно всю ночь напролёт
смотреть на высокие звёзды.

Я там своё детство встречал
и верил, наверно, оттуда,
что боль и о прошлом печаль
придумали взрослые люди.

(«Свет внезапный», 1983)

***

К обеду выпал первый снег...
К прозрачным окнам дня и дома
пришёл от солнца чистый свет,
весёлый, яркий и огромный.

О смейся, солнечная высь,
повесели сегодня осень

за вызревший капустный лист,
за крепкие её колосья.

Так, значит, славным пирогом
меня попотчует хозяйка
и обо мне, не о другом,
тепло подумает утайкой.

Я буду взгляд её ловить,
к скамье смущённо прирастая.
Она же будет говорить,
что снег, быть может, и растает.

(«Свет внезапный», 1983)

***

Как сладко вдыхать из ладоней
Соломы подтаявшей прель
И слушать, как ветер талдонит,
Что скоро вернётся апрель –
Вернётся с печалью дорожной,
И всем будет радости впрок ...
А каждая ветка дороже
Всех за зиму сложенных строк.

конец 1970-х годов («Свет внезапный», 1983)

***

Жизнь закрытых наглухо болот –
гиблых вод ползучее цветенье,
ветхих пней чуть видное свечение,
серых дней гнилой круговорот.

Тишины и затхлости тоска,
 Пустота, старенье, неподвижность...
 Мне милее неба птичья живость
 с холодком заречным у виска.
 Пью свободы вызревшую сласть
 с лепестков, кувшинок, из ладоней.
 Чуть светлее небо,
 тем законней
 признаю его немую власть.
 Принимаю подданство воды
 в молодом стремительном движении!
 Принимаю подданство звезды
 в одиноком блеске и падении!

(«Свет внезапный», 1983)

***

Если родиной память зовётся
 О земле, что не кажется тесной,
 пусть она навсегда остаётся
 недопетой единственной песней.

Причитанья печальной метели
 не хочу слушать снова и снова,
 не хочу, как занозу из тела,
 рвать из горла прощальное слово.

Слышу шорохи леса и снега,
 Вижу поле и дым над деревней...
 Он в крови, этот дикий и древний,
 зов инстинкта и запах ночлега.

(«Свет внезапный», 1983)

***

Душа и рассудок равны
мучительным чувством тревоги,
дрожанием тонкой струны,
которую страшно потрогать.

Попробуй-ка тут не сорвись,
когда поджидают возмездьем
то разума скользкая высь,
то чувства опасная бездна.

(«Свет внезапный», 1983)

***

Деревянная изба.
Черный кот сидит на крыше,
выше – длинная труба.
Дым кудрявый ещё выше.
Это видимость избы –
её азбучная внешность.
Это видимость судьбы –
её ровная поверхность.
На коньке не кот сидит,
а вещун с небесной кручи.
Из трубы не дым летит,
а тоска души горячей.

(«Под созвездием Волчицы», 1990)

***

Провалялся я тридцать три года
на печи под названием Русь,

обходила меня непогода,
не тревожила долгая грусть.

Но у сказочной жизни развязка
наступила... И стала слышной
боль – последняя русская сказка
для беспечных её сыновей.

Слава сказке, я ночью заплакал,
словно только что правду узнал,
и сквозь слёзы заокал, заакал,
закручинился, загоревал.

(«Под созвездием Волчицы», 1990)

***

Здесь, где любви и тепла колыбель,
где обживаю пространство и время,
бросив под ноги соломы беремья,
сооружу для ночлега постель.

Ночь хороша, если воздух звенит,
перепел в поле мгновенья считает,
плотный туман вдруг редет и тает,
освобождая свет вещих планид...

Вещих – не вещей, но если любить
жизнь не придётся любовью иною,
хватит того, что бывало со мною
здесь, в этом мире, где всё может быть.

(«Под созвездием Волчицы», 1990)

***

Счастливой девочкой была,
наивной, ветреной, весёлой.
Столкнулась с горем – поняла ...
И стала женщиной суровой.

Взойдёт ли утро на крыльцо,
иль светлый день пойдёт на убыль,
я вижу хмурое лицо
и жестко сдвинутые губы.

Как больно ей беду скрывать
у трудной жизни на примете.
Как горько мне подозревать,
что счастье есть на белом свете.

(«Под созвездием Волчицы», 1990)

***

Расстались. Нас жизнь не рассудит
в награду за позднюю грусть.
Что было, что стало, что будет,
я знаю давно наизусть.

Ты выплачешь зыбкую долю,
ступив за поклонный порог,
я встречу железную волю
немилосердных дорог.

Но в жизни тяжёлой, нескладной,
где силу душа обрела,

была моя даль неоглядной,
как ты ненаглядной была.

(«Под созвездием Волчицы», 1990)

***

Когда клянусь – не рву рубах,
давясь, земли не ем
и не топчу священный прах
традиционных тем.

Я помню жителей высот,
парнасских силачей,
что возводили звёздный свод
над тьмой моих ночей.

Я помню их спокойный слог,
живую мысль и страсть,
и всё, к чему я ныне смог
с надеждою припасть.

Вот почему претит изыск
безродности слепой
и жалкий скомороший визг
над ветреной толпой.

(«Оглянись вперёд», 1992)

А. БЛОК. ПЕЙЗАЖ 1917 ГОДА

Дым отечества ... Ветер. Берёза.
Полумрак. Полудожь. Полуснег.

Бесконечно-равнинная проза
дня, которому имени нет.
Только в сердце, восставшем из дыма,
полумрак изгоняется в свет...
Это вспыхнуло новое имя
дня поэзии Родины – снег.

(«Оглянись вперёд», 1992)

ОТСУТСТВИЕ

Страшат грядущие скрижали
утробным благом наших дней,
где мы без меры нарожали
самоубийственных идей.
Отринь разумное от страха,
и станет жизнь пустой дырой,
где мысль компьютерным размахом
безумной тешилась игрой...
И ляжет слой культурной пыли
(какой идее на помин?)
на мегаполисы утиля
в траву забвения – польнь.

(«Оглянись вперёд», 1992)

***

Юность кончилась.
Подорожала
жизнь, как мысль на пределе ума,
ближе к сердцу придвинулась,
сжала –
стала мыслью и сердцем сама.

Не поэт, не пророк, не предтеча,
не предвестник грядущих времён,
я смиряюсь с судьбой человечьей
с тем, что жив, и любим, и влюблён.

(«Оглянись вперёд», 1992)

***

Ночь. Бессонница. Тонкий рассвет.
Я на тихую улицу вышел,
кинул шапку в нетронутый снег,
Крикнул в небо... Никто не услышал.

Встал вопросом: «Что там впереди?»
Никому и себе не ответил,
не почувствовал сердце в груди –
ужаснулся... Никто не заметил.

Воздух чист, как глубокий родник.
Дом родной, как обрядовый идол.
Подожди!
Я ещё не привык
доверяться надежде... Увидел.

(«Стихотворения», 1997)

***

Разлетелись рубленные строчки –
отощала рукопись вконец,
и дошёл до самой крайней точки
безрассудной юности гонец...

Но не знает страха и системы
одержимость сердца, как весна,
ледяные взламывая стены,
оживляя в почве семена.

Ведь из трещин, впадин и развала
той земли, что выпластаю я,
вспыхнет вверх легко и небывало
свет надежды
к смыслу бытия.

(«Стихотворения», 1997)

***

Набегающего дня –
дань для будущего счастья:
оставаться вечной частью
мироздания огня.

В смерти будущего нет...
Будущее – из мгновенных
разбежавшихся Вселенных
в Божий благодатный Свет.

2006 год

ПОЭТИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ ВАЛЕРИЯ КОВШОВА

Поэтическое мироощущение В. Ковшова характеризуется сочетанием идеалов света, душевной теплоты, человечности, их чудесного постижения и открытия. Его источник – любовь к природе, практически бунинская способность к прозрению в узнаваемых пейзажных зарисовках величия и красоты мироздания, которое, как следует из стихотворения «Над жизнью, забвеньем

и славой...», обретает свою значимость только в восприятии человека, без созерцательной активности которого Вселенная лишь «мёртвый простор». Однако и человек получает свою ценность только в предстоянии бытию, в постижении его смысла как одухотворяющей основы своей жизни, как это явлено в стихотворении «Разлетелись рубленные строчки...» Примечательно, что такой философский по своей сути посыл лирически уравнивается душевной теплотой, исходящей из смирения лирического героя. Это редкое для поэзии XX века состояние духа нашло прекрасное воплощение в поэзии В. Ковшова.

Другой важной темой становится любовь к малой родине. Акварельное изображение родного мира, гармонично соединяющего человека с природой, проявляется во многих стихотворениях поэта. Так, в «К обеду выпал первый снег...» ослепительная картина встречи яркого солнца и первого снега оживлена теплотой человеческих отношений. Трогательно и прекрасно целомудрие зрелой души, открывающейся в сценке угощения пирогами. И эта чистая высокая нота, просветляющая и одухотворяющая житейскую реальность, становится характерным признаком его поэтического мира, проявляясь в радостном любовании апрельской веткой («Как сладко вдыхать из ладоней...»), в приятии подданства воды и звезды как метафоры смирения перед законами мироздания («Жизнь закрытых наглухо болот...»), в счастье быть человеком («Юность кончилась...»), в стремлении сохранить в своей душе частичку детского взгляда на мир («Всё кажется, будто вчера...»), в открытости всему, что может принести эта жизнь («Здесь, где любви и тепла колыбель...»).

Тем не менее, поэзию В. Ковшова нельзя назвать безмятежной. Так, в стихотворении «Душа и рассудок равны...» афористично выражен драматизм духовных исканий: опасность отлучения от чувства жизни на путях высокой абстракции мысли или риск падения в безрассудную бездну страстей, с которыми сталкивается человек в процессе личностного роста. Не обошел вниманием поэт и тему горя, которое, как в стихотворении «Счастливой девочкой была...», может необратимо изменить человека, отсюда и горечь финала, где возможность счастья в мире оборачивается переживанием лирическим «я» насмешки судьбы. Тем не менее, «тоска души горячей» («Деревянная изба...») претворяется в его лирике в свет надежды, веры и любви, а строки из стихотворения «Набегающего дня...»: «Оставаться вечной частью мироздания огня», – лучше всего характеризуют авторскую устремлённость к идеалу счастья.

Если говорить о литературных традициях, получивших свое развитие в творчестве В. Ковшова, то помимо бунинской следует отметить рубцовскую, узнаваемую в характерных для «тихой лирики» задушевных интонациях, и блоковскую, причем последняя закономерно актуализируется в стихотворениях 1990-х годов, вошедших в книгу с символичным заглавием «Оглянись вперед», вызывая ассоциации встречи концов и начал русской истории XX столетия. Однако в отличие от метельной стихии «Двенадцати» стихотворение «А. Блок. Пейзаж 1917 года» завершается умиротворенным изображением снега как чистой страницы, открытой новому поэтическому наполнению. И эта установка на гармонизацию становится основой для объединения столь разных традиций русской поэзии в их оригинальном преломлении в поэтическом мире кузбасского лирика.

БИОГРАФИЯ ВАЛЕРИЯ КОВШОВА

Наталья Налегач.

Валерий Васильевич Ковшов родился 13 декабря 1947 года в деревне Красные Ключи Крапивинского района Кемеровской области. Стихи начал писать с 12 лет. После окончания средней школы в 1966 году учился в Новокузнецке на монтажника-высотника, не окончив, поступил в Томский государственный университет на юридический факультет. Там им было написано стихотворение «Я из деревни Красный Ключ...». Не окончив ТГУ, служил в рядах Советской Армии. В 1973 году окончил строительную школу, работал плотником, электросварщиком на заводе в Кемерове.

В 1970-е годы формировался как поэт при литературной группе КТОМ – Кемеровское творческое объединение молодёжи. В 1980-х годах активно участвовал в работе литературной студии «Притомье», созданной в 1979 году. С 1976 года стал публиковаться в газете Крапивинского района «Заветы Ленина» и областной молодежной газете «Комсомолец Кузбасса», а с 1978 года – в альманахе «Огни Кузбасса».

Член Союза писателей России с 1995 года. Автор пяти поэтических книг, изданных в Кемерове: «Свет внезапный» (1983), «Под созвездием Волчицы» (1990), «Оглянись вперёд» (1992), «Стихотворения» (1997), «Жизнь в слове» (2006).

Одобрительные критические статьи о поэтических книгах Валерия Ковшова не раз писали Михаил Небогатов, новосибирский поэт Александр Плитченко, Юлия Лавряшина, Владимир Каганов.

Стихотворения Валерия Ковшова печатались в московских и сибирских журналах «Поэзия» (Москва); «Наш современник» (Москва); «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс», «Университет Культуры» (Кемерово); «День и ночь» (Красноярск). Его поэзия вошла во многие поэтические сборники, изданные в Кемерово: «Дыхание земли родимой» (1979); «Мы – Притомье» (1989), «Чем удивительна земля» (1990), «Дороже серебра и золота» (1994), «На Родине моей выпали снега...» (1998), «Площадь Пушкина» (1999), «Пять стихотворений о любви» (2000), «Собор стихов» (2003), «Писатели Кузбасса. Проза. Поэзия» (2007), «Русская сибирская поэзия. Антология. XX век» (2008), «Поэзия Кузбасса: XX – XXI век. Т. 3. Поэты 70 – 80-х» (2014); «Солнцестояние» (2015); «Паровоз – 500 колёс» (2017).

В 1987 году, после смерти отца, обосновался в родном посёлке, где жил с престарелой матерью. Собственной семьёй не обзавёлся. Занимался хозяйством, пасекой, охотой. Выделывал шкуры, шил шапки и писал стихи.

Лауреат премии «Молодость Кузбасса» за участие в сборнике «Дыхание земли родимой» (1979). Лауреат премии «Молодость Кузбасса» (1988). Награждён медалью «За веру и добро» (2007). Лауреат журнала «Огни Кузбасса» 2008 года – посмертно.

Ушёл из жизни 25 июля 2008 года. Похоронен на сельском кладбище в поселке Красные Ключи Крапивинского района Кемеровской области. Совместными усилиями школы и Дома культуры на малой родине Валерия Ковшова проводятся Ковшовские чтения, создана экспозиция в память поэта.

Книги Валерия Васильевича Ковшова:

Свет внезапный: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1983. – 56 с.

Под созвездием Волчицы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1990. – 86 с.

Оглянись вперёд: стихотворения. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1992. – 63 с.

Стихотворения. – Кемерово: Союз писателей Кузбасса, 1997. – 205 с.

Жизнь в слове: стихи. – Кемерово: Сибирский писатель, 2006. – 94 с.

Николай Иванович Колмогоров

*17 февраля 1948 г., Кемерово – 12 августа 1998 г., Кемерово.
Поэт, член Союза писателей СССР с 1984 года.*

***

Время осени... Первые утки
 потянули пугливый косяк!
 Дом за городом. Это не тут ли
 жил и умер Борис Пастернак?
 Ещё помнят окрестные тени
 бальзамины в тяжёлой росе,
 замирающий смех в отдаленье
 и прогулки его по шоссе.
 Ещё помнят живого поэта
 изумрудные свечи дождей!
 В перепалках вчерашнего лета
 ещё слышатся крики стрижей.
 Где же он, предводитель дубравы,
 корабельного бора вожак?
 Увядают могучие травы,
 скрип сосны, словно поданный знак.
 Шорох птицы, души изумленье –
 Это он! Но не слышно шагов.
 Он в лукошке несёт, как виденье,
 разноцветные саженцы слов.
 И наощупь, теперь уж наощупь
 озирает рукой пустыри,
 где восходит раздвинувший рошу
 ослепительный лемех зари!..

1973 год («На земле светло», 1977)

В ДЕРЕВНЕ

Задумаюсь. И долго в окно смотрю.
 Зимние горы сверкают за низким оконцем!

И снова себя на мысли ловяю
о том,
что всё безысходно под солнцем...
Но проснётся любимая жена моя,
и скажу ей: «Доброе утро, рыжая воробьица!»
И поцелую. И вся печаль бытия
куда-то улетучится тихо-тихо.
И домик наш бедный, который в сугробы врос,
вдруг покажется чем-то навек прекрасным!..
И выдумка эта растрогает почти до слёз,
и небо будет глубоким и ясным.

1975 год («На земле светло», 1977)

***

С ног до головы обдаст
первым снегом, первым снегом.
Ослепительным набегом
он вот-вот закроет нас,
фабрику невдалеке,
а ещё подальше – город.
Незаметно и в леске
вырастает белый ворох.
Постаревший паровоз
кашляет на перегоне.
Машинист в железном доме.
Шум буксующих колёс.
Алых-алых рук твоих
мокрое прикосновение.
Дай под мышки спрячу их.
Буду греть и говорить:
Ни к чему все наши ссоры,

Людям нужно вместе быть
и не заводить раздоры.

1975 год («На земле светло», 1977)

***

С течением лет, как это ни печально,
стал привыкать и я к тропе утрат.
И вот однажды, может, не случайно
забрел в места, где близкие лежат.

В той глубине, где засыпает птица,
где тихо так, что боязно дышать,
где холм луны в деревьях шевелится,
вселенную... до дна не увидеть!

И вздрогнул я, и, сердцем цепenea,
увидел так, как видеть мог один
струящийся под звезды Водолея
водоворот кладбищенских осин.

Рос влажный хаос зелени бездомной,
стволы столпотворённые вокруг.
И было столько в этом красоты огромной,
что изумился я, забыв испуг.

Те дни, когда мы близких провожали,
во времени переиначил я,
и новыми – прозревшими – глазами
пытался вникнуть в тайну бытия.

Наверно, в сущности, так и выходит:
когда душа переживёт свой час,

не умирают люди, а уходят
и превращеньем удивляют нас.

1975 год («На земле светло», 1977)

***

Есть паузы в осенней непогоде,
когда и ветер в сердце не дохнёт!
И тишина, мелькнувшая в природе,
сама себе отчёта не даёт.
Ещё повсюду запах сенокоса
и копны, как лохматые дома.
И тень тайги, поставленная косо,
преломлена речушкою до дна!
Где душным днём видней из-под ладони,
как ледники сверкают в небесах,
припомнишь вдруг о брошенном кордоне
в густых, как смоль, нехоженных лесах.
Там синевой долины обмелели,
и тем глубинка эта хороша,
что смотришь в мир как бы из колыбели,
наивностью открытья дорожа!
В простой избе с просветом в три оконца
когда-то жил большой семьёй лесник,
и в ельнике, где бродят пятна солнца,
над ним давно сомкнулся материк.
Лишь с безымянным памятником вровень
здесь каждый год июньскою порой
цветут в обнимку жаркий марьин корень
и крестиками шитый зверобой!..

1978 год («Травяное окно», 1983)

***

Ещё мы рядом в лучших снах,
но провиденьем ясным свыше –
уже на разных берегах,
один другого не расслышим.
Что было тайным для других
и явным – только между нами,
то стало горсткой дорогих
темнеющих воспоминаний...

1981 год («Травяное окно», 1983)

***

Пусть так будет: опять оживут
дни мои, и раздумья, и чувства!
Эти пригоршни светлых минут
ощущения вечного русла!
Пусть вернётся в немое зерно
жизнь моя, взматеревшая древом.
И свершится, чему суждено,
не пустыми словами, но хлебом.
И всё глубже во зрелость входя,
а судьбою дано, так и в старость,
буду юноша,
        отрок,
                дитя,
что когда-то слезой умывалось!
Эти ветры, влетевшие мне,
в колыбель
        и грозой, и метелью,
как преданья о русской земле –
пусть гремят и над смертной постелью!

Ибо ласковой нет ничего,
чем тепло материнского поля.
Ибо выше чела моего
неусыпна Отцовская воля!..

1981 год («Избранные стихи», 1997)

ВЗГЛЯД

Мне эти звёзды принадлежат,
и я им принадлежу.
Вот они россыпью в небе лежат,
а я на земле лежу.
Долго лежу, гляжу через тьму
и не хочу понять,
кто чья собственность? И почему
жить дано, умирать?
Да, не хочу понимать совсем,
Что такое предел!
Был я всегда. И останусь тем,
Кем и всегда хотел:
Буду, руки раскинув, лежать
на пригорке земли.
Буду снова принадлежать
звёздам, а мне – они.

(«Пора кучевых облаков», 1989)

***

Пора кучевых облаков,
июльского зноя вершина!
Под синюю толщю веков

развернута свитком равнина.
Глазами нырну в глубину,
ковыльные версты читая, –
увиджу, какую страну
с лесами, хлебами без края?
Увалы китами плывут,
змеятся таинственно реки,
горячие вихри бегут
в дрожащие маревом степи.
Э-эй, наливные поля,
селенья за вольницей далее –
неужто всё это земля,
которую русской назвали?
Россия... На тысячи лет
идут о тебе разговоры.
Ты кровью скрепила завет
возделывать эти просторы.
Твои ожиданья пойму,
но лемех былых поколений
так тяжек, что приподниму –
и в землю уйду по колени!..

1985 год («Пора кучевых облаков», 1989)

***

Храм не храм, а как будто бы облако,
и луга, и щетина лесов,
и следы позабытого волока
к горизонту, в страну праотцов –
вот такую, широкой и древнею,
Русь, ещё открываешься ты!
И люблю над твоими деревьями

звёздный ворох ночной немоты.
Знать не знать бы, что где-то за далями
потрясён человеческий дух
и согнуло земными печальями
столько вдов, и калек, и старух!
Но в пространстве, где плавают спутники,
и на тверди болящей, земной
узел жизни, завязанный судьбами,
напитался единой виной.
Потому над равниною мгlistою
нет мне радости и полноты,
что слезою своей материнскою,
Русь, ещё омываешься ты!..

* * *

От странной мысли вздрогну иногда:
на эту землю, где мороз и вьюга,
мы сметены с небесного листа,
чтоб мучиться
и не жалеть друг друга!

Но точно так же сердце говорит:
на эту землю, где мороз и вьюга,
где столько зла, где позабыли стыд,
мы посланы,
чтоб полюбить друг друга!

(«Хлеб исканий», 1993)

***

Как сокол парит на воздушном столбе,
как будто покоится в синих глубинах,
так зоркое сердце само по себе
как будто покоится в даях родимых!

Неведомо как, неизвестно куда,
как дым от огня, как стена грозовая,
как сны об отчизне, уходят года,
но видится каждая мелочь живая.

Клубится пространство вверху и внизу.
И лица родные, и ветры родные
солёною былью текут по лицу
в какие-то дни и понятия иные.

Как будто бы этих широт и высот
и этих глубин окончанья не зная,
сам дух покаяния в сердце идёт,
берёз троеперстием нас охраняя.

1995 год («Избранные стихи», 1997)

***

Ни трав, ни цветов – только полдень сырой
да ветер несётся толчками!
Пустынною острою этой порой
и слякоть мила под ногами.
Пойду я пытаться одиночество дум
подальше, подальше от дома,
чтоб этот древесный мятущийся шум
рвал душу и сердце знакомо.

Навстречу мне встанет полей чернота,
суровость в чертах и во взорах ...
Но, отчина, в этом твоя красота,
и сладко мне зябнуть в просторах!
Родные, родное ... В который уж раз
утешусь крупницей печали,
что страшному жребию Бог не отдаст
и эти забытые дали.

1993 год («Избранные стихи», 1997)

***

Под хорошо отбитою косою
цветы и стебли валяются стеной.
Пройду покос и влажною травую
сталь оботру, блестящую, как зной.
И будет утро дня переливаться
теньями всеми, воздухом тайги.
И не устанет жизнью называться
всё, что увижу я из-под руки.
Вон, по низинам, скрытое движенье
истоков рек, студёных родников.
Вон, на бугре, прощенье и забвенье
кладбищенских родных березняков.
И эта ширь неназванного луга,
и светлые рубахи косарей.
И этих трав полёгшая округа
в росе и мощи зрелости своей.

1996 год («Избранные стихи», 1997)

***

Лежать в траве и в небеса глядеть,
 где два орла в бездонности могучей
 кругами ходят, обнимая твердь,
 и вровень с тёмной грозовой тучей.
 Я так люблю их непонятный ход,
 предгрозовое это состоянье,
 весь блеск и страх надмирного шептанья
 текучих перепутанных высот!
 Среди холмов и тёмных берегов,
 где все слилось и длиться не устанет,
 таинственно кивая из веков,
 отец и мать мне зренье затуманят.
 И как лежу среди ромашек я,
 так и, в небесном вихре пропадая,
 в одном порыве, в счастье бытия
 душа летает, плача и рыдая!..

1996 год («Избранные стихи», 1997)

***

На закате не вижу, не слышу
 шумный натиск мелькнувшего дня.
 Дует ветер на тёмную крышу,
 лес и поле в насечке огня.
 Через поле с клоками соломы
 костоломный идёт холодок.
 На глухие лесные схороны
 край вечернего морока лёг...
 Я помедлю, я только помедлю,
 задержусь у закрытых ворот:
 вижу, слышу, как жизнью и смертью

время осени дышит с болот.
Знаю, чувствую эту истому
подступающей тайны земли,
как щадящую волю к простому
выражению нашей любви.
Но и Слово, что было в начале,
выше в мире которого нет,
тем пронзительней чувством печали,
тем прекрасней впадением в свет.

1996 год («Избранные стихи», 1997)

ПОИСКИ ИСТОКОВ БЫТИЯ И ПОЗНАНИЕ РОДИНЫ В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ КОЛМОГОРОВА

В небольшом предисловии к своему последнему сборнику стихотворений Николай Колмогоров сказал читателям о «сокровенной поре жизни, из которой, собственно, и произошёл как поэт». Ясно вспомнилось ему однажды, как десятилетним мальчиком когда-то беспросветным дождливым осенним днём он вернулся из школы в нетопленный дом на окраине города, когда в нём никого не было, и неожиданно услышал по радио светлую незнакомую музыку и стихи – это был Есенин: «... не помню, не чувствовал, сколько времени прошло, а я стоял, прислонившись к косяку, глядя вроде бы в окно, но куда-то неизмеримо дальше. На лице солонели слёзы, но то были слёзы первого озарения...».

Всплывший в памяти эпизод из детства как нельзя лучше обозначил тот особый взгляд на мир, который будет потом присущ поэзии Колмогорова. Её лирический герой будет предельно погружён в свой внутренний мир, эмоционально и интеллектуально воспринимая открывшиеся ему явления жизни в мысленно расширяющемся пространстве и во времени, настоящем, прошлом, будущем.

Многие стихотворения поэта начинаются в состоянии раздумий: «Присядем. Помолчим. Ненастная погода...», «Сижу задумчив...», «Вот оно, виденье детства...», «Шел я один...», «Задумаюсь...», «Слышу дни...». «Пусть

так будет, опять оживут /Дни мои, и раздумья, и чувства...», «От странной мысли вздрогну иногда...». В эти моменты звучит грусть о былом, о пережитой любви, в более поздней лирике усиливаются вечные темы – мотивы ухода, диалектики жизни и смерти, добра и зла, провиденциальные связи прошлой, часто древней истории России и настоящего, присутствие в мире высшей Божественной воли.

Художественный строй стихотворений Николая Колмогорова имеет ярко выраженные особенности, обусловленные большой смысловой нагруженностью лирических монологов, настроенностью на философские обобщения. В поэтических текстах свежесть первых стихотворных строк, почти всегда определяющих не только психологическое состояние, но и увиденное состояние внешнего мира, по-особому соотносится с финалом. Концовки внутренних монологов удивительно рельефны благодаря назывному строю синтаксиса, использованию разностопного стиха, обращению к верлибру. Часто в последних усеченных строфах с интонацией простого однозначного итога появляются очень глубокие по смыслу метафоры. Так, в конце стихотворения о последнем свидании с героиней выстраивается целый спектр метафор с натурфилософским, мифопоэтическим, психологическим содержанием, определяющих внутренние состояния личности и состояние природы, которые суггестивно создают художественный образ прощания:

*Помню: осень входила в живую долину души,
Недоверия полз узко скользнул под зелёную руку любимой!..
И лес замолчал, словно остановились часы...
(«Когда пальцы мои загрустят по любимой»)*

Иногда такая метафора, взятая из микромира, неожиданна в своих связях с действительностью, в которой пребывает лирический герой: «В углу на ниточке молчанья / озябший лепится паук...» («Проснешься утром... Что откуда...»), «И тёплой ящеркой под камень / Шмыгнёт изменчивая грусть...» («Я снова нынче возвращаюсь...»).

Поэтический стиль Николая Колмогорова развивался в обращении к русской поэзии, школа которой стала благотворной почвой для его формирования. Сложность метафоры, импрессионистичность описаний природы и вещного мира роднят его с русской поэзией 1920 – 40-х гг. Из круга поэтов, чьё влияние сразу было отмечено в критических статьях о первом

сборнике «На земле светло», особо выделим Сергея Есенина. Прямой диалог с Есениным заявлен в юбилейном стихотворении «Столько лет прошло, а кричит / мертвое лицо поэта...». В мифопоэтической образности многих лирических текстов Колмогоров развивает и по-своему обогащает есенинскую поэтическую мифологию. В ранних текстах можно найти несколько прямых переключек : « ... Река, и наяву / табун коней за вспыхнувшей опушкой, прищулив губы, цедит синеву... («Вот вечер незаметной длинной тенью...»), «В берёзы – в белые свирели / мороз дохнул...» («Смотри! Леса оцепенели...»), «...как ноги табунов бегут стволы берёз» («Редает тень листвы. До дна ручей просвечен...»), «... и гибкий клён, как всадник медный, слегка откинувшись назад» («Я снова нынче возвращаюсь...») и др.

Но мифопоэтика кузбасского поэта почти сразу обретает свои неповторимые черты. В многомерном пространстве есть встающие лучи солнца, свернувшийся, как змей, туман, туманы, яростные реки и горные вершины, отроги скал, а в центре этого мира – «солнечный луч ушёл по траве», «глубокая нива, золотое завершение лета», «овсы росяные», манящая тропка лесная : «Где душным днем видней из-под ладони, / Как ледники сверкают в небесах, / припомнишь вдруг о брошенном кордоне / В густых, как смоль, нехоженных лесах... Там синевой долины обомлели, / И тем глубинка эта хороша, / Что смотришь в мир как бы из колыбели, / наивностью открытья дорожа!... Это взаимопроникновение, зеркальное повторение большого и малого, их единство и взаимосвязь соединены с ощущением титанизма природных сил и их вечности:

*Хрустальной палицей мороза
Земля насквозь потрясена!
На ней – глубокий след обоза,
И в рощу вмерзла тишина.
Там, где дорога в гору круче,
всё чудится, как над рекой
идут за снеговые тучи
Одна подвода за другой...
Зияет вечера горнило.
Полозья по небу скрипят.
И вижу снова всё, как было
Сто или двести лет назад.*

В последнем сборнике «Избранные стихи» (1997) проявляется движение к всё более неторопливому проникновению в тайну вечной жизни природы, любовь к ней перерастает в чувство родины, и ею становится уже не весь мир, а родной край, отчизна, родной удел. Впервые эта мысль неожиданно просто прозвучала в раннем тексте как открытие. Взгляду лирического героя с заснеженного холма открылись неоглядные дали сибирского простора, и за этой панорамой вдруг прорвался финальный стих: «Вновь на вершину восхожу и в душу родины гляжу» («Светлы березы. Воздух чист...»).

Это познание родины сопряжено с обращением к воспоминаниям о своём жизненном пути. В сборниках «На земле светло», «Дом» начинают звучать автобиографические мотивы. Автору дорог дом детства, всплывает в памяти образ отца, матери, районный городок, на окраине которого стоял дом, а дальше начинались поля, есть и проникновенные стихи о собственной судьбе, о любимой женщине. Семейный мир идиличен в своей простоте. Окаймлённый рамой окна, он немного напоминает семейную фотографию, которая ожила: «Палисадник, наш дом. В нём любимая мать / Начинает на кухне на стол собирать ./ Вижу через окно, как всегда, как всегда / Мама рядом с отцом и ещё молода...».

Но взгляд поэта чаще устремлён к природе, нежели в близкий окружающий социум, и эта его позиция станет всё более органичной в дальнейшем творчестве. Лирический герой почти всегда одинок, кроме редких встреч с другом-поэтом, нескольких прогулок в цветущих летних полях с женой и сынишкой. Эта позиция изначально выросла из личной биографии поэта, прошедшего много дорог, жившего на Чукотке, в Киргизии, на Алтае, в Восточной Сибири, в разных уголках родной кузбасской земли. При этом его трудно назвать странником, перед которым мелькают и сменяются картины. Он не ищет в природе отклика своим внутренним состояниям, он всматривается в природу, проникаясь её жизнью, открывая её тайны, одухотворяя её. Сквозь картины природы поэт прозревает далекое прошлое, ощущая прикосновение к великим героическим событиям истории, судьбам народов, трагическим страницам русской истории XX века. Проникновенность такого провидения по-особому выразилась в стихотворении памяти поэта Павла Васильева, погибшего в тридцатые годы: центральный образ, в котором концентрируется трагизм этого события, – «косоворотка» поэта, которая в комках шуги уплыла «куда-то в Ледовитый океан».

В лирике Колмогорова человек постоянно находится среди природы. Его дом рядом с тайгой, он охотится, собирает грибы, косит траву, идёт или едет на коне по лесным тропкам. Но главное его состояние – вглядываться и наблюдать природу, открывающую тайны бытия, обретать мудрость, чтобы потом сказать об этом слово. В своём самоопределении поэт пишет о счастье в ту минуту творчества, когда «трепет слов о жизни и о смерти бежит по сердцу холодком», когда душа собой овладевала, достигая вершины «ясности».

Людмила Ходанен.

БИОГРАФИЯ НИКОЛАЯ КОЛМОГОРОВА

Николай Иванович Колмогоров родился 17 февраля 1948 года в г. Кемерово. Мама – Зоя Митрофановна Веретенникова, во втором браке Колмогорова (1926 – 1995), в годы Великой Отечественной войны работала на Беловской железной дороге, после войны жила в Кемерове и трудилась обмотчицей на заводе «Кузбассэлектромотор» (КЭМЗ). О родном отце Николай знал немного: фамилия Патрин, был талантливый, мастеровитый, связался с дурной компанией, ограбили магазин, посадили, пропал. В 1956 году Колю усыновил Иван Лукич Колмогоров, дал фамилию и отчество. Отчим работал слесарем-наладчиком, токарем на заводе «Кузбассэлектромотор». Иван Лукич Колмогоров очень любил читать, привил любовь к чтению приёвному сыну. В семье была домашняя библиотека. У Зои и Ивана Колмогоровых родилась дочь Ирина. Рядом с родительским домом стоял дом бабушки по материнской линии, которую Коля очень любил за её доброту и заботу о часто болеющем внуке. В детстве сразу за домами начинались пшеничные и ржаные поля, места детских игр (ныне это район школы № 80 на ул. Гагарина, д. 110).

В 1963 году окончил 8 классов в школе № 69 и 9-й класс – в школе № 80. В 1964 – 1965 годах учился в музыкальном училище на вокальном отделении. У Николая был великолепный голос, он мастерски пел романсы, оперные

арии, народные песни. Родители купили пианино, игру на котором он освоил самостоятельно. Однако музыкальное училище не окончил.

Трудовую деятельность начал в 16 лет. В 1965 году работал сначала учеником токаря, затем токарем в инструментальном цехе завода «Кузбасс-электромотор». Стихи Николай Колмогоров начал писать в школе, посещал семинары молодых поэтов КТОМ (Кемеровское творческое объединение молодежи), позднее – «Притомье». Дружил с поэтами В. Крёковым, А. Ибрагимовым. В 1965 году – первая публикация стихов в газете «Комсомолец Кузбасса». В апреле 1972 года Николай Колмогоров был участником областного семинара молодых писателей в г. Кемерово, выступал вместе с Л. Никоновой, В. Поташовым. Руководил семинаром поэт Игорь Киселёв. В третьем номере журнала «Огни Кузбасса» за 1972 год были опубликованы два стихотворения Николая Колмогорова.

В 1967 году – литсотрудник в районных газетах «Новая жизнь» (Тисульский район), «Заветы Ленина» (Крапивинский район). В 1967 – 1969 годах – служба в армии, во внутренних войсках в Маручаке Кемеровской области. В 1970 г. – литсотрудник многотиражной газеты «На стройке» в тресте «Кемерово-промстрой». 1970-е годы – период поисков и скитаний. В 1970-м – помощник бурмастера в Анадырской комплексной бригаде на Чукотке, моет золото, затем работает газоспасателем, уехал в Киргизию. С конца 1970 года по 1974 год сменил множество профессий: работал сгонщиком древесины на лесосплаве, слесарем-наладчиком на Кемеровском молкомбинате, дворником в детском комбинате мебельной фабрики. В 1973 году вместе с поэтом Владимиром Боевичем Соколовым делал замеры глубин в верховьях Енисея под Минусинском. В 1974 – 1975 годах жил и работал в поселке Турочак на Алтае, делал туеса и различные поделки из бересты в сувенирном цехе.

В 1975 году вернулся в Кемерово, в этом же году у него и его жены Алены Павловны Колмогоровой (Промской) родился сын Кирилл. Отец хотел назвать сына славянским именем. Одним из вариантов имени было имя Клён. Помог друг-поэт Александр Ибрагимов, предложивший имя Кирилл, которое в обратном порядке читалось Лирик. У Николая Колмогорова есть ещё дочь – Анастасия Шабалина, её мама – Лариса Засыпкина.

Одно время жил в Берёзовском, в посёлке Бирюли, печатался в местной газете «За коммунизм» (с 1990 г. – «Мой город»). Во второй половине 1970-х годов Николай Колмогоров увлекается ювелирным делом и сбором

самоцветов на Томи, делает украшения. В январе 1977 года его художественные изделия демонстрируются на областной художественной выставке самодеятельных народных мастеров. Мастер был награжден дипломом облсовпрофа и художественного фонда. В 1983 году Николай окончил вечернюю среднюю общеобразовательную школу № 12 и получил аттестат о среднем образовании.

В 1970 – 1980-х годах Николай Колмогоров – один из активных членов литературной студии «Притомье». Автор книг «На земле светло» (1977), «Дом» (1983), «Пора кучевых облаков» (1990), «Хлеб исканий» (1993). О первой книге стихов автор получил «много добрых отзывов» от Э. Межелайтиса, А. Тарковского, В. Бокова, Н. Старшинова. В 1983 году в Москве в издательстве «Современник» издан поэтический сборник «Травяное окно». В 1984 году поэт Н. И. Колмогоров стал членом Союза писателей СССР. Тесно сблизился с московским поэтом (ныне гл. редактором журнала «Наш современник») Станиславом Куняевым, оставив эпистолярное наследие (опубликованы письма с 1976 по 1984 год). В 1980-е годы стихотворения Н. И. Колмогорова активно печатались в коллективных сборниках поэзии в Москве: «Молодые голоса» (1981); «День поэзии» (1982); «Голоса на расвете» (1982); «Поэзия» (1983); «На тебя и меня остаётся Россия» (1987); «День поэзии» (1987); «Час России» (1988); «Поэзия» (1989). Московские критики (Ст. Куняев, А. Махов, И. Ринк) отнесли творчество Николая Колмогорова к «есенинско-рубцовской традиции», а также отметили связь с натурфилософской лирикой Н. А. Заболоцкого.

В 1985 – 1987 годах Николай Колмогоров учился в Москве на Высших литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте имени А. М. Горького. Во время учебы в Литинституте принимал участие в литературных торжествах и чтениях: 14 – 15 октября 1984 года – в торжествах, посвященных 100-летию поэта Н. Клюева в Вытегре; в 1985 году – в Фетовских чтениях в г. Орле; 9 – 15 июня 1986 года – в чтениях «Дни Литературного института в Ставропольском крае». По воспоминаниям Т. И. Махаловой, Николай Колмогоров, побывав в Ленинграде и восхитившись красотой города, сказал ей: «Я не смог бы здесь писать».

Вернувшись в Кемерово профессиональным поэтом, он в 1987 – 1989 годах руководил молодёжной студией при центре «Досуг». В 1995 – 1997-х годах участвовал в организации и проведении Дней журнала «Наш современник».

менник» в Кузбассе, договаривался со Ст. Куняевым и А. Казинцевым. Вошёл в состав редакций литературно-художественных альманахов «Литературный Кузбасс» (1989), «Огни Кузбасса» (1996 – 1998). В 1980 – 1990-х годах выступил как литературный критик, создав ряд статей о жизни и творчестве кузбасских поэтов Е. Буравлёва, В. Крёкова, В. Ковшова, В. Поташова, Л. Гержидовича, Б. Бурмистрова, С. Донбая. Печатался в альманахах и журналах «Огни Кузбасса», «Земля Кузнецкая», «После 12», «Университет культуры» (Кемерово), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Наш современник» (Москва).

Умер 12 августа 1998 года. Похоронен в г. Кемерово на Центральном кладбище № 1 (вход на кладбище сбоку от Свято-Никольской часовни по ул. Баумана, д. 2/1, захоронение у стены здания). На могиле установлен памятник с портретом писателя, на мраморной плите высечены строки поэта: «Если слово моё поразвеет ветрами, если даже и сам я, как дымка, истаю, всё равно – неизвестно какими путями возвращусь, припаду к горизонту, я знаю!».

Книги Николая Ивановича Колмогорова:

На земле светло: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1977. – 85 с.

Дом: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1983. – 78 с.

Травяное окно: стихи. – М.: Современник, 1983. – 48 с.

Пора кучевых облаков: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. – 96 с.

Хлеб исканий: стихи. – Кемерово: Сибирский родник, 1993. – 64 с.

Избранные стихи. – Кемерово: Сибирский родник, 1997. – 160 с.

Виталий Артемьевич Крёков

10 августа 1946 г., Бийск, Алтайский край –

5 сентября 2016 г., Кемерово.

Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 1993 года.

***

Из берёзовых ран я не пил свежий сок,
Не сушил лебединые груди.
Я берёз красоту как святыню берёг,
Чтоб лечились берёзами люди.

Я поверил поверью ещё с детских пор,
Что душа её схожа с любовью:
Опущу на неё этот острый топор –
Ствол окрасится алою кровью.

1967 год, Омск («Цветы картофельных полей», 1992)

МУЗЫКА

Ты властвуй мной свободно, не спеша.
Я за тобой пойду в аллеи века.
О, музыка, ты – светлая душа,
Покинувшая тело человека!

Я видел, как стнала ты, росла,
В единый миг копившая удары.
Один порыв, взмах белого крыла –
И с грохотом обрушивались скалы!

Ты, как огонь, текла в каналах жал,
Твоей стихией сердце очищалось!..
Я твои губы полуоткрывал,
Когда ты шла ко мне, моя усталость.

1968 год, Омск («Цветы картофельных полей», 1992)

***

В твои глаза ночь выдышала росы,
На губы твои алые – хоть дуй.
Я намотал на шею твои косы,
Чтоб долгим был ответный поцелуй.

А у деревни речи станут строги,
Расстанусь, как попутчик, у крыльца.
На счастье наши русские дороги
Тянулись и тянулись без конца.

1968 год, Кузбасский («Соломенный мост», 1996)

***

Как детский сон после обеда,
Как зелень после тёплых влаг,
На чердаке нашёл я лето
Среди исписанных бумаг.

О, сколько розовых восходов
Среди неровных строк стоит!
Там, за плетнями огородов,
Рожок курёнком голосит.

Там, встретив красотою звонкой,
Взглянув украдкою в лицо,
Моя знакомая девчонка
Начнёт скоблить и мыть крыльцо.

Там дни любви моей несмелой
Никак не могут отцвести.

Я всё хочу ей иней белый
С берёз в лукошке принести.

1969 год («Лицо твоё», 1980)

***

Наша бедность граничила с Богом...
Память сердца всегда дорога.
За сухим ископыченным логом
На закате темнели стога.
Вот и сумерки встали стеною:
Резкий блеск одиноких огней,
И пастух одинокий в ночное
Гонит за день уставших коней.
Наша бедность... В бурьяне избушка
Да ведро над печною трубой,
Много неба и хлеба горбушка
В летний день с родниковой водой.
Одуванчиков жёлтых обнова,
На прополке картофеля мать...
Неустанно, как доброе слово,
Хорошо это всё вспоминать.

1970 год («Лицо твоё», 1980)

***

Ещё сентябрь не начинал дожди,
И бархат синевы не опорочен.
Живу последним всполохом любви,
По паутинкам осызаю осень.

Вот солнечную грустью канул день.
Я, путником в осенней тьме блуждая,
Люблю тот дом, где былью скрипнет дверь
И ослепит крыльцо настоем чая.

И чувства невесомые мосты
Меня соединяли на вокзале
С девчонкой, целовавшей рот сестры
Большими откровенными губами.

Так, миновав стихийные моря,
На твёрдый берег опуская сходни,
Всё верую, что снова жизнь меня
Заполнит горячею любовью.

1970 год, Кемерово, Заречье
(«Цветы картофельных полей», 1992)

***

День проступал, и постепенно
Слабел покой ночных чернил.
Любовь из каменного плена
Прекрасный голос выводил.

И песня, с вековым напевом
О человеческой судьбе,
Вдруг стала нелегальной девой
На недоступной высоте.

Я с накипью самообмана
Ждал счастья, как игрок в лото, –
И вот стою с дырой в кармане
Демисезонного пальто.

Нам, братьям по судьбе тревожной,
Кто след испить её хотел,
Плутать всю жизнь по бездорожью
И плакать от убогих дел.

Но ослепительно и жгуче
Из выстраданной мной строки
Прозреет солнцем из-за тучи
Божественная кисть руки.

1970 год («Цветы картофельных полей», 1992)

В ГОСТИ

I
Как славно, мама! Посмотри –
Всё поле зацвело!
Идём гостить денька на три
С гостинцами в село.

Идём к бесчисленным кустам
Черёмуховых сот.
Идём к любимым старикам
Работать в огород.

С действительной я ровно год
Вернулся молодцом.
В селе красавица живёт
И служит продавцом.

Я познакомиться не прочь –
Тревожит сердце юнь! –

И целоваться с ней всю ночь,
Шептать слова в июнь.

II

Какие, мама, облака!
Дождю большому быть.
В Денисово на два денька
Идём траву косить.

– День добрый, дедушка!
– Как звать
Мальчонку? Чьей родни?
– Из Волгограда, говорят,
– Всё не живём одни.

Вновь разговор. Хрустит опять
О тёрочку морковь.
Иван Данилыч – это зять,
Григорьевна – свекровь.

III

Какая, мама, синева!
Несём с лугов цветы.
Ещё не вкладывал в слова
Такой я красоты.

Как будто вечно юный гость,
Весна волнует грудь.
Проведаем с тобой погост –
Пойдём в обратный путь.

1972 год («Лицо твоё», 1980)

***

О жизнь монеткой изотрусь,
Вконец растрачу дар сердечный,
С тяжёлой головой проснусь
В избушке низкой на Заречной.

Но труд от всех падений спас.
Мысль проплыла в оконной раме:
«Как хорошо, что есть аванс
И три рубля еще в кармане.

Что прожитое ровно дым,
Коль сортностью был ниже средних».
Уже вода под подвесным –
Тяжёлая, в листьях осенних.

Шаг сделаю, другой, ещё,
В туманное завязну утро,
Увижу девичье лицо
И станет солнечно и мудро.

И поведет мечту вперед –
Подумаю: «Откуда милость?
Иль прошлое во мне живёт?
Желанное со мной случилось?»

И, сдерживая чувства вал,
Скажу одно ей, не скрывая:
«Я Богом жил, Его я знал».
Она: «Его я тоже знаю».

*1977 год, Кемерово
(«Цветы картофельных полей», 1992)*

***

Наде

Здесь тополя – с рождения Христа.
Здесь мне с тобою вековать-стараться.
Здесь вечер лет примерно на полста
И облака над нами лет на двадцать.

Твой шёлк волос струится испокон,
В глазах – неостывающее лето.
И вся ты – излученье вешних крон,
Где времена и перемены цвета.

Мне никогда не пережить тебя.
В безлюдный вечер срединным маем
На лошади мы выедем в поля
И борозды картошкой забросаем

*1988 год, Красный Ключ
(«Цветы картофельных полей», 1992)*

***

Не возвожу я свой духовный кров,
Где от вершины до вершины снежной
Кочкарники холодных облаков
Плывут себе, плывут над чуткой бездной.

Пусть тяжела обыденности клеть.
Господь! Мне светит радость в жизни
бренной:
Во дни глубокой осени глядеть
На озимь и деревьев люд смиренный.

1992 год, Кузбасский («Соломенный мост», 1996)

***

С. Донбаю

Незабудки голубеньким снегом
На зелёном лугу вновь и вновь
Вопрошают: «Мы разве не небо?
Разве мы на земле не любовь?»
И прохладят любимым, далёким
С детских лет. Вот уже потому
Эту весть о покое высоком
Принимаю один к одному.
Здесь, где северный ветер наводит
Облаков необъятную мощь,
И просёлок, петляя, уходит
В занавесы редяющих рощ,
Слёзы смоют безумство и важность...
Всемогущий! На лике земли
Ты прости и хоть в малую тварность
На исходе пути посели.
Незабудками, веточкой вербы
Наши души проклянутся вновь,
Вопрошая: «Мы разве не небо?
Разве мы на земле не любовь?»

1995 год, Пинигино («Соломенный мост», 1996)

ПОД КРОНАМИ И ОБЛАКАМИ

Там, где в погоду, в непогоду
Спаситель нищенствует с нами,
Люблю закаты и восходы
Под кронами и облаками.

Ночь тёмная пройдёт остудно.
Узор ветвей в предзимье чёткий.
И наступающее утро
Работает каминной топкой.

И я опять, опять мечтаю
Уйти в мой край, что сердцу ближе.
Где светлый дух в пути познаю
И церковь Божию увижу.

Где в тихом поле странник встречный
Прошелестит судьбою робкой.
Где далеко – далёко вечер
Работает каминной топкой.

*1997 год («На родине моей повытали снега:
Поэтический век земли Кузнецкой»), 1998)*

***

Если станет с деньгами получше,
Не в Москву, не в Париж и Берлин,
Я уеду скорее в Урумчи.
Загляну к русской Нине в Инин.
Может, там отмеряют полозья
Санной путь за потаем потай.
Там в суровом полынном межзвёздье
В такт Вселенной вздыхает Китай.
Я не стану для Родины грузом.
Я не буду вымаливать мзду,
Но, как женщину, русскую музу
От разбойных людей увезу.
Будут плыть облака, будут ветры

Тополя серебристые сечь.
В лунных сумерках яшмовой флейтой
Будет слышаться русская речь.
Оглянусь я на дали и шири:
Не возьмёшь Томь блескучую впрок,
Что течёт в притаёжной Сибири,
Где шахтёрский стоит городок.
Богатеи там есть, ну их в баню.
Там поэтов, что в поле травы.
Там построил мужик на «тайване»
Колокольню в четыре трубы.
Там разрезы, там шахты и штольни.
А горняк только славою сыт.
За копейки из преисподней
Выдаёт на-гора антрацит.
И всегда время подлое в силе.
Горький плач там и скрежет зубов.
Помню день: из домов выносили
Враз шестнадцать шахтёрских гробов.
Резанул мужиков взрыв кинжальный.
От железа осталась труха.
И на лицах погибших лежали,
Как на ликах святых, воздуха.
Что за мною: судьба ли, судьбина?
Только крест свой несущий не один.
Ты жена – дочь шахтёрская, Нина.
Даст нам Бог, доберёмся в Инин.
Небеса сеют снежной порошей.
Вот Берёзовский город возник.
Ты со мною, кулёма-матрёша,
Ненаглядный мой снеговик.

2000 год («Деревьев люд смиренный», 2005)

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ВИТАЛИЯ КРЁКОВА

В кемеровскую литературную среду Виталий Крёков пришёл в конце 1970-х годов. В. Махалов вспоминал о первом выступлении поэта на собрании Кемеровского литературного объединения молодёжи: «Спокойное течение вечера было нарушено. В привычные ритмы ворвалось что-то новое. Заговорила поэзия, жизнь не придуманная, а близкая, осязаемая и понятная <...> стало ясно, что в литобъединение пришёл поэт со своим чувством мира...». Стихотворения, которые прозвучали здесь, были потом опубликованы в первом сборнике «Лицо твоё» (1980). Лирический герой сборника возвращается домой и воскрешает в памяти свое деревенское детство. Мир этот вновь открывается для него знакомыми местами, родной природой, которая его тогда окружала. В поэтических воспоминаниях эти картины подвижны, дышат живыми ритмами разных времён года, игрой световых рефлексов и красок. В этих картинах есть взгляд подростка, впервые открывшего высокую меру красоты природного мира, дающую веру в жизнь («Лето в отрочестве»). И есть мир повзрослевшего героя, который видится ему всё более просторным, растёт в вертикаль небесную, но остаётся по-прежнему очень узнаваемым, со своими «любимыми лесами», «апрельским палом», «багряной мезью осени». С особой нежностью поэт относится к берёзам, любясь их весенними «свежими одеждами», находя именно в них живую душу природы. Берёза в поэзии Крёкова – это своеобразное мировое древо его поэтического космоса. Она вечна, всегда рядом, она одушевлена, всё помнит и поэтому любима, почитаема, её ветви обнимают, спасают, шум её листвы утишает боль. В большой группе стихотворений берёза – центральный образ, несущий основное смысловое содержание текста: «Берёзы в ветреный день», «Из берёзовых ран я не пил свежий сок...», «Родина».

В динамике развития художественного мира в цикл природного времени начинает вписываться канва жизни – взросление, первая любовь, первые потери и осенняя скорбь утрат, и сама жизнь начинает видеться в этих ритмах как вечное возвращение: «Будут тёплыми воды и суша...», «В день воскресный уйду одинокий», «В кедровнике, среди таёжных пашен похоронив меня буранным днём...», «Надежда выше всех печалей в моём молчании живёт», «Бессмертье», «Об ушедших душа отболит ли?»

В 1993 году Виталий Крёков стал членом Союза писателей России. Он считал, что «писатель – это явление редчайшее. Необходимо иметь ясный ум, богатый язык, знание жизни народа изнутри. Большая литература идёт от ветхозаветного. Ветхозаветное – это глина, солома, огонь, терпение. Моё стремление хоть немного соответствовать этому ветхозаветному отражено в моих произведениях» («Кузбасс». 2006. 9 августа).

В поэтических сборниках «Цветы картофельных полей» (1992) и «Всё родное, хорошее...» (1993) личная судьба всё более глубоко сопрягается вечными ритмами природы и мироздания. Постепенно за ясными и дорогими картинами деревенских пейзажей, проникнутых тёплыми воспоминаниями о детстве, проступит ощущение цельности и гармонии Богом сотворённого мира, в котором круговорот времён года, зимний холод или весеннее пробуждение воспринимаются поэтом как ясность и прочность первоначального мира, вечность, дарующая устойчивость, крепость всему мирозданию. Сильнее зазвучавшие в сборниках «Соломенный мост» (1996), «Деревьев люд смиренный» (2005) христианско-космологические мотивы появляются в постепенном осознании жизни человеческой как дара, «Благой вести», которой воздаётся «любовь-молитва», от «слова к слову милое чувство».

Возвращаясь к первому сборнику «Лицо твоё», отметим, что в нём начал формироваться целый комплекс мотивов, образов, пополняющееся содержание которых определит в дальнейшем неповторимые узнаваемые черты поэтического космоса Виталия Крёкова. Среди них особое место займёт любовь к родовому началу, родовой основе жизни. Она воплощена в образах семейного круга с его тёплой домашней мифологией трапез, всегдашних огородных работ, поездок к родне, посещений погостов. Образы тёплого простого домашнего мира бедной деревенской избы с огородом, картофельным полем проходят через многие стихотворения: «Всё родное, хорошее (Русская тема)», «Я вижу отчий край...», «На земле», «Наша бедность граничила с Богом...». Во многих поэтических текстах в центре этого родового домашнего мира мать. Хозяйка бесхитростной избушки, работница, почти всегда среди поля, цветущего или дарующего урожай, в какой-то миг она становится светочем души, к ней обращено слово поэта, впервые ощутившего слиянность неизмеримой высоты небес и простой жизни: «Какая, мама, синева! / Несём с лугов цветы. / Ещё не вкладывал в слова / Такой я красоты... Проведаем с тобой погост, / А там в обратный путь...». В более поздней лирике с образом матери начинают связываться бо-

городичные мотивы («Божья Матерь», «Поле Матери»), тесно переплетаясь с почти нагурфилософским поклонением природе как вечному храму: «Привет тебе, спасительная роща! / Привет тебе, мой белоликий храм!...». Природа дарует лирическому герою спасительное богообщение: «Весною постной мир природы светел, / В нём юность и виденье тонких грёз ... / Унынья нет, не чувствуется тленья, / И старость станет не совсем страшна, / Когда вот так – блаженные селенья / В молитвах видит кроткая душа ...».

Часто в размышлениях о своей будущей судьбе поэт видит себя в деревенском доме, в полевых работах вместе с любимой женой. В лирических текстах формируется своего рода деревенская идиллия с её простой повседневной работой на земле, задушевность и тепло семейного счастья в доме, построенном своими руками, где «...жить легко, неторопливо, / Вдали от пасмурных времён...», «Здесь тополя с рождения Христа / Здесь мне с тобою вековать-стараться...».

Значительное место занимает в поэзии Виталия Крекова любовная лирика. Женские лица в его поэзии – это целая галерея деревенских и городских героинь: землячек, подруг, любимых или женщин, только увиденных или встреченных на пути и поразивших своей строгой духовной красотой. Среди них есть деревенская девчушка «с красотой звонкой», которой хочется дарить нежный иней с берёз и «в шаленке дочка мамина» в черёмуховом окне, есть и строгая хозяйка «северного сада» и дома, наполненного «домашним кружевом» родственного слова о детях и внуках. С женскими образами связан звуковой мир поэта: нежный голос, который звучит «обветреною кожицей» весенней берёзы, музыка как поцелуй светлой души, песня «нелегкой девы с вековым напевом о человеческой судьбе». Традиционно женское лицо и у музы поэта, которая приходит «не затронув двери», даруя крыло, унося в небеса, чтобы потом «упасть ливнем строк». «Осень. Уголок моей отчизны: / Пятистенки, огороды, пруд, / Белоствольных тающие нимбы / В прорубях вечнозелёных руд...», женские родные и милые лица – все эти образы родного мира, «уголка родной отчизны», который становится частицей «отчего края» с его общей живой жизнью простого деревенского народа. В ней соединились мудрость, труды, скорби и всегдашний неутолённый весёлый задор молодости, надежды, счастливая любовь.

Появление крупных форм в творчестве Крекова связано с опытом лироэпоса. Поэма «Данилкино утро» (1976-83) – это хроника жизни лирическо-

го героя, в которой малый деревенский мир вписан в эпоху 1950-х годов. Лёгкие штрихи обновления городской жизни и мимолётные очерки молодых лиц друзей и подруг создают узнаваемую атмосферу подъёма, оживления, надежды, близкое соприкосновение деревенской и городской общей жизни, – всего, что узнаваемо в строе жизни первого послевоенного десятилетия всей страны. Вторая поэма «По казачьему тракту» (1999) построена как ряд очерков колхозной деревенской жизни про донос в «чека» и гибель зоотехника Елькина, про дядю Гену, бесстыдного сельского Дон Жуана, про драматическую историю беженки Маши-сиротки. В них проглядывает ирония и горькая усмешка повествующего автора, который видит, как исчезает из колхозной деревенской послевоенной жизни нравственная чистота, как много горьких вдов, несчастных судеб.

Движение к повествовательной форме проявилось в творчестве Виталия Крёкова последних лет в создании ряда рассказов и очерков. В «Записках печника», в книге рассказов «Воспитание кривых брёвен» (2011) много невыдуманных героев. Они были встречены автором в повседневной жизни, и он с любовью и уважением рассказывает о своих земляках простую правду. Бытописание Крёкова особенно ярко реализуется через особую стилистику – это разговорная речь с вкраплением просторечных форм. В этой речевой стихии раскрывается и сам герой-рассказчик, и его герои. В «Записках печника» – это печник и строитель по профессии, поэтому его слово, как он сам говорит, полно «живых сгустков нашего прошлого и современности». Так, имея в виду эпоху нашего социалистического строительства, он говорит о слове «прораб», которое напоминает не о победных свершениях, о времени, когда были распорядители и десятники, и люди, часто подневольные, выполнявшие грубый неквалифицированный труд. В книге «Воспитание кривых брёвен» повествование ведёт автор, вспоминая о своем детстве, оживляя в памяти свои первые колхозные работы. С этими автобиографическими рассказами перемежается художественный очерк «Фёдор Григорьевич, Дерик и другие», в котором создано несколько точных портретов земляков. В сборнике рассказов и повестей приме-

чательны очерки-путешествия: «Река Иордан походила на Иски-тимку», «Сергиев Посад», «На дурноезжем». Они расширяют художественный мир книги благодаря символичной топонимике – река, храм, дорога. Ставшая последним законченным произведением Виталия Крёкова книга «Воспитание кривых брёвен» всем своим строем связана с лирикой и лироэпосом поэта, воссоздавая её художественный мир в новом авторском видении.

Поэзию Виталия Крёкова ценили многие кузбасские поэты. Высоко оценил поэзию Виталия Крёкова московский критик Вадим Валерьянович Кожин. Публикуя подборку его стихотворений в 1993 году в газете «День», он отметил, что поэзия Виталия Крёкова «просто воплощает – решительными и в то же время тонкими штрихами – реальное и вечное русское бытие, ту душу России, которая живёт не только в людях, но и в полях, в деревьях, в скрипнувшей от ветра двери. И, вобрав в себя поэтический мир Виталия Крёкова, обретаешь глубокую уверенность в том, что никто не сможет поломать или хотя бы исказить это сладостное и горькое бытие. Оно, в конечном счёте, отторгнет или перемелет навязываемые ему чуждые отношения и идеи».

Людмила Ходанен.

БИОГРАФИЯ ВИТАЛИЯ КРЁКОВА

Виталий Артемьевич Крёков родился 10 августа 1946 года в селе Мочище, ныне микрорайон города Бийска Алтайского края. Мать – Анна Романовна Крёкова, в девичестве Ягунова (1913 – 1996) до войны жила с мужем в Красноярском крае. Муж погиб на финском фронте, а четверо их детей умерли от голода и болезней. В годы Великой Отечественной войны работала санитаркой в военно-санитарном поезде. В 1943 году у неё родилась от выздоравливающего солдата дочь – Галина Петровна Кудряшова. У отца Галины была семья, к которой он вернулся, дочери платил алименты. Отец Виталия – Артемий Евлантьевич Чудов – родом с Алтая, до войны работал плотником, был намного старше Анны, двое его сыновей от первого брака погибли на фронте. Познакомились родители в Ивановской области, после войны приехали в Бийск, работали в одном из совхозов Зонального района под Бийском. Родные Чудова отсоветовали ему обзаводиться новой семьёй. В 1948 году мать с Галиной и Виталием пере-

ехала в Кемерово. Анну Крёкову с двумя детьми приняли родители её первого мужа Крёкова. В 1952 году Роман Борисович Ягунов, работавший на одной из шахт Колымы, прислал дочери денег, и она купила дом в деревне Сухая Речка, работала уборщицей, с 1955 года – дояркой в совхозе «Октябрьский». Виталий окончил Сухореченскую начальную школу. Семилетнюю школу окончил в п. Новостройка со справкой, не сдал экзамены по математике и физике, остался в деревне, работал водовозом, развозил на лошади уголь. В первой половине 1960-х годов приехал в Кемерово, окончил фабрично-заводское училище по специальности каменщик-обмуровщик, работал на стройке, писал зарисовки и стихи в газету.

В автобиографической заметке Виталий Крёков писал: «Моя родина – Сибирь. Родился я в городе Бийске Алтайского края. Мать моя была из рода Ягуновых, известных казаков, основавших Верхотомский острог, а затем занявшихся земледелием и основавших деревни Ягуново, Денисово, Крёково. А отец из рода Чудовых – казаков Бийкатунской сторожевой линии на Алтае. Судьбу свою я определил, когда ещё не знал алфавита. Говорил, что буду писать песни и книги. Меня никто не отговаривал. Рифмоплёт, композитор, поэт – до тридцати лет были моими прозвищами в гуще горячо любимого мною народа» («Кузбасс». 2006, 9 авг.).

Во время службы в инженерных войсках Советской Армии (1965 – 1968 гг.) Виталий Крёков участвовал в работе Омского литературного объединения, где общался с писателями Владимиром Пальчиковым, Владимиром Макаровым, Вильямом Озолиным, Иваном Яганом, Татьяной Четвериковой, Анатолием Васильевым (ныне редактор тюменского альманаха «Врата Сибири»). Первая публикация – стихотворение «Из берёзовых ран я не пил свежий сок...» – состоялась в 1966 году в газете «Молодой сибиряк» (Омск). После армии жил с матерью и тёткой Таисьей Романовной в Кемерове в небольшом домике на улице Вторая Заречная.

Вернувшись в Кузбасс в 1968 году, формировался как поэт при литературной группе КТОМ – Кемеровское творческое объединение молодёжи, дружил с молодыми поэтами Александром Ибрагимовым и Николаем Колмогоровым. Куратором КТОМа, созданного в 1964 году, была Людмила Чех, руководителем – Валентин Махалов. С начала 1970-х годов

печатались в газетах «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс», «Край» (Кемерово), «День» (Москва) и др. Виталий был участником областных и краевых литературных семинаров писателей Кузбасса, Алтая. В 1971 году пять стихотворений Виталия Крёкова были опубликованы во втором номере журнала «Огни Кузбасса». В 1980-х годах активно участвовал в работе литературной студии «Притомье», созданной в 1979 году. С Крековым познакомилась известная кемеровская художница Галина Николаевна Писаревская, член Союза художников России. В память об этом общении был создан портрет «Поэт Виталий Крёков» (1979 г., бумага, акварель, 91x70), который теперь хранится в фонде Кемеровского музея изобразительных искусств. Репродукция портрета поэта с букетиком незабудок опубликована в журнале «Огни Кузбасса» (2018, № 1).

В 1970-х годах Виталий работал каменщиком в различных строительных организациях, обмуровщиком котлов на Кемеровской ГРЭС, получил квартиру в бараке, женился. В браке с Валентиной Крёковой (Десятых) в 1979 году родилась дочь Кристина. У Кристины Крёковой двое детей: Глеб Евстафьев и Серафима Крёкова.

В 1980-е годы Виталий Артемьевич работал столяром в Кемеровском музее изобразительных искусств, дружил с художниками, искусствоведами. В 1994 году познакомился с Ниной Петровной Гусевой, зам. директора Кемеровского областного краеведческого музея. Она стала его верной женой, другом и музой. Ей поэт посвятил стихотворение «Если станет с деньгами получше...» (2000).

В 1990-е и 2000-е годы В. А. Крёков работал мастером по кладке печей и каминов, в том числе и на писательских дачах в Переделкино. В 1993 году он стал членом Союза писателей России.

Виталий Крёков – автор шести поэтических книг, изданных в Кемерове и книги прозы «Воспитание кривых брёвен» (2011). Участвовал в поэтическом сборнике, изданном в Москве, «На тебя и меня остаётся Россия: молодая российская поэзия» (1987). Печатались в журналах «Москва», «Наш современник» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Сибирь» (Иркутск), «День и ночь» (Красноярск), «Сибирский тракт» (Тюмень), «Огни Кузбасса» (Кемерово).

Виталий Крёков – лауреат литературных премий «Молодость Кузбасса» (1979), «Образ» и литературной премии им. Виктора Баянова (2015). Поэт

был награждён медалью «За веру и добро». Умер 5 сентября 2016 года. Похоронен в г. Кемерово на Центральном кладбище № 5, квартал 102, ряд 4.

Книги Виталия Артемьевича Крёкова:

Лицо твоё: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1980. – 56 с.

Цветы картофельных полей: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1992. – 86 с.

Всё родное, хорошее...: стихотворения. – Кемерово: Кузнецкая крепость, 1993. – 64 с.

Наша бедность граничила с Богом: стихи. – Кемерово: КемГУ, 1995. – 32 с.

Соломенный мост: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1996. – 140 с.

Деревьев люд смиренный: стихи. – Кемерово: Сибирский писатель, 2005. – 144 с.

Воспитание кривых брёвен: повести и рассказы: книга лирической прозы. – Кемерово: Сибирский писатель, 2011. – 228 с.

Владимир Михайлович Мамаев

*18 марта 1930 г., Кемерово –
апрель 2000 г., д. Акимовка, Калужская область.
Поэт. Член Союза писателей России с 1996 года.*

***

Я помню улочки кривые
И тротуар тесовый твой ...
Глухой провинцией России
Ты был, заштатный город мой.
Вокруг тебя тайга шумела
И зверь непуганый бродил,
Тогда мой дед из староверов
В Щегловск дорогу проторил.
И прямиком, был не из робких,
Подался дед на «Коксохим».
И наши судьбы, словно тропки,
Тянулись ... тянутся за ним.
Я тоже рос под этим небом,
У заводских печей крепчал,
Потом война ...
Лет десять не был,
Приехал – город не узнал.
Он повзрослел, расправил плечи,
Давно дремавший богатырь ...
Он потеснил моё заречье,
Поднялся ввысь, раздался вширь.
Родная речка Искитимка,
Я принимаю твою новь.
Но нашу старую заимку
Мне жаль, как первую любовь.

(«Осенний свет», 1985)

РАБОЧИЕ РУКИ

Они пропахли морем, рыбой,
Их стужа жгла, палил их зной,
Как две обветренные глыбы,
Они лежат передо мной.

Лежат на столике щербатом,
Сколоченном из грубых плах,
И, как швартовые канаты,
Бугрятся вены на руках.

Смотрю на руки трудовые
И вижу пашни, города...
Подвластны им дела любые,
Любая нипочём страда!

(«Осенний свет», 1985)

ПОЛЕ ПАМЯТИ СОЛДАТСКОЙ

Отрывок из поэмы

Юность, юность!
Где мы не бывали,
По каким дорогам не прошли?
Нас не раз на прочность проверяли,
Как броню – огнём нещадным жгли.
Голодом и холодом косили,
В землю зарывали нас живьём,
На весь мир кричали: «Нет России»,
А Россия есть! А мы живём...

Только вот душа вся пропиталась
Жгучей болью, гарью фронтовой.
Кто сказал, что всё зарубцевалось,
Тот, поверьте, не знаком с войной.
О войне он судит понаслышке,
У меня же с ней особый счёт.
Отвалила мне она, мальчишке,
Боли, скорби – на сто лет вперёд.
Только я не жалуясь на боли,
У кого их нет из нас, солдат?
Поле, памяти солдатской поле,
Как неразорвавшийся снаряд...
Вспоминая годы те суровые,
Юность, юность, я горжусь тобой!
В сапоги обутая кирзовые,
Ты прошла дорогой фронтовой.
Мы с тобою тыщи вёрст оттопали
По земле российской и чужой.
Доводилось, нас хирурги штопали,
Но мы снова возвращались в строй.
И опять с гвардейцами лихими
Вёрсты, как обмотки, я мотал.
Под берёзами, под вязами чужими
Я друзей хороших оставлял.
Может быть, там нет иobelisksов,
Не бывал в той дальней стороне.
Только вас, друзья, как самых близких
Почитают у меня в родне.
Да ведь вы не знаете, родные,
Приступом мы взяли Кёнигсберг...
Отоспались за войну впервые,
Поимённо помянули всех.

А когда над миром, онемевшим
От крутого горя, бабьих слёз,
Тишина легла, мы – уцелевшие –
Возвратились в край родных берёз.
Плакали на радостях, смеялись
И плясали так, что пыль столбом.
Многих мы тогда не досчитались,
Многие от ран ушли потом...

(«Осенний свет», 1985)

ВETERАНЫ

Над Россией туманы,
Словно годы, плывут.
Среди нас ветераны,
Как легенды, живут.
Отшумели бураны,
Улеглась боль войны.
Только им, ветеранам,
Снятся черные сны:
И, как прежде, комбаты
Их в атаку ведут;
И, как прежде, солдата
Где-то матери ждут.
Через годы и страны,
Через крик тишины,
Как седые курганы,
Всё идут ветераны,
Всё идут ветераны
По дорогам войны.

(«Землянка», 2000)

ЮНЫЙ ПОЭТ ВОЙНЫ

На фронтах Великой Отечественной войны очень часто рядом со взрослыми солдатами воевали обычные мальчишки. Некоторые даже становились сынами полка и участвовали в великих сражениях той части, к которой были прикреплены. Таким сыном полка был и поэт Владимир Михайлович Мамаев. В двенадцать лет он сбежал на фронт. Трижды его оправляли учиться в Суворовское училище, но каждый раз он возвращался в часть. После очередного возвращения командир полка устало махнул рукой и сказал: «Пусть остаётся. Что толку отвозить, всё равно убежит. Поставить на довольствие, зачислить...». Так в 12 лет Владимир Мамаев стал сыном полка и полковым разведчиком, экспедитором 2-го дивизиона. С армией он прошёл от Сталинграда, через Украину, Крым, Белоруссию до самой западной границы. Был ранен, контужен, но выжил в той страшной войне. Первую боевую награду – медаль «За отвагу» – он получил в тринадцать лет. Войну закончил пятнадцатилетним парнишкой, приняв свой последний бой под Кёнигсбергом (ныне Калининград). Спустя много лет, уже став профессиональным поэтом, Владимир Мамаев вспомнит о тех военных событиях в стихотворении «Кёнигсберг», посвященном поэту-фронтовику Евгению Буравлёву, получившему тяжёлое ранение в бою за взятие этого же города-крепости:

*Кёнигсберг. Сорок пятый.
Помнишь, друг мой, тот бой?
Боль и радость той даты
Не забыть нам с тобой...*

Пройдя дорогами войны в таком юном возрасте, рано повзрослев, Владимир Мамаев жизнь воспринимал совсем не по-мальчишески: «Отвалила мне она, мальчишке, боли, скорби – на сто лет вперёд». Давно отгремела война, а из памяти всё никак не уходила, не давала спокойно жить. И Владимир стал писать стихи: «Сорок лет она горит на костре утраты...», «И снова сердце коченеет, и сводит скорбь мои уста...», «На могилах ромашки, а в могилах – друзья...». Нелегко давались поэтические строчки Мамаеву. Но он старался, и наконец стихи пошли, будто выхваченные из боя, из пламени и порохового дыма.

Первые стихи Мамаева были напечатаны в 1962 году в районной газете «Заря». Позже стали печататься в городских, областных и республиканских газетах, в журнале «Огни Кузбасса», коллективных сборниках «День поэзии», «Гремели бои», «Дыхание земли родимой». В 1971 году в Кемерово вышел первый сборник «Тишина». В последующие годы были изданы сборники «Осенний свет» (1985), «Завалинка» (1995), «Землянка» (2000).

Главный герой стихов Владимира Мамаева – Память. Автор встаёт перед памятью, «как на поверке перед суровым старшиной», он снова и снова обращается к ней, «чтобы душой не покривить, не растерять того, что свято».

*Мне никуда, друзья, не деться
От той беды, что память жжёт.
Войной расстрелянное детство
Мне вопреки во мне живёт.*

В стихах Владимира Мамаева присутствует не только боль памяти о войне. В них – и её свет. В огне войны закаливались и очищались людские души. И на войне бывало всякое, «но только – не на линии огня»:

*Там, под огнём, равны мы были:
И генерал, и рядовой,
Перед народом и Россией,
Как перед матерью родной.
(«Не раз о чёрствость, как о стену...»)*

Для Владимира Мамаева есть в свете войны свой, очень личный, тёплый оттенок. Ведь несмотря на то, что его детство было не золотым, а огненным, оно не было сиротским. Он же был сыном полка. Поэтому из многих его стихов исходит свет сыновней благодарности названным родителям. Он их называет поименно: комбаты Завражный и Горбатко, старшина Дрыга, наводчик Костя Надь и многие другие.

*Разведчики... Их нет давно,
А я живу, спасённый ими.
И на войну хожу в кино,
Чтоб снова видеть их живыми.
(«А может, не было войны...»)*

Писал Мамаев и о мирной жизни: о тревогах, приобретениях и потерях сегодняшнего дня, о трудовых буднях своих земляков. Поэт любил и гордился родной землёй, городом Кемерово, где прожил многие годы:

*Я помню улочки кривые
И тротуар тесовый твой...
Глухой провинцией России
Ты был, заштатный город мой.*

Целый цикл стихотворений Владимир Мамаев посвятил любви к женщине: «Я ждал тебя...», «Ты, как утренний туман...», «Ты пришла, как приходит заря...». Однако и на «мирные» стихи война бросала свой грозный отсвет.

*Мне о любви бы, о весне,
Да вот беда. Не пишется.
Остался я на той войне,
Под деревенькой Лышица.*

Война искалечила много судеб, в том числе и детских, но бывший сын полка Владимир Мамаев прожил хоть и трудную, но честную и достойную жизнь. В мае 2000 года были подведены итоги Всероссийского литературного конкурса, проведённого к 55-летию Победы. В период проведения конкурса безвременно ушёл из жизни его участник – поэт, ветеран Великой Отечественной Владимир Михайлович Мамаев.

Екатерина Тюшина.

БИОГРАФИЯ ВЛАДИМИРА МАМАЕВА

Владимир Михайлович Мамаев родился 18 марта 1930 года в городе Кемерово. Отец и дед работали на коксохимическом заводе. В 1937 году уехал с отцом в город Кадиевка (Стаханов) Ворошиловградской (Луганской) области. В 1941 году отец ушёл на фронт, а мальчик остался с мачехой, жили впроголодь, Володе приходилось наниматься в пастухи, много работать. Он примкнул к отступающим советским войскам, перешёл Сиваш, но был отправлен в детский дом в конце 1941 года. Сбежав

из детского дома, в 12 лет стал «сыном полка», добровольцем, воевал экспедитором, полковым разведчиком в составе 483-го Севастопольского орденов Суворова и Кутузова минометного полка 2-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. Боевое крещение принял под Сталинградом (с 1961 года – Волгоград). Любил напевать строки из военной песни А. В. Александрова и С. Я. Альмова «Бейте с неба самолёты»: «Вздумал Гитлер, пёс кровавый, сунуть нос в наш край родной. Вся Советская держава поднялась стальной стеной!».

Первую боевую награду (медаль «За отвагу») получил в Литве: помог своей части выйти из окружения. Ушёл в разведку вместе с девушкой-связисткой. Девушка получила ранение. Оказав ей помощь, юный разведчик продолжил выполнять боевое задание, был обнаружен немцами, сутки прятался в могильном склепе на кладбище. Вернулся с донесением о пути выхода из окружения и раненой связистке. Принимал участие в освобождении Донбасса, Крыма, Севастополя, Белоруссии, Прибалтики. Закончил войну под Кёнигсбергом в пятнадцатилетнем возрасте. Боевого разведчика Владимира Мамаева можно считать одним из прототипов героя повести Владимира Богомолова «Иван».

После войны, в 1946 году, Мамаев вернулся в Кемерово. Учился в техническом училище и одновременно работал машинистом турбины, затем мастером на Ново-Кемеровской ТЭЦ. В личной жизни не всё было гладко. Не сложилась жизнь с супругой, пришлось остаться одному с дочерью Таней. Но вскоре он встретил ту единственную, с которой прожил до последних своих дней. В 1963 году у Владимира Михайловича и Александры Ивановны Мамаевых родилась дочь Ольга.

В 1960-е годы пробует писать стихи профессионально. Член Союза писателей России с 1996 года. Автор четырёх поэтических книг, изданных в Кемерово: «Тишина» (1971), «Осенний свет» (1985), «Завалинка» (1995), «Землянка» (2000).

Много времени уделял патриотической работе с молодёжью. Несколько лет возглавлял штаб комсомольско-пионерского поста № 1 у памятника кузбассовцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Был на встречах сыновей полка в Курске, Волгограде, Литве.

Награждён медалью «За отвагу» (8 ноября 1944 г.), орденом Отечественной войны I степени (6 апреля 1985 г.). В списке послевоенных

наград множество медалей и памятных ветеранских знаков: «Участник штурма Перекопа и Севастополя»; «30 лет освобождения Крыма. 1944–1974» и др.

С 1997 года жил в Москве, вскоре переехал в деревню Акимовку Жиздринского района Калужской области. Во время жизни в Акимовке встречался со школьниками, рассказывал о войне и читал свои стихи. Тяжело заболел, но творчества не оставил. Последняя прижизненная публикация новых стихов кемеровского поэта-фронтовика появилась в первом номере журнала «Огни Кузбасса» за 2000 год.

Умер 2 апреля 2000 года. В музее боевой славы Акимовской общеобразовательной школы есть музейная экспозиция поэта-фронтовика В. М. Мамаева. В 2007 году дочь поэта Ольга Владимировна Николаенко (Мамаева) передала в школьный музей боевые награды, личные вещи, сувениры, фотодокументы фронтовика. В школе проходят вечера памяти поэта.

Книги Владимира Михайловича Мамаева:

Тишина: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1971. – 45 с.

Осенний свет: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1985. – 64 с. : ил.

Завалинка: стихи. – Кемерово: Сибирский родник, 1995. – 126 с.

Землянка: стихи. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 71 с.

Владимир Фёдорович Матвеев

*24 июля 1932 г., село Лешихино, Калининская область –
26 апреля 2003 г., Кемерово.*

Поэт-сатирик, детский писатель, журналист.

Член Союза писателей СССР с 1981 года.

ТАК СКАЗАТЬ, ДОКЛАДЧИК

Он «так сказать»
на «так сказать»
скороговоркой множит.
Он, так сказать,
без «так сказать»
двух слов связать
не может.

(«Иронические строки», 1962)

КОМПЛИМЕНТ ВЕРБЛЮДА

Верблюд в восторге
От своей симпатии:
– Ты всех верблюдиц, милая,
Горбатее!

(«Иронические строки», 1962)

КРОТ-МЫСЛИТЕЛЬ

Твердит упрямо
Много лет:
«Кому он нужен
Белый свет?!»
... А не живи Крот
В темноте,
И мысли были бы не те.

(«Иронические строки», 1962)

СОБАЧЬИ ПРИЧУДЫ

Та ли добрая,
эта ли злая –
натуры собачьи
понять я
не в силах:
одна укусила
соседа без лая,
другая, облаяв, –
не укусила.

(«Букет шипов», 1964)

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЗАВИСТНИЦЕ

Неможется соседке тёте Насте,
от радостей людских она грустна.
Я рассказал ей о своём несчастье,
и засветилась радостью она.
Всё тёте Насте
выложил устало,
что накипело в сутолоке дней.
Мне легче после этого не стало,
но хорошо, что легче стало ей.

(«Житьё-бытьё», 1969)

ДЕЛОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Гуляю ли по городу,
иду ли на работу,

полнится сердце
горькой обидою:
завидую базару,
завидую болоту,
бане, трубе,
кирпичу завидую.
За улицей улица.
Пестрота словарная
меня в умиление
приводит обычно:
тут и Болотная,
тут и Базарная,
Банная, Трубная,
3-я Кирпичная.
Я в жизни не сделал
большого чего-то
и всё ж предлагаю
(прошу не перечить):
чем славить, к примеру,
трубу и болото,
не лучше ль сатирика
увековечить?

(«Житьё-бытьё», 1969)

НЕЗЛОБИВЫЙ МИХАЙЛО

*Георгий Баранов, автор памятника
Михайле Волкову в Кемерове*

Город к Михайле привык,
Михайло родился заново

и даже свой каменный лик
простил добродушно Баранову.

(«Копыто Пегаса», 1973)

«БАЛАГУР»

Запас каламбуров на три пятилетки,
Сыплет остротами как бы нечаянно,
Шутит цинично по адресу Петьки,
Топчет священную память Чапаева.
Нет для него дорогого на свете.
– Я, – говорит он, – король анекдотов!
...Очень забавны «хохмочки» эти,
только от них мне невесело что-то.
О невозможном мечтается хмуро:
пошлость болтливую строго карая,
укоротить бы язык балагура
саблей и ныне живого Чапая!

(«Улыбка с нагрузкой», 1979)

ЛЮБОВЬ БЕЗ ВЗАИМНОСТИ

Любовью странной
мы природу любим,
лесам и водам
вызовы бросаем,
сначала героически
всё губим,
потом всё героически
спасаем.

(«Улыбка с нагрузкой», 1979)

НАПРАСЛИНА

Возможно, что осёл – упрямый
и нет в лесу лисы хитрей,
но мы сравнением, эпиграммой
унизить рады всех зверей.
До красных слов бываем падки,
и приписать не стыдно нам
свои родные недостатки
четвероногим существам.
Друг друга уличить намерен,
запася фразой-кирпичом:
«Чего ты врёшь, как сивый мерин!»
А мерин вовсе ни при чём.
Муж поздно ночью появился.
Жена кричит: «Подам на суд!
Опять ты, как свинья, напился!»
А свиньи отродясь не пьют.
Идут на улице дебаты.
Бранятся, кто во что горазд:
«Собачий сын ты!»
«Пёс проклятый!»
А пёс нам верен, не предаст.
И я живу не без порока,
читатель, выход предлагай:
болтлив бываю, как сорока,
твержу одно, как попугай.

(«Улыбка с нагрузкой», 1979)

НЕРАСТОРЖИМЫЕ УЗЫ

У него – душа, у неё – душонка,
они по-разному смотрят на мир:
у неё на уме – свиная тушёнка,
у него на уме – великий Шекспир.
Зачем он мещанке супругом приходится,
не рвёт отношений пошлую нить?
Она без Шекспира прекрасно обходится,
ему без тушёнки – и дня не прожить!

(«Улыбка с нагрузкой», 1979)

В ОТСТАЛОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Ничего в делах определённого,
И успехов не видать вовек –
Во главе
Хозяйства укрупнённого –
Мелкого масштаба человек.

(«И смех и грех... », 1982)

ЭЛИКСИР МОЛОДОСТИ

Рецептов
вечной молодости нет,
но поделюсь с тобой
секретом:
начни писать стихи
на склоне лет –

и сразу станешь
молодым поэтом.

(«Секрет летающих тарелок», 1988)

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Без шутки
не мог и ни дня,
была по душе мне потеха ...
Не плачьте
меня хороня.
И знайте:
я умер
от смеха!

(«Озорная переменна», 1988)

НОВОСТИ ГРАММАТИКИ

Стал он
суффиксы «менять»:
– «Стол» – отец ...
«Столиха» – мать ...
Есть у них ещё ребёнок
Под названием ...
«Столёнок».

(«Весёлая минутка», 1989)

НАПРЯЖЕНИЕ ОТ СПРЯЖЕНИЯ

И разинула
девочка рот:
– Я иду...
Ты идёшь...
Он идёт...
– Поживей! –
кто-то в классе кричит.
– Я бе - жу!
Ты бе - гишь!!
Он бе - гит!!!

(«Весёлая минутка», 1989)

ДОЧУРКА ИЛИ ЧУРКА

– Ты чего загрустила дочурка?
– Я для вас не дочурка,
А чурка:
То вы пилите,
То строгаете,
То за двойку
Стружку
Снимаете.

(«Весёлая минутка», 1989)

ПРИВЕРЕДА

– О чём вздыхаешь, Тыква?
– От «Вы» совсем отвыкла:
все тычут – тыква, тыква,
никто не скажет – Выква.

1982 год («Весёлое настроение», 1993)

ДИКАЯ СЕМЕЙКА

Если жили папу-асы,
значит, жили маму-асы.
Рядом бегали ребята:
папу-сята,
маму-сята.

(«Весёлое настроение», 1993)

ЖИТУХА

Грабежи. Убийства. Пьянки.
Криминал дошёл до точки.
Расплодилось, как поганки,
обиральные ларёчки.
Время грёз наивных,
где ты?
Для души
нет чистой ниши:
стали нищими поэты,
процветают нувориши.
Жизнь всё круче, всё дороже ...
Сколько это будет длиться?!
Всюду хари, морды, рожи ...
А куда девались лица?

(«Миниатюры», 1997)

ШАПОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Обычай старины
считая пустяком,

не снимет шапку
перед стариком,
зато не дрогнет
наглая рука
снять шапку
с инвалида-старика.

1982, 1993 год («Миниатюры», 1997)

МИТИНГ УЧЁНЫХ

Мне в память врезался плакат,
Его беру я напрокат:
«Не будет на Руси науки –
на четвереньки станут внуки!»

(«Миниатюры», 1997)

ИДЕАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

Характер
заимел я стойкий,
в пример
меня приводят всем:
став нищим
после перестройки,
я не курю,
не пью,
не ем!

(«Миниатюры», 1997)

КОВАРНАЯ БУКВА

В понятиях на букву «ша»
добра и чести ни шиша,
то грязь, то серых дней печаль:
ШАЛМАН, ШЕСТЁРКА, ШМОТКИ, ШВАЛЬ,
ШУТ, ШУШЕРА, ШАКАЛ, ШАНТАЖ,
ШИК, ШУЛЕР, ШЛЮХА, ШПИОНАЖ,
ШКЕТ, ШКОДА, ШЕЛУДЯК, ШИШИГА,
ШМОН, ШАВКА, ШАШНИ, ШАРАМЫГА...
От змеями шипящих «ша»
шалеет не одна душа.
И мне жилось бы шибко жутко,
когда б не выручала –
ШУТКА.

(«Миниатюры», 1997)

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ

Это выше понимания:
мы голодные, босые,
побеждённая Германия
подачки шлёт России.
Не хочу прослыть язвительным,
но вопрос задать придётся:
отчего же победителям
непобедно так живётся?

(«Миниатюры», 1997)

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

Премудрость истин разумея,
сижу за Библией все дни.
Люблю апостола Матфея,
он мне приходится сродни.
Добра законы
вечно святы.
Матфей,
от зла оборони:
«Блаженны, алчущие правды,
ибо насытятся они ...»

(«Миниатюры», 1997)

КАРТИНКА ИЗ ДЕТСТВА

Я догоняю жеребёнка –
лягает он меня,
ребёнка.
Я повзрослел, но и сейчас
копытом бьёт поддых
Пегас.

(«Миниатюры», 1997)

ХОХМЫ ДЛЯ...

*«Да ты от злости жёлт!
Не надо помнить зла!»
Но я не злобы от.
Но я лишь пользы для.*

Владимир Ширяев

Хочет вся страна,
схватившись за живот:
я сел Пегаса на,
рифмую скуки от.
Предлоги ворошу,
лишив законных мест, –
скучаю края у,
остались смысла без.
Бреду своей тропой,
имея свой девиз,
и воробьям я по
стреляю пушки из.

(«Миниатюры», 1997)

НОВОЕ ПРИЗВАНИЕ

Не случайно
старание это –
за метлу
спозаранку берусь –
дворник ценится
выше поэта...
Очищает от мусора
Русь.

(«Волчий рынок. Миниатюры». Рукопись, 1993)

У МОНУМЕНТА ИЛЬИЧУ

В позолоте,
временем потёртый,

он стоит,
с пелёнок дорогой.
К светлым далям
за рукой простёртой,
я иду
с протянутой рукой.

(«Волчий рынок. Миниатюры». *Рукопись*, 1993)

БУДНИ ГОРОДА

Не криви своё лицо в ухмылке,
нет ли в этом и твоей вины,
если, роясь в мусоре, бутылки
собирает ветеран войны?

(«Бизнес по-русски», 1998)

ДЕЛИКАТЕСЫ

Мне в войну
и беда – не беда,
отвела её
лебеда.
Не клян
горемыку-судьбу,
шлю поклоны тайге
за колбу.

(«Бизнес по-русски», 1998)

РЕТРОГРАД

Современным
мне быть не дано,
старомодно
храню дорогое:
заниматься любовью –
одно,
а любить –
это нечто другое.

(«Бизнес по-русски», 1998)

ВАСИЛИЮ ФЁДОРОВУ

*Моё имя с Россией
хорошо рифмовать...*

Тем от досужих рифмачей отличен,
что к русской боли
не был безразличен.
Я потому не выдохся,
не сник,
что жив
твоей поэзии
родник.

(«Бизнес по-русски», 1998)

В ЧУЖОМ САДУ

Кричит садовник сорванцу:
– Слезай-ка с яблони,
сейчас пойдём к отцу!
– Да что ты разорался, дядька?!
(У сорванца победоносный вид).
– Ну, отвечай-ка, где твой батька?
– Вон
на соседней яблоне сидит.

(«Юморески. Рукописное издание», 2002)

НОВОГОДНЯЯ ПЕСЕНКА

Дед Мороз – Красный нос –
всем подарочки принёс.
А вот папа – красный носик –
И получку не приносит.

(«Юморески. Рукописное издание», 2002)

ЧЕТВЕРОНОГИЕ

Как-то школьник
на уроках
посчитал
четвероногих:
– Волк, медведь,
собака и ...
пьяный
дядя Михаил.

(«Юморески. Рукописное издание», 2002)

СТУЖА

Встал лихой мороз чуть свет,
всё покрасил в белый цвет.
Только щеки и носы –
в ярко-красный – для красоты.
Расшумелся... щёлк да щёлк,
будто он – голодный волк.
Страх нагнал на малышей –
с улицы прогнал взашей.
Нрав крутой у декабря,
он похож на дикаря.

(Рукопись, 2000-е годы)

СМЕЙТЕСЬ НА ЗДОРОВЬЕ

Дни для счастья нынче зыбки,
что-то тяжело давит всех ...
Детям я дарю улыбки,
пробуждая добрый смех.
У меня одна забота,
об одном сегодня речь:
в мире бизнеса, расчёта
душу юную сберечь.

(«Детки и предки», 2000)

ИРОНИЧЕСКИЕ СТРОКИ ВЛАДИМИРА МАТВЕЕВА

Поэт, пишущий в жанре сатиры, невольно становится обличителем всего того, что мешает жить человечеству. И хоть писать в этом жанре нелегко, но именно сатира стала главной в творчестве кузбасского поэта Владимира Матвеева.

Родился он 24 июля 1932 года в Калининской (ныне Тверской) области. В начале Великой Отечественной войны его семья эвакуировалась в город Прокопьевск Кемеровской области. Здесь Владимир окончил десятилетку и поступил в Новокузнецкий педагогический институт на историко-филологический факультет. После окончания института в 1956 году некоторое время работал в школе, преподавал русский язык. Затем перешёл на журналистскую работу. Был корреспондентом газет «Комсомолец Кузбасса» и «Кузбасс». Работал редактором световой газеты творческой студии «Панорама», ответственным секретарём журнала «Огни Кузбасса», корреспондентом газеты «Наука и образование».

Писать начал ещё в школе. Первыми его сочинениями стали эпиграммы, сделанные на учителей школы по просьбе одноклассников. Они были настолько точными и достоверными, что педагоги без труда узнавали себя в зашифрованном тексте. За это автору эпиграмм часто попадало на родительских собраниях и педсовете.

Склонность к сатире и юмору у Матвеева проявилась также и в студенческие годы. Самой первой публикацией Владимира стала басня, которая была напечатана в газете «Кузнецкий рабочий» в 1953 году. За годы учебы в вузе он написал много сатирических произведений, которые пользовались неизменным успехом среди студентов и пишущих коллег. Ему предложили подготовить рукопись сборника для печати. Однако Владимир не спешил с публикацией своих стихов. Сначала ему хотелось убедиться в том, что его сатирические творения достойны всеобщего признания. Поэтому первая книга «Иронические строки» вышла только в 1962 году в Кемеровском книжном издательстве. Книга была тепло встречена читателями. На неё появились доброжелательные отклики, а самому автору желали дальнейших успехов в сатире. Благодаря такой поддержке в последующие годы один за другим стали выходить новые сборники его сатирических миниатюр, басен, дружеских шаржей и пародий: «Букет шипов», «Житьё-бытьё», «Копыто Пегаса»,

«И смех, и грех...», «Весёлое настроение» и др.

***

*Остроты, басни
Кто не любит!
Зал откликается, как эхо.
Звучат стихи
В знакомом клубе,
Куда я зван
На вечер смеха.*

(Не до смеха)

Его сатирические стихи публиковались в журналах «Сибирские огни», «Огни Кузбасса»; вошли в сборники «Дыхание земли родимой»; «День поэзии», «На родине моей повыпали снега»; «Писатели Кузбасса», «Русская сибирская поэзия» и др.

Произведения Матвеева также печатались на страницах центральных изданий, а сам поэт неоднократно становился лауреатом литературных конкурсов. Его творчество было также отмечено сатирическим журналом «Крокодил» за юмореску «Верность традиции».

*Знали древние греки
Обычай крутой –
Пить не смели вина,
Не разбавив водой.
Продавица
Традиции древней верна -
У нее без воды
Не бывает вина.*

В 1981 году Владимир Фёдорович Матвеев был принят в Союз писателей СССР.

С помощью иронии и сатиры поэт вскрывал пороки и обнажал причины, мешающие простому труженику честно работать. От сатирика по заслугам доставалось всем: рвачам, хапугам, ворам, которые за счёт обнищавшего народа наживают капиталы.

***

*Полмиллиона
Плут растратил,
И взят контролем
На учёт:
В размере месячной зарплаты
Предъявлен жулику
Начёт.*

(Меры приняты)

Вместе с собратьями по перу Матвеев много ездил по городам и сёлам, выступал в клубах, в исправительно-трудовых учреждениях и других аудиториях. Во время поездок он часами цитировал наизусть произведения Пушкина, Есенина. И, конечно, читал свои пародии, в которых критиковал бесхозяйственное отношение ко всему, что нас окружает («Любовь без взаимности»).

Владимир Матвеев любил встречи с детьми. Он с удовольствием посещал школы, библиотеки, интернаты, пионерские лагеря. Выступая перед детской аудиторией, он не пользовался своими книгами. У него был особый блокнотик, куда он записывал свои стихи, юморески, басни, сатирические миниатюры, которые очень нравились ребятам. Именно встречи с детьми подтолкнули В. Ф. Матвеева писать стихи для подрастающего поколения. А темы ему подсказывали сами педагоги, предлагая почитать некоторые сочинения учеников.

«Беря что-то у взрослых и ребят, – писал о своём творчестве Владимир Матвеев, – замечая, над чем и почему они смеются, ничего слишком не выдумываю, не стараюсь поразить воображение сногшибательным образом. Просто стремлюсь по-хозяйски распорядиться попавшим в руки даровым, ещё сыроватым материалом, обогащаю его, пропустив через себя, и возвращаю прежним владельцам. Каюсь, операции такого рода удавались и удаются не всегда, и всё-таки именно в них весь «секрет» моего творческого метода».

Детям посвящены сборники его стихов «Как не стыдно Серёже?», «По грибы», «Озорная перемена», «Весёлое настроение» «Улыбка с нагрузкой», «Секрет летающих тарелок», «Весёлая минутка» и др. Дети охотно

слушали Владимира Матвеева, от души смеялись, узнавая в юморесках себя и своих друзей, читали сами его весёлые стихи. Ведь, объясняя, «что такое хорошо и что такое плохо», поэт не использовал назидательный тон. О недостатках он говорил с улыбкой. Оставаясь взрослым, поэт умел посмотреть на окружающих глазами детей, порадоваться их радостями, опечалиться их печалью и увести с собой в страну, где всё совсем не так, как в жизни.

*Каникулы
там сроду не кончаются.
Там отменен
родительский запрет.
Учителя
ребятам подчиняются,
пятёрки ставят
за плохой ответ.*

(Сказ про край, где не житьё, а рай)

Но самой большой популярностью у детей неизменно пользуется книга Владимира Матвеева «Ах! Какие котятка». В ней дети знакомятся с удивительной компанией непохожих друг на друга котят, с разными чертами характера и неординарностью их поведения. Здесь перед маленьким читателем предстают шалун и лодырь, замарашка и злюка, грубиян и плакса, драчун и жадина, воришка и лгун. И даже самые неуклюжие котятка, которые пугливы и всего боятся, всё равно вызывают симпатию у читателей: «Для труса и птенчик – грозная птица: Готов наутёк он от страха пуститься». Ценность этой книжки в том, что она учит ребёнка с младенческих лет быть честным, трудолюбивым, смелым, открытым к окружающему миру; не перенимать того плохого, что, к сожалению, встречается в нашей жизни, а взглянуть на самих себя с другой стороны. Ведь котятка такие же шалуны и проказники, как и сами дети.

Уже после смерти поэта в 2015 году в санкт-петербургском издательстве «Речь» в серии «Любимая мамина книжка» вышел детский сборник «Посмотрите, какие котятка!» со стихами Владимира Матвеева. Это ещё раз подтверждает большой талант кузбасского поэта, главной заботой которого было, чтобы люди улыбались. «Смейтесь на здоровье» – так поэт-юморист назвал одну из своих стихотворных миниатюр.

Как педагог, Владимир Матвеев много времени посвящал детям. Однако не забывал и молодёжь, особенно интересовался творческими личностями. Помимо личных встреч, он с удовольствием знакомился с рукописями начинающих авторов, наставляя и ограждая будущих поэтов от заносчивости и излишнего самомнения.

***

*Шаток твой пьедестал.
С чем ты идёшь к читателям?
Членом Союза стал...
Сумеешь ли стать...
Писателем?*

(Скороспелому автору)

Талантливых ребят Матвеев всегда поддерживал. Именно при его редакторской поддержке в поселке Ижморка увидел свет поэтический сборник, куда вошли произведения школьников из десяти деревень района.

С определённой долей юмора Владимир Матвеев относился и к собратьям по перу, художникам, артистам и другим творческим людям. Им он посвящал дружеские шаржи и пародии, которые вышли отдельной книгой «Копыто Пегаса».

*Лавры патриарха
Александр Волошин,
писатель, лауреат
Государственной премии*

*Был лаврами увенчан не напрасно.
Лауреатский прочен пьедестал.
На дюжину писателей Кузбасса
Приходится один литгенерал.*

Владимир Фёдорович Матвеев обладал обширными знаниями, он смело вступал в обсуждение, касающееся любой личности, исторического периода или литературных произведений. И никогда не скрывал своего мнения, всегда высказывал его, не боясь, в любой аудитории. Доставалось от поэта

как бывшим хозяйственникам («В отсталом хозяйстве»), так и строителям новой России.

***

*Ах, этот безумный, озлобленный мир –
Жульё на ходу рвёт подмётки.
В подъездах – железные двери квартир,
На окнах – стальные решётки.*

(Добровольный узник)

О результативности и действенности сатиры Матвеева писал кузбасский поэт Виктор Баянов: «При чтении стихов Владимира Матвеева я представляю себе такую картину: идёт по земле приветливый, справедливый человек и, не заботясь о том, как его слышат люди, говорит им порою что-то лёгкое, смешное, однако «со смыслом», порою жёстко-неприятное, но всегда верное и – на пользу дела». Вот, наверно, в этом и есть сила и ответственность сатирической поэзии Владимира Матвеева, которому совсем не «до смеха».

***

*Пишу безбожные стихи,
Они колючи.
Господь, прости мои грехи...
На всякий случай...*

(На всякий случай)

Владимир Федорович Матвеев жил и работал в Кемерове. Много лет он страдал астмой, которая в последние годы ограничивала его литературную деятельность и общение с людьми. Поэт ушёл из жизни 26 апреля 2003 года.

Но Владимир Матвеев не был бы сатириком, если бы не относился ко всему с иронией и даже к смерти. В «Эпитафии самому себе» он написал: «Без шутки не мог и ни дня, была по душе мне потеха... Не плачьте, меня хороня. И знайте: я умер от смеха!»

Екатерина Тюшина.

БИОГРАФИЯ ВЛАДИМИРА МАТВЕЕВА

Известный поэт-сатирик и юморист, литературный критик Владимир Фёдорович Матвеев родился в селе Лещихино Калининской (ныне – Тверской) области 24 июля 1932 года. В годы Великой Отечественной войны семья эвакуировалась в г. Прокопьевск. В 1952 году окончил мужскую среднюю школу № 1 в г. Прокопьевске. Первое юмористическое стихотворение-шутку написал про своего одноклассника. В 1949 – 1952 годах стихи школьника Матвеева не раз публиковала Прокопьевская городская газета «Ударник Кузбасса»: «Вышли шахтёры на майский парад», «Слово агитатора», «Ясная Поляна». Из воспоминаний В. Ф. Матвеева: «Моё Прокопьевское детство прошло на так называемой Берёзовой роще, где к тому времени не росло ни одной берёзы, и в шахтёрском посёлке Ясная Поляна, где поляны не было и в помине. Памятен мне ветхий деревянный барак. Там обитали разные люди – и хорошие и не очень... Доброе слово хочется сказать о Василии Ивановиче Титове (дяде Васе), который впервые познакомил меня со стихами Сергея Есенина, ставшего одним из моих любимых поэтов» (2002 г.).

В 1952 году уехал учиться в Сталинск (с 1962 года – Новокузнецк). Писал басни, эпиграммы (в том числе и на преподавателей института), посещал занятия литгруппы при городской газете «Кузнецкий рабочий» (тогда «Большевицкая сталь»). В 1953 году его басню «Петух и курица» опубликовала газета «Кузнецкий рабочий». В 1956 году окончил историко-филологический факультет (отделение русского языка и литературы) Сталинского (Новокузнецкого) пединститута, два года работал учителем в школе, потом перешёл на журналистскую работу.

С 1960 года жил в г. Кемерово, работал литсотрудником в газетах «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс», редактором творческой студии «Панорама», корреспондентом газеты «Наука и жизнь» (КемГУ). Печатался в центральных журналах и газетах, в том числе – в журнале «Крокодил». Некоторое время был ответственным секретарём журнала «Огни Кузбасса». Член Союза писателей СССР с 1981 года. Считал своим профессиональным праздником 1 апреля – День смеха.

Автор более десятка книг, в числе которых «Иронические строки» (1962), «Букет шипов» (1964), «Житьё-бытьё» (1969), «Копыто Пегаса» (1973), «Улыбка с нагрузкой» (1979), «И смех, и грех» (1982), «Озорная

перемена» (1985), «Секрет летающих тарелок» (1988), «Весёлое настроение» (1993), «Миниатюры» (1997), «Бизнес по-русски» (1998), «Детки-предки» (2002), «Живи с улыбкой» (2002). Автор книг для детей: «Как не стыдно Серёже?» (1974), «Ах! Какие котятка» (1976), «По грибы» (1976), «Весёлая минутка» (1989). В 1997 году книги «Верные друзья» и «Хороши малыши» изданы в г. Алма-Ата.

Трижды, в 2014, 2015, 2016 годах, тиражом 8000 экземпляров издательство «Речь» (СПб.; М.) переиздавало книгу Матвеева «Посмотрите, какие котятка!» в серии «Любимая мамина книжка».

Владимир Матвеев был инициатором и экспертом многих детских литературных конкурсов. С 1991 года он был наставником литературного клуба «Ижморские искорки» (руководитель Михаил Шеховцов) при Доме творчества Ижморского муниципального района, в 1995 году – редактор первого сборника детских стихов «Ижморские искорки».

24 декабря 1998 года Матвеев записал: «Моё любимое изречение на сегодня: «Лучше детское восприятие мира, чем взрослое разочарование в жизни...». В личном архиве М. Н. Шеховцова, друга М. Ф. Матвеева, сохранилась ещё одна запись, датированная поэтом декабрём 2001 года: «Если бы меня спросили, почему пишу стихи для детей, то я бы ответил словами Маршака, адресованными Чуковскому в день юбилея: «Могли погибнуть ты и я, но, к счастью, есть на свете у нас могучие друзья, которым имя – дети. Вл. Матвеев. Декабрь – 2001. г. Кемерово». Встречи с воспитанниками литературно-краеведческого клуба так полюбили Матвееву, что 18 ноября 2002 года у него родились строки, посвящённые Ижморской земле: «Не надо житья заморского, взрослые знают и дети: дорожке края Ижморского нет ничего на свете».

Умер В. Ф. Матвеев 26 апреля 2003 года, похоронен в г. Кемерово на Центральном городском кладбище № 3. На могиле установлен памятник с фотографией писателя.

30 июня 2007 года в Ижморке прошли Первые областные Матвеевские чтения. Вторые Матвеевские чтения прошли 24 июля 2017 года в Кемерово. 11 апреля 2019 года в Центральной городской библиотеке г. Прокопьевска состоялись Третьи областные Матвеевские чтения.

Книги Владимира Фёдоровича Матвеева:

Иронические строки. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1962. – 62 с.

Букет шипов : миниатюры, фельетоны, частушки, пародии. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1964. – 59 с.

Житье-бытьё : сатирические миниатюры, басни, пародии. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1969. – 160 с.

Копыто Пегаса : дружеские шаржи, литературные пародии, шутки. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1973. – 136 с.

Как не стыдно Сереже? : стихи для детей. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1974. – 15 с.

Ах! Какие котята : стихи для детей. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1976. – 15 с.

По грибы : стихи для детей. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1976. – 15 с.

Улыбка с нагрузкой : сатирические и юмористические миниатюры, басни, пародии. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1979. – 127 с.

И смех, и грех... : сатирические миниатюры, басни, юморески, пародии. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1982. – 208 с.

Озорная перемена : юморески, басни, пародии. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1985. – 160 с.

Секрет летающих тарелок : юморески, басни, реплики, пародии, эпиграммы. – Кемерово: Книжное издательство, 1988. – 207 с.

Весёлая минутка : сатирические и юмористические миниатюры по мотивам устного и письменного творчества ребят. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. – 63 с.

Верные друзья: стихи для детей. – Алма-Ата: Полиграфкомбинат, 1992. – 6 с.: илл.

Хороши малыши : стихи для детей. – Алм-Ата: Полиграфкомбинат, 1992. – 6 с.: илл.

Весёлое настроение: юморески, басенки, шутки для младшего и среднего школьного возраста. – Кемерово: Издательство «Кузнецкая крепость». – 1993. – 64 с.

Миниатюры : стихи, сатира, юмор. – Кемерово: Ковчежек, 1997. – 160 с.

Бизнес по-русски : стихи. – Кемерово: Сибирский писатель, 1998. – 232 с.

Детки и предки : юморески, просто стихи, лирические миниатюры, шутки для детей и родителей. – Кемерово: Сибирский писатель, 2000. – 81 с.: порт., илл.

Живи с улыбкой. И в шутку и всерьёз. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 2002. – 176 с.

И в шутку, и всерьёз: стихотворения. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2020. – 160 с.: илл.

Валентин Васильевич Махалов

*31 июля 1933 г., Горький (Нижний Новгород) – 27 февраля 2010 г.,
Кемерово. Поэт, прозаик, переводчик, журналист.
Член Союза писателей СССР с 1975 года.*

***

Есть в наших отношениях черта,
 Которой мы переступить не в силах.
 Твоей души большая красота
 Меня давно к тебе приговорила.
 Я знаю, дружбе нашей нет конца.
 И всё-таки во мне живёт сомненье:
 А вдруг у нас когда-нибудь сердца
 Не выдержат такого напряженья?

1962 год («Ступени к солнцу», 1963)

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ

Завидую искусству гончара,
 Его рукам порывистым и грубым.
 Да здравствует весёлая игра
 Гончарного танцующего круга!
 Я верю: в чуде превращенья – жизнь.
 Я знаю, все мы – на гончарном круге.
 Вершит Земля крутые виражи,
 И нас формуют опытные руки,
 Натруженные руки гончара –
 Их мастерство отточено веками.
 И я комочком глины был вчера
 Под этими тяжёлыми руками.
 Мне отдал всё, что мог,
 Гончарный круг –
 Пытливый ум и жадную влюблённость...
 Горячим лбом твоих касаюсь рук
 И чувствую свою незавершённость.

1964 год, декабрь («Полюс любви», 1966)

НИНКА

У Соловьёвой Нинки в дневнике
стояли в ряд пузатые пятёрки,
и книжку на английском языке
она прочла от корки и до корки.
Она на самый каверзный вопрос
всегда могла ответить без запинки.
И был у Нинки гордо вздёрнут нос,
а на носу веснушки-золотинки.
Я тоже рос и ловок и смышлён,
но с ней тягаться было нелегко мне,
не потому ль средь множества имён
я имя Нинки на всю жизнь запомнил?
Я в пятом классе написал стихи
об этой самой Нинке-золотинке,
в десятом классе у седой ольхи
мы встретились на узенькой тропинке.
Я все пути-дороги преградил
русоволосой маленькой гордячке.
Я был упрям. И я настойчив был,
я верил в силу и свою удачу.
Я не был на разбойника похож,
которого боялась вся округа,
но вышло так, что Нинке этой всё ж
на той тропинке приходилось туго.
Поняв, что я пути не уступаю,
Она тогда не поняла совсем другого,
что я её отчаянно люблю,
но только не найду такого слова,
такого слова, чтоб её глаза
весенним, ясным солнцем озарило.

И я ей крикнул:
 – Рыжая коза! Отличница!
 Подлизала и зубрила!
 Мой вид был угрожающе суров
 у Нинки плечи дрогнули устало:
 и каждое из тех обидных слов
 её, как ветки, по щекам хлестало.
 Она шагнула слепо от меня,
 пошла домой неловкими шагами,
 и я отпрянул, словно от огня,
 от глаз её, наполненных слезами.
 Она ушла, красива и горда.
 совсем одна, печально хмурия брови.
 Я долго шёл по Нинкиным следам
 за первую мальчишескую любовью.
 Порой сейчас в таинственном бреду
 приснится снова эта мне тропинка.
 Идут года...
 И я по ней иду,
 но не догнать мне Нинки-золотинки.

(«Полюс любви», 1966)

***

Стоит девчонка, улыбается.
 Ей нет еще и двадцати.
 Ей что-то здорово понравилось,
 да так, что глаз не отвести.
 На солнце вешнее похожая,
 в певучем платъице своём.
 И улыбаются прохожие,
 увидев солнечность её.

Девчонке счастье в руки валится,
ей, видно, очень повезло.
Стоит девчонка, улыбается,
вокруг нее – светлым-светло.

(«Полюс любви», 1966)

***

Состарюсь, но не повзрослею,
Не дописав последний стих,
Уйду в осеннюю аллею
Надежд несбывшихся своих.

И буду долго-долго слушать
В насторожённой тишине
Свою ребяческую душу,
Ещё звенящую во мне.

И вдруг в каком-то озаренье
Последним напряженьем сил
Пойму, что жизнь – одно мгновенье,
Которым я не дорожил.

(«Время первых дождей», 1969)

СЛОВА

В траве малютку-светляка
Нашёл я как-то раз...
Его коснулся я слегка,
И он тотчас погас.

О как похожи вы, слова,
На светляков живых!
Чуть грубо прикоснёшься к вам –
И вы уже мертвы.

февраль 1968 год («Время первых дождей», 1969)

ЗЕМЛЯНИКА

Краснолика, ростом невелика,
В тех местах, где солнышко печёт,
Ягода лесная земляника
В травушке-муравушке растёт.

Убегу я в детство спозаранок,
Прихватив плетённый туюсок.
На одной из утренних полянок
Я найду багряный островок.

Золотыми капельками солнца,
Источая тонкий аромат,
В гулкое берестяное донце
Ягоды-наливки застучат.

Будут птицы обо мне судачить
На верхушках шёлковых берёз:
Городской, мол, житель, не иначе –
Ишь как жадно ягоду берёт.

Что ответить вам на это, птицы,
Птахи перелётные мои...

Разум с вами тихо согласится,
А душа обиду затаит.

Я – парнишка без вести пропавший,
А теперь вернувшийся домой.
Только стал я чуточку постарше,
Строже взглядом, сдержанней душой.

Помоги мне, сторона родная,
Здесьним мне остаться повели.
Земляника, ягодка лесная,
Жаркая кровиночка земли.

ноябрь 1972 год («Дикая яблоня», 1973)

***

Лодчонку вздыбил перекат
И держит на весу.
Бушует горная река
Красавица Мрассу.
Её объятья холодны,
Но только всё равно
На берег вырваться из них
Не каждому дано.
Река тебя заморозит,
В водоворотах заморозит
И тёмной силою волны
Шутя швырнёт на валуны.
И своенравна и дика
Мрассу, таёжная река.
А мы с рекой давно на «ты».
Уже не раз, не два

Водили мы по ней плоты –
Лишь кругом голова.
Мы стали гордыми людьми –
Понять несложно нас:
Ведь нам такая, чёрт возьми,
Красавица верна.

(«Дикая яблоня», 1973)

МЕДВЕЖИЙ РОДНИК

А. Волошину

Прибрежной сторожкой тропую,
Слегка замедляя шаги,
Под вечер пришёл к водопою
Косматый хозяин тайги.
Башку тяжело опрокинув,
С потяжливym всхрипом в груди
Нагорбив мослатую спину,
Он медленно влагу цедил.
Вздымались и вновь опускались
Худые медвежьи бока,
Кроваво глаза отражались
В закатной воде родника.
Гляжу, как в лесное затишье,
Уже не опасный теперь,
Студёного зелья испивший,
Уходит стареющий зверь ...
Я в этом краю заповедном
Не раз, выбиваясь из сил,
Под вечер, подобно медведю,
На этот родник выходил

И пил запалённо, зверино,
До хрипа, до стопа в груди,
И думал счастливо и длинно,
Что вся ещё жизнь впереди.

1971 год («Дикая яблоня», 1973)

МАРЬИН КОРЕНЬ

Было так.
Ливень вымотал душу,
Вымыл тело до белой кости.
Нас держала тайга равнодушно,
Как букашек, в косматой горсти.
А когда мы спустились с предгорий,
Шли по травам, побитым дождём,
Окаянный цветок Марьин корень
Полыхал греховодным огнём.
Нам казалось: вот-вот загорится
От него молодая трава.
Веселели усталые лица,
Веселее дышали слова.
И всего удивительней было –
Сколько в этом цветке собралось
Негасимой и трепетной силы
В этом мире, продрогшем насквозь.

(«Хлеб-соль», 1978)

ПРЕДВОЕННОЕ УТРО

Затопила мама печь
Рано-рано утречком.
Проплывает по избе
Молодою уточкой.

Из трубы летит дымок
Небу в синий потолок.
Просыпается за речкой
Птичьим щебетом лесок.

На дворе растёт трава,
На траве лежат дрова.
Говорит мне моя мама
Очень добрые слова:
– Петушок пропел давно.
Просыпайся, мой сынок...
Солнце мягкой позолотой
Красит в спальенке окно.

Я гляжу на белый свет –
Мне всего-то восемь лет.
Я впервые понимаю,
Что меня счастливей нет,
Потому что моя мама
На меня светло глядит,
Потому что наши беды
И потери впереди.
Из трубы летит дымок
Небу в синий потолок.

(«Возраст сердца», 1986)

СВАДЬБА

Забыв о земных передрягах,
На склоне осеннего дня
Плескалась весёлая влага,
И пьяно орала родня.

Вся свадьба гудела и пела
На старый печальный мотив.
Забыто невеста сидела,
Глаза тяжело опустил.

И в светлые чувства не веря,
Как ангел небесный чиста,
За шумною свадебной дверью
Стояла любовь-сирота.

1982 год («Возраст сердца», 1986)

***

Как в доме холодно у нас,
Как в зимнем поле.
И сердце будто в первый раз
Свело от боли.
Неслышно льётся свет ночной
В окно слепое,
И странно то, что ты со мной
И не со мною.
Ты утешаешь:
– Не горюй...
Снежинки кружат
По ноябрю,
По декабрю,

По лютой стуже.
Им долгий век ещё кружить
В полночной дрёме.
А нам бы зиму пережить
В холодном доме.

1982 год («Возраст сердца», 1986)

***

Пришла пора студёных дней
И лунного сверканья снега.
Звезда молитвенная Вега
В морозной стынет вышине.
Настало время тихих чувств,
Молчанья, грусти нелюдимой.
И сердце, словно зимний куст,
Морозным опушённый дымом.

(«Возраст сердца», 1986)

***

Выпью водки два стакана,
Вытру губы рукавом.
В меру трезвый,
В меру пьяный –
Мимо дома твоего.
По сиреневому маю
Всё равно в каком году
Я куда иду – не знаю,
Только знаю, что иду.
И никто меня не спросит
И ни прямо, и ни вкось,

Что с душой моей стряслось,
Что с твоей душой стряслось.

(«Вечерний разговор», 1999)

***

В. Баянову

У этих юношей запал.
В сердцах неистовое жжение,
У этих юношей тропа
На площадь Самоутверждения.

У них сегодня звёздный час.
Им век вручил такие многоти,
Что перед ними смертных нас
Одoleвает чувство робости.

На всё у них недолог суд,
И незнакомы им сомнения.
В азарте – в щепки разнесут
Твоё и собственное мнение.

А мы с тобою помолчим.
Давно известно нам по опыту:
Всех крикунов перекричим
Словами, сказанными шёпотом.

1972 год («Вечерний разговор», 1999)

КОЛЬЧУГА

Когда гуляла смерть по кругу,
Булатный меч щиты крушил,
Мой предок выковал кольчугу
И ею сердце защитил.

Она в плечах его теснила,
Зато – по многу раз на дню
Ломала копья вражья сила
Об искромётную броню.

Мой храбрый предок, мудрый предок,
Живым прошедший сквозь бои,
Я помню все твои победы
И поражения твои.

И я, наследуя, приемлю
Отвагу дерзкую твою.
Я, как и ты, в родную землю
Как будто вкопанный, стою.

Хожу, не дрогнув, в рукопашный,
Смотрю опасности в лицо.
И мне порой бывает страшно,
Когда смыкается кольцо

Всех неудач и треволений,
Обид и горестных потерь.
Но я пред ними на колени
Уже не упаду теперь.

Пусть я в железо не закован,
Но есть от предков у меня
В крови железная основа.
Она надёжней, чем броня.

(«Полюс любви», 1966)

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Судьба В. Махалова извилиста и многообразна. Мальчик родился в деревне на одном конце огромной страны (Горьковская область), жил на другом (Камчатка), а учился в Ленинградском государственном университете. С 1950-х годов он связывает свою жизнь с Кузбассом и становится одним из выдающихся кузбасских поэтов. В представляемой подборке стихотворений жизнь поэта умещается в нескольких важных моментах.

Прежде всего, безусловно, военное детство. Стихотворения «Земляника», «Предвоенное утро», «Как в доме холодно у нас...», «Свадьба». Детские воспоминания, связанные с драматическими потрясениями в судьбе страны, семьи остаются в сознании человека и его подсознании навсегда. В этом смысле замечательно стихотворение «Предвоенное утро». Перед читателем практически бытовая зарисовка утра в крестьянской семье: «Затопила мама печь / Рано-рано утречком. / Проплывает по избе / Молодою уткой. / Из трубы летит дымок / Небу в синий потолок». Хозяйка затапливает печь, готовит завтрак, ставит опару для будущего хлеба, будит сына («Петушок пропел давно. / Просыпайся, мой сынок...»), впереди новый день, полный тепла, радостных открытий, счастья:

*Я гляжу на белый свет –
Мне всего-то восемь лет.
Я впервые понимаю,
Что меня счастливей нет.*

Но в этой идиллии обнаруживается будущая неизбежность войны, смерти, потерь, потому что утро – предвоенное, потому что к обеду или к вечеру в деревне узнают новость о начале войны, и счастливое понимание жизни вдруг исчезнет. Лето, солнце, ласковое небо никуда не исчезнут, а детство и счастье вдруг

кончатся: «Потому что наши беды / И потери впереди». Такие мгновения памяти остаются с человеком на всю жизнь, они формируют судьбу и творчество. Но пора детства постепенно кончается и на смену ему приходит период не менее волнующий и важный – отрочество, юность. Первая влюбленность, первые разочарования, первые потери приносят не только жизненный опыт, но и ощущение нескончаемого счастья от самой возможности жизни, от её открытий. Это прочитывается в стихотворениях «Нинка», «Стоит девчонка, улыбается...».

Стихотворение «Нинка» в жанровом отношении напоминает балладу. Здесь есть любовно-драматический сюжет, некая загадка в отношениях Нинки Соловьёвой и лирического героя. Нинка как недостижимая прекрасная дама предстает идеальной во всех отношениях: она отличница, всезнайка, гордячка с симпатичными «веснушками-золотинками». Для лирического героя она далека, хоть он «тоже рос и ловок и смьшлён, //но с ней тягаться было нелегко мне», может быть, поэтому он посвящает ей стихи в надежде обратить на себя её внимание и выбирает не совсем рыцарскую стратегию поведения. Вместо подвига во имя прекрасной дамы лирический герой совершает хулиганский поступок, заступая Нинке дорогу и несправедливо оскорбляя её:

*И я ей крикнул:
– Рыжая коза! Отличница!
Подлиза и зубрила!
Мой вид был угрожающе суров
у Нинки плечи дрогнули устало:
и каждое из тех обидных слов
её, как ветки, по щекам хлестало.*

Для Нинки этот поступок одноклассника становится испытанием, страшной и несправедливой обидой, но для самого героя это единственная на тот момент возможность таким образом показать свою любовь, свое неравнодушие к Нинке. Безусловно, этот поступок – огромная ошибка, он будет сожалеть о нелепости произошедшего, но в том и заключается жизненный опыт юности и первой любви, что даже в нелепостях обнаруживается бесконечное счастье и память первой любви.

*Я долго шёл по Нинкиным следам
за первую мальчишеской любовью.*

*Порой сейчас в таинственном бреду
приснится снова эта мне тропинка.
Идут года...
И я по ней иду,
но не догнать мне Нинки-золотинки.*

Та же тематика прослеживается в стихотворении «Стоит девчонка, улыбается...». Неважно, почему девчонка стоит и улыбается посередине улицы, главное, что от молодости (двадцать лет), от её веселья исходит солнечный свет и счастье, которое распространяется на все окружающее пространство и прохожих.

Детская и юношеская непосредственность и желание счастья отзываются и в более зрелом возрастном периоде поэта, внимательное, восторженное отношение к природе, к родным местам, к мельчайшим деталям природного и бытийного мира прочитывается в стихотворениях «Земляника», «Лодчонку вздыбил перекал...», «Медвежий родник», «Марьин корень». Путешествует ли лирический герой по горной реке Мрассу, бродит в тайге, собирает землянику, он не перестаёт по-детски удивляться тайнам природы и мироздания, будь это ягода или старый медведь у таёжного родника, цветок марьин корень или водовороты таежной реки. Поэтому метафорически жизнь и жизненные испытания лирического героя уподобляются трудным таёжным тропам, бродя по которым, испытываешь и физическую, и духовную жажду и, припадая к роднику, встречающемуся на пути, ощущаешь бесконечное счастье жизни.

*Я в этом краю заповедном
Не раз, выбиваясь из сил,
Под вечер, подобно медведю,
На этот родник выходил
И пил запалённо, зверино,
До хрипа, до стоны в груди,
И думал счастливо и длинно,
Что вся ещё жизнь впереди.*

Постепенно, двигаясь по жизни поэта от детства и юности к зрелости и мудрости, можно обнаружить центральный, важнейший мотив поэзии – мотив творчества. Для В. Махалова творчество, поиск слова неразрывно связаны с проживанием и постижением жизни и природы. В стихотворении

«Земляника» сквозь любовное отношение к родным местам «просвечивает» чувство оставленности и обиды. Деревенский мальчик вырос, стал серьезнее, стал городским жителем, и родные места уже не узнают бродягу, настораживаются птицы и берёзы. Родная природа как бы отказывает лирическому герою в возможности понимать её. Но для самого героя все слова, все темы творчества, все жизненные установки связаны только с возможностью постоянного возвращения к земле, к землянике:

*Помоги мне, сторона родная,
Здесьним мне остаться повели.
Земляника, ягодка лесная,
Жаркая кровиночка земли.*

Так и в стихотворениях «Слова», «Гончарный круг», «Состарюсь, но не повзрелею...», «У этих юношей запал...» мы находим мотив творчества, которое проявляется в самой жизни и происходит из природы, из жизненного опыта, жизнь творит человека и поэта, позволяет ему обретать нужное слово. Слово у Махалова, как и у Ахматовой, и Тарковского лежит в траве, на земле, растет в землянике, стоит только найти, увидеть его и преобразовать в стихи: «О как похожи вы, слова, // На светляков живых!».

Таким образом, приведенная подборка стихотворений В. Махалова обнаруживает устойчивые мотивы детства, памяти, творчества, поиска нужного слова, необходимого для выявления всех радостей и всех печалей жизненного пути человека. В заключение приведем строчки стихотворения «Состарюсь, но не повзрелею...», которые можно истолковывать как итог жизни и творчества поэта:

*Состарюсь, но не повзрелею,
Не дописав последний стих
Уйду в осеннюю аллею
Надежд несбывшихся своих.*

*И буду долго-долго слушать
В насторожённой тишине
Свою ребяческую душу,
Ещё звенящую во мне.*

*И вдруг в каком-то озаренье
Последним напряженьем сил
Пойму, что жизнь – одно мгновенье,
Которым я не дорожил.*

Ирина Ащеулова.

БИОГРАФИЯ ВАЛЕНТИНА МАХАЛОВА

Валентин Васильевич Махалов родился 31 июля 1933 года в г. Горький, ныне Нижний Новгород (по паспорту 1932 год, русский). Родители – Василий Алексеевич Махалов и Екатерина Андреевна Махалова (в девичестве Обухова) были крестьянами, жили в деревне Елдеж Воскресенского района, в 90 верстах от областного центра. Родители Валентина были грамотными людьми, умели читать и писать. Василий Алексеевич окончил церковно-приходскую школу. После смерти пятерых детей родители решили переехать в город Горький, где строился новый автозавод. В Горьком родился шестым ребёнком сын Валентин. Однако в Горьком семья прожила меньше года, вернулась в родную деревню. Отец был партийным человеком и сразу же по возвращении в деревню был избран председателем колхоза «Имени Парижской коммуны». В 1939 году он воевал с белофиннами. Мать работала в колхозе звеньевой в льноводческой бригаде. Воспитанием Валентина и маленькой сестрёнки Лиды занималась бабушка по матери Дарья Васильевна, знавшая все грибные и ягодные места в округе. По словам В. В. Махалова, «бабушка знала множество сказок и бывальщин, любила нам их рассказывать. Сказки она сказывала с такими живыми подробностями из народной жизни, что они походили на правду, столько в них было житейского, непридуманного, понятного даже нам, малышам. <... > В её бывальщинах ей, нечистой силе, всегда отводилось заметное место. <... > И всё-таки от рассказов бабушки у меня всегда оставалось ощущение какой-то сладкой жути перед неизведанностью мира». Дед Андрей, муж бабушки Дарьи, со слов матери, был «непростого происхождения, чуть ли не из дворян. Дед Андрей был человеком образованным, в его небольшой избе, стоящей на самом краю деревни, было несколько десятков книг, за чтением которых я часто видел его. Дед и меня выучил читать, выучил не по букварю, а по этим самым книгам. Помню, одна из них

называлась «Громобой». Многие её страницы я знал чуть ли не наизусть, хотя тогда мне едва минуло пять лет». В доме деда по материнской линии, потомка декабриста, Валентин в пять лет прочёл балладу В. А. Жуковского «Громобой». Читать учился по книгам из домашней библиотеки – «распухшим от длительного чтения однотомникам Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Сурикова, Никитина». В жилах его матери Екатерины Андреевны текла не только крестьянская, но и дворянская кровь.

Детство прошло в глухой приволжской деревне Елдеж, где будущий поэт окончил начальную школу. С 1944-го по 1948 год с семьёй жил в прикаспийских сёлах Иванчуг Астраханской области и Дубовый Умёт Куйбышевской области, в последнем окончил семь классов. Отца в Великую Отечественную войну на фронт не призвали по состоянию здоровья (после травмы на лесоповале страдал эпилепсией, переболел малярией). Чтобы помочь семье, Валентин работал подпаском. Стихи писал со школьных лет. Пятиклассником написал стихотворение об Александре Матросове, которое учительница отправила в газету «Пионерская правда». Первая всесоюзная публикация состоялась в 1945 году. В 1948 году семья вернулась в Елдеж, отец был вновь назначен председателем колхоза. Восьмой класс Валентин окончил в 1949 году в селе Воскресенском, где была средняя школа. После восьмого класса учился в фабрично-заводском училище при Горьковском автозаводе по специальности слесарь-сантехник, практику проходил в тепломагистралях и цехах автозавода.

В начале 1950-х годов отца по партийной линии отправили организовывать в Мильково на Камчатке первый зерновой колхоз. Работая председателем колхоза, В. А. Махалов добился высоких показателей и участвовал в сельскохозяйственной выставке в Москве. На Камчатке Валентин окончил среднюю школу. В Мильково до сих пор живёт его младшая сестра Надя, там похоронены его родители.

Во время обучения в Мильковской средней школе Валентин опубликовал стихи в районной и областной газете «Курильская правда». Мечтал поступить в Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. В связи с тем, что аттестат о среднем образовании выдали поздно, приехать в Москву к сдаче экзаменов он не успевал. Валентин поступил на судоводительский факультет Владивостокского высшего мореходного училища, был комсоргом курса. Там стал заниматься самбо. По словам В. В. Махалова, он «был в восторге от первой морской практики на Тихом океане на учебном судне «Полюс», меня

по-прежнему жгла страсть к литературе. На лекциях по начертательной геометрии и теоретической механике я писал стихи и рассказы». Через два года Валентин Махалов без документов уехал поступать на филологический факультет (отделение журналистики) Ленинградского государственного университета. Декан пообещал, что зачислит его без документов, если тот сдаст все экзамены на «отлично». Ему это удалось, сочинение он написал в стихах. Документы прислали по запросу после зачисления в ЛГУ.

С 1953 года студент Махалов стал членом литературного объединения Ленинградского госуниверситета, которым руководили профессор Е. И. Наумов, а также поэты Игорь Ринк и Вадим Шефнер. Студент-журналист был участником двух областных совещаний молодых литераторов Ленинграда и Ленинградской области. Занимался в семинарах Веры Инбер и Михаила Дудина. Небольшой цикл его стихов вошёл в коллективный сборник «Поэты Ленинградского университета», вышедший в 1956 году. Стихи студенческих лет были опубликованы в 1956 году в газете «Кузбасс», где поэт дважды проходил журналистскую практику.

В студенческие годы Валентин несколько раз был бригадиром студенческого отряда. В браке с Тамарой Ивановной Махаловой (в девичестве Бобрикова, уроженка Ленинграда, выпускница филфака ЛГУ). В 1956 и 1958 годах в семье Тамары и Валентина Махаловых родились два сына – Сергей и Андрей. Невесте Валентин Махалов в студенческие годы посвятил романс «Белые ночи» (впервые был опубликован в шестом номере журнала «Огни Кузбасса» в 2008 году).

В 1958 году после окончания отделения журналистики Ленинградского государственного университета приехал в г. Кемерово, работал литсотрудником в газете «Кузбасс». Стал членом Союза журналистов СССР, членом КПСС. По 1969 год работал собкором всесоюзной «Строительной газеты» по Западной Сибири.

В конце 1950-х и 1960-х годов Валентин Махалов продолжал активно заниматься творчеством, был участником межобластного совещания молодых писателей Кузбасса и Томской области в г. Кемерово с 23 по 27 апреля 1959 года. 27 апреля 1959 года избран в состав бюро областного литературного объединения.

В 1960 году в Кемеровском книжном издательстве вышел первый сборник стихов Валентина Махалова «Сердце ищет песню». «Хороший и чи-

стый стих» Валентина Махалова исповедует правду и доброту, любовь к женщине и природе, ко всему сущему на этой земле.

В 1963 году вышел второй поэтический сборник, поэт стал участником Четвёртого Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве. Стихи появились в центральной печати. Осенью 1963 года несколько коротких рассказов Валентина Махалова опубликовал журнал «Юность». С 1964 года Валентин Махалов руководил литературной группой КТОМ (Кемеровское творческое объединение молодёжи). С 1979 года был одним из руководителей литературной студии «Притомье».

В 1964 году Валентин Махалов написал для оперетты «Жемчужина Сибири» (либретто Е. Буравлёва) слова 5 песен, в том числе «Мой город шахтёрский» («Над Томью плывут соловьиные зори...»), которая полвека открывала радиопередача на Кемеровском областном радио. Куранты на главпочтамте г. Кемерово каждый час отбивают мелодию этой песни. Музыку написал Ф. Мартынов. Ноты и слова песни были опубликованы в репертуарном сборнике «Сторона заветная» (1965).

В 1965 году вместе с Виктором Баяновым Махалов участвовал в совещании 30 поэтов РСФСР в Москве под руководством А. С. Соболева, председателя Правления СП РСФСР. В 1966 году был участником Зонального семинара молодых литераторов Западной Сибири и Урала в Кемерово. Во время строительства Запсиба Махалов неоднократно бывал в составе писательских бригад в Новокузнецке, участвовал в издании информационной газеты «Кузбассёнок». Газеты издавалась оперативно, утром в газету шёл материал вчерашнего дня. Утреннюю планёрку начальники цехов начинали с критических материалов газеты. Писатели и журналисты, Г. Немченко, Г. Емельянов, В. Махалов и др., газетными публикациями оказывали действенную помощь в строительстве металлургического гиганта.

В 1975 году Валентин Махалов был принят в Союз писателей СССР.

Лучшие фотопортреты Валентина Махалова выполнены корреспондентом газеты «Кузбасс» Виктором Грызыхиным в 1973 году. В книге поэта-сатирика Владимира Матвеева «Копыто Пегаса» (1973) художник Николай Бурцев изобразил Махалова спортсменом-силачом. Мощная рука с бицепсами уверенно держит «гиру» руководителя литературного объединения творческой молодёжи. Валентин Махалов со студенческих лет был отличным волейболистом, занимался самбо. А. В. Глебова, редактор отдела художественной

литературы Кемеровского книжного издательства, в 2013 году вспоминала о том, как однажды в кабинете редакторов Махалов продемонстрировал ей и Игорю Киселёву свои бицепсы со словами: «У меня всё мускулистое. У меня мускулистый стих, и сам я мускулистый». В 1983 году Н. Г. Бурцев, член Союза художников СССР, углём на холсте написал портрет В. В. Махалова.

Валентин Махалов – поэт, прозаик, переводчик, журналист – автор более трёх десятков книг поэзии, прозы, очерков, изданных в Сибири, Москве, Алма-Ате, Ташкенте. Активно занимался переводами с немецкого, болгарского, венгерского, узбекского, шорского языков. Многие его переводы венгерских поэтов включены в двуязычную антологию «Встреча» (1974). Сам он побывал в Венгрии и был поражён, что самые богатые люди там те, кто имеют в семьях много детей. Его стихи были переведены на языки народов Советского Союза, иностранные языки, в том числе и на французский язык.

Поэтические книги Валентина Махалова изданы в Кемерове и Москве. Печатались в литературных журналах «Наш современник», «Юность» (Москва); «Дальний Восток» (Хабаровск); «Сибирские огни» (Новосибирск); «Огни Кузбасса», «Земля Кузнецкая», «Красная горка», «Университет культуры» (Кемерово).

Валентин Васильевич Махалов дважды стал лауреатом премии «Молодость Кузбасса». С 1961-го по 2006 год он – член редколлегии журнала «Огни Кузбасса», в 1989 – 1990 годах – ответственный секретарь журнала «Литературный Кузбасс». В 2000-м году за лучший поэтический сборник «Вечерний разговор» ему присуждена литературная премия им. В. Д. Фёдорова. В 2005 году Валентину Махалову присвоено звание Почётный работник культуры Кузбасса. Он был награждён медалями «За веру и добро», «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени. Валентин Васильевич Махалов более 50 лет проработал писателем и журналистом на благо Кемеровской области.

Умер 27 февраля 2010 года в Кемерове. Похоронен на Центральном городском кладбище № 4, квартал 15, аллея 1, ряд 2/51. На могиле установлен памятник из чёрного гранита с портретом писателя. На плите высечено четверостишие поэта:

*Звезда сгорела. Небосвод
Её означил след.
А в жизни всё наоборот:
Сначала след, а после – свет.*

Книги Валентина Васильевича Махалова:

Сердце ищет песню: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1960. – 76 с.

Ступени к солнцу: стихи / Валентин Махалов. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1963. – 95 с.

Голос любви. Стихи. – Кемерово, 1966. – 72 с.

Время первых дождей: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1969. – 140 с.

Тихая Родина: Повести, рассказы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1977. – 254 с.

Хлеб-соль: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978. – 160 с.: ил.

Поздний гость: Стихи. – М.: Современник, 1982. – 78 с.

Откликнись звуку живому...: Повесть, рассказы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1983. – 176 с.

Возраст сердца: стихи / вступ. ст. В. Баянова. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. – 176 с.: ил.

Звезда молитвенная Вега: стихотворения. – Кемерово: Сибирский родник, 1993. – 64 с. – (Русская сибирская поэзия).

За синим лесом: Повести и рассказы / послеслов. В. Кольхалова. – Кемерово: Сибирский родник, 1995. – 397 с.

Вечерний разговор: Избранные стихи. – Кемерово: Сибирский писатель, 1998. – 334 с.

Геннадий Модестович Молостанов

*31 августа 1912 г., деревня Чуркино, Владимирская область –
1 мая 1982 г., Красноярск.*

Поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей СССР с 1956 года.

ПО ЮЖНОМУ КУЗБАССУ

(Из записной книжки)

Отрывок из поэмы

А между тем
Светло-легко
Катилось солнце-яблоко.
Играло небо красками
Над землями Кузбасскими,
Над шахтами, посёлками,
Над рощами, просёлками.
А жаворонок малым-мал
Бубенчиком позванивал,
Своей подружке напевал,
Её до долу сманивал.
Из труб, кудрявясь, вился дым.
То сизым, то седым,
Качаясь, плыло поле.
И мир казался молодым,
Таким
родным до боли.
Хотелось петь,
Шутить, грустить,
Встречать любовь и ласку,
А словом – жить
и жить,
и жить
В краю родном
Кузбасском.

1949 год («Весна», 1956)

***

Февраль не сдал позиций:
То иней, то метель.
Гостит за морем птица –
Полночник-коростель.
Ещё белы просторы.
Задумчив дальний лес,
И холодны моторы
В районных МТС.
Зари восходной алость
Не греет кровь пока,
Но сердце отозвалось
На запах тальника...

(«Весна», 1956)

ЛЮБИМЫЙ КРАЙ

Играет солнце
Молодо и ярко.
И хвойный ветер
Прямо с гор – в лицо.
В цвету стоит
Кудрявая боярка –
Сибирское родное
Деревцо.
Таёжный край,
Задумчивые дали,
Леса, поля,
Заводы, рудники,
Скажите мне:
Вы где ещё видали

Таких людей,
Как наши горняки!
По быстрым речкам
Птичьи перезвоны,
В тайге галдёж
Влюблённых косачей.
Соболи шапки
Сняли терриконы
Навстречу вспышкам
Коксовых печей.
Не меньше дел, забот
Не меньше стало,
Но коль тепло
Повеяло с полей,
То как-то меньше
Чувствуешь усталость,
И труд спорей,
И думы веселей.
Кузнецкий край,
Тебя не встретишь краше,
Ты весь в огнях,
В строительных лесах.
Кузнецкий край –
Родное сердце наше.
Ты, как солдат
Бессменный – на часах.

(«Цветущая земля: Сб. стихов», 1954)
без последней строфы с заглавием «Весеннее»
(«Литература земли Кузнецкой», 1998)

ТЕЛЁНОК

Февраль, шуршит метелица,
Ночную синь пушит,
А тут корова телится –
На ферме ни души!
Какой ветврач из странника!
Да некогда тужить.
Бегу в теплушку к кранику,
Чтоб руки освежить.
Бурёнка стонет, тужится,
Навытяжку лежит.
Под нею крови лужица,
Слеза щекой бежит.
У рта сухая мылица,
Излом рогов назад.
Вот-вот от страха выльются
Небесные глаза.
Лицо коровье немое,
Но по дрожанью век
Угадываю, мне она:
– Ну что ж ты, человек!
Берусь за ножки склизкие
(Такие у телят!)
И вижу близко-близко я
Ребячий нежный взгляд.
Такому диву кто не рад,
Я просто сам не свой,
Что говорю: – Здорово, брат,
Бычонок молодой!

(«На родине моей повытали снега...»: *Поэтический век земли Кузнецкой*, 1998)

***

Я сегодня прощаюсь с летом.
Высоко-высоко журавли надо мной.
Вместе с клёном, в багрянец одетым,
Мы стоим на опушке лесной.
Всюду синь да холодная алость,
Тишина да раздумный покой...
Сердце, сердце, чего напугалось?
Или осень бывает другой?..

31 августа, 1962 год. Кемерово
(«На родине моей повывтали снега...»: *Поэтический век земли Кузнецкой», 1998)*

ДЕЛО К СВАДЬБЕ

Глядит ворона молча, исподлобья
туда, где лес лиловостью сквозит
и радуга в берёзовых оглоблях
над вороною пашнею висит...

Вдали кочуют рыжие омёты,
над ними – тучки – быстры и легки.
Седой старик тугие перемёты
пускает в стынь дымящейся реки.

В селпо несётся, прыгая, трёхтонка,
пустая бочка в кузове гремит.
В кабине модная, бедовая девчонка
глаза на чуб водителя косит.

Он ей улыбкой тихой отвечает,
а то: моргнёт, мол, скоренько домчу!

И сам (как будто очень уж качает!)
всё крепче жмётся к круглому плечу...

Сидит ворона, будто бы слепая,
сидит молчит до вечера с утра:
ей невдомёк, что осень наступает –
колхозных свадеб самая пора...

декабрь 1958 год

(«На родине моей повеяли снега... »:

Поэтический век земли Кузнецкой», 1998)

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Сначала где-то за садами
Протяжно, гулко раскатился гром.
Последний раз в разрыве туч над нами
Взмахнуло солнце золотым крылом.

Всё стихло, приумолкло, сжалось:
Не дрогнет лист, не дунет ветерок,
И песня жаворонка оборвалась,
Как будто он допеть её не мог.

Стояли яблони, от ожидания млея,
Гляделись в воду со скалистых круч,
Мгновенно став нежнее и белее
На фоне чёрных наступавших туч.

И дождь пришёл навстречу знойной мари
В расцвете жемчуга и радужных монист,
Как будто вдруг по клавишам ударил
Лихой, кудрявый юный пианист.

Взмахнули длинными руками ивы –
 В потоке буйных, неударжных вод.
 Плясали тополя, и яблони, и нивы,
 Водили вместе вешний хоровод.

А мы стояли в поле, у сарая,
 Смотрели вдаль, где зеленела рожь.
 И кто-то молвил, радость не скрывая:
 – Дождь. Значит, будет урожаем хорош!

*(«На родине моей поваляли снега...»:
 Поэтический век земли Кузнецкой», 1998)*

ЧЕЛОВЕК-АЙСБЕРГ

В 2012 году исполнилось 100 лет со дня рождения журналиста, прозаика, поэта, фантаста, члена Союза писателей СССР Геннадия Модестовича Молостного. При образовании Кемеровского областного отделения Союза писателей РСФСР он был в числе первой пятёрки его личного состава. Геннадий Молостной – «гусар и ёрник» – назвал его писатель Гарий Немченко. Валерий Берсенёв, литератор из Междуреченска, отец которого был дружен с Геннадием Модестовичем, вспоминал: «Геннадий Молостной жил у нас неделю. Помню, стоит он перед зеркалом, подкрашивает свои волосы ореховым настоем, подмигивает мне: «Вот, Валерка, можно и на свидание идти». Ему было тогда 55 лет».

Писателю Г. М. Молостнову посвящены лаконичные статьи в Краткой Литературной энциклопедии за 1967 год и в Большой биографической энциклопедии. Почему так мало сведений о нём? Нетрудно будет догадаться, прочитав: «В 1941 году окончил высшую школу НКВД, во время Великой Отечественной войны служил в СМЕРШе, был ранен, после выздоровления направлен курьером дипохраны в США. Вернулся в СССР в 1947 году». Начинающему прозаику Г. Немченко Молостной подарил свою книгу с автографом: «Гаря! Уважаю в тебе непокорность». После этой дарственной записи Немченко отреагировал: «Ну, как теперь ему должное не воздать, полковнику внешней разведки, аналитику и провидцу?». О факте пребывания Молостного в США свидетельствует и Валерий Берсенёв: «Гостил у нас

неделю Геннадий Модестович после своей командировки в Америку. Там он участвовал по линии КГБ в группе поддержки самого Абея. Приехал на родину совершенно седой...».

Попав в Кузбасс и устроившись на журналистскую работу, Геннадий пробует себя не только как публицист, но и как поэт и прозаик. Писать бы Молостнову то, о чём он хорошо знает, – о войне, о репрессиях, о работе энквэдэшников, о СМЕРШе, о внешней разведке и дипломатических миссиях... Куда там! Время-то какое... На всём – гриф секретности. Можно было говорить в «полный голос», митингово, да и то лишь в мажорных тонах – о трудовых буднях и подвигах нашего народа, да чтобы всё это – непременно под чутким руководством партии, «ума, чести и совести эпохи». К тому же – Кузбасс. А тут – шахтёры, металлурги, строители, химики... Вот и принимается Молостнов уже в 1948 году за крупное полотно – о жизни и труде шахтёров Кузбасса, словно соперничая с самим Александром Волошиным, работающим над романом «Земля Кузнецкая»...

С 1949 года стал регулярно издаваться литературный альманах «Сталинский Кузбасс», позднее переименованный в «Огни Кузбасса». И уже с самого первого номера в нём печатался Геннадий Молостнов. Сначала это была подборка стихов «Партизанская дорога». А во втором, третьем и четвёртом номерах альманаха помещаются его рассказы. Пятый номер альманаха, вышедший в 1952 году, напечатал главы из первого романа «Голубые огни». Сюжет закручен вокруг того, что на одну из новых шахт Кузбасса – «Первую», что недалеко от областного центра, – направляется парторг ЦК Колыхалов – как «инженер человеческих душ», как комиссар-посредник между рабочими и руководством шахты, как справедливый третейский судья: ко всему этому его обязывает партийная должность. Кажется, что автор попал в струю, к нему приходит известность среди массового читателя не только Кузбасса, но и всей страны; уважение собратьев по перу... Можно бы помечтать и о большой премии, как у того же А. Н. Волошина, и о лауреатских званиях и титулах... Ан нет. Не тут-то было. Вместо всего этого на него обрушивается лавина критики. Учитывая конструктивную критику, Молостнов кардинально перерабатывает «Голубые огни» в новую версию, озаглавив её «Их нельзя остановить», и пишет продолжение, второй роман дилогии – «Междуречье».

Помимо прозы, к середине 1950-х годов у Молостнова накапливается достаточное количество стихов, чтобы объединить и издать их отдельным

сборником. Такая книга с неприязательным названием «Весна» издаётся в Кемерове под редакцией поэта Михаила Небогатова. В ней несколько блоков, группирующих стихи по тематике. Не обходится здесь и без идеологии, возвеличивания партии и вождей. Не без гордости и не без пафоса Геннадий Молостнов рисует послевоенный Кузбасс и горняков:

*Кузнецкий край! Тебя не встретишь краше,
Ты весь в огнях, в строительных лесах.
Кузнецкий край – родное сердце наше.
Ты, как солдат бесменный, на часах.*

Игорь Кобзев в газете «Кузбасс» от 25 августа 1956 года отметил в рецензии, что «горячая привязанность к своему краю, пристальное внимание к окружающей жизни, к людям, его охотничьи скитания по тайге подсказали темы лучших стихотворений. Стихи Молостнова о любимом крае по-есенински выразительны, но не копируют его:

*Осенним днём синееет даль,
Костром горит околица;
Прозрачный воздух, как хрусталь,
Того гляди, расколется».*

Геннадий Молостнов ведёт активную жизнь в литературной среде Кузбасса и Сибири. В 1959 году в Кемерове проходил семинар молодых писателей Сибири, на котором он выступил в качестве одного из руководителей. Он высоко оценил стихи тогда ещё довольно молодого поэта-машиниста Виктора Баянова: «Вот они, зеленеющие всходы, на литературной ниве нашего края!» Его приглашают на творческие вечера, в литературные студии, библиотеки, дома культуры. Валерий Берсенёв так описывает один из эпизодов подобных встреч Геннадия Молостнова: «В Осинниках произошёл один случай. Наша литературная группа захотела встретиться с писателем-профессионалом. Дядю Гену привезли в ДК «Шахтёр». Вот объявили Геннадия Модестовича. И он начал читать:

*Там, где бурелом и валежник,
Где таёжная глушь и гарь,
Зоревал, токовал мятежный
На заре молодой глухарь...*

Зал слушал так, что слышно было движение шторы – от весеннего ветерка в открытом окне».

Мало кому известно о переводческой деятельности Геннадия Молостного. А, тем не менее, он делал переводы с бурятского Ш. Балдуева. Журнал «Байкал» в 1964 году опубликовал его перевод под названием «Счастья тебе, Садылма». Молостнов пробовал себя в кинодраматургии: отправил на «Мосфильм» две заявки на сценарии, одна из которых называлась «Мама меня ветром звала». Место действия – строительство Запсиба.

Во второй половине 1960-х годов Геннадий Молостнов получил заявки создать произведения в жанре музыкальной комедии. В архиве хранятся рукописи литературно-музыкальной композиции «Сибирь – России славный край» (19 страниц), музыкальной комедии в трёх действиях «Голубок голубой» (83 стр.), драмы «Кукушонок, или Наедине с совестью» (58 стр.) и даже киноповести «Воздушный спринт» (22 стр.). Напевно-лирические стихи Молостного заметили музыканты. Композитор Анатолий Кузнецов написал несколько песен на стихи Г. Молостного, среди которых «Девичья» (в инструментовке Бориса Галыгина), «Он какой-то такой», «Одинокая», «Лунюшка», «Боготольская походная». Песня «Берёзонька» для женского хора в сопровождении баяна и оркестра народных инструментов на одном из музыкальных молодёжных фестивалей получила первую премию.

В декабре 1961 года Геннадий Молостнов отправил письмо первому руководителю страны Н. С. Хрущёву, в котором изложил свою гражданскую позицию, правда ответа так и не получил. Письмо было смелым: «... Мы никогда не придём к коммунизму, если не научимся любить человека, единицу». Смелость сказать правду в лицо заслуживает у нас – современников и потомков Геннадия Модестовича Молостного – всяческого уважения!

Скончался человек-айсберг в Красноярске в 1982 году, в одиночестве, оставив своим читателям заветы в своих стихотворениях и в фантастической повести для детей «Посланник планеты Альбос»: «Как можно так: искать жизнь в мировом пространстве и пренебрегать ею на прекрасной планете Земля!? ... Разум не остановить. Надо предвидеть и не допускать нежелательных последствий прогресса. Всё должно быть направлено на продление бытия».

Виктор Арнаут.

БИОГРАФИЯ ГЕННАДИЯ МОЛОСТНОВА

Геннадий Модестович Молостнов родился 31 августа 1912 года в деревне Чуркино Александровского уезда Владимирской губернии (в настоящее время Александровского района Владимирской области). Его отец воевал в Сибири против Колчака. После его ранней смерти Г. М. Молостнов попал в детский дом, затем до 1925 года был подпаском.

Окончив курсы малограмотных, молодой человек приехал в Кольчугино (Владимирская область), учился в ФЗУ, работал слесарем.

По путевке райкома ВЛКСМ в 1934 году поступил в Ленинградский государственный институт журналистов им. В. В. Воровского. После завершения учебы работал в городе Куйбышеве (Самара) в газетах: «Будь готов!» и «Волжский комсомолец». В 1930-х годах вступил в коммунистическую партию, тогда ВКП(б).

Участвовал в боевых операциях на озере Хасан, Халхин-Голе, в финской кампании. Фронтовик-контрразведчик, дипломат. Участник Великой Отечественной войны. В 1941 году окончил высшую школу НКВД. До 1943 г. служил в войсках СМЕРШа, в июле 1943 года был ранен и после излечения рекомендован для работы в МИД СССР. Работал Г. М. Молостнов курьером дипломатической охраны в США. 11 декабря 1944 г. в США, в Лос-Анджелесе, у Геннадия и Веры Молостных родилась дочь Татьяна, а немного позднее – дочь Наталья. Вера Андреевна Молостнова вспоминала, как на приёмах в консульстве бывали «всякие знаменитости»: она танцевала с Чарли Чаплиным, видела Теодора Драйзера. В СССР Г. М. Молостнов с семьёй вернулся в 1947 году.

После демобилизации некоторое время работал в Загорске – в реставрационном училище при Троице-Сергиевской лавре.

В 1948 году приехал в Кузбасс, устроился журналистом и более чем на два десятилетия связал свою судьбу с нашим краем. Именно здесь Г. М. Молостнов пробует себя не только как публицист, но и как поэт и прозаик. Его стихи, рассказы публикуются в каждом номере созданного в 1949 г. литературного альманаха «Сталинский Кузбасс» (с 1954 года – «Огни Кузбасса»). В этом же альманахе в 1952 г. были напечатаны главы из первого романа писателя «Голубые огни». В следующем году этот роман был полностью опубликован в московском журнале «Октябрь» и вышел отдельной книгой в Кемеровском книжном издательстве.

В Кемеровском книжном издательстве в 1956 году вышел единственный сборник стихов писателя-фронтовика «Весна» (под редакцией М. А. Небогатова). Стихотворения Геннадия Молостного вошли в коллективные сборники, изданные в Кемерове: «День поэзии» (1964), «На родине моей выпали снега...: Поэтический век земли Кузнецкой» (1998), «Литература земли Кузнецкой Хрестоматия» (1998), «Они писали о войне» (2015). На стихи Г. М. Молостного композитор Анатолий Кузнецов написал песни «Девичья», «Он какой-то такой», «Одинокая», «Берёзонька», «Лунюшка», «Боготольская походная» и др. Писателем были созданы стихотворения для детей о природе, стихи-загадки про грибы и ягоды, о временах года, месяцах, времени суток. Книга детских стихов не издана. Рукописи хранятся в ГАКО.

В 1956 году Г.М. Молостанов был принят в Союз писателей СССР.

Геннадий Молостанов в начале 1960-х годов стал одним из основателей (первая пятёрка) Кемеровской областной писательской организации в составе Союза писателей РСФСР. В Кемерове писателя довольно часто приглашали на радио, телевидение – сохранились машинописные тексты его выступлений.

В 1950 – 1960-е годы написал несколько романов: два романа о шахтёрах – «Голубые огни» (1953), «Междуречье» (1959; в 1964 издан в Москве в издательстве «Советский писатель»), роман о дореволюционной деревне «Даруя жизнь» (1964). Его романы о шахтёрах Кузбасса, о предреволюционной российской деревне, о некоторых сторонах жизни советского общества («Даруя жизнь», «Междуречье»); повести («К свету», «Их нельзя остановить» и др.); рассказы («Корнеич», «В американском городе», «Сквозь мелочи жизни» и др.) публиковались не только в кузбасских, но и в московских, новосибирских, воронежских и других региональных журналах, изданы отдельными книгами. В 1967 году статья о Г. М. Молостанове была включена в четвёртый том Краткой литературной энциклопедии.

Будучи фронтовиком, Г. М. Молостанов о войне рассказывал редко и почти не писал, так что тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в фонде Государственного архива Кемеровской области представлена всего тремя короткими рассказами и несколькими стихотворениями, не датированными автором, которые были опубликованы в сборнике документальных материалов «Они писали о войне» (2015).

В конце 1960-х гг. писатель переехал в Красноярск, оставив семью в Кемерове. В 1969 г. в Красноярском книжном издательстве вышла фантасти-

ческая повесть Г. М. Молостного для детей «Посланник планеты Альбос», поэтому имя писателя внесено в «Энциклопедию фантастики».

Умер Г. М. Молостанов в Красноярске в мае 1982 года, был похоронен на Бадалыкском кладбище. Татьяна Геннадьевна Молостная (по мужу-болгарину Каменова) жила в Болгарии, в настоящее время с дочкой Румяной живет в Линвуде (США). Наталья Геннадьевна Молостная (в замужестве Ракова) живёт в Кемерове. В 1997 г. Наталья Геннадьевна передала документальные материалы отца в Государственный архив Кемеровской области, и теперь здесь находится на постоянном хранении личный фонд Г. М. Молостного (Р-1248) объемом 86 ед. хр. за 1904–1981 гг.

Книги Геннадия Модестовича Молостного:

Весна: стихи. – Кемерово: Издательство «Кузбасс», 1956. – 82 с.

Голубые огни: роман. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1953. – 279 с.; // Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1962. – 504 с.

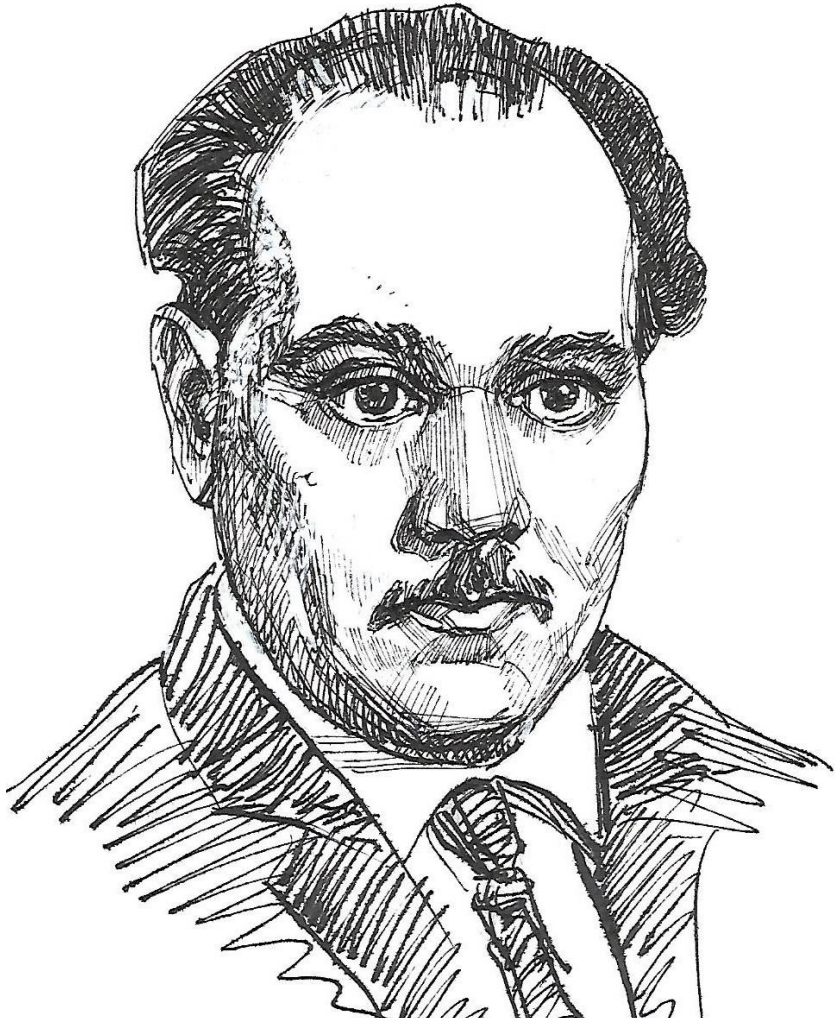
Их нельзя остановить: повесть. – М.: Советская Россия. – 1958. – 276 с.

Междуречье: роман. – М.: Советская Россия, 1964. – 144 с.; // Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1959. – 268 с.

Дарю жизнь: роман. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1964. – 330 с.; // Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1982. – 318 с.

Посланник планеты Альбос: повесть. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1969. – 86 с.

Михаил Александрович Небогатов

5 октября 1921 г., Гурьевск, Кемеровская область –
21 марта 1990 г., Кемерово.

Поэт, литературный критик. Член Союза писателей СССР с 1962 года.

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Все войны свой конец имеют,
 И эта кончится война.
 Вначале словно онемеют
 Просторы, где была она.
 Последний раз провояет миной,
 Просвищит пулей – и конец.
 Над речкой, сопкой и равниной
 Умрут железо и свинец.
 Никто, наверно, не поверит
 Счастливой яви или сну,
 И каждый вечностью измерит
 Ту фронтовую тишину.

... ..

Опишет в будущем историк
 Неповторимый путь борьбы,
 Который был тяжёл и горек,
 Как испытание судьбы.
 И будет памятник построен,
 Незабываемый вовек:
 Стоит, бессмертия достоин,
 Непобедимый грозный воин –
 Великий русский человек.

*14 сентября 1943 года, Грузия,
 г. Боржоми-Ликани, госпиталь 1568
 («Благодарю, благодарю...», 1995)*

***

В снежных шубах ели, пихты.
Небосвод суров, угрюм.
Лес таёжный, что притих ты,
От каких заветных дум?
С вьюгой злой единоборец,
Вспоминаешь, может быть,
Как любил охотник-шорец
Одиноко здесь бродить?
Как далёко по урманам
Ухал выстрела обвал,
Как укладывал жаканом
Он медведя наповал?
Или слушаешь гуденье
Звонкой стали над собой,
Не скрывая сожаленья,
Что нарушен твой покой?
Тучи скучились отарой,
И глуха сугробов тишь.
Ну, скажи, о чём ты, старый,
Так загадочно молчишь?
Шум машин плывёт по логу
Под холодной мглой небес.
С тайной думой на дорогу
Загляделся зимний лес.

(«Родные просёлки», 1963)

***

Не удивлять, а удивляться
Я в этот светлый мир пришёл.
Где цвет черёмух и акаций
И в блеске дня жужжанье пчел.

Смеётся ль синий май в Сибири,
Сентябрь ли хмурится, скорбя, –
Всё время что-то в этом мире
Я открываю для себя.

Моим открытиям нет предела.
Дивлюсь, живя среди людей,
И красоте лица и тела,
И высоте людских идей.

Всей жизни, бурной, многоликой,
По-детски радуясь, дивлюсь.
И этой радостью великой
Я с вами дружески делюсь,

Чтоб в серебре метельной пыли
И в звоне вешнего ручья
Вы также крепко полюбили
Наш краткий праздник бытия.

1965 год («Свет в окне», 1969)

РУССКИЙ ПОКЛОН

Случилось то в селе далёком,
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком –
Искал попутный грузовик.

Был полдень. Время золотое –
Сады в черёмушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я –
Здесь неизвестно никому.

И удивился я, не скрою,
Когда степенный встречный деда
Вдруг снял картуз передо мною,
Как мой знакомец с давних лет.

Иду. Старушка мне навстречу:
И вновь – почтительный поклон.
Мол, кто б ты ни был, человеке,
Живи и здравствуй, в мир влюблён.

И вроде больше стало света,
И зацвели сады пышней
От душевного привета
Проживших долгий век людей.

Запомнив их простые лица,
Я шёл и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?»

Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой –
Душа российского народа,
Его характер золотой.

1957 – 1960-е годы («Свет в окне», 1969)

НАША ТРИБУНА

Пускай провинциальными певцами
Нас называет кто-то свысока
За то, что мы не тщимся с бубенцами
В столицу гнать Пегаса-рысака.

Звучал бы стих талантливо и юно,
Был для души, как рощи и поля!..
Есть и у нас высокая трибуна –
Кузнецкий край, сибирская земля.

Мы, в гениев тщеславно не играя,
Несём народу свой сердечный жар.
Внимают нам сыны родного края –
Шахтёр, строитель, химик, сталевар.

Что ж, и они, как мы, провинциалы,
Чей путь – не дальше сумрачной тайги?
А на рейхстаге – их инициалы!
А в космосе – их первые шаги!

Не пробуйте унижить нашу лиру.
Гордимся мы, – ответим в сотый раз, –

Что мы певцы земли, известной миру,
Провинции по имени Кузбасс.

1967 год («Свет в окне», 1969)

***

Всю жизнь перед глазами, как живой,
Увиденный впервой солдат убитый.
Кругом движенье, гул, моторов вой,
А он у дома – всеми позабытый ...
Был первый день войны. И первый он,
Ничком лежащий, весь в дорожной пыли.
И чувство в сердце жуткое, как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли ...

1972 год («Земной поклон», 1976)

***

Случайно в мемуарах генерала
Прочёл и вздрогнул: «Зайцева гора!»
Ведь наша часть её атаковала ...
Всё вспомнил я. Всё было, как вчера.
Поляну мокрым снегом укрывало,
А там, в селе, на взгорье, немчура.
Бил пулемёт. Свинцом нас поливало.
Бежали и кричали мы: – Ура-а!
Стучало сердце. Гром его ударов –
В висках. И вдруг – всё тело обожгло.
Померк вдали багровый дым пожаров.
День снегопадом чёрным замело ...
Я лишь сейчас узнал из мемуаров:
Под вечер наши заняли село!

1972 год («Земной поклон», 1976)

***

Он с фотокарточки смеётся,
Такой счастливый, молодой...
А в поле, где позёмка вьётся,
Над ним – лишь столбик со звездой.

И ничего здесь не поправить...
Он был ровесником моим.
Но не могу никак представить
Его и старым, и седым.

Глядеть на снимок – сердцу больно,
В нём острой горечи комок.
И вопреки всему невольно
С губ так и просится: – Сынок...

1973 год («Земной поклон», 1976)

***

Гонят стадо. Предзакатный час.
Чей-то голос кличет: «Милка! Милка!»
А вдали,
Пыля на весь Барзас,
Тарахтит с горы сенокосилка.

Ветерок не пыль ко мне принёс –
Шорох трав с дыханием медвяным.
Скоро, скоро жаркий сенокос!
Разбегутся копны по полянам,

Будут пахнуть травами лучи,
Ветры и застойные болота.

А на станах – огоньки в ночи...
Праздничная русская работа!

(«Лето», 1981)

ПЕРЕПЁЛКА

Опустело на просёлке.
Сна глубокого пора.
Только голос перепёлки
Не смолкает до утра.
Только ей одной забота:
Всю-то ночь она, как мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать.

(«Лето», 1981)

С ПОКОСА

Едем всех, наверно, позже,
Все уехали давно.
Брат подёргивает вожжи
И покрикивает: – Н-но!

Чуть скрипит гужами Карька,
Неторопко семеня,
И болтается дегтярка
Сзади, сбоку от меня.

Тёплый вечер цвета пепла
Утвердился на земле,

Даже звёздочка ослепла,
Словно искорка в золе.

Одному бы страшновато,
Но хотя и дальний путь,
За спиной широкой брата
Мне не боязно ничуть.

Вспоминать не перестану,
Как, тревогам всем назло,
Я приник, прильнул к братану,
Чую пот его, тепло.

Вот опять он дёрнул локтем:
– Н-но!..
Густеет сумрак-дым.
Горьковато пахнёт дёгтем,
Сладко – сеном молодым.

1975 год («Лето» 1981)

СТОГА

Вдоль реки, где веточки черёмух
Заливные сторожа луга,
В медно-рыжих сказочных шеломах
Разбрелись усталые стога.

Разбрелись и задремали стоя,
На Стожары грузно опершись.
А вокруг, взывая на просторе,
Ветер так и носится – держись!

Ветер крутит всё, что худосочно,
Всё, что от земли оторвалось.
А они стоят спокойно, прочно,
Как стоять в России повелось.

Им просторы эти очень любы,
Им луга родные так близки!
Сеет дождь, и ветер хлещет грубый,
А стога не ведают тоски.

Низко-низко тучи проплывают,
Как коровьи тучные бока.
Спят стога и с радостью вдыхают
Из деревни запах молока.

Спят они, все в инее к рассвету,
И всё ближе солнышко к стогам –
К величавым памятникам лету,
Ливням, свету, скошенным лугам.

1967 год («Лето», 1981)

ЗНОЙ

Дали в мареве. Блёклое небо
Раскалилось почти добела.
Веет жаром от спелого хлеба,
Как в избе от печного чела.

Глушь. Безветрие. Птиц безголовье.
Беспокойно проносится стриж...
Только шорох поникших колосьев
Нарушает полдневную тишь.

Вянут листья в берёзовом колке.
Ярый зной продолжает палить.
Еле слышится вздох перепёлки –
Безнадёжный, безрадостный: «Пить!»

1965-1975 годы («Земной поклон», 1976)

ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Надоело солнцу печь,
Ветру – жаром дуть.
День решил
В тени прилечь,
Отдохнуть – и в путь.
В белой облачной чалме,
Взорам всем открыт,
День июльский
На холме
Крепко, сладко спит.
Ничего не слышит он
Сквозь глубокий сон –
Лишь кузнечиков
Трезвон
С тишью в унисон...

(«Земля моя добрая», 1984)

***

Покидают тихо жизни праздник
Те, чьё имя: бывший фронтовик.
Самый молодой войны участник –
Сын полка – и тот уже старик...

Вот газета. Там, где про осадки,
Про театр и фильмы строчек строй,
Траурные рамки – как оградки
Над могилой, над землёй сырой...

(«Земля моя добрая», 1984)

***

Он был на фронте все четыре года
За много вёрст от дома своего.
Жена-солдатка в ящике комода
Хранила кепку старую его.
Когда тоска особенно сжимала,
Она, чтоб удержать себя от слёз,
Ту кепку доставала и вдыхала
Родимый запах пота и волос.

(«Вечерние огни», 1989)

СЧАСТЛИВАЯ

Её нельзя назвать красивой,
Но так и светится она
И чувствует себя счастливой –
Всё оттого, что влюблена.
Иная слёзы льёт в подушку,
А ей легко: есть в мире тот,
Кто лишь её, для всех дурнушку,
Своею милою зовёт.

(«Времени река», 1991)

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ, ИЗВЕСТНОЙ МИРУ

Михаил Александрович Небогатов – один из самых первых по-настоящему профессиональных литераторов Кузбасса. Он, во всех смыслах, жил литературным трудом. Что всегда было непросто. Особенно для человека его биографии. Сначала, с самых младых лет, война, где все вроде бы понятно: перед лицом – враг, за спиной – Отечество. А потом, в зрелые годы, мир, с его неустроенностью, тяжелейшими проблемами и погружением (или восхождением, что в принципе, без разницы) в литературу. Но призвание превыше всего или, говоря по-простому: охота пуще неволи. Хотя и не каждому удается выдержать жизнь по призванию.

Михаил Небогатов постоянно писал – стихи, дневники, рецензии, статьи, отзывы на творчество. А ещё – письма. Состоял в переписке с выдающимися русскими писателями. Такими, как, например, Александр Трифонович Твардовский. Эти создаваемые Небогатовым ручейки общения соединяли писательскую организацию Кузбасса с вершинами русской литературы тех лет. На мой взгляд, читателя и младшего коллеги Небогатова, он справился. И как поэт, и как человек.

Михаила Небогатова называли всекузбасским учителем теории и практики стихосложения. Кафедрой учителя многие годы была областная газета «Комсомолец Кузбасса», на страницах которой он давал свои уроки, а учениками – молодые и не очень молодые стихотворцы, присылавшие свои стихи в редакцию молодежной газеты. Я читал уроки Небогатова ещё в детстве. В 1985 году у меня вышла первая книга «Пласт». В те времена проводились общие собрания членов Союза писателей и молодых авторов (или, как их называли, «несоюзной молодежи», к коей относился и я). На одном из таких собраний Небогатов очень хорошо отзывался о моей книге, о других моих публикациях, при этом вспомнил о моем визите к нему в 1972 году и сказал, что я проделал большой путь. И в целом признал меня талантливым поэтом. Мне особенно дорого то, что признал меня один из коренных и лучших поэтов Кузбасса Михаил Небогатов публично, а критиковал наедине. Без этой детали портрет Небогатова был бы неполным и слишком благостным. Однако публичное признание не помешало Небогатову писать пародии на мои стихи и публиковать их в «Комсомольце Кузбасса». Пародии были не злые, скорее – дружелюбные. Впрочем, пародии он писал практически на всех.

И обиженных я не помню. Пародист, сидевший в Небогатове, выдавал в нем человека, любознательного, неравнодушного, живого.

Свою человеческую и поэтическую сущность Михаил Александрович выразил во множестве стихотворений. Но есть у него одно стихотворение, в котором лучше всего (полнее, ярче, поэтичнее, глубже, точнее), сошлось то, что много лет сияло и продолжает сиять в литературе под прекрасным именем – Небогатов. Это стихотворение с программными строками: «Не удивлять, а удивляться я в этот светлый мир пришёл». С полным пониманием своей задачи поэта:

*Чтоб в серебре метельной пыли
И в звоне вешиного ручья
Вы так же крепко полюбили
Наш краткий праздник бытия.*

Михаил Небогатов – поэт, многие стихотворения которого как бы в готовом виде взяты из окружающей среды и состоят из света, воздуха, весенних ручьёв, осенних листьев, ночных звёзд, пламени костра, пламени войны, женских взглядов, взглядов на женщину и иного разнообразного нетленного материала, который существует во времени и пространстве и является отнюдь не интерьером, а самим содержанием того, что называется коротким и всеобъемлющим словом – жизнь.

В этом талантливом поэте неразрывно слились и зримо проявились два качества – профессионализм и тонкая светлая лиричность. Первое явлено безупречной техникой, точными рифмами, чёткими ритмами, отсутствием небрежностей и шероховатостей и – особенно – очищенными от первоначального хаоса, поставленными в гармонический ряд звуками, которые в большинстве стихотворений слагаются в хорошо узнаваемую, чисто небогатовскую мелодию. Проявление второго (и главного) качества – уже не оболочка и не ткань стихотворения, а сама запечатлённая в них поэзия.

У Небогатова есть сильные стихи о детстве, о матери, о любви, о родной земле, о войне. О войне он писал всю жизнь: и совсем юным поэтом во время его лечения в госпитале после тяжёлого ранения, и зрелым человеком, жившим с незаживающей памятью о войне. Михаил Небогатов талантливо воспел сибирскую природу и сибиряков, родную «провинцию по имени Куз-

басс», поэт любил и гордился землёй, на которой жил и полвека творил. Сегодняшний читатель узнаёт поэта Небогатова как тонкого лирика, прекрасного пейзажиста, человека, прошедшего Великую Отечественную войну, но не очерстневшего душой и не разлюбившего жизнь.

Иосиф Куралов.

БИОГРАФИЯ МИХАИЛА НЕБОГАТОВА

Михаил Александрович Небогатов родился 5 октября 1921 года в посёлке Гурьевск Томской губернии (с 1938 года – город Гурьевск Гурьевского района, с 1943 года – в составе Кемеровской области). Отец, Александр Алексеевич Небогатов (17.08.1873 – 31.01.1926), работал на Гурьевском металлургическом заводе бухгалтером-счетоводом. Его не стало, когда Михаилу не было ещё и пяти лет: поехал в лес за дровами, стало плохо с сердцем, и он замёрз. Мать, Клавдия Степановна Небогатова, в девичестве Дягилева (около 1876 – 1946), была домохозяйкой. Родители венчались 12 июля 1898 года в Гурьевске. Михаил был младшим – тринадцатым – ребёнком в семье.

Самая старшая сестра – Серафима Александровна Небогатова (после замужества – Штейнгардт) [26 июня 1899 г. р., умерла 4 апреля 1951 г.]. Её в семье называли Сара. Мужем её был приехавший вместе с родителями в Кузбасс в августе 1922 года в составе первой партии американских специалистов специалист-металлург. Вторая сестра, Ираида Александровна Небогатова (в семье – Рая) [21 сентября 1900 г. р.], вышла замуж за бухгалтера Всеволода Богословского, обучившего и её этой профессии. Третья сестра – Екатерина Александровна Небогатова [1 ноября 1905 г. р.] (после замужества – её мужем был машинист паровоза – Зятин. Впоследствии она с семьёй переехала в г. Ленинград, в настоящее время Санкт-Петербург). Все три сестры жили со своими семьями отдельно от матери.

Брат Григорий Александрович Небогатов [21 декабря 1911 г. р., умер 18 июля 1986 г.] – талантливый человек, самостоятельно научившийся играть на гармонии, баяне, гитаре, балалайке. Очень хорошо рисовал, делал копии с любой картины. Вскоре, женившись, уехал в г. Кемерово. Четвёртая сестра – Надежда Александровна Небогатова (после замужества – Дулова) [18 августа 1916 г. р.] работала на Гурьевском металлургическом заводе, а потом также переехала в г. Кемерово.

С матерью остался один Михаил. Именно мать привила ему любовь к стихам, читая наизусть стихи Николая Алексеевича Некрасова и Алексея Васильевича Кольцова, хорошо чувствуя живое поэтическое слово. Повседневная её речь была насыщена пословицами и поговорками. Она же по книгам выучила сына читать.

С 1929 по 1937 г. М. А. Небогатов учился в гурьевской образцовой средней школе № 12. Каждый учебный год Михаил жил у одной из сестёр, по очереди, потому что жить вдвоём на пенсию матери было практически невозможно. Одевали, обували, кормили его во время учёбы также сёстры. Тогда же он начал писать стихи. В 1935 году стихи пятиклассника гурьевской средней школы № 12 опубликовали в гурьевской газете «Знамя Ильича». Первый раз послал своё стихотворение во всесоюзную газету «Пионерская правда», когда учился в пятом классе. Стихотворение (после редакторской доработки) было опубликовано. А ещё он очень любил и умел рисовать, успешно делал копии с картин, которые на школьных выставках занимали не последнее место.

Осенью 1937 года, когда Михаилу исполнилось 16 лет, он переехал жить к брату Григорию в г. Кемерово и в 1937 – 1938 гг. учился в кемеровской школе № 30 (окончил 7 классов). Из-за сложного материального положения М. А. Небогатов вынужден был оставить учёбу в школе и пойти работать, по совету брата, техником-инвентаризатором в Кемеровское инвентаризационное бюро гражданских сооружений, где проработал с 29 октября 1938 г. по 15 апреля 1941 г. (согласно записи – единственной в трудовой книжке) копировщиком.

Михаил Небогатов был активным участником литературного кружка под руководством зав. культотделом газеты «Кузбасс» Якова Изотикова. В 1939 и 1940 годах его стихотворения «Весной» и «Город мой» опубликовала газета «Кузбасс» (6 июня и 28 июля).

[Около 1939 – 1940 гг.] Михаил Александрович, сняв комнату в частном доме, перевёз в г. Кемерово свою мать Клавдию Степановну. В 1940 г. был принят в члены ВЛКСМ (Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи).

В апреле 1941 г. М. А. Небогатов призвали на службу в РККА (Рабоче-крестьянскую Красную Армию). С мая 1941 г. служил рядовым красноармейцем 270-го стрелкового полка 58-й стрелковой дивизии, а 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Воинская часть, в которой служил

М. Небогатов, приняла участие в боевых действиях. В том же 1941 г. Михаил Александрович получил первое тяжёлое ранение. После выздоровления снова попал на фронт. С 1941 по 1943 гг. воевал в Смоленской и Ворошиловградской областях. Весной 1943 г. был направлен на трёхмесячные курсы в военное училище г. Шахты Ростовской области, по окончании которых ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Стал командиром взвода ПТР (противотанковых ружей). 4 августа 1943 г. снова был тяжело ранен в правое предплечье, контужен. С 18 августа по 22 ноября 1943 г. находился на излечении в эвакуационном госпитале № 1568, который располагался в бывшей школе г. Боржоми-Ликани Грузинской ССР. Получил 2-ю группу инвалидности (ампутация 4 и 5 пальцев правой руки). После излечения был демобилизован. В этом же 1943 г. вернулся в г. Кемерово инвалидом 3-й группы.

В 1946 году не стало его матери, и Михаил поселился у своей сестры Надежды. К этому времени она уже была вдовой (в 30 лет), матерью троих детей. И на фронте, и после возвращения домой он даже не думал, что литература может стать его профессией. Поэтому, когда в военкомате предложили работу в ремесленном училище, он согласился. Работал там военруком (военным руководителем) в 1943 – 1944 гг. В 1944 – 1946 гг. работал культмассовиком в деревообрабатывающей промартели «Память Ленина» Кемеровского горпромсоюза (согласно справке от 29.10.1945 г. – начальником снабжения артели).

Михаил Александрович Небогатов продолжал писать стихи. В 1945 г. они довольно часто стали публиковаться в областной газете «Кузбасс». Он охотно принимал участие в занятиях литературных «сред», организатором которых был фронтовик, журналист Алексей Косарь, и в том же 1945 г. ему предложили перейти на работу в газету.

С 1946 г. М. А. Небогатов – литсотрудник (литературный сотрудник) «Кузбасса». Работа ему нравилась, статьи, которые он готовил, были удачны и все шли в номер. Однажды Михаил Александрович, получив задание редакции, познакомился с Героем Советского Союза лётчиком Василием Лыковым, который после тяжёлого ранения был демобилизован и по возвращении с фронта работал на заводе конструктором. Очерк о нём получился очень хороший, был напечатан в следующем номере газеты и получил одобрение главного редактора газеты Арсена Арсеновича Бабаянца. В воскресных номерах газета давала литературную страницу, и на ней обязательно печатались стихи

М. Небогатова. В основном это были стихи о только что прошедшей войне, стихи о любви. Много и оперативно писал он и на «злобу дня», выполняя так называемые социальные заказы редакции. Это было началом серьезной, осознанной литературной работы.

С октября 1947 по август 1951 гг. Михаил Александрович – корреспондент областного радиокомитета (при исполнительном комитете Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся). С 1953 по 1957 гг. М. А. Небогатов – редактор отдела художественной литературы в областном книжном издательстве. С 1957 г. занимался профессиональным литературным трудом.

В апреле 1950 года вместе с прозаиком А. Н. Волошиным и журналистом и поэтом А. В. Косарем М. А. Небогатов принял участие во Втором Всесоюзном совещании молодых литераторов в Москве. Первый поэтический сборник издан в 1952 году. 24 января 1958 года известная сибирская писательница Елизавета Стюарт дала Небогатову рекомендацию для вступления в члены Союза писателей СССР: «Творчество этого поэта привлекает многим: задушевной мягкостью интонации, поэтичностью, образностью и простотой языка, искренностью, точностью деталей, а, главное, отношением автора к окружающему миру. Поэт одновременно и горячий участник совершающегося вокруг, и его доброжелательный, умный наблюдатель, и человек, не перестающий удивляться и радоваться проявлениям жизни, – будь то жизнь природы или жизнь человеческой души». 8 октября 1962 года М. А. Небогатов был принят в члены Союза писателей СССР (членский билет № 3121). Он стоял у истоков возникновения Кемеровской областной писательской организации.

Своим литературным учителем считал А. Т. Твардовского, состоял с ним в переписке с 1955-го по 1960 год. Среди его любимых поэтов – Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Есенин, Исаковский, Бунин. Среди любимых прозаиков – Чехов, Шолохов, Шукшин. В. М. Шукшину поэт отправил свой сборник «Майский снег» и получил от него ответное письмо из Москвы, датированное 3 авг. 1966 г., с просьбой помочь ему в составлении сибирского разговорного словаря. Третьего февраля 1977 года ленинградский поэт-фронтовик Глеб Пагирев в письме дал высокую оценку книге лирики Небогатова «Земной поклон»: «До чего же мне по сердцу такая серьезная, строгая поэзия! Как надоела всякая болтовня и пустозвонство!»

Михаил Небогатов – автор 14 прижизненных поэтических сборников, изданных в Кемерове. В 1988 году в Москве, в издательстве «Современ-

ник», была издана книга стихов «Перепёлка». Кузбасский поэт печатался в литературных журналах «Сибирские огни» (Новосибирск); «Сталинский Кузбасс», с 1954 года «Огни Кузбасса» (Кемерово); «Советский шахтёр» (Москва), «Крокодил»; «Огонёк»; «Наш современник», а также в газетах «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «Труд», «Комсомольская правда». Лауреат премии журнала «Наш современник» за лучшие произведения, опубликованные в 1986 году. Положительную оценку творчеству М. А. Небогатова дали критики А. Абрамович, А. Микешин, А. Казаркин, Н. Карлагин; а также поэты Сергей Викулов, Валентин Махалов, Виктор Баянов, Владимир Матвеев, Иосиф Куралов.

При жизни поэта стихотворения Небогатова публиковались во многих коллективных поэтических сборниках: «Молодые силы» (Новосибирск, 1951); «Цветущая земля» (Кемерово, 1954); «День поэзии» (Кемерово, 1964); «Сибирь поэтическая» (Кемерово, 1966); «Антология сибирской поэзии» (Иркутск, 1967); «Родная природа» (Кемерово, 1969); «День поэзии» (Кемерово, 1970), «Родная природа» (Кемерово, 1971); «Встреча» (Будапешт; Кемерово, 1974); «Земля Кузнецкая» (Кемерово, 1975); «Гремели бои» (Кемерово, 1975); «Рабочие плечи Кузбасса» (Кемерово, 1977); «Дыхание земли родимой» (Кемерово, 1979); «Руку дружбы подали» (Донецк; Кемерово, 1979); «Песнь о Сибири» (Кемерово, 1982); «Земля потомков Ермака: Сибирь в русской лирике» (Иркутск, 1982); «Рабочая мелодия Кузбасса. Стихи о родном крае» (Кемерово, 1984).

С 1946 по 1950 гг. М. А. Небогатов стал отцом четверых детей. В браке с Антониной Ивановной Парфёновой (1923 – 1994), машинисткой газеты «Кузбасс», 18 октября 1946 года родилась его старшая дочь – Нина Михайловна Небогатова (во втором замужестве – Инякина). В браке с Марией Ивановной Небогатовой (в девичестве Комиссарова, 1925 – 2000), учительницей начальных классов, родилось трое детей: Светлана (15.09.1947 – 18.04.2006), Александр (14.01.1949 г. р.), Владимир (28.10.1950 – 18.04.2006).

Более четверти века (с начала 60-х гг.) был внештатным литературным консультантом в газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса», оказывая большую помощь начинающим поэтам, присылавшим свои стихи в редакции обеих газет. В результате на страницах областной молодёжной газеты с января 1969 года появилась рубрика «Факультет молодого литератора» (с 1986 г. – «Литературная мастерская»), основал которую и многие годы вёл Михаил Алек-

сандрович Небогатов. Под этой рубрикой публиковались ежемесячные обзорные статьи с анализом стихов начинающих (непрофессиональных) авторов. Литературное наставничество Небогатова помогло молодым поэтам дорасти до профессионалов, стать членами Союза писателей России. Среди них Ирина Фролова (в девичестве Барышникова), Галина Золотаина, Алексей Бельмасов, Александр Катков, Виталий Крёков, Дмитрий Клёстов, Валерий Ковшов, Александр Панкратов-Чёрный и др. В книге «Судьба-злодейка» (2018) А. Панкратов-Чёрный рассказывает о встрече с Михаилом Небогатовым в 1962 или в 1963 году. В кемеровской квартире поэта он читал свои школьные стихи ему и его гостю, московскому поэту-песеннику Льву Ошанину, который привёз Небогатову подарок от Твардовского – четырёхтомное собрание стихов.

М. А. Небогатов участвовал в работе литературной студии «Притомье», созданной при непосредственном участии и помощи Кемеровского областного комитета комсомола, творческим руководителем которой являлась Кемеровская писательская организация Союза писателей РСФСР. Студия продолжает работу и в настоящее время.

Песни на стихи Небогатова написали многие кузбасские композиторы и музыканты: Владимир Пипекин, Борис Маркин, Владимир Игнатъев, Борис Ковбасов, Алексей Барабаш, Феликс Марк, Эдуард Казаков.

Награды: медаль «За победу над Германией» (1946); орден Красной Звезды (1952); орден Отечественной войны I степени (1985); медаль «Ветеран труда» (1977); Почётная грамота Правления Союза писателей СССР за активную творческую и общественную деятельность и в связи с 25-летием образования Кемеровской писательской организации Союза писателей РСФСР (10 июня 1987).

Скончался 21 марта 1990 года. Похоронен в г. Кемерово на Центральном кладбище № 1 (правая аллея от домика смотрителя). На могиле установлен памятник из красного гранита с портретом писателя.

16 апреля 1993 года на доме № 67 (теперь № 31) по Советскому проспекту (Кемерово), где жил поэт, установлена мемориальная доска. В Государственном архиве Кемеровской области создан его личный фонд (Р-1250).

Постановлением администрации Гурьевского муниципального района от 10.12.2012 года № 2397 Центральной городской библиотеке г. Гурьевска присвоено имя поэта М. А. Небогатова (улица Кирова, д. 3). С 2013 года в Гурьевске в День города проходят Небогатовские чтения. В 2019 году стар-

товал трёхгодичный литературный конкурс «Простою задушевною строкою», посвящённый 100-летию юбилею поэта Михаила Небогатова.

Книги Михаила Александровича Небогатова:

Солнечные дни: Стихи. – Кемерово: Издательство «Кузбасс», 1952. – 96 с.

На берегах Томи: Поэма; Стихи. – Кемерово: Издательство «Кузбасс», 1953. – 132 с.

Юным друзьям. Стихи для детей. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1957. – 48 с.

Моим землякам: Стихи и поэмы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1958. – 243 с.

Лирика. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1961. – 78 с.

Родные просёлки. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1963. – 108 с.

Майский снег. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1966. – 86 с.

Свет в окне: Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1969. – 175 с.

Спасибо сентябрю: Стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1972. – 78 с.

Земной поклон: Книга лирики. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1976. – 222 с.

Лето: Лирика. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1981. – 127 с.

Земля моя добрая: Лирика; Повесть в стихах. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984. – 158 с.

Перепёлка. – Москва: Современник, 1988. – 125 с.

Вечерние огни: Стихи разных лет. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. – 126 с.

Времени река: Лирика. Дневники. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1991. – 104 с.

Благодарю, благодарю...: Стихи. – Кемерово: Ковчезек, 1995. – 167 с.

Потому что поэтом рождён... : Стихотворения. / Сост. и автор вступит. ст. Н. М. Инякина (Небогатова). – Кемерово: КеОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2016. – 160 с.

Любовь Алексеевна Никонова

3 января 1951 г., с. Владимировка, Самарская обл. –

4 мая 2012 г., Новокузнецк, Кемеровская область.

Поэт, прозаик, член Союза писателей СССР с 1985 года.

БУБЕНЦЫ

Бубенцы сегодня – миф и дым.
Оставляя звук в растворах почек,
за старинным лесом вековым,
кажется, растаял колокольчик.

Но я помню эти бубенцы
и, к другому подъезжая лесу,
слышу, как пернатые певцы
затевают ту, родную песню.

Вижу ли церквушку на горе,
с городом ли новым повстречаюсь,
сад ли розовеет на заре –
это бубенцы звенят, качаясь.

Чьи-то слёзы,
очи в пол-лица,
тополиный шелест над крыльцами –
всё имеет привкус бубенца,
всё, что рождено под бубенцами.

(«Скрипичный ключ», 1974)

*Зимний снег с меня да не стаивал,
Летний дождь с меня да не ссыхал.*

БАБУШКА

Я вижу, как в апреле или в мае,
я вижу, как осеннею порой

с корзиною она в сыром тумане
из лесу возвращается домой.

Как вязнет, задыхаясь, по сугробам
с охапкою соломы иль сенца.
И дождь, и снег горят огнём суровым
в морщинах строгих доброго лица.

Давно осиротели эти вёрсты.
Давно она устала от ходьбы.
Но превращаются все зимы и все вёсны,
как прежде, в травы, в ягоды, в грибы.

И снег, и дождь верны ей, как и в прошлом:
сменяясь, выбирая нужный срок,
они струятся преданно и просто
на тихий, неприметный бугорок.

1976 год («Приземля», 1984)

ХОЛМ

Жили так близко! Но виделись робко.
Время бежало, диктуя своё.
Он запаял в жестяную коробку
нежные письма – признанья её.

Странствия жизнь озарили, как вспышки.
Смутные слухи оставил молве,
матери – слёзы,
зависть – братишке,
ну а коробку зарыл на холме.

Холм и не знал, что бывает такое:
стало тревожить его день и ночь,
стало томить его горькой тоскою
чувство, которого не превозмочь.

Слышал, как в тесной, закрытой коробке
солнечный дождь изливался с куста,
как, побледнев, долгожданны и кротки,
вечное слово шептали уста.

Всею своею землёю дремучей
впитывал этого чувства поток
и обжигался слезою горячей,
делая слишком глубокий глоток.

Тела коробка сильней и сильнее –
холм разрушал постепенно металл.
Небо в холме становилось синее,
солнечный дождик уже не смолкал.

Пахло сиренью сырой под землёю.
пели, забыв обо всём, соловьи;
письма сгорали, но жизнью живою
тут же вставали из пепла любви.

Что-то заставило блудного сына
годы спустя возвратиться домой.
И повела его
странная сила
прямо на памятный холм дорогой.

Пал в чернобыльник, прислушался чутко:
что там теперь, в перегное, во мгле?
И закричал сумасшедше и жутко –
сердце живое стучало в холме.

1978 год («Праземля», 1984)

РАТНИЦА

Она стоит среди горящей ржи.
Томит её стон мира неотвязный.
Что, милосердная, ты выберешь, скажи:
меч-кладенец или кинжал алмазный?

Тебе пора. Притоптаный ковыль
дымится кровью братьев убиенных.
Почти до солнца достигает пыль
из-под копыт чужих коней военных.

Клинка коснулась женская ладонь:
как братья за оружие такое?

Цветёт не мак, пылает не огонь –
то зреет мужественно сердце немужское.

1984 год («Я живу под столетней ветлой», 1988)

ДОСТОЕВСКИЙ И ИСАЕВА В КУЗНЕЦКЕ

Он к ней в Кузнецк, как в Лету канувшей,
Спешит, дорогой утомлён.
Да, это он, вчерашний каторжник
И гений завтрашних времён.

Преодолевший все препятствия,
Такой же друг ей, как и враг,
Он добивается согласия
На этот невозможный брак.

Они обвенчаны. Обвенчаны.
Она выходит на крыльцо.
Взгляните в скорбное лицо
Судьбу свою понявшей женщины:

Взор заслонила боль растущая,
Вздохнуть всей грудью не даёт.
Решилось: жизнь её грядущая
К его созданьям перейдёт.

Тесна одежда подвенечная.
И губы сохнут, как полынь...
Невыносимо быть предтечею
Его тревожных героинь!

Они его волнуют, мучают
И жертвы требуют большой...
Сопротивлялась странной участи
Она неслабою душой.

И всё ж ни волей, ни сознанием
Не защитилась, не спаслась.
Венца кузнецкого сиянием
необратимо облеклась.

1987 год («Я живу под столетней ветлой», 1988)

***

Денег нет у меня – один крест на груди...

Старинный романс

Только крест на груди... Это мало, –
меркантильная служба сказала. –
Крест без денег не в моде сейчас.
Слышишь трубы судьбы огневые?
Это деньги звенят мировые
и толпятся народы у касс.

Я согласна. Я слышу. Я знаю.
Ослабевший костёр заливаю
неживою водой из реки.
Ум завяз в философских вопросах.
Я бреду, опираясь на посох.
И в лохмотьях бренчат медяки.

Вдруг – торговец.
Вещает, спасая:
«Околеешь ведь, баба босая!
Холод-голод нутро твоё съест.
Видно, с миром ты в сильном разладе.
Так и быть уж, экзотики ради,
Я куплю твой бессмысленный крест».

Что в ответ?
Не продам? Это ясно.
Не торгуйся, торговец, напрасно
и дорогой своею иди.

Объяснить мою волю не сложно:
отделить этот крест невозможно –
врос он в грудь, растворился в груди!

А оттуда – отнюдь не наружу –
он пророс уже в самую душу!
И попробуй его оторви!
Не прожить на земле этой смутной
без богатств нищеты абсолютной,
без сокровищ Христовой любви!

1990 год («Загадка спасения», 1993)

***

Стремясь физически преодолеть простор,
прошли мы много ровных мест и гор.
Но совершая путь небесконечный,
приблизилась к Горе Нерукосечной.

И здесь утратили само понятие «даль» –
была пред нами только вертикаль.
В её столпе стояла Матерь Божья.
И бедный люд молился у подножья.

Вздымалась гарь с ближайших пепелищ.
Народ был жалок, голоден и нищ.
Измученный, обобранный до нитки,
спастись он делал слабые попытки.

Воителей, учёных и вождей
он не имел в сплошной среде своей.
Все те, кого вскормил он и вспоил,
давно ушли под сень чужих светил.

Царило горе в плачущей толпе.
Лишь Богородица, стоящая в столпе,

пронизанная высшими лучами,
смотрела вниз скорбящими очами.

Могла ли что-то предпринять Она?
Не знаем. Но Она была верна
печальному народу-сироте,
взывавшему к небесной высоте...

Всё это длилось несколько минут.
Потом открылся снова наш маршрут.
И друг сказал почти без изумленья:
«Зачем такие странные виденья?»

1995 – 1997 год («Чтоб воскреснуть на этом лугу?», 1997)

ШКОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Как враждовали мы и как дружили,
в каком серьёзном напряженье жили:
всё диспуты, собрания, проблемы...
А я была «противницей системы» ...

С момента наших встреч прошло полжизни.
И вновь мы встретились уже в посткоммунизме.
Как будто нет былых идеологий –
их заменила сумма технологий,
и где система свой нашла конец,
поставлен идол – золотой телец.

Но наша встреча всё превозмогла:
она и старое, и новое сожгла –
и в переменной общественной вселенной

одну любовь оставила нетленной!

1997 год («Похожи встречи на подарки», 2003)

***

Смолчать – нельзя,
Скандалить – стыдно,
А третий вариант – каков?

Душа, душа, тебя не видно
В тумане смутных облаков.

Очнись, болезная, и выйди
Из этой социальной мглы
И осознай, в каком ты виде,
Как напряглись твои узлы.

Ты вся – вместилище ошибок,
Болячек, горечи страстей.
Где детский свет твоих улыбок
И «тайна верности твоей»?

Тобой закон Любви нарушен.
Сравни, восстав от суеты,
Как Бог к тебе великодушен –
И как неблагодарна ты.

А сердце странно замирает,
Когда, по милости Творца,
Лучистый ангел убирает
Слезинки с твоего лица ...

2000 год («Похожи встречи на подарки», 2003)

***

Иней теплится бисерно,
Сахарно,
Мелко,
Умывается снегом
Красивая белка.
Оснежённая пихточка,
Девочка в шубке,
Свет январский приемлет
Душою голубки.

Ожиданья прозрачны.
Предчувствия сладки.
Любит пихточка думать
Про Божьи загадки,
Каждой клеточкой юною
Знает свою:
Кто-то видит её
И любит её.

Кто-то дал ей наряд
И в блистанье особом
Посетил этот лес
И прошёл по сугробам,
И сказал: «Эта местность
Не будет унылой –
Я старался для маленькой
Девочки милой».

2003 год («Над звёздами горящая звезда», 2006)

СПАСИБО

Холодная весна уныло суховейна.
Но греешь ты озябшую меня
Своим присутствием, как теплотой портвейна
Иль силой прикровенного огня.

Боюсь сказать, что дружба нерушима.
Зато «спасибо» смело говорю
За шарфик голубой из крепдешина,
За свет, за не вечернюю зарю.

Прощаемся.
Опять одной сражаться
С холодным миром, с вечной суетой...
А хочется с тобою задержаться,
Проникнуться твоею теплотой.

Ты тоже знаешь: всюду – поле битвы.
Позволь же у вокзала, в поздний час,
Тебя коснуться краешком молитвы –
Пусть милость Божья не оставит нас.

2001-2006 год («Над звёздами горящая звезда», 2006)

ЦВЕТНЫЕ ВОЛНЫ ВДОХНОВЕНИЯ

Меня живо формы знания,
Листая лучших дней мгновения,
Прихлынут к берегу сознания
Цветные волны вдохновения.

Осмыслишь отраженья радуги,
Секреты красного, зелёного,
Явленья живоносной радости
И духа, всюду растворённого.

Постигнешь синее, лиловое ...
И, красками обуреваемый,
Вдруг превратится в нечто новое
Знакомый мир неузнаваемый ...

2009 год («Знакомый мир неузнаваемый», 2011)

***

Кто-то о ком-то задумался вечером,
Кто-то, не сжёгший мосты ...
Это не ты ли, любовь моя вечная?
Как бы хотелось, чтоб ты!..

Плавно сгущаются сумерки синие.
Сквозь светотень узнаю
Знаки твои золотые и символы,
Чувствую близость твою.

Ради тебя всё бы в мире оставила.
Всё бы в тебе обрела.
Что мне чужие запреты и правила,
Скудного века дела?

Я твоего бы сокрытого, личного
Нежно коснулась огня ...
Что же ты шепчешь из сумерек сбивчиво –
Так далеко от меня?

2001 («Над звёздами горящая звезда», 2006)

ШКОЛЬНЫЙ САД

Каким бы я был в сорок первом году?
 Я рос бы, как деревце в школьном саду.
 Я был бы наивен, как в речке вода,
 И в девочку Свету влюблён навсегда.
 И были бы для чувств моих даже тесны
 Цветущие дни предвоенной весны.

Каким бы я был в сорок третьем году?
 Я знал бы, за что я сражаться иду.
 И школьного сада живительный шум
 Пред первой атакой пришёл бы на ум.
 И девочки Светы распахнутый взгляд
 Смотрел бы мне в душу и вёл через ад.

Каким бы я был в сорок пятом году?
 Я вновь оказался бы в школьном саду.
 Отвыкший от мирных созвучий солдат,
 Я долго бы слушал лепечущий сад.
 И робко бы трогала Света, жена,
 Добытые в пекле войны ордена.

2004 («Над звёздами горящая звезда», 2006)

ЛЮБОВЬ НИКОНОВА. ПОЭТ ОТ БОГА

В семье Алексея Никифоровича Никонова и его жены Клавдии Павловны, родителей Любы Никоновой, не поощрялась пустая болтовня, «слову полагалось быть точным и дельным». Для бабушек по отцовской и материнской линии Дарьи и Пелагеи самой авторитетной книгой было Евангелие. С детства она бывала на службах, причащалась, дружила со стареньким сельским священником отцом Василием, который был полон светлой и свя-

той любви к людям. По признанию Любви Никоновой, «это была первая встреча с любовью как духовным явлением». Вместе с бабушкой Пелагеей Васильевной Люба, зная церковные песнопения, исполняла литургию.

В подростковом возрасте открыла для себя Блока и Достоевского. «У Достоевского нашла что-то бесконечно близкое, интонации отца Василия». В старших классах написала несколько поэм. В шестнадцать лет на каникулах за одну ночь написала поэму «Образ». Первым из литераторов, познакомившимся с творчеством девятиклассницы Любы Никоновой, стал Гарий Немченко, редактор заводской многотиражной газеты «Металлургстрой». От него она получила советы и недоступную в те поры Библию, которую читала больше года. Впитывая слово Евангелия и слово русской классической литературы, она стремилась писать так, чтобы «не оскорбить Слово».

Жизненные и литературные интересы Любви Никоновой двигались в русле христианства. Поэтесса считала, что в стихотворении должен быть «сакральный смысл», некая духовная «подсветка». Добиваясь поэтического совершенства, она создавала множество черновиков, иногда у готовых произведений были варианты.

Выход первого сборника «Скрипичный ключ» в 1974 году показал, что в литературу Кузбасса «пришёл новый поэт, поэт со своим голосом, со своей неповторимой интонацией, своим поэтическим миром» (И. М. Киселёв). Первые читатели сразу запомнили строки из студенческого стихотворения Любы Никоновой «Родина»: «Чем больше человек, тем больше родина, а значит, и понятие о ней». В стихотворении «Бубенцы» ей удалось показать, как сохраняются вековые духовные традиции русской жизни. В образной системе выстраивается значимая цепочка: вековой лес, родная песня, церквушка и звук бубенцов, маленьких колокольчиков, который освящал и продолжает освящать русскую жизнь сегодня. Удивительно, как советская студентка 1970-х годов сумела воспринимать современность в контексте не только исторического, но и вечного времени.

Второй поэтический сборник «Праземля» вышел в 1984 году. Десятилетний перерыв был вызван духовными поисками и покорением высот поэтического мастерства. Она добивалась филигранной точности слова и образа, чтоб «струна звенела в тумане». В предисловии к её второй книге московский поэт и переводчик Роберт Винонен отметил в стихотворениях Любви Никоновой рубежа 1970 – 80-х годов державинскую

традицию обнаружения «связи миров», фольклорную память, метафорическую ёмкость поэтических образов, а также чувство ответственности поэта перед жизнью. Появилась исповедальная и философская лирика. Она вновь удивляла читателя образными находками. Например, в стихотворении «Свидание в дождь» после строки «Мне нравились свиданья в дождь...» неожиданно и трогательно-наивно прозвучали завершающие строки: «А снег – ведь это тоже дождь. Но только это снег». Читатель сразу запомнил её строки «Моё счастье – цветок полевой, а трава – состояние духа» из четверостишия «Я живу под столетней ветлой». Мастерство молодой поэтессы проявилось в создании портретных стихотворений, например, «Бабушка». Образ праведницы, великой трудницы обрисован многомерно: через конкретные детали («в морщинках строгих доброго лица»), через повседневные дела бабушки, через сам образ её существования, через умение всю жизнь прожить в гармонии с природой, по природным ритмам. Представляя книгу «Праземля» на Кемеровском телевидении в передаче «Кузбасс литературный», Любовь Никонова так определила миссию поэтического творчества: «Поэзия разрушает равнодушие и воспитывает чувство красоты».

В 1985 году Любовь Никонова стала членом Союза писателей СССР, а в 1988 году её третий сборник стихов «Я живу под столетней ветлой» вышел в Москве. В лирике Никоновой читателя всегда поражают нестандартные решения любой темы: родина, жизнь, любовь. Например, стихотворение «Холм» или «Ратница». Образная система и сюжетные линии стихотворения «Холм» многомерны, сюжет блудного сына подсвечен онегинским сюжетом, моментом прозрения героя, его осознанием, что есть любовь, которая не проходит и не умирает. Лирическая героиня Любви Никоновой живет в вечном времени, космическом пространстве, она способна услышать «стон мира». В ней чувствуется огромная сила духа, способность выстоять в любой жизненной ситуации. В интерпретации поэтессы М. Д. Исаева, жена Ф. М. Достоевского, предстаёт женщиной с «неслабою душой» («Достоевский и Исаева в Кузнецке»), как и никоновская «Ратница».

В 1990-е годы Любовь Никонова выступила как большой гражданский поэт. Переживая за судьбу России, её народа в период перестройки государственно-политической системы, она верила, что, как и в прежние лихолетья, Россия сумеет выстоять и воскреснуть для новой жизни. Об этом её стихот-

ворения «Кто вратами отважился узкими...», «Только крест на груди...», «Раскололась огромная льдина...», «Сон 3 мая 1993 года» и др.

На рубеже 1990-2000-х годов Любовь Никонова проявила себя как поэт христианской направленности. В её книгах православные мотивы предельно обнажены, начиная с поэтики названий: «Загадка спасения», «Ветер Апокалипсиса» (1993), «Чтоб воскреснуть на этом лугу» (1997), «Сокровенное царство» (1999), «Над звёздами горящая звезда» (2006).

Главной творческой силой новокузнецкая писательница считала Любовь, как вечный и главный закон бытия, как всеобщее животворящее начало. Её стихи о пути к истинной любви и вере адресованы, в первую очередь, молодёжи. О «нетленности любви» и школьной дружбы идёт речь в стихотворении «Школьная любовь» (1997). В стихотворении «Смолчать – нельзя, Скандаль – стыдно...» (2000) представлен образ «болезной» души, которая в суете и страстях социальной жизни растеряла Любовь: «Где детский свет твоих улыбок / И «тайна верности твоей»? / Тобой закон Любви нарушен. / Сравни, восстав от суеты, / Как Бог к тебе великодушен – / И как неблагодарна ты». В стихотворении «Спасибо» лирическая героиня любит без взаимности, но как благодарна она тому, что её сердце умеет любить, умеет быть благодарным за счастливые моменты общения с любимым человеком, за возможность молиться за него, «коснуться краешком молитвы».

Раскрывая замысел одной из лучших своих поэтических книг «Похожи встречи на подарки» (2003), писательница раскрыла глубину понимания связи таких явлений как Любовь и Творчество: «Творчество движется любовью. В нынешней своей книге «Похожи встречи на подарки» я и постаралась показать эту любовь – подвижницу в разных ситуациях, на разных путях и уровнях человеческой жизни. Не изображаю ее сверхмогущественной. Иногда она вообще хрупка и крайне уязвима. Она не всегда последовательна: то несет свой крест смиренно, то способна на романтический бунт. Но я убеждена, что только она и способна вынести предельные испытания смены тысячелетий и что будущее для людей возможно лишь при условии, если от них не уйдет любовь. Любовь Никонова. Август, 2000 года г. Новокузнецк». В стихотворении «Иней теплится бисерно...» Любовь Творца к созданному им миру неизменно связана с понятием Красоты земной.

Темы стихов и прозы Любови Никоновой – напряжённая жизнь человеческой души, способной ощущать «силу прикровенного огня» Любви. Талант-

ливую сибирскую поэтессу интересовали человек и чудо жизни, технократическая цивилизация и уходящая от нас, так и не понятая нами до конца, живая природа; философская тема бессмертия, вечного повторения всего сущего. Глубоко ощущая трагизм и сложность жизни, поэтесса с выстраданным оптимизмом отразила её многомерность и многогранность, «цветение духа».

Итоговой книгой поэтессы стала книга «Знакомый мир неузнаваемый» (2011). В стихотворении «Цветные волны вдохновенья» (2009) Любовь Никонова пытается постичь божественную природу творчества, уловить и воплотить в Слове «явленья живоносной радости», ощутить присутствие «духа, всюду растворённого».

Валерий Ганичев назвал её поэзию «настоящим литературным открытием российского масштаба»: «Думаю, что за Уральским хребтом у нас это самая талантливая, тревожная и возвышенная поэтесса». По признанию главного редактора журнала «Огни Кузбасса» Сергея Донбая, Любовь Никонова «своим творчеством, своим присутствием вносила радость Божию в наш кузбасский Союз писателей России».

Высокую оценку поэзии Любви Никоновой дали многие её современники: «Если бы кузбасская поэтесса жила в Москве, то поэзия её могла бы зазвучать на всю страну, как стихи Б. Ахмадулиной, Н. Матвеевой, О. Берггольц» (Тамара Махалова); «Стихи Любви Никоновой можно читать перед, после и вперемежку со стихами Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Юнны Мориц и других наших талантливых поэтов и не чувствовать при этом эстетической несовместимости, а лишь ощущать равное очарование слова и мысли» (Владимир Валиулин); «Своей поэзией Любовь Никонова осветила и освятила весь угольный Кузбасс» (Анатолий Сазыкин); «Она узнаваема по любой строке, не знающая в слове невозможного, создавшая в своих стихах внутреннее духовное сияние» (Иосиф Куралов).

Согласимся с поэтом и критиком Сергеем Самойленко, что «на нашем сибирском небосклоне Любовь Никонова – звезда первой величины», «одна из самых ярких и настоящих поэтов». Поэзия и проза её уникальны. Новокузнецкую поэтессу очень точно характеризуют строки из её стихотворения о звёздочке: «чистая ягодка / Провинциального неба, / Искорка Божья, кровинка, / Изюминка захолустья». Поэт от Бога.

Галина Карпова.

БИОГРАФИЯ ЛЮБОВИ НИКОНОВОЙ

Любовь Алексеевна Никонова родилась 3 января 1951 года в селе Владимировка Хворостянского района Куйбышевской области (с 1990 г. – Самарская область). В селе была построенная в 1837 году действующая белокаменная церковь во имя Святого равноапостольного Великого князя Владимира, где крестились все предки Любы и она сама.

Читать научилась в пять лет, писать стихи и небольшие рассказы начала в четвёртом классе в 8 лет. Владимирская школа, где Люба окончила 8 классов, находилась в здании бывшего земского училища (1914 года постройки), рядом с храмом. В двенадцать лет у семиклассницы появились первые публикации в районной газете (стихи «Тополя», «Утро», «Зима», «Море», рассказ «Полонез»). Её школьная учительница Анна Алексеевна Борисова была страстным книголюбом, в классе появилась своя библиотека, а библиотекарем стала Люба. Родители любили семейные чтения за общим столом. Люба охотно соглашалась почитать вслух «Остров сокровищ» Стивенсона, «Выстрел» Пушкина, «Тараса Бульбу» Гоголя. В доме были музыкальные инструменты (балалайка, гитара, мандолина). Люба охотно слушала в грамзаписях концерты Чайковского, Рахманинова, сонаты Бетховена, рапсодии Листа.

В Новокузнецк приехала в 1966 году к старшей сестре, работавшей с мужем на строительстве Запсиба. С 1966 года и до конца своих дней Л. А. Никонова жила в Кузбассе, где создала восемнадцать поэтических книг и две книги прозы – «Перед чудом жизни» (1990) и «Мир благословенный» (2006). Член Союза писателей СССР с 1985 года.

В 1968 году окончила среднюю школу № 93 Заводского района Новокузнецка, а в 1976 году с отличием завершила обучение на факультете русского языка и литературы Новокузнецкого государственного педагогического института. В студенческие годы познакомилась с поэтом Евгением Буравлёвым, прозаиком Геннадием Емельяновым. Была участником городского литературного объединения «Гренада» при Доме творческих союзов г. Новокузнецка (создано в 1966 г.).

В 1972 году выступила на областном семинаре молодых писателей в Кемерове, где её стихи высоко оценил поэт Игорь Киселёв. В 1979 году стала участником VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве.

После трёх лет работы учителем в селе Ваганово Промышленновского района (1978 – 1981) вернулась в Новокузнецк и с 1982-го по 1987 год работала научным сотрудником Новокузнецкого городского краеведческого музея в его филиале – мемориальном доме Ф. М. Достоевского. Её интересовали страницы духовной истории Кузнецка, в частности, история венчания Ф. М. Достоевского в Кузнецке в 1857 году. Об этом она написала стихотворения и статьи. Паломнические поездки по великим святым местам России дали материал для многих её лирических стихотворений.

Её стихотворения публиковались в центральных журналах «Наш современник», «Новый мир», «Москва», «Смена», «Роман-газета», «Журнал Московской патриархии», «Роман-газета 21 век». Активно печаталась в сибирских журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Алтай», «Сибирские Афины», «Огни Кузбасса», «Кузнецкая крепость».

Однако литературных наград у Любови Никоновой не так много. Она лауреат премий «Молодость Кузбасса» (1979), журнала «Огни Кузбасса» (2007), «Образ» (2008).

На протяжении многих лет Л. А. Никонова являлась руководителем нескольких детско-юношеских литературных студий: «Фесковские литераторы» в школе № 27, «Зернышко» в эстетической гимназии № 32, «Созвездие лиры» в гимназии № 44, «Берег» в Новокузнецком филиале-институте КемГУ. Она считала, что творческая работа с детьми и молодёжью есть дело, крайне необходимое для России. По признанию поэта-педагога, через творческие контакты с детьми ей открылись «новые горизонты» в поэзии.

В прозе Любовь Никонова, будучи сама глубоко верующим и воцерковлённым человеком, размышляла о том, как должен ребёнок воспитываться в Православии. Много лет, будучи членом редколлегии журнала «Огни Кузбасса», постоянным его автором, она поддерживала «Православные чтения» и рубрику «Светлица».

Как методист новокузнецкого Дома творческих союзов, с 1999-го по 2009 год руководила городским литературным объединением «Гренада». В 2009 году Л. А. Никонова составила по просьбе библиотекарей Гоголевки (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя г. Новокузнецка) «Драгоценный список любимых литературных произведений». Вне списка ей был обозначен Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. В списке Любовь Никонова выделила ряд произведений следующих писателей: Достоев-

ский, Гоголь, Хомяков, святитель Николай Сербский, Бунин, Чехов, Шмелёв, Зайцев, Никифоров-Волгин, Левитов, Лесков, Пришвин, Платонов, Грин, Казаков, Шергин, Леонов, Блок, Клюев, Д. Андреев, Чижевский.

Почётный работник общего образования РФ (2000), Л. А. Никонова награждена многими медалями: «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2002), «За служение Кузбассу» (2004), «За достойное воспитание детей» (2007), почётным знаком «За заслуги перед городом Новокузнецком» (2011). Умерла Л. А. Никонова 4 мая 2012 года, похоронена в городе Новокузнецке на Байдаевском кладбище, сектор 8.

В Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского хранится личный фонд Л. А. Никоновой, который содержит документы, рукописи, фотографии, личные вещи поэтессы. С 2012 года в конце января музей Ф.М. Достоевского проводит «Дни Любви Никоновой».

Профессиональные композиторы (Михаил Маслов, Александр Александров, Лилия Белошицкая) создали песни на её стихотворения. Живописный портрет Любви Никоновой написан профессиональным художником Альбертиной Фомченко.

28 января 2020 года Новокузнецкий городской Совет народных депутатов присвоил библиотеке «Веста» (Новобайдаевский микрорайон, ул. Зорге, 6) имя Л. А. Никоновой. Планируется открытие мемориальной доски Л. А. Никоновой на Доме творческих союзов (Новокузнецк, Кузнецкстроевский пр., 1).

Книги Любви Алексеевны Никоновой:

Скрипичный ключ: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1974. – 128 с.

Праземля: стихотворения. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984. – 72 с.

Я живу под столетней ветлой: стихи. – М.: Советский писатель, 1988. – 112 с.

Перед чудом жизни: проза и поэзия живого мира. – Кемерово, 1990. – 304 с.

Загадка спасения: стихи. – Кемерово: Сибирский родник, 1993. – 64 с.

Ветер Апокалипсиса: стихотворения. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость. 1993. – 80 с.

Живые источники: духовная поэзия. – Новокузнецк: ИПК, 1997. – 78 с.

Чтобы воскреснуть на этом лугу: стихотворения. – Кемерово, 1997. – 156 с.

Знаки внимания: стихи о любви и семье. – Кемерово: Сибирский писатель, 1998. – 126 с.

Сокровенное царство: лирика. – Кемерово: Сибирский писатель, 1999. – 152 с.

Лики любви: стихотворения, поэма. – Новокузнецк: ИПК, 2002. – 82 с.

Похожи встречи на подарки: стихотворения, поэмы. – Кемерово: Летопись, 2003. – 440 с.

Разноцветные капельки солнца: стихи для уроков изобразительного искусства. – Новокузнецк: ИПК, 2002. – 38 с.

Над звездами горящая звезда: стихотворения. – Кемерово: Летопись, 2006. – 176 с.

Мир благословенный: книга прозы, поэма. – Кемерово: Сибирский писатель, 2006. – 320 с.

Свет неотступный: лики Родины в стихах и фотографиях. – Кемерово: Книга, 2008. – 34 с.

Под знаком праздника: стихотворения. – Кемерово: Книга, 2009. – 112 с.

Знакомый мир неузнаваемый: стихотворения. – Кемерово: Книга, 2011. – 128 с.

Иван Стефанович Полунин

13.02.1936 г., д. Бирюковка, Курская обл. –

29.08.2017 г., д. Дедюево, Кемеровская обл.

Поэт, член Союза писателей СССР с 1989 года.

***

Под пламенеющим покровом
Буран отвластвовал с утра.
И вот уже мальчишки снова
Несутся с криками:
«Ура!»
«Стреляют», падают.
И тут же
Их «кони» ускоряют бег.
Никто не ранен,
Не контужен.
Как детский мир,
Белеет снег.
А мне?
Лишь стоит вдаль взглядеться,
Увижу бурые дворы...
В моё обрубленное детство
Война входила.
Без игры.

1974 («Февральская свирель», 1977)

ПАМЯТНОЕ

Не до плясок: беда лиха!
Были проводы в сорок третьем,
Надрывались вовсю меха,
Как в степи ошалелый ветер.

Тихо бился о берег Псёл,
Отзывались

Листвой берёзки.
Далеко от родимых сёл
Уходили
Почти подростки.

Под берёзовый плеск ветров,
Доносящих палёного запах,
С ними вместе
Игнат Петров
Рано утром ушёл на Запад ...

В сорок пятом
К молчанью хат,
К шелестенью вишнёвых веток
Возвратился
Один Игнат,
А другие ?
Остались где-то.

... И трёхрядку смогли сберечь,
И давненько село не плясало,
Но у парня –
От самых плеч –
Два пустых рукава
Свисало.

1974 («Февральская свирель», 1977)

ПОД КУРСКОМ

Дымят костры на огородах:
То жгут ботву

В тридцатый раз.
Осенний день ушёл на отдых
И проводил на отдых нас.

В округе тихо и просторно!
Пойму ли я с течением лет:
Откуда прорастают зёрна
Людской вражды и чёрных бед?

Мне дороги,
Как прежде, эти
Приметы русского села,
Где всё когда-то
На рассвете
Сгорело вмиг
Почти дотла.

А нынче?
Мирный дым над полем,
И для тревоги нет причин,
Но прошлым я настолько болен,
Что и теперь неизлечим.

1974 («Февральская свирель», 1977)

***

Над Чулымом, в ослепшие ночи,
Для которых и спичка страшна,
Монотонно о чём-то бормочет
Частый дождик,
Не ведая сна.

Я не знаю,
О чём бормотанье
Этих струй за стеной,
У крыльца.
Пусть оно
Незабвенною тайной
Остаётся со мной до конца!

Без таинственных звуков и бликов,
Наполняющих душу подчас,
Верно, стало бы в мире великом
Мелковато и серо для нас ...

1961, 1974 («Таёжный туссок», 1983)

ОТЗЫВЧИВОСТЬ

Колосятся над полем дожди,
Расплескалась густая отава.
Оттого беспокойно в груди,
Что слегка пожелтела дубрава.

Скоро бронзу расплавит она,
Убелится надолго порошей.
И деревьям способность дана –
Потаённо мечтать о хорошем ...

Я недавно подслушал кедроч,
Нагибая иссохшую ветку.
То ли мне показалось:
«Не плачь!»,
То ль она утешала соседку.

С той поры осторожней хожу
По окрестным лесам и болотам
И травинкой любой дорожу,
Проникая в таинственность:
Что там?

1974 («Таёжный туссок», 1983)

У РОДНИКА

Протопал град –
И травы улеглись,
От буйства молний
Листья оробели.
И лишь родник,
Провозглашая жизнь,
Поёт в ночи,
Как мать у колыбели.
О чем поёт?
Не разберусь пока.
Но мне с рожденья
Дорого такое –
Как бьётся пульс
Лесного родника,
Не ведая смиренья и покоя!
И над водой
С волнением наклонясь,
Я в ней не только
Облик свой увижу –
Почувствую незыблемую связь
Со всем, что мне
С годами стало ближе!

И я пойму,
Насколько был неправ:
От мутных вод
Не уберёт истоки...
Поёт родник
Среди цветов и трав,
Молчит под тиной
Водоём глубокий...

1972-1975 («Февральская свирель», 1977)

***

Сиреневый сумрак морозен,
И кедры обуты в пимы.
На лыжах,
Забыв про полозья,
Иду через пламя зимы.
Сибирская стужа не шутит,
Слезу вышибает легко.
Не здесь ли о жизненной сути
Задумался я глубоко?
Себя от судьбины печальной
Едва удержал на весу...
Я в должности нынче случайной:
Друзьям телеграммы несу.
Скорей бы! Обрадую многих:
Уже Новогодье у нас.
Да только до главной дороги
Я вряд ли дойду через час.
Вокруг – тишина гробовая,
А ночь разбудила беду:
Буря, провода обрывая,

Метался, как леший в бреду.
И вот я несю телеграммы,
Как будто людские сердца.
Лишь мне не доставит от мамы
Никто никогда ни словца ...

1976 («Таёжный туесок», 1983)

***

Представляется вечер
Мостом голубым
Между радужным днём
И дождливою ночью ...
Но во все времена
Я тобою любим –
И – теперь, хоть буран
Завывает по-волчьи
И невольно тоску
Нагнетает в очаг –
В мир, надломленный с детства
Зловещим насильем ...
Но, почувствовав руки твои
На плечах,
Я опять обретаю
Незримые крылья.
И они поднимают
Бесшумно меня
Над шуршащей пургой,
Над пейзажем печальным ...
Наши древние предки
В ночи, без огня,
Согревались вот этим теплом

Изначальным!
Из глубоких сердец
Излучалось оно,
Через толщу столетий
В наш мир проникало.
Нам природой
Великое свойство дано:
Дорожить, как наследством,
Душевым накалом.
Счастлив тот,
Кто способен его уберечь
От житейских невзгод –
До прощальной минуты...
Сохраню ли тепло
От восторженных встреч,
Если вдруг
Жизнь со мною
Расправится круто?

1978 («Прилив», 1979)

***

Вот – общежитье, словно слепок
Склепа.
Кто мне при жизни уготовил ад?
Знать, я любил тебя, Россия, слепо.
Спасибо, рок, за коридорный смрад.
За крики
И безумные замашки
Иных жильцов,
Заброшенных сюда.
А я шучу.

Мол, я рождён в рубашке,
Хоть провалиться рад бы
От стыда.
Мне сознавать
Убогость нашу стыдно.
Куда уехать?
Может, за кордон?
Но для меня
И там звезды не видно.
Люблю Сибирь, как праведник-чалдон.
Твержу друзьям:
«Вы помните о главном –
Где родились и для чего живём...»
Среди тайги, а не в краю дубравном
Останусь я
Февральским соловьём.
Обидно мне:
Я тоже – победитель!
А что обрёл?
Опять ледовый плен?
Меня прими,
Таёжная обитель.
Я не дожил
До лучших перемен.

1992 («Избранное», 1996)

***

Отшумели и весна, и лето.
Резкий ветер заново подул.
Мой буланый рано, до рассвета
Почему-то голову пригнул.

Да и я сегодня опечален
И неволью думаю о том,
Что звучало музыкой вначале –
Обернулось вихрями потом.
Знать, меня, мечтавшего о славе,
Вразумили пасмурные дни:
Не меняй коней
На переправе,
По ухабам шибко не гони!
Я своих
Оставил средь болота,
Не подняться загнанным
Никак!
Я и сам
То кровушкой, то потом
Оросил извилистый большак.
Не успел я залечить мозоли
И осилить свой недавний страх –
По ошибке
Вновь щепотку соли
Я на рану высыпал впотьмах.

1994 («Избранное», 1996)

«ФЕВРАЛЬСКИЙ СОЛОВЕЙ» ИВАН ПОЛУНИН

Иван Стефанович Полунин – поэт, с творчеством которого давно знаком не только кузбасский читатель. Стихи Иван Полунин начал писать, ещё учась в школе. Откуда появилась у него тяга к сочинительству, доподлинно не известно, но в стихотворении «13 февраля» – день рождения поэта, он отмечает: «В ту ночь февраль тихонько ставню тронул. Оставил гравировку на окне: как будто впрямь поэзии корону чудак с рожденья напророчил мне».

Иван Полунин родился в деревне Бирюковке ровно через два года после образования Курской области. Курский край – типичный провинциальный район центральной России, где староверие имело прочные корни уже в 18 веке. А, как известно, в России среди староверов было много зажиточных крестьян и успешных предпринимателей. Трудовое воспитание являлось характерной чертой в любых крестьянских общинах, а в старообрядческих – особенно. В семье староверов сохранялся патриархальный уклад, при котором авторитет родителей был непререкаем, а слово отца оставалось решающим. Иван был поздним ребёнком в многодетной семье Полуниных, а время рождения «поскрёбыша» совпало с очередным витком борьбы с религией, начавшейся в Курском крае ещё в годы Гражданской войны. В 1937 году в Бирюковке закрыли молебельный дом, а Полунина Ивана Григорьевича, наставника старообрядцев, за «антисоветскую деятельность» арестовали и через месяц расстреляли. А вскоре началась война.

Дети войны – «подранки», с кровавыми зарубками на сердце. «Встава-ла Бирюковка спозаранок, мелодия над хатами лилась, и вдруг взметнулась, как подранок: война в сердца людские ворвалась!» И кончилось, так и не успев начаться, Иваново детство. «Лишь стоит вдаль взглядеться, увижу бу-рые двory. В моё обрубленное детство война входила, без игры». Не раз вспомнит поэт уже в семидесятых о своём порушенном детстве – «бело-брысое детство, в рубахе с заплаткой? Содрогалось оно от раскатистых залпов...». Ушли на фронт отцы и деды. С войны не вернулись шестнадцать бирюковских Полуниных, большинство из которых погибли в сорок третьем, освобождая Украину. Но до сорок третьего ещё нужно было дожить. И в очередной раз Бирюковка стойко проживала выпавшие на её долю испыты-вания – немецкую оккупацию, голод, страх, ужас. А потом, в сорок третьем, вновь «были проводы». Теперь уже на войну «уходили почти подростки», и было в Бирюковке «не до плясок: беда лиха» – написал поэт в щемящем до боли в сердце стихотворении «Памятное», заканчивающемся тем, чем заканчиваются любые войны – «В сорок пятом к молчанию хат и к шурша-ню вишнёвых веток возвратился один Игнат, а другие? Остались где-то. Их трёхрядку смогли сберечь, и давненько село не плясало. Но у парня – от самых плеч – два пустых рукава свисало». Война осталась в израненной душе поэта навсегда. В стихотворении «Под Курском» он так и пишет – «прошлым я настолько болен, что и теперь неизлечим». Иван Полунин не

раз возвращался в своём творчестве к воспоминаниям военного детства. В стихотворении «Отъезд» есть такие строки – «Дымящий бруствер, каски на снегу, и гильзы, гильзы у разбитой пушки я позабыть вовеки не смогу, они ведь заменили мне игрушки».

И, казалось бы, давно отгремела война. Земля, прорастая травой «через каску», залечивала раны, а у поэта, вольно или невольно, да и проскользнул оставшееся в прошлом суровое военное время. Вот как, например, в стихотворении «На Алтае» – «Иду тропой, не думаю о том, что довелось изведать в лихолетье». Не получается у поэта забыть, стереть из памяти доставшиеся ему «испытания и на разрыв, и на излом». Став взрослым, Подунин удивлялся, как мать, пока воевал отец, «подняла пятерых, заодно – и меня, малыша». Война, разорив домашние гнёзда бирюковцев, должна была окончательно стереть миропонимание, мировоззрение, которое в их представлении складывалось из жизни большой семьи, объединяющей и собирающей под своим крылом людей, живую и неживую природу. И «те ужасы века, от которых могла бы сломаться былинкой душа», не смогли сломать душу поэта, но поселили в ней непонятную маяту, которая заставляла Ивана резко менять направление движения жизни. Он и сам задаёт себе вопрос: может, «боль утрат меня куда-то гонит...»? А может, хотел излечиться от «своей мягкотелости от природы», и то, что он «уязвим и малым злом», а поэтому и проверял себя на прочность, закаляя волю и характер?

Он пишет в своих стихах о людях, о тех местах, куда забрасывала его жизнь, а это и Чулым, и Васюган – «тут невольно я мудрость постиг», «здесь познал я, как сладок ночлег», «не здесь ли о жизненной сути задумался я глубоко? себя от судьбины печальной едва удержал на весу...» И дороги, дороги, в которых «увидел мир с изнанки, не зная, что жизнь трясёт куда сильнее». «Эх, дорожка моя – кружевная тесьма! – ты опять закружила меня, бедолагу».

В середине семидесятых в стихотворении «К другу» поэт отметил, что «с годами стал к себе намного строже». А в середине восьмидесятых Иван Подунин написал: «Познал невзгод побольше, чем морщинок, боль близких ощущал, острее, чем свою». И ещё: «Пускай суровый путь лицо моё составил, зато мой прежний мир не потускнел от бед». И это правда. Поэт остался верен своим нравственным идеалам, от которых никогда не отступал ни при каких обстоятельствах жизни. А таким людям всегда живётся нелегко. «Не-

даром, обозначив желваки, иду на тех, озлобленный до дрожи, кто оставляет мёртвые пеньки – так красоту безжалостно корёжит!»

Разве можно прожить «без таинственных звуков и бликов», которые «наполняют душу подчас»? Без этих, казалось бы, мелочей «стало бы в мире великом, мелко и серо для нас». И ходит «осторожно» с некоторой поры поэт «по лесам и болотам», дорожит «травинкой любой, проникая в таинственность: что там?». Или вот ещё строчки, где говорит Полунин о сердце на ладони, которое «встретит чёрствость – сдержаться не может, ложь заметит – опять не уйму». Близко к сердцу принял Иван Полунин уход из жизни известного своим романом «Земля Кузнецкая» кузбасского писателя Александра Волошина. В стихотворении «У памятного дома» есть такие строки – «Был рад Никитич другу-горняку, внимателен к зелёному собрату. Он так умел оттачивать строку, как некогда – сапёрную лопату».

В одном из стихотворений поэт обращается к родному краю – «Прости, мой край! К тебе незванным гостем я заглянул из вологодских мест». Зачем прибыл? Для того чтобы «побыть в тиши на стареньком погосте...» на могиле матери, что была похоронена без него, и попросить у неё прощения. И эти два «прости» сливаются в одно «и до чего ж запутаны истоки! Мне не пробраться сквозь колючий тёрн...» И вновь память отправляет поэта в военную пору – «как памятно для сверстников моих: в голодный год родные опухали, а что могли придумать мы для них?» Думается, что этот горький вопрос занозой сидел в его душе и сердце. Есть у Полунина проникновенное стихотворение «Ходики», в котором показана связь времён через родство сына с отцом или, наоборот, отца с сыном. «Приемлю в жизни радость и беду! Да, мы с отцом – цепи единой звенья... Цепочку дёрну, стрелки подведу – и ход часов услышу на мгновенье». Интересно, как Ивана звали в детстве? Вряд ли обращались: «Ванечка», скорее всего «Ванюха, Ванюся, Ванюра, Ванятка» или «Ваньша». А любимая девушка, жена? Стихов, где поэт обращается к любимому человеку, не так уж и много. «С чем любовь мне сравнить... С родником ли?» – задаёт себе очередной вопрос поэт.

Вопросов в стихах Полунина очень много. Наверное, так он пытался разобраться в себе, в окружающем мире, понять свою человеческую суть. В стихотворении «Думы дымом» написал – «Сквозь годы пройдя солнцелюбом, изведал и нарты, и нары... Стою у мохнатого сруба, такой же обросший и старый». И это – ощущать себя «старым» в сорок два? Скажи сегодня та-

кое сорокалетним – засмеют! В девяностых годах поэт в стихах снова задаёт вопросы согласно происходящим в те времена событиям. Но заключает: «я не дожил до лучших перемен» и «останусь я февральским соловьём».

Татьяна Горохова.

БИОГРАФИЯ ИВАНА ПОЛУНИНА

Родился Иван Стефанович Полунин 13 февраля 1936 года в деревне Бирюковке Большесолдатского района Курской области десятым ребёнком в крестьянской семье. Родители его, Стефан и Прасковья Полунины, были старообрядцами. Стефан Полунин до Первой мировой войны учился в Московской духовной семинарии, с началом войны учёбу пришлось оставить. На фронте попал в австрийский плен, бежал из плена. Прошёл всю Великую Отечественную войну. Вернувшись с фронта, уезжал на заработки в Донецк. На пенсии, став последователем Мичурина, выводил новые сорта яблок, прожил больше 90 лет. Мама была неграмотная, но от природы настолько умна, что за советом к ней приходили из других деревень. Последних двух детей – дочь Надежду (1929 г.р.) и сына Ивана (1936 г.р., по другим источникам – 1933 г.р.) – Прасковья Полунина родила, когда ей было больше сорока лет.

Детство Нади и Вани Полуниных – это детство, опалённое войной: с октября 1941 года по сентябрь 1943 года родная деревня Бирюковка находилась под фашистскими оккупантами. В 1943 году восьмилетний Ваня спас от расстрела свою мать. Прасковья сказала зашедшим в дом фашистам, что яиц и молока нет. Когда один из оккупантов нашёл корову, то другой хотел застрелить женщину. Сын с криком бросился на автомат, и второй солдат уговорил первого не расстреливать мать с сыном.

С 1944 года Ваня учился в Бирюковской начальной школе, затем в Маховоколодезской семилетней школе (село Махов Колодезь Курской области). В феврале 1950 года вступил в ряды Ленинского комсомола. Принимал самое активное участие в комсомольской жизни. В 1954 году Иван Полунин окончил Большесолдатскую среднюю школу. В старших классах занимался в кружке художественной самодеятельности, увлекался живописью, пробовал писать стихи. После школы уехал в Сибирь и поступил в Томский техникум железнодорожного транспорта.

С ноября 1955-го по март 1957 года служил в Советской Армии в авиационном полку Киевского военного округа, редактировал стенгазету.

После увольнения в запас работал зав. Толстолужским сельским клубом Суджанского района Курской области (село Толстый Луг). В августе 1958 года по комсомольской путёвке уехал в Сибирь. Работал землекопом, грузчиком на строительстве посёлка Бактин, вошедшего в черту города Томска. Тогда и создал семью с бывшей однокурсницей по техникуму железнодорожного транспорта Раидой.

С мая 1959-го по июль 1960 года был связистом в Берегаевском леспромхозе Тегульдетского района Томской области (на границе с Красноярским краем, на реке Чулым). По признанию самого поэта, «именно тогда познал прямую связь: «работа – хлеб». Здесь и появились у меня первые серьёзные стихи: «Сосен шум», («Голос древности»), «Таёжная дорога», «Рабочая верность» и другие. Некоторые из них были опубликованы в газете «Курская правда», другие – вошли в коллективный сборник, изданный в 1964 году в Воронеже».

С 1960-го по 1962 год учился в Харьковском строительном техникуме. Посещал литературную студию при Харьковской писательской организации.

С 1962 года учился в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве, жил в общежитии в одной комнате с поэтом Николаем Рубцовым. От студентов-первокурсников читал стихи в Политехническом институте – на юбилейном вечере Литинститута. По семейным обстоятельствам перевёлся на заочное отделение, институт не окончил. В автобиографии И. С. Полунин так обозначил свой неожиданный переезд на Север: «Не знаю, совершил ли я тогда непоправимую ошибку, но в силу восприимчивого характера я задержался под небом угрюмым...».

С августа 1963 г. по июнь 1970 г. работал на Череповецком металлургическом заводе (Вологодская область) – составителем вагонов жездорцеа, слесарем кислородного цеха. С 1965-го по 1969 год заочно учился в Череповецком металлургическом техникуме на отделении ПГС, получил профессию «техник-строитель». Работал мастером-строителем передвижной механизированной колонны. На Севере получил тяжёлую травму, сделавшую его инвалидом. Но и в самые трудные годы жизни, в самых неподходящих условиях продолжал писать стихи. В шестидесятые годы писал рассказы и очерки, однако для Ивана Полунина «поэзия осталась ведущим жанром – моим микроклиматом».

В браке Ивана Стефановича Полунина с Раидой Александровной Полуниной (1934 – 2016) родились сын Александр, затем дочь Люба.

С 1972 года с семьёй переехал в г. Кемерово, где работал мастером, прорабом, старшим инженером по технике безопасности в стройуправлении треста «Кемеровогражданстрой». В 1972 году поступил на заочное отделение филологического факультета Кемеровского государственного университета, который окончил в 1976 году, получив специальность учителя русского языка и литературы. В 1977 году работал литературным сотрудником в газете «Ленинский путь» (г. Топки Кемеровской области). В первой половине 1990-х годов жил в украинском посёлке Червоный Донец Харьковской области, затем возвратился в Кемерово.

Основная часть творческой жизни И. С. Полунина прошла в Сибири. Член Союза писателей СССР с 1989 года, а с 1991 года стал членом Союза писателей России. Автор шести поэтических книг, две из которых изданы в Москве. Второй поэтический сборник «Прилив», вышедший в московском издательстве «Современник» со вступительной статьёй известного советского критика А. И. Михайлова, был в сентябре 1979 года представлен на Второй международной книжной выставке в Москве. Одну из рекомендаций для вступления в Союз писателей СССР Полунину дал поэт и прозаик Роман Александрович Левин. Талант поэта Ивана Полунина оценили московский поэт Анатолий Жигулин, новосибирский поэт Александр Смердов, кузбасский поэт Михаил Небогатов, томский критик-литературовед Александр Казаркин и др. Поэт Владимир Ширяев посвятил Ивану Полунину стихотворение «Февральская свирель» (1982).

Публиковался в журналах «Север» (Петрозаводск), «Звезда» (Ленинград), «Советский воин» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), в московских альманахах «Поэзия» и «Истоки». Участвовал во многих кемеровских коллективных сборниках: «Дыхание земли родимой» (1979); «Дороже серебра и золота» (1994); «Пять стихотворений о любви» (1998); «На родине моей выпали снега» (1998); «Писатели Кузбасса: хрестоматия. Проза, поэзия» (2007); «Русская сибирская поэзия. Антология. XX век» (2008); «День поэзии: Фёдоровские чтения в Марьевке» (2008); «Поэзия Кузбасса: XX – XXI век. Поэты 70-80-х. Том 3» (2014); «Паровоз – пятьсот колёс: Антология стихов для детей» (2017).

Во второй половине 1990-х годов приехал в Дом творчества пгт. Ижморский, чтобы послушать участников детского районного литературного конкурса «Поэт года», и подарил юным поэтам свою книгу стихов «Зёрна верности» (1993). В последние годы Иван Стефанович Полунин с женой и дочерью жил в д. Дедюево Топкинского района Кемеровской области. Умер 29 августа 2017 года, был похоронен на сельском кладбище д. Дедюево. Сейчас в д. Дедюево живёт дочь поэта Любовь Ивановна Климберг.

Книги Ивана Стефановича Полунина:

Февральская свирель: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1977. – 112 с.

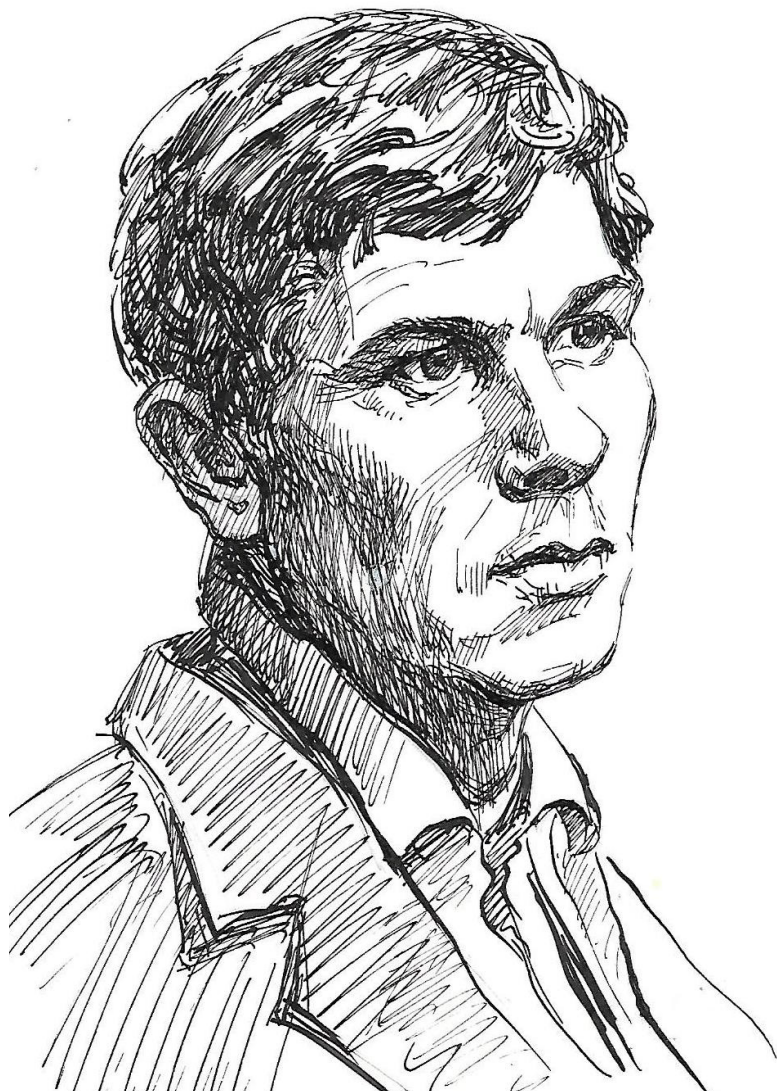
Прилив: стихи / Предисл. Ал. Михайлова. – Москва: Современник, 1979. – 78 с.; портр.

Таёжный туесок: стихи. – Москва: Советский писатель, 1983. – 80 с.

Полоса зимы: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1991. – 62 с., ил.

Зёрна верности: стихотворения. – Кемерово: Сибирский родник, 1993. – 64 с.

Избранное: стихи. – Кемерово: Сибирский родник, 1996. – 248 с.

Владимир Тимофеевич Поташов

3 апреля 1941 г., Псков – 26 апреля 1979 г., Кемерово.

Поэт.

***

Средь земляничника весёлого,
Что выбегает на межу,
Я запрокидываю голову
И так недвижимо лежу.

Пленённый звуками и красками...
Чего ещё-то мне желать –
Лежать вот так под небом ласковым
И стебель солнечный жевать.

И с простотою первородною
Среди хлебов и облаков,
Наедине с самой природою
Мечтать и думать высоко.

(«Наш современник». 1969. № 7)

***

Колода дров. В росе, в озоне.
Берёста что твоя слюда.
И только плюнешь на ладони,
Да гукнешь, и держись тогда.

Летят поленья полукругом,
И хмель берёт не от вина,
Когда натянуто, упруго
Катает мускулы спина.

И глаз остёр, и мускулиста
В прожилках крепкая рука,
Топор играючи, со свистом
Как всадишь в сердце чурбака.

Поленья брызгают смолою...
И не нарадуется мать,
И не нахвалится тобою,
Придя к обеду приглашать.

И вовсе не устанешь вроде,
Хотя и нажил волдыри,
В охотку ведь, в такой работе
Есть сладость, что ни говори.

(«Огни Кузбасса».1972. № 3)

ЗЕМЛЕ

Земля, любимая до боли,
Как вежи, врезались, востры,
В мою судьбу, в мои мозоли,
Твоё картофельное поле,
Твои кострища и костры.

Ты разметнулась – не истопать,
Слезой людской не оросить.
Ужели я мастак лишь лопать
Да милостей твоих просить?

Пусть тяжело от злых правдишек,
Что бьют с ухмылакою поддых, –

В тебе ж ниспосланная свыше
Одна, святая из святых,

Что с буквы пишется заглавной
И так глядит, что свет не мил,
С пятиконечных звёзд кровавых
По изголовьям могил.

Беру ту Правду за основу
Всего, что мне предложит рок,
Пушкой суровым будет слово
И трудным будет мой кусок.

Поверь, земля, пока живётся,
Покуда твой топчу песок,
Моя стезя не повернётся
Твоей судьбе наискосок.

Мне рук не мыть в крови лебязьей,
Мне колос разминать в горсти
И на краю могилы влажной
Сказать последнее прости,

И душу живу и повинну
И тяжкую свою любовь –
Они твои от крови кровь –
Сложить к ногам, как должно сыну.

(«Огни Кузбасса». 1973. № 3)

***

Щербачёво. Такое место,
От черёмух трава в снегу.

Я такое, признаюсь честно,
Даже выразить не могу.

Голубое начало лета,
Ни гармоний и ни краёв,
От рассвета и до рассвета
Сумасшествие соловьёв.

Здравствуй, гдовская деревенька!
Здравствуй, хата с трубою вкось!
Мне с таким накалом давненько
Не любилося и не жилось.

Не бродилось по гулким рощам,
Не дышалось вот так легко.
Эти утра на милой Гдовщине
Как студёное молоко.

Оттого мне, видать, и не спится.
Встану с солнцем – иду в поля.
Ведь земля для меня – земляца,
И пустырь для меня – земля.

Неогрею восторгом грубым.
Не пролью безутешных слёз.
Знают руки и помнят губы
Землю эту, где жил и рос.

(«По небу птичья кинопись», 1981)

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

В душе затеплится огонь,
Коль в груди ржавого металла
Вдруг натывается ладонь
На лемех древнего орала.

И если конь, пройдя межой,
Случайно вывернет копытом
Сердечко, тронутое ржой –
Серпа овал полузабытый.

Орудия былой страды...
Витай, душа, в любви вселенской,
Но помни, помни сладкий дым
Из нашей кузни деревенской.

Она и по сей день стоит,
Та завалюха, а когда-то,
Когда-то Миша-инвалид
Работал здесь в пятидесятых.

И я любил в былые дни
Порог топтать, глазами лупить, –
Мальчишку хлебом не корми,
Ему железку дай пощупать.

А слушать чёткий перезвон?..
Сравнимо ль что с тем чудным звоном?
Вот солнце падает за склон,
Как оковалок раскалённый...

Хоть лоб крести на благовест, –
Молитвен дым из кузни чёрной,
Вот в чёрном фартуке Гефест
Огонь помешивает в горне.

Вот око щурит на металл,
От жара заслонясь рукою...
Ух, как он молотом играл, –
Сегодня встретишь ли такое?!

Деревья гривами прядут,
Закат дымит, как хлеб ядрёный,
Ведёт симфонию труду
Инструментарий немудрёный.

И где начало, где конец
У песни той – убей, не знаю, –
Киянки звонок бубенец,
Кувалда вторит вечевая...

И песне плыть, и сердцу млеть,
Ракитам плакать в сумрак летний,
А что ещё-то, что, ответь,
Для сердца русского приветней?

(«По небу птичья клинопись», 1981)

***

Крутояр. Берёзы. Поле.
Хлеба зреющего вяль.
И глазам такая воля –
Без конца и края даль.

Медоносом млеют травы.
Трелей, звонов – несть числа.
Веселись себе на славу
И букаха и пчела ...

Зачарован, озадачен,
Встанешь вдруг – трава по груди –
Кто я есть и что я значу
В этом празднестве и гуде?

Почему во мне извечны
Невозможные вопросы:
Ты о чём куёшь, кузнечик?
Ты о чём шумишь, берёза?

***

Дорога через жито,
И чибисовый лёт.
А вон стоит ракета
И словно слёзы льёт.

И я на поле этом,
С мокринкою у глаз:
Всё пето-перепето,
А будто в первый раз.

И так рыдать хотелось,
Да вот не привелось,
Но плакалось, но пелось,
И родиной звалось.

***

У ручейка напиться из горсти,
Поднять на память веточку брусничную,
И по посёлку хвойному брести,
По кукованью и по пенью птичьему.

А ты с подобным чудом не знаком.
Не для тебя вечерний звон малиновый,
Ты в этот мир пришёл с дробовиком,
А мог прийти и с прутиком талиновым.

***

Прибежала солнечная тучка,
Проплясала дождиком зелёным.
Словно кто-то светлым молоточком
Отстучал по струнам ксилофонным.

Пролилась. А может, показалось.
Так и ты, как светлая загадка.
Прыснула в ладошку, рассмеялась.
Растворилась в небе без остатка.

***

По небу птичья клинопись,
Земля с теплом рассталась.
Все птицы к югу двинулись,
Немногие остались.

И с ними сад заохренный
И дождик этот редкий...
И вот сидит нахохленный
Воробышек на ветке.

И холода не пройдены...
И косточки б погреть...
И некуда от родины
Единственной лететь.

1978 год («По небу птичья клинопись», 1981)

***

И приветливость во взгляде,
И следы былой красоты,
И подзорник на кровати,
И стенные бьют часы.

Всё стучат себе, как будто
Не коснулось время их.
Умиляешься уютом
Тех годов сороковых:

И голубенькие шторы,
И погорбленный комод,
И картина, на которой
Лебедь белая плывёт.

На стене портрет солдата –
Отливает чуб смольём.
«Собиралась жить богато
За военным королём.

Молода была, красива.
Не моя, видать, вина –
Собиралась жить счастливо,
Собиралась, да война ...

Говорят: мол, жизнь не птица,
А мелькнула, как во сне... »
Нервно дёргаются спицы,
Рвётся нитка мулине.

И на всём печать покоя:
Стены, старенький комод...
И сквозь всё пережитое
Лебедь белая плывёт.

РОССИЯ

Одним – камелёк для покоя,
Другому – кипенье огня.
Но что нас равняет такое,
Тебя, и его, и меня?

Какая высокая птица
Подхватит, закружит, умчит:
И тех, кто лучиной лучится,
И тех, кто пожаром горит.

И тех, не поросших травюю,
А с нимбом, обвившим чело,
Студило крыло снеговое,
Твоё роковое крыло.

Года протекут чередую,
Замкнутся извечным кольцом.
Я был. Я брался с бедою.
Я вечным остался птенцом.

И ветры мне лоб остужали,
 И пеплом ладони ожгло.
 И ты – вся о вечном начале
 Вскормить и поднять на крыло.

***

Облака проплывали, и я говорил: «Облака ...»
 И деревья росли, и туманы по лугу бродили,
 И красивые птицы прилетали издалека,
 И красивые женщины мимо меня проходили,

И дожди свои вожжи протягивали – владей!..
 И пока я беспечно лучшие годы растрчивал,
 Кто-то незримый, творец, инженер, чародей,
 В мире этом свои рычаги поворачивал.

Я дубы корчевал, я скалы в щебёнку дробил,
 Я оратаем был, и ваятелем был, и воителем,
 Только отчую землю, видимо, странной любовью
 любил,
 Потому как по ней, по родимой, прошёл
 победителем.

И вот снова птицы прилетели издалека,
 И чистые, как слёзы прозрения,
 Облака проплыли, и я сказал: «Облака ...»
 И деревья вытянулись, стройные на удивление,

И лето запаливает свои костры, –
 Слышишь, играет весёлая волынка?
 А я ухожу, это я ухожу, смотри,
 Улыбающийся и жующий травинку.

1979 год («По небу птичья клинопись», 1981)

ПСКОВЩИНА

От посадской стремнины за Гельдтову баню
До стены крепостной –
заповедная Русь.

Уголок старины.
Молчаливые камни,
Невозможные чувства, заветная грусть.
Сколько скажется здесь потаённого, отчего...
Осыпается бой со стены плитняка,
Осыпается труд безымянного зодчего –
Лебединая песнь из того далека.
Уголок старины – уходящее прошлое...
Типовые дома обступают окрест...
Завивает июль тополиной порошею.
Улетают птенцы из родительских мест.

Беспощадное время –

Не сыщешь защиты:
Где купецкие барки несли якоря,
Белобрысый пацан с независимым видом
Деловито снимает с лесы пескаря.
«Измельчала, – ты скажешь, – Пскова,
Измельчала!»
С пониманием горьким с тобой соглашусь,
Только здесь оно бьёт, ключевое начало,
Сизокрылая мечется горлица – Русь!
Сторона моя горькая,
Мать опальная,
Всё приемлю, что есть
И что было когда-то:
Колыбельную песню, и речь повивальную,
И призывную медь вечаевого набата!

Ведь я русский
и духом, и плотью, и кровью –
Я рождён на Руси и по-русски крещён,
И твоим молоком,
И твоею любовью,
И в твоей колыбели вспоён и взращён!
И молитвы и тайны твои исповедую –
Твою добрую землю и гулкую высь,
Потому как люблю эту явь заповедную!
Потому как люблю,
благодарствую, жизнь!

(«По небу птичья клинопись», 1981)

***

На бабьем лете, в царстве паутин,
Гуляка-ветер вдоволь надурочится.
Косынки посрывает у осин,
Позадирает ситцевые платица.

Перед ольхой-дурёхой озорник
Куражится, а ей, ольхе, в диковину.
И так охальник сладок на язык, –
Глядишь, и сбил ольховую окалину.

И наглостью такой поражены,
Тряхнут листвою берёзоньки несмелые.
И вот уже стоят обнажены,
Коленками подрагивая белыми.

А там уже рекой идёт шуга,
А там метель загуливает, пьяница.

И лишь одна рябинушка строга,
С монистами ряными не расстанется.

А снеговой куржавится, метёт,
И горько на юру стоять-печалиться.
Но только она всё перенесёт
И песенному витязю достанется.

(«По небу птичья клинопись», 1981)

ПОЭТ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ

Владимир Тимофеевич Поташов – поэт трагической судьбы. Трагических судеб в отечественной литературе немало. Жизненные трагедии поэтов имеют как общие, так и сугубо индивидуальные черты. Общие – отсутствие возможности передать людям свой дар в полном объёме. Индивидуальные – причины этой невозможности: смерть поэтов в ежовских застенках (Павел Васильев, Борис Корнилов), гибель на войне (Павел Коган, Михаил Кульчицкий), смерть в расцвете таланта и славы от беспредельного хрущёвского невежества (Борис Пастернак). Но все эти поэты успели взять от жизни много. Особенно Пастернак. Его прижизненная слава была невероятна, его любил Сталин. Корнилов и Васильев в тридцатые годы были знаменитыми советскими поэтами, публиковавшимися в лучших всесоюзных журналах и газетах. Даже совсем юные Кульчицкий и Коган, по возрасту сопоставимые с нашими Буравлёвым и Небогатовым, перед войной успели почувствовать себя настоящими поэтами, которых ждёт большое будущее, поскольку учились в Литинституте имени Горького, в семинаре Ильи Сельвинского. А есть поэты, которых как бы изначально никто, ничто, нигде не ждёт. И никакое будущее им не светит. Трагедии этих поэтов куда огромнее и страшнее, чем трагедии названных выше. Главная особенность трагедии поэтов, которых «не ждут», – ощущение наличия в себе двух взаимоисключающих вещей – сильного поэтического дара и подавляющей безысходности, сквозь которую этому дару невозможно пробиться. Невозможно. Но Поташов пробился. Хотя и не ждали. Да и кому было ждать? Родился в 1941 году

в Пскове, отец погиб в Великую Отечественную. Володя с матерью оказался в фашистском концлагере. После войны мать погибла в автокатастрофе. Детство – в детском доме. Затем – ремесленное училище в Ленинграде, служба на Северном флоте, работа грузчиком, электриком, бригадиром монтеров связи, начальником радиостанции, и... опять «не ждали», точнее ждали, но не там, где надо бы, а в местах, как определяет их адрес народное словосочетание, – не столь отдалённых. Выйдя из этих мест, оказался в Кемерове. И вроде бы вот оно – ждут: в 1972 году на Советании молодых литераторов признали поэтом. И констатировали: книга почти готова. Но она не вышла. А Поташов продолжал писать стихи и хранил их, как Велимир Хлебников, в наволочке.

Следующее, не скажу, какое по счёту, признание Поташов получил на Советании молодых литераторов Кузбасса в 1979 году. Это я хорошо знаю и помню. Потому что и моя рукопись рассматривалась на этом советании. Руководил поэтическим семинаром советания Игорь Киселёв. Положительный отзыв семинара получили рукописи Владимира Поташова, Валерия Ковшова, Игоря Гурьянова и моя. Это общее признание сдружило меня со всеми, кого перечислил выше. С Гурьяновым я общался, с Ковшовым очень плотно общался, с Поташовым переписывался до тех пор, пока не пришла от его друга Бориса Смердина телеграмма: «Умер Поташов» и дата похорон. Естественно, я собрался и поехал. И всё же Поташов пробился. После смерти. Сквозь смерть. Пробился. Его книга «По небу птичья кинопись» вышла в 1981 году. И сразу же вывела Поташова в первый ряд русской поэзии, где сегодня стоят имена Николая Рубцова, Алексея Прасолова, Аркадия Кутилова и других, которых тоже не ждали. Но они пришли и сказали. Чисто, светло, сильно, пронзительно, незабываемо:

*И холода не пройдены...
И косточки б погреть...
И некуда от родины
Единственной лететь.*

Иосиф Куралов.

БИОГРАФИЯ ВЛАДИМИРА ПОТАШОВА

Владимир Тимофеевич Поташов родился 3 апреля 1941 года в г. Пскове. Отец, Тимофей Ефимович Поташов, погиб в Великую Отечественную войну. С матерью, Анной Ивановной Поташовой, грудным ребёнком оказался в фашистском концлагере, в 1945 году вернулся в Псков. В 1946 году мать и тётя погибли в автокатастрофе, Володя воспитывался в Ашевском детском доме Беженицкого района Псковской области.

Учился в ремесленном училище в Ленинграде, служил на Северном флоте, на атомной подлодке, награждён знаком «Отличник ВМФ».

Впервые опубликовал стихи в 1961 году во флотской газете. В 1969 году три стихотворения монтера связи издал журнал «Наш современник» (№ 7, июль): «По избам, на стенах заветных...», «Средь земляничника весёлого...», «Просека». Борис Смердин, друг В. Поташова, вспоминал, что тот отправил стихи в Москву А. Т. Твардовскому. Вероятно, Твардовский передал стихотворения молодого поэта из рабочих в редакцию журнала «Наш современник» со своей рекомендацией. Редактором журнала в то время был С. В. Викулов, зам. гл. редактора – В. А. Чалмаев. Журнал вышел 145-тысячным тиражом. Интересно, что в этом же номере была опубликована подборка стихотворений кемеровского поэта Виктора Баянова, с которым Владимир Поташов встретится в 1970-е годы, живя в Кемерово.

Трудное детдомовское детство, одиночество наложили свой отпечаток на дальнейшую судьбу поэта, оказавшегося в Кузбассе с 1970 года. В 1970 и 1975 годах был осуждён по ст. 144. ч.1 УК РСФСР на один и три года, отбывал сроки наказания в УН-1612/40 (г. Кемерово) и УН-1612/37 (п. Яя).

В апреле 1972 года на областном семинаре молодых поэтов Кузбасса представил вполне зрелые стихи, почти готовую книгу. Его творчество высоко оценили поэты И. М. Киселёв, В. М. Матвеев, В. В. Махалов, Н. И. Колмогоров и др. Печатался в литературных журналах «Наш современник» (Москва); «Сибирские огни» (Новосибирск); «День и ночь» (Красноярск); «Литературный Кузбасс» (Кемерово); «Огни Кузбасса» (Кемерово); «Горицвет» (Кемерово); «Университет Культуры» (Кемерово); «После 12» (Кемерово).

Стихотворения Владимира Поташова вошли в кемеровские коллективные поэтические сборники «Дыхание земли родимой» (1979); «Дороже

серебра и золота» (1994); «На Родине моей выпали снега...» (1998); «Писатели Кузбасса: хрестоматия. Проза, поэзия» (2007); «Русская сибирская поэзия. Антология XX век» (2008); «Поэзия Кузбасса: XX – XXI век. Т. 1. Поэты 60 – 70-х» (2015); «Солнцестояние» (2015), «Паровоз – 500 колёс» (2017).

Скончался от туберкулёза 26 апреля 1979 года. Похоронен на Центральном городском кладбище № 1 в г. Кемерово.

Первый сборник стихов, над которым работал сам поэт, был сдан в печать редактором Т. И. Махаловой в 1980 году, вышел в начале 1981 года. Художник Герман Захаров написал портрет «Поэт Владимир Поташов», который впервые был опубликован в четвёртом номере журнала «Огни Кузбасса» за 1981 год.

Поэт Владимир Ширяев, автор стихотворения «Памяти Владимира Поташова», был инициатором учреждения литературных премий имени Геннадия Полицына (проза) и Владимира Поташова (поэзия), которые вручаются воспитанникам детских домов области за стихи, рассказы, повести. Произведения первых конкурсантов из Кемерово, Новокузнецка, Юрги, Берёзовского были опубликованы в альманахе «Горицвет» в 2001 году.

В 2015 году, 28 апреля, в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова состоялся литературный вечер памяти поэта Владимира Поташова. С воспоминаниями о поэте выступили Борис Трофимович Смердин, преподаватель КузГТУ, близкий друг В. Поташова, поэты Иосиф Куралов, Сергей Донбай, Александр Катков и др. Стихотворения Владимира Поташова читали члены литературной студии «Родники Сибири», учащиеся из СОШ № 54 г. Кемерово (руководитель В. А. Громова).

Книги Владимира Тимофеевича Поташова:

По небу птичьья клинопись... : Стихотворения. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1981. – 143 с., порт.

Кувешка: Стихотворения. – Кемерово: Сибирский родник, 1995. – 84 с.

Тамара Ильинична Рубцова

11 января 1954 г., п. Смежный, Кемеровская область –

10 сентября 2009 г., г. Юрга.

Поэт. Член Союза писателей России (2000).

Почётный гражданин Юрги (2011).

***

На окраине Юрги,
В этом царстве деревянном,
Были девушки строги,
Как царевны Несмеяны.
Были улицы глухи
К лаю братии собачьей.
Табунились женихи
В выходной у водокачки.
В моде был большой начёс,
Юбки мини, только мини.
А о бедности вопрос
Не был даже и в помине.
Я окраину люблю
С деревянными домами.
Печку русскую топлю,
Приезжая в гости к маме.
Пол, как в юности, протру,
Приготоваю одеяло,
Не забыв, что печь к утру
Прежде быстро остывала.

(«Я знаю, что так не бывает», 1990)

***

Накормлю щенка ничейного,
Пусть живёт в моём доме.
Одиночества семейного
Не желаю никому.
А щенок скулит, кусается,
Тащит в комнату башмак.
Стул грызёт и в лай пускается,

И не слушает никак.
И подумалось нелепо:
Мне б кутёнком обернуться,
Чтоб бездумно, глупо, слепо
Носом в свитер твой уткнуться.

1970-е годы («Я знаю, что так не бывает», 1990)

ОЧЕРЕДЬ

Было шумно в очереди длинной.
– Не пускать! – неслоь на все лады.
Люди покупали апельсины,
Желтые заморские плоды.
Очередь взволнованно шумела:
– Молодой ещё! Пускай стоит!
– Инвалид? А мне какое дело?
– Апельсины есть не инвалид!
...И за криком мало кто услышал,
Как, пройдя сквозь бранные слова,
Женщина из очереди вышла
И сказала тихо: «Ты вставай.
И не спорь со мною, что не встанешь.
Ты постой. Послушай, погоди...
Сын мой – он погиб в Афганистане.
Орден твой – оттуда? – на груди?..»
Кто-то шикнул, споры унимая.
И народ прислушался, примолк.
На себя обиду принимая,
Мать сказала:
«Ты прости, сынок...»
Видя, как они вдвоём уходят,

Начиная что-то понимать,
Кто-то крикнул:
«Очередь подходит.
Пусть он купит.
Успокойся, мать!».
Было мирным солнце в небе синем.
Никакой не ведая беды,
Люди покупали апельсины,
Жёлтые заморские плоды.

(«Я знаю, что так не бывает», 1990)

***

Можжевательник, сизый от росы,
На ладони нежностью исходит.
В небе справедливости Весы
Равновесье медленно находят.
Стынут звезды ясные Стожар.
Может быть, они меня научат,
Как пройти по лезвию ножа,
Близкого и дальнего не муча.
Как подняться выше всех обид,
Вечность жизни ощутив счастливо,
Боже, научи меня любить
Радостно, светло и справедливо.

(«Планета снов», 1994)

***

Когда меня не станет,
Не верьте, что умру.

Я просто перестану
Встречаться поутру.

Строкою отдаляясь,
Я повторяюсь вновь,
И всех благословляю
На жизнь и на любовь.

1980-е годы («Не бывает последней строки», 2004)

ДОМОВОЙ

Земля и небо проданы,
И, кров утратя свой,
Уселся под смородиной
Российский домовой.
О наше безразличие
Он все избил бока.
Сидит, свистит по-птичьему
И смотрит в облака.
Малинника колючего
Он веточку припас,
И взял росу горючую
С собою про запас.
Он сто сапог изнашивал,
Всё исходил повдоль,
У сердца сеял нашего
Малиновую боль.
Над лесом встав на цыпочки,
Качая головой,
Смородинову скрипочку
Издадил домовой.

Малина да смородина -
Чего уж горевать:
В лесу, зато на родине,
Придется зимовать.
Скрипят, скрипят уключины
По северной реке,
Он новый дом колючкою
Рисует на песке.
И вдаль глядит как скованный,
Не видя прока в том,
Что снова нарисованы
И Родина, и дом.

1999 («Не бывает последней строки», 2004)

***

Поколение Каинов,
Судеб нераскаянных,
Сонмы злобой пышущих
И доносы пишущих.
А потом, как следствие,
Без суда и следствия –
Безымянные холмы.
Чьи мы внуки? Чьи же мы?
Тех – от злобы пышущих,
Тех – доносы пишущих,
Тех – страдавших без вины?
Мы – отчаянья сыны.
Нет ни зла, ни жажды мщенья,
Только в сердце боль одна.
И, вставая на колени,
За тебя молю, страна:
«Хватит спорить, хватит рушить,

И ломать народ Руси.
О Господь, России душу
Для спасенья воскреси.
Я молю тебя, Всевышний,
Крылья духа распрями,
И, молитву эту слыша,
Покаяние прими.
За души безымянные
Прошу с печальной песнею:
«Даруй им покаяние,
И Царствие Небесное».
Душа слезой истаяла,
Но нету жажды мщенья.
Я дочь того, кто Каином
Был отдан на мучение.
Отцу – Сиблаг без милости,
Убийства, нары, грязь,
И жажда справедливости,
И горечи напасть.
Но я на суд Всевышнего
Иду, неся прошение:
«Господь, прости обидчикам
Отцовским прегрешение».
Иду тропинкой узкою.
Лежит земля в крови.
О Боже, душу русскую
В потомках оживи!

1994 – 1998 (*«Не бывает последней строки»*, 2004)

***

Бесприютно и бездонно.
И к обители бездомной
Под названьем «детский дом»
Привыкаю я с трудом.

Дети прячут под подушки
Все нехитрые «добрушки»
Там шнурок. Остатки жвачек.
И кусочек хлеба прячут.

И под эту же подушку
Прячут слёзы, прячут душу.
...Ночь. Все спят. Я всхлипы слышу.
Тихо-тихо. Выше крыши.

Мне тревожно. Больно. Душно.
И на мокрую подушку
Молча я кладу конфету,
Чтоб печаль утешить эту.

Тихий-тихий услышала
Шёпот из-под одеяла,
Из глубин – глубоких самых –
Голос тоненький дрожит:

«Восемь лет осталось маме
Быть в тюрьме. А мне здесь жить».
Тихо-тихо. Выше крыши
Плачу:

«Господи, услыши...»

1999 – 2000 год («Не бывает последней строки», 2004)

***

Я исчезаю, исчезаю
И светлой тенью становлюсь,
Я по щеке теку слезами,
Дождями по дорогам льюсь.
А тем, кто слышит, тем, кто видит,
Я открываюсь в тишине,
И тонут старые обиды
В моей безмерной глубине.

1999 – 2000 (*«Не бывает последней строки»*, 2004)

***

Я была тогда маленькой-маленькой,
Был мне спальнею лагерный мрак.
Муза в старой фуфайке и валенках
Приходила в холодный барак.
Все её предсказания исполнились –
Словно вижу, с мороза вошла,
И полкомнаты тёмной заполнили
Белизны необычной крыла.
Их она надо мной распростёрла,
Обнажая глубины души,
Всё плохое из памяти стёрла,
И сказала тихонько: «Пиши».
И барак твой дворцом обернётся.
Будет жизнь и легка, и светла,
И сказала ещё, что вернётся,
И молитву на память дала.

2006 год (*«В золотой колыбели у Бога»*, 2008)

***

Всё, что было, уйдёт,
Будет миг у судьбы на излёте.
И замру, словно птица, над белой землёю паря,
И звезда упадёт.
И увижу в прощальном полёте –
Без меня зажигается нового утра заря.
Но навеки со мной
Ожидание светлого чуда,
Память росной травы,
По которой бреду босиком,
Цвет черёмух весной,
Что тревогами юности будит,
И улыбка ребёнка,
И ваша рука с васильком.
И взмолюсь всей душой:
«Дай всем, Господи, мира и света,
Всех живущих любовью твоей и теплом одари.
Чтобы всем хорошо было жить на спокойной планете,
И без страха смотреть на весёлые краски зари.
Боже, благослови
Матерей и детей в колыбели,
Одиноких утешь и болящим спасением будь.
Словом вечной любви
Уврачай им страдания в теле,
А неверящих в Слово прости и настави на путь».
И вольётся в меня нерастраченной нежности пламя,
И рванусь я навстречу страданьям и песне людской.
Словно искры огня, я на миг промелькну между вами,
Чтоб вернуться обратно, где ждут тишина и покой.

(«В золотой колыбели у Бога», 2008)

ПРАВОСЛАВНЫЙ КУЗБАСС

Восходит к небу звон колоколов,
И над Кузбассом радугой лучистой
Взметнулись в храмах выше куполов
Молитвы к Богородице Пречистой

И мученики молятся о нас, –
Плывут молитвы над родным простором.
Укроет Богородица Кузбасс
От всяких зол Пречистым омофором

Трудящихся, Господь, благослови,
Шахтёров от любой беды храни.
Не отними от нас Твоей любви,
И благодатной силой осени.

Пусть будет наша жизнь неповторима,
Как каждый устремлённый к небу Храм.
И благодать сойдёт в Кузбасс незримо,
В трудах усердных помогая нам

К Тебе летят прошения наши, Боже:
Руки Твоей от нас не убирай,
Любовь, и мир, и здравие умножи,
Духовно окорми Кузнецкий край.

2009 г.

ТАМАРА РУБЦОВА В ПОИСКАХ ВЫСШЕЙ ИСТИНЫ

Юргинская поэтесса Тамара Рубцова, автор пяти поэтических книг, стихи начала писать в школьные годы. Первый стих Тамары, написанный в восемь лет, про то, что «нет войны, кругом всё тихо, в ручейке шумит вода. Воробей и воробьях копошатся у пруда» получил беспспорное папино одобрение. Отец-фронтовик Илья Старосветов любил поэзию, читал наизусть много стихов Есенина, Лермонтова, Пушкина. «Мы читали стихи каждый день, таким образом, поэзия становилась неотъемлемой частью нашей жизни», – вспоминала позднее Тамара Рубцова.

Первая публикация двенадцатилетней ученицы средней школы № 1 Тамары Старосветовой появилась в 1966 году на страницах юргинской городской газеты «Свет Ильича», а в 1974 году второй номер журнала «Огни Кузбасса» представил кузбасским читателям стихотворение двадцатилетней студентки филофака Кемеровского госуниверситета «А я сама к тебе пришла ...».

В 1970-е годы Тамара Рубцова вместе с Евгением Винокуровым, Петром Бугаевым участвовала в работе литературного объединения «Зелёная лампа». Молодые юргинские поэты слушали стихи Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Георгия Иванова. Со своими стихами они выступали на вечерах поэзии в школах, в редакции газеты, в Доме культуры «Победа». В 1980-е годы Тамара Рубцова была участником областной литературной студии «Притомье».

С 1987 года Тамара Рубцова основала и двадцать лет руководила литературной студией «Свеча» в Юрге. При детской студии издавались сборники детской поэзии («Семиветрие», «Пожалей всех птиц влюблённых») и газета «Ниоткуда с любовью». Воспитанницы студии «Свеча» Наталья Поляченкова и Наталья Сенн стали членами Союза писателей России. Тамара Ильинична Рубцова учила своих литературных воспитанников чувствовать, как дышат звёзды, как плачет дерево, учила видеть мир сердцем: «Умей в молчанье мир услышать, лови прекрасное мгновенье». Давала мудрые советы: «Каждый приходит на землю не зря, живите, других теплою даря». Тамара Рубцова так сформулировала свою концепцию воспитания в «педагогической» поэме-трактате «Аз есмь и я люблю» (2001):

*Всех любить, как нам Христос
Вдохновенно завещал,
И прощать, как Он прощал.*

Стихи стали главным делом её жизни. Написала их Тамара Рубцова не так уж и много, но в каждом чувствуется и мощь русского слова, и боль за утраченные традиции, и удивительно искренний диалог с Богом.

Важнейшая тема творчества Тамары Рубцовой – духовно-нравственное воспитание детей. Юргинские нравы 1970-х годов опозитизированы ей в стихотворении «На окраине Юрги...» (1974). В стихотворении «Привокзалье» (1989) воспеты бабушки, кузбасские Арины Родионовны, которые «уму и добру учили без выбора всю детвору». Сколько тёплых, благодарных слов в стихотворениях Тамары Рубцовой о своих родных! О бабушке Татьяне, что читать научила, о бабе Кате, что от слеза лечила. От бабушек – умение находить лечебные травы. «Мне ваши лица иконостасом», – напишет она, повзрослев.... И ещё, о бабушке Татьяне по материнской линии: «Научи меня молиться, чтоб, уйдя от суеты, я могла с природой слиться, как умела это ты». Вот откуда это стремление к познанию Бога в жизни и творчестве юргинской поэтессы-педагога. От родных корней, от православных бабушек.

Исповедальная лирика Тамары Рубцовой отличается высокой духовностью. Ей трудно подражать, она очень индивидуальна и поистине «Веленью Божию» послушна, даже в тех стихах, где говорит о себе, своих родных, о войне и любви, где поднимает нравственные, патриотические, исторические и философские проблемы.

В творчестве поэтессы преобладала православно-религиозная тематика. Высокий нравственный посыл звучит в стихотворениях Рубцовой советского времени («Накормлю щенка ничейного...») и духовных стихах рубежа XX-XXI веков: «Молясь утрами обо всех скорбящих...», «Вся Россия – как Спас на крови...», «Никто из нас не одинок...», «С любовью смотрит Бог на мирозданье...», «В золотой колыбели у Бога...».

Тамара Рубцова считала, что примеры высокой духовно-нравственной жизни даны нам русскими поэтами. Об этом её стихотворение «Если бы Пушкин Дантеса убил...» (1999) с финальными строками: «А где-то душа ликовала у неба, что Пушкин убийцею всё-таки не был». Брошюра «Плещаница», изданная в 1993 году на деньги автора, на дешёвенькой бумаге, – книжка необычная. Это стихо-проза – рассказ о пути поэта к Богу, о духовном перерождении, подобно пушкинскому «Пророку». В книге стихотворений «Планета снов» Тамара Рубцова пишет о духовном своём рождении, когда «страданье – души созиданье», когда

*... радость с болью сольётся контрастно,
Предвещая души Рождество.
Только небо и ты, и пространство –
С миром горним земное родство.*

Стихи Тамары Рубцовой – молитва о России, о судьбе её народа, о детях-сиротах. Боль за современную Россию и надежда на выбор народом духовного пути звучит в стихотворении «Среди жаргона молодёжного...». Особая тема в лирике Рубцовой – сострадание детям, попавшим в детский дом: «Сиротство» (1993), «В детском доме», «Бесприютно и бездонно...» (2000).

Тамара Рубцова в своих стихах осмысливает страницы русской истории: сталинский ГУЛАГ, войны в Афганистане и Чечне. Поколение тридцатых-пятидесятых годов двадцатого века Рубцова назвала «поколением Каинов», тогда дети отказывались от своих отцов, тогда брат предавал брата, опасаясь статьи за недоносительство... Поэтесса, обращаясь к Господу, просит спасти душу России, принять покаяние: «Я – дочь того, кто Каином был отдан на мучение». И хоть «заросла травой постель без вины расстрелянных», Тамара Рубцова просит Господа простить обидчиков её отца.

В её лирических строчках – отрицание войны, милосердие к искалеченным воинам и уважение к их подвигу. В стихотворении «Очередь» – равнодушие, эгоизм толпы к инвалиду Афганской войны. А какие пронзительные строки созданы ею о Чечне:

*Я знаю: это Божья воля,
Но нету сил не корчиться от боли
И знать, что слово горькое «Чечня»
И днём и ночью целится в меня!*

По воспоминаниям Анастасии Николаевны Томьшевой, Тамара Рубцова рассказала детям-сиротам о том, что трое юргинцев пропали без вести в чеченских горах... И дети согласились помолиться за них вместе со своей наставницей. Детская молитва совершила чудо: спасла солдат. Их, раненых, на другой день нашли в горах. У Бога она училась любить, считала, что «выше любви ничего нет».

*Доброта – извечное лекарство,
И лишь любовь прекрасней доброты.*

Образ лирической героини в стихотворениях Рубцовой – это образ праведника, в этом убеждают нас стихи, книга «Плещаница» и сама её жизнь. Но как же труден путь праведницы!.. Очень скупо он обрисован в её поэзии:

*Я обрела себя в страданиях,
Частями сердце собрала...*

Стихи Тамары Рубцовой подкупают своей сердечностью, искренностью, добротой и любовью к человеку, к Родине, к русской природе. В стихотворении «Можжевельник, сизый от росы...» лирическая героиня находится в поисках высшей Истины, она старается «подняться выше всех обид, вечность жизни ощутив счастливо». Ей найден верный путь, чтобы научиться любить «радостно, светло и справедливо».

Немало стихов Тамары Рубцовой посвящено философским раздумьям о жизни и смерти: «Я уйду к исходу сентября...», «Когда меня не станет...», «Я исчезаю, исчезаю...», «Всё, что было, уйдёт...» «Смерти нет – это радости тонкое жало...», «Я начинаю что-то понимать...». Важное место в творчестве Рубцовой занимают стихотворения-размышления о слове и творчестве:

*Земные люди ведают едва
О том, что небо светлое – живое,
И все произнесённые слова,
Как тьма и свет, летят над головою...*

Хранитель и продолжатель классических традиций в литературе, Тамара Ильинична Рубцова трепетно и бережно относилась к Слову. Не считала для себя возможным словом унижить и оскорбить человека. Умела не ответить обидой на обиду, прощать. Для нас она оставила свои книги – мощные и самобытные, искренние и честные. В 2009 году она написала текст гимна «Православный Кузбасс» (музыка Константина Туева). Это молитва Тамары Рубцовой о родном крае:

*К Тебе летят прошенья наши, Боже.
Руки Твоей от нас не убирай,
Любовь и мир, и здравие умножи,
Духовно окорми Кузнецкий край.*

Галина Карпова.

БИОГРАФИЯ ТАМАРЫ РУБЦОВОЙ

Тамара Ильинична Рубцова (урождённая Старосветова) родилась 11 января 1954 года (по документам – 15 июня) в посёлке ссыльных переселенцев Смежный Ижморского района Кемеровской области. Её отец, Илья Андреевич Старосветов (1922 г. р., с. Знаменка, Славгородский район Алтайского края; родовая фамилия Старосвит), фронтовик, танкист, воевал в Румынии, Венгрии, был ранен и контужен. Мужественный человек, сумел выйти из окружения. После демобилизации он отказался стать доносчиком-осведомителем, был отправлен с пакетом в Москву. Как потом оказалось, он вёз на себя «компромат», был осуждён по статье 58 пункт 10 за антисоветскую пропаганду и агитацию. Год отсидел в Бутырской тюрьме и был отправлен на 6 лет в Сиблаг (Севкузбаслаг), неподалёку от посёлка Новый Свет Ижморского района (расположен на правом берегу реки Золотой Китат). Заключённые лагпунктов работали на лесоповале, заготавливали и перерабатывали лес, работали на пилораме, шпалорезке, в тарном и столярном цехах. В 1960-е годы посёлок Смежный был ликвидирован в связи с упразднением лагпункта.

Мама Таисия Ивановна Старосветова (Басалаева, из казачьей семьи, 1926 г. р., с. Лебяжье-Асаново Болотнинского района Томского округа) работала телефонисткой, телеграфисткой. Возможно, что их вторая дочь Тамара (мама нарекла её Ириной) родилась в бараке Сиблага, ведь жена поехала в ссылку вслед за мужем. В 1954 году после реабилитации и освобождения И. А. Старосветов с женой и дочками Галей и Ириной переехал на Алтай в посёлок Знаменка, где им было оформлено свидетельство о рождении на вторую дочь от 15 июня 1954 года на имя Тамары Старосветовой. С 1957 года Тамара с родителями и двумя сёстрами – Галей и Верой жила в г. Юрге Кемеровской области.

После окончания 10-го класса поступила на заочное отделение филологического факультета Кемеровского государственного университета, который окончила в 1978 году. Работала библиотекарем в школе № 1, в районной библиотеке, художником на заводе, корреспондентом газеты «Призыв», педагогом и воспитателем в детском доме № 11 г. Юрги.

Главным для Тамары всегда были дети, и не только свои, но и ставшие своими дети-сироты. Она стала настоящей матерью и учителем для десятков юных сердец. Семья Георгия Николаевича и Тамары Ильиничны Руб-

цовых, вырастив сына Костю и дочь Таню, удочерила девочку из детского дома – Катю Франк.

В первом номере журнала «Семья и школа» за 2005 год были опубликованы 12 рассказов-миниатюр Тамары Рубцовой из жизни сирот детского дома. Записки воспитателя детского дома Т. И. Рубцовой прочла и высоко оценила Людмила Петрушевская. В декабре 2005 года она прислала автору письмо-телеграмму и две тысячи рублей на издание газеты «Ниоткуда с любовью».

Тамара Рубцова – автор пяти прижизненных книг: «Я знаю, что так не бывает» (Кемерово, 1990), «Плащаница» (Юрга, 1993), «Планета снов» (Кемерово, 1994), «Не бывает последней строки» (Юрга, 2004), «В золотой колыбели у Бога» (Кемерово, 2008).

Стихи Т. И. Рубцовой публиковались в журналах «Смена», «Москва», «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс», в коллективных сборниках кузбасских поэтов «Дороже серебра и золота», «На Родине моей выпали снега», «Площадь Пушкина», «Мы – Притомье», «Собор стихов», «Русская сибирская поэзия. Антология XX век» и др.

Духовные поиски привели Тамару Рубцову к участию в Рериховских чтениях на Урале, в районе озера Кисегач, а осенью 1991 года она участвовала в международных Рериховских встречах «Алтай – Гималаи», в Уймонской долине. На Алтае англичанка Керолл Брук подарила ей «маленькую плащаницу», фотографии с изображением Христа. В 1995 году Тамара с мужем обвенчались. В 2002 году Тамара Рубцова окончила Кемеровский филиал Московского Православного Свято-Тихоновского богословского института по специальности бакалавр православной педагогики. Она преподавала основы православной культуры в гимназии, православную литературу на Богословско-катехизаторских курсах в Юрге.

Педагог-воспитатель и литературный наставник Т. И. Рубцова вместе с воспитанниками посетила многие христианские святыни России и литературные места Сибири. Со своими воспитанниками Тамара Рубцова побывала в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, на Телецком озере и Байкале, в литературно-мемориальных музеях В. Д. Фёдорова (д. Марьевка, Кемеровская область, неоднократно с 1995 по 2008 год), В. М. Шукшина (с. Сростки, Алтайский край, в 1994 году). В ноябре 2005 года Тамара Рубцова, выиграв Всероссийский конкурс «Самый классный классный», побывала с двенадцатью воспитанниками за границей, в Швеции и Финляндии.

Почётный педагог общего образования РФ, Заслуженный учитель России Т. И. Рубцова за большую общественную работу была награждена медалями «За веру и добро» и «15 лет Кемеровской и Новокузнецкой епархии».

3 августа 2009 года Тамара Рубцова приняла монашеский постриг в юргинском храме Рождества Иоанна Предтечи с наречением имени в честь св. равноапостольной Марии Магдалины. Она ушла из мира монахиней Марией. Люди, близко знавшие её, при жизни называли Праведником и Ангелом. Из воспоминаний А. Н. Томышевой: «Пришли поздравить её с принятием пострига... Перед нами сидела монахиня с огромными сияющими глазами и смотрела на нас так, как смотрят младенцы – чисто и немного растерянно. Это было рождением монахини Марии, итогом её долгих размышлений и поисков высшей Истины». По причине продолжительной болезни монахиня Мария (Рубцова) не имела возможности находиться при монастыре и по благословию епископа Кемеровского и Новокузнецкого Аристарха остаток своей жизни провела в домашних условиях. Скончалась 10 сентября 2009 года. Отпевание состоялось 12 сентября, чинопоследование совершил настоятель храма Иверской иконы Божией Матери г. Ленинска-Кузнецкого игумен Тихон (Белякин). Похоронена на Старом кладбище города Юрги.

Посмертно Тамаре Рубцовой присвоено звание Почётный гражданин города Юрги (2011). 16 мая 2012 года Библиотеке семейного чтения в г. Юрге (ул. Машиностроителей, д. 41) присвоено имя Т. И. Рубцовой, открыта мемориальная доска на доме поэта (ул. Московская, д.15). С января 2014 года Библиотека семейного чтения им. Т. И. Рубцовой МБУК «ЦБС г. Юрги» проводит ежегодный городской заочный литературный конкурс «Не бывает последней строки», посвящённый памяти Тамары Рубцовой.

Книги Тамары Ильиничны Рубцовой:

Я знаю, что так не бывает: Стихи / ред. В.М. Баянов; предисл. Л.А. Николовой. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1990. – 63 с.

Планица: Стихи, проза. – Юрга: [б. и.], 1993. – 30 с.

Планета снов: Стихи. – Кемерово: Сибирский родник, 1994. – 64 с.

Не бывает последней строки: Стихи. – Юрга, 2004. – 176 с.

В золотой колыбели у Бога...: Стихи. – Кемерово: Офсет, 2008. – 76 с.

Анатолий Петрович Саулов

24 марта 1942 г., с. Чусовитино, Ленинск-Кузнецкий район –
21 мая 1968 г., пгт Яшикино, Кемеровская область.
Поэт, журналист. Член Союза журналистов СССР.

***

Я устаю от книг и гама,
 И –
     на семь бед один ответ! –
 С последней лекции сбегая,
 Беру на станции билет.
 Отец попыхивает трубкой.
 Отец кивает:
 – Верю, трудно.
 А я –
     я в поле ухожу.
 Я ухожу к кострам и вербам,
 Я умываюсь белым ветром
 И на песке сухом лежу.
 Земля щеки моей коснётся,
 А глаз – пронзительная синь.
 Земля,
     как маятник,
                     качнётся
 На тонкой сосенной оси.
 Я гость желанный в этом мире,
 И ветры след не замели.
 Ещё еловых шишек гири
 Не опустились до земли.
 Но вдруг в какую-то минуту,
 Когда ресниц коснутся сны,
 Мне станет мало почему-то
 Вот этой синей тишины.
 И снова тропкой, узкой тропкой
 Пойду от отчего двора.
 Отец попыхивает трубкой,
 Отец кивает мне:
 – Пора!

(«Белые ливни», 1966)

***

Я начинаюсь, как река,
В зелёном поле, в летнем поле.
И если что с тех пор и помню,
Так лишь траву и облака ...
Ещё, как свет, в моё житьё
Она вошла. Она любила.
И всё, что раньше в жизни было,
Всё это было – для неё ...
Но разный я день ото дня,
Хотя немалый путь исхожен,
И сын растёт, и он похожим,
Казалось, будет на меня.
Нет, только внешне он – в отца.
Уже своё он ищет слово.
И с ним я начинаюсь снова
И молодею без конца.
А память прошлого строга!
И с ней проходят, как по кругу,
И споры, и улыбка друга,
И откровение врага.
Я начинаюсь каждый миг!
Хочу, чтоб жизнь меня любила,
Чтоб реже зло меня лепило
Из бед и горестей моих ...
Я не могу порой уснуть.
Хожу тревожными ночами.
И верю – будет всё сначала.
И знаю – что-то не вернуть ...

(«Земляника», 1967)

***

Быть бы, быть бы жаворонком,
Чтобы снова да ладом,
Да запеть легко и звонко
На заре на сто ладов,

Чтобы люди улыбались,
Застывали у межи,
Брови чёрные метались,
Будто чёрные стрижи.

Заливаться, споря с ветром,
Чтобы каждый понимал
И о чём-то самом светлом,
Сокровенном, вспоминал.

Быть бы, быть бы жаворонком!..

(«Земляника», 1967)

***

Облака, как острова,
Словно море, синева,
От воды, парной на зорьке,
Закружилась голова.

Босиком по тропке – в дом.
Мать встречает с туюском.
Запиваю горсть клубники
Я прохладным молоком.

Суетлива мать, добра.
Хоть стара уже, стара.
Над плитой мои ботинки
Сохнут, вымыты с утра.

Мать в печи пошевелит.
От огня лицо горит.
– Как там город? Редко пишешь.
Дров принёс бы, – говорит.

И чурбан на топоре
Лихо вскину во дворе.
Зазвенит он от удара,
Рассыпаясь на траве.

А в полях – перепела.
А душа моя светла.
Может, правда меня мама
Под берёзою нашла?

(«Земляника», 1967)

***

Ещё война не умерла,
Ещё по свету бродит горе
Такое чёрное, что в горле
Дыханье стонет у меня!

Ещё на станциях баяны
Хрипят, и, хриплые вдвойне,
Слепые правнуки Баяна
Поют надрывно о войне.

И, всех своим застигнув горем
И сединою на виске,
Идут притихшим вдруг вагоном
С бренчащей шапкою в руке.

От песен этих скорбью веет
И безысходностью тоски.
Я русский, я им тоже верю.
Бросаю тоже пятаки.

Как будто можно в ту минуту
Играть на чуткости души,
Тревожа память лет минувших
За эти медные гроши ...

Баян, тоскуя, ненавидя,
Поёт про дальние края.
... Глаза войны черны, не видя,
Не дрогнув, смотрят на меня.

1960-е годы («Красная горка», 2012. Вып. 13)

ЯЯ

То течёт она под солнцем,
То запрячется в леса.
И над ней, как мачты, сосны,
Облака – как паруса.
Невеличка эта речка,
Но бежит, журчит, чиста.
Чу! Чирки там мчатся резко
Или чибисов чета?
А вода струится тонко,

Вся прозрачна, холодна.
Чуть притронься – бьёт, как током,
Родниковая, со дна.
Яя – язь колышет волны.
Яя – солнечный песок.
Яя – ягодою полный
Берестяный туюсок.
Облака, тальник качая,
По равнине разлилась ...
Там родился я, где Яя
Голубая родилась.
И живу я, песен полный,
Яе солнечной сродни.
И, как Яя, всюду помню
Лес таёжный, свой родник.
То роднясь с вечерней тишьёю,
То вбирая песню птичьёю,
Заливается, звеня,
Серебристая струя:
– Яя, Яя, Яя, я!

1967 год («Я боюсь опоздать», 1974)

ЗАКОН ТАЙГИ

О, жажда, жажда! Путь твой долгий.
И вот – вода стекает с рук...
Так кто же он, с душою доброй,
Кто ставил мшистый этот сруб?

У всех свои мечты и цели,
Но здесь, в тайге, за много дней

Ты вдруг всё заново оценишь
С самим собой наедине.

И вдруг возникнет дней тех ворох –
В ошибках твой короткий век.
...В избушке спички, соль и хворост.
Входи, согрейся, человек!

(«Я боюсь опоздать», 1974)

БАЛЛАДА О ГУСЯХ

Коромысло впилося в белую ладонь.
Сходит женщина по склону за водой.
Белый гребень в её чёрных волосах.
Сходит, горбясь и старея на глазах...
Говорилось, говорилось меж людьми,
Что замужество её – не по любви,
Будто жизнь ей потому и тяжела,
Что она в ответ молчала и... жила.
Не пыталась в чём-то мужу возражать.
Щи варить или детей ему рожать,
Штопать робу ль загрубелую ему –
Терпеливо привыкала ко всему.
Муж не то чтобы и нежен, да не груб.
Раз уж выпал, так уж выпал, хоть не люб.
На кулак мотал он слёзы во хмелю:
– Слышь, дурёха, не отдам тебя... Люблю!
Говорили, где-то в городе живёт
Её самый, её давний, первый тот,
Да случилось, что дорожка не одна.
То ли он тут виноват, а то ль она?

А что было между ними – что гадать.
Словно льдины, тают медленно года...
Коромысло впилося в белую ладонь.
Сходит женщина по склону за водой.
Белый гребень в её чёрных волосах.
Сходит, горбясь и старея на глазах...
Воду черпает у берега, в реке.
Ставит вёдра и садится на песке.
Отчего же неожиданно, как взрыв,
Вдруг заплакала навзрыд, лицо закрыв?
Пересудам прокатиться по селу.
Ну, а что она ответит – почему?
... Просто день был удивительный такой.
Просто гуси пролетали над рекой...

1968 («Я боюсь опоздать», 1974)

***

Будет тихо и странно
Угасание дня.
Будут зори и травы,
Но уже – без меня.
И озёра от лилий
Будут так же белы.
Тёмно-синие ливни
Прошумят, тяжелы.
Но ни ливнем, ни веткой
Не остаться, звеня.
Сын смущённый с невесткой
В дом войдёт без меня.
По степи, по селу ли
Будет птиц воркотня –

Без меня поцелуй
И хлеба без меня...
Будет небо, как линза.
Синева высока.
Будут тенью на лицах
Облака, облака.
Ты ведь знаешь, Россия,
Что любил я, как мог,
Твои пашни, осины
И стада у дорог.
Избы стары и строги.
Цвет герани в окне.
И кольцовские строки,
Словно птицы, во мне.
В час, как сердце устанет,
Положить меня в срок
Рядом с матерью старой
Головой на восток.
Слов высоких не надо!
Пусть споют соловьи.
Ваш черёд, листопады,
Листопады мои.
Но и всё-таки странно,
Что в сиянии дня
Будут ливни и травы
Без меня, без меня...

(«Я боюсь опоздать», 1974)

***

Я всего лишь ручей,
Убегающий к морю.

Я пока что ничей,
Белы камешки мою.

Я прозрачен пока,
И осоку качаю.
Чистоту родника
Я ещё ощущаю.

Буду в травах лежать
Под дождями косыми.
Мне пока отражать
Только ленточку сини.

И от птичьих речей
Я хмелею надолго.
Я пока что ручей,
Никакая не Волга.

Я журчу у камней
И надеюсь годами:
Может быть, и ко мне
Прикоснутся губами...

1968 год («Я боюсь опоздать», 1974)

ПОЭТ

Он фантаст. Он беспокоен.
И идей его порыв
Схож с подземною рекою,
Той, что скрыта до поры.
В ней и синь, и луг, и чащи –

Всё, что с детства он сберёг.
 И глаза поэтов чаще
 Цвета неба и берёз.
 Ходит, смутный и лучистый,
 И под пламенем строки
 Окрылённо, чисто-чисто
 Бьют глаза, как родники!

(«Я боюсь опоздать», 1974)

«Я ВСЕГО ЛИШЬ РУЧЕЙ...»

У двадцатилетнего Анатолия Саулова всё было впереди – большая, наполненная вдохновенным творческим трудом жизнь, счастливые поэтические открытия, новые звонкие стихи, новые книги. Но всё это неожиданно перечеркнула безвременная смерть. Анатолий Саулов был по-настоящему талантливым поэтом. Его стихи получили высокую оценку на кемеровском семинаре молодых литераторов Западной Сибири и Урала в 1966 году. Вот как сказал о нём один из руководителей семинара, большой мастер поэтического слова Ярослав Смеляков: «Интересный, просто интересный поэт». Эта оценка окрылила молодого поэта, внушила веру в свои возможности. С ещё большим упорством, настойчивостью и требовательностью к себе он продолжал писать проникновенные и чистые, как родник, стихи о России, о родной Кузнецкой земле, о её людях и природе. Особенно плодотворно трудился Анатолий Саулов в последнее время – на его письменном столе осталась поэма о герое космоса В. М. Комарове и несколько десятков новых стихотворений, которые должны были составить основу будущей, третьей по счёту, книги. Уже и название было найдено автором: «Я боюсь опоздать». К сожалению, увидеть книгу под таким названием ему не пришлось – она вышла без него...

Первая книга молодого поэта «Белые ливни» состояла всего из пятнадцати стихотворений, которые были лишь заявкой на литературное творчество. Наряду с завершёнными произведениями здесь были такие, которые можно назвать набросками, своеобразными заготовками для будущих вещей.

Недаром в последующих публикациях мы видим их новые, улучшенные варианты. По-настоящему талант Анатолия Саулова раскрылся во второй книге «Земляника». В литературном творчестве всё сложно и трудно. На первый взгляд, чего проще дать книге название. А всякому ли удаётся придумать такое, чтобы оно заинтересовало читателя, указывало на общий смысл изображённого явления и вместе с тем обладало музыкальностью звучания?

Хочется отметить, что Анатолий Саулов для своей второй по счёту, но первой по основной поэтической сути книги нашёл отличное название – «Земляника». Оно лирично, благозвучно и главное – точно выражает, так сказать, душу книги. Земляника для автора – это символ русской земли, на которой он родился и жил. Это слово пронизано чувством родины, которое зарождается в нас рано, с детских лет и чаще всего от общения с родной природой. Поэтому-то у него столько звонких, искренних, свежих, как утренняя роса, строчек о природе: о сенокосных лугах, где в знойный полдень «коса, как будто молния – к плечу и от плеча», о весенних ручьях, которые, «как кони, мчат по земле», о снегопаде, о летящих, как спутники, снежках, о птичьей ярмарке, о ельниках и полянках, об озёрах и реках, в синеве которых тонет и не может утонуть «жёлтая и круглая, как яблоко, луна...» Верить признанию поэта: «В сердце не вмещается эта красота. Даже в шумном городе я её сберёг. Весь ещё я в гомоне ливней и берёз» ...

Лирический герой стихов Анатолия Саулова – думающий, активный человек; постоянное вторжение в жизнь – основа его существования; круг его интересов широк и разнообразен... С чувством гордости и грусти размышляет он о безымянных героях, погибших за Родину, за счастье детей и внуков своих; с болью в сердце встречает слепого старца, который «в последний раз когда-то сражение видел, а не мир»; восторгается судьбой мостостроителей, живущих там, где «не палаты, а палатки», рыбаков, «бородатых, как Стенька». Как в родной дом, заходит он в дом солдатской матери, чтобы своим вниманием и участием поддержать её, до сих пор ждущую потерянных на войне сыновей; умеет поладить с колхозным дедом, который неодобрительно щурится на модные брюки молодых горожан, приехавших помочь колхозникам. Из мелких штришков и деталей, рассыпанных блёстками по стихам Анатолия Саулова, из многих запоминающихся строк о природе, о близких и дорогих людях перед читателем зримо вырисовывается многообразный мир, наполненный горячим дыханием жизни. В ней,

в этой жизни, не только шёпот солнечных полей и перелесков, но и голос умирающего солдата, вихревые, обрывочные мысли гибнущего героя-космонавта, не только чистый белоснежный свет берёзок, но и чёрная вечная ночь под повязкой на глазах воина-ветерана.

Все радости и горести жизни, полной драматических контрастов, все её цвета и краски пропускал поэт через своё сердце. И там, где ему удалось найти весомые и точные слова, чтобы выразить свои сокровенные мысли и чувства, не может остаться равнодушным и сердце читателя. Закончить своё слово я хочу стихотворением «Жаворонок», которое я написал вскоре после того, как узнал о внезапной кончине Анатолия Саулова:

*С голубыми ясными глазами,
С волосами светлыми, как лён,
Он недолго побыл вместе с нами,
В жизнь, в людей, в поэзию влюблён...
Не искал он славы и почёта,
Воспевая солнце, россыпь рос.
В нём самом, казалось, было что-то
От российских пашен и берёз.
Над рекой, где пениться воронкам,
У опушки, на лесной меже
Так мечтал он: «Быть бы жаворонком!»
И не знал, что им он был уже.
Молодой, он молодым оставил
Птицу-песню, нежную до слёз.
Сам ушёл. Как будто бы растаял
Где-то там, во ржи среди берёз.
И напрасно – уж такой, знать, жребий –
Ищем взглядом друга своего.
Тишь. Покой.
Лишь жаворонок в небе
Всё звенит нам голосом его...*

Михаил Небогатов.

БИОГРАФИЯ АНАТОЛИЯ САУЛОВА

Анатолий Петрович Саулов родился 24 марта 1942 года в селе Чусовитино Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Отец, Пётр Гаврилович Саулов, участник Первой мировой войны, кавалерист, награждён Георгиевским крестом. Мама, Пелагея Николаевна Саулова, работала в колхозе на ферме. Родители поженились в 1918 году, в семье родилось 13 детей. В 1948 году семья переехала в Яшкино. В семье существовал свой литкружок: все три брата – Иван, Михаил, Анатолий – писали стихи, устраивали семейные слушания с обсуждением. С 1949 г. Анатолий обучался в Яшкинской школе № 4.

Стихи писал с 10 лет, они публиковались в школьной стенгазете. В 1959 году окончил Яшкинскую среднюю школу № 1. Первые стихи опубликовал в 1954 году в газете «Знамя труда». С 1956 года печатался в Кемеровской областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса». В 1959 году поступил на дневное отделение филологического факультета Томского государственного педагогического института. Любимого поэта Сергея Есенина почти всего знал наизусть. Мастерски играл в шахматы.

С конца 1950-х годов стихи и очерки регулярно печатались в Томской областной молодёжной газете «Молодой ленинец» (иногда под псевдонимами А. Анатольев, С. Анатольев) и институтской газете «Советский учитель». Студентом работал на Томской студии телевидения и в редакции газеты «Молодой ленинец». В 1964 году, на последнем курсе, перевёлся на заочное отделение в связи с работой в 1963 – 1967 годах на Томском и Кемеровском телевидении старшим редактором молодёжных программ. Из воспоминаний друзей в студенческие годы самиздатом в 1965 году был выпущен сборник стихов «Зачётка». Окончил ТГПИ в 1966 г. Работал журналистом в различных газетах, постоянный автор «Комсомольца Кузбасса».

В 1965 – 1967 гг. жил в г. Кемерово. С ноября 1967 года переехал в Яшкино, где получил квартиру. В Яшкинской районной газете «Путь Ленина» работал литсотрудником, одновременно готовил к изданию две книги стихов для кемеровского и московского издательств: «Я боюсь опоздать» (издана посмертно) и «Малиновки в малиннике» (не издана).

Анатолий Саулов был участником Межобластного поэтического семинара в г. Томске (1965) и Зонального семинара молодых писателей Западной Сибири

и Урала в г. Кемерово (1966). Стихи молодого поэта получили высокую оценку московских поэтов Марка Соболя («поэт ищущий, думающий») и Ярослава Смелякова («интересный, просто интересный поэт»). Была дана рекомендация для публикации книги стихов в издательстве «Молодая гвардия». Всесоюзная радиостанция «Юность» с 1963 года трижды передавала подборки стихов Анатолия Саулова.

«Кузбасским жаворонком» называли его критики и коллеги по перу. Поэзию Анатолия Саулова положительно оценили Василий Казанцев, Илья Фонаков, Валентин Махалов, Михаил Небогатов. «Истово и совестливо любил Толя Поэзию. Именно Поэзию, а не себя в Поэзии» (И. Фонаков).

Анатолий Саулов – автор двух прижизненных поэтических книг: «Белые ливни» (1966) и «Земляника» (1967). Печатался в литературных журналах «Сельская молодёжь» (Москва); «Сибирские огни» (Новосибирск); «Огни Кузбасса» (Кемерово). Был участником коллективных поэтических сборников: «Над Томью-рекой» (Томск, 1961); «Эхо» (Томск, 1964); «День поэзии» (Кемерово, 1964); «День поэзии» (Новосибирск, 1965); «Сибирь поэтическая» (Кемерово, 1966); «Антология сибирской поэзии» (Иркутск, 1967).

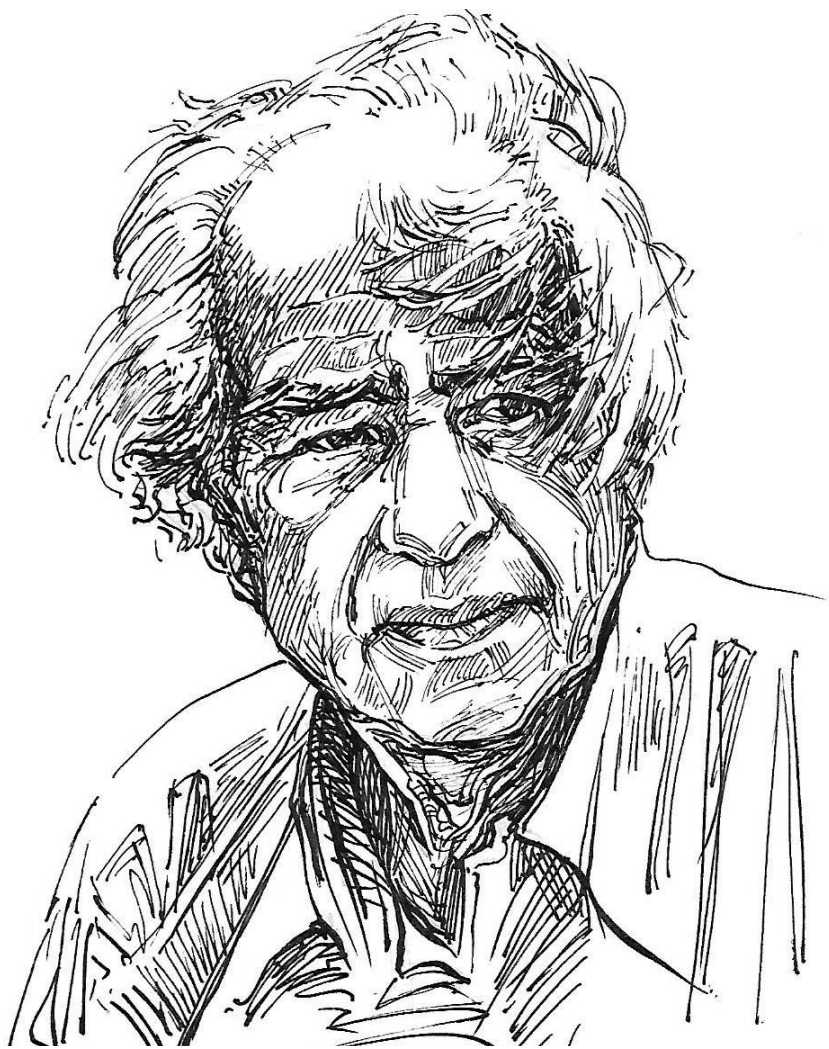
Скоропостижно умер в возрасте 26 лет 21 мая 1968 года от острого инфаркта по пути из дома на работу незадолго до вступления в Союз писателей СССР. Похоронен на кладбище пгт. Яшкино Кемеровской области. В Государственном архиве Кемеровской области создан личный фонд А. П. Саулова: ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 1. По Решению Яшкинского районного Совета народных депутатов четвёртого созыва от 20.03.2012 года № 433-р Яшкинская районная библиотека носит имя поэта А. П. Саулова (ул. Суворова, д. 8). С 2013 года в именной библиотеке проходят Сауловские чтения.

Книги Анатолия Петровича Саулова:

Белые ливни: стихи. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство. – 1966. – 31 с.

Земляника: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство. – 1967. – 80 с.

Я боюсь опоздать: стихи. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство. – 1974. – 144 с.

Василий Дмитриевич Фёдоров

23 февраля 1918 г., Кемерово – 19 апреля 1984 г., Ессентуки.

Поэт, прозаик. Член Союза писателей СССР с 1956 года.

Лауреат Государственных премий РСФСР (1968) и СССР (1979).

КОРНИ

Сибиряк,
 Я рос в лесном краю,
 Где текут Иртыш, и Обь, и Лена...
 Знаю родословную свою
 Только до четвёртого колена.
 Что за ним –
 Не слышал ничего я.
 Прадед был,
 И – помню из преданий –
 Он ходил по Волге с бечевою
 От верховья
 К Астрахани дальней.
 В некий час
 Не Волга ли внушила
 Прадедовой силе богатырской,
 Чтоб она не мешкая спешила
 К вольным рекам
 Стороны сибирской.
 Он протиснулся с лямкою тугою
 И проехал полземного шара...
 По утрам над мрачною тайгою
 Польшали зори, как пожары.
 Говорят,
 В дороге лошадь пала.
 И тогда, в тоске о горизонте,
 По-бурлацки сорок вёрст без мала
 Вёз телегу
 Прадед мой Левонтий.
 А потом,
 Суровый и могучий,

Горький пот смахнув с лица устало,
Он взошёл на марьевские кручи
И сказал: «Судьба!»
Да так и стало.
Род суровый!
Люди-непоседы,
По тайге любившие скитаться,
О, мои решительные деды –
Знатоки земли и рудознатцы!
Их нога ступала,
Где от века
Не вила гнезда себе орлица.
Говорят, во всех сибирских реках
Отражались их степные лица.
Жёны-горевухи голосили,
А они, прощаясь в поле с рожью,
Что-то про судьбу свою басили
И опять пускались в бездорожье.
Соки от корней
Идут к отросткам:
Выступая старшим на подмогу,
Мой отец совсем ещё подростком
Строить стал сибирскую дорогу.
Говорят,
Что строил образцово,
Строил так, что на дороге сына
До сих пор стоят мосты отцовы,
Презирая водные быстрины.
Сибиряк,
Я тоже с малолетства
Закалял себя в пути суровом,
Потому что получил в наследство

Страсть к труду
И страсть к дорогам новым.

(«Лесные родники», 1955).

***

На родине моей повыпали снега,
Бушует ветер в рощах голых.
На родине моей, должно, шумит пурга,
И печи топятся в притихших сёлах.

Приветом детства встала предо мной
С годами позабытая картина:
Горит луна, и смутно под луной
Поблескивает снежная равнина.

Отбушевав, снега притихли – спят.
Среди снегов, запорошивших вербу,
Полозья одинокие скрипят,
Как будто жалуются небу.

Сместилось всё в сознании моём:
Как будто брежу дальними огнями
И в полушубке стареньком своём
Шагаю за скрипучими санями.

Вновь мёрзну, а дорога далека,
Сугробам белым нет конца и краю.
На родине моей повыпали снега,
Я их люблю, за что – и сам не знаю.

конец 1940-х годов («Дикий мёд», 1958)

СЕРДЦА

Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт наш враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

(«Дикий мёд», 1958)

***

Ни в благодушии ленивом,
Ни в блеске славы,
Ни в тени –
Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.

Беря пророческую лиру,
Одно он помнит
Из всего,
Что всё несовершенство мира
Лежит на совести его.

(«Не левее сердца», 1960)

***

По главной сути
Жизнь проста:
Её уста...
Его уста...

Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнёт ко груди.

Весь смысл её
И мудр и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?

То всё ошибки,
Всё накладки
И заблуждения
Веков.

А жизни суть,
Она проста:
Её уста,
Его уста...

(«Седьмое небо», 1962)

***

Как цветы на заре,
Так и люди в любви хорошеют.
Неразгаданный взгляд
Моё вольное сердце потряс.
Руки пьяно, как хмель,
Оплели мою гордую шею,
И глаза почему-то
Нельзя оторвать мне от глаз.

Всё гляжу и гляжу –
И никак не могу наглядеться.
Так в причудливом мире
Робеет душа новичка.
Вижу робость и зов,
Вижу раннюю юность и детство,
Опрокинутый мир,
Отражённый в огромных зрачках.

Ну люби! Ну люби!
От любви никуда нам не деться.
Ну люби же, люби!..
Я давно этой радости ждал.
Мы одни. Никого.
Убежало стыдливое детство.
Страх метался в заре
И за краем земли пропадал.

(«Книга любви», 1973)

***

Как прекрасен
Над лесом
Зари окоём,
Как любезны в песках берега,
Как прекрасны
В наряде венчальном своём
По весне заливные луга.

И стою я
Притихший,
Смирив свой нрав
Песнопением марьевских птиц,
И глядят на меня
Из некошенных трав
Голубые глаза медуниц.

Здравствуй, милый
Кедрово-берёзовый край,
С этим лугом, где ноша легка.
Если есть в небесах
Хоть какой-нибудь рай,
В нём должны быть
Такие луга.

1980-е годы («Сны поэта», 1988)

СОВЕСТЬ

Упадёт голова –
Не на плаху,
На стол упадёт,
И уже зашумят,
Загалдят,
Завздыхают:

Дескать, этот устал,
Он уже не дойдёт..
Между тем
Голова отдыхает.

В темноте головы моей
Тихая всходит луна,
Всходит, светит она,
Как волшебное око.
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней
Голубая дорога.

И по той,
Голубой,
Как бывало,
Спешит налегке,
Пыль метя подолом,
Пригибая берёзки,
Моя мама...
О, мама!
В мужском пиджаке,

Что когда-то старшой
Посылал ей из Томска.

Через тысячи вёрст,
Через реки,
Откосы и рвы
Моя мама идёт,
Из могилы восставши,
До Москвы,
До косматой моей головы,
Под весёлый шумок
На ладони упавшей.

Моя мама идёт
Приласкать,
Поругать,
Побранить,
Прошуметь надо мной
Вековыми лесами.
Только мама
Не может уже говорить,
Мама что-то кричит мне
Большими глазами.

Что ты, мама?!
Зачем ты надела
Тот старый пиджак?
Ах, не то говорю!
Раз из тьмы непроглядной
Вышла ты,
Значит, делаю что-то не так,
Значит, что-то
Со мною неладно.

Счастья нет.
Да и что оно!
Мне бы хватило его,
Порасчётливей будь я
Да будь терпеливей.
Горько мне оттого,
Что ещё никого
На земле я
Не сделал счастливей.

Никого!
Ни тебя
За большую твою доброту,
И ни тех, что любил я
Любовью земною,
И не тех, что несли мне
Свою красоту,
И не ту,
Что мне стала
Женою.

Никого!
А ведь сердце
Весёлое миру я нёс,
И душой не кривил,
И ходил только прямо.
Ну, а если я мир
Не избавил от слёз,
Не избавил родных,
То зачем же я,
Мама?..

А стихи!..
Что стихи?!
Нынче многие
Пишут стихи,
Пишут слишком легко,
Пишут слишком уж складно...
Слышишь, мама,
В Сибири поют петухи,
А тебе далеко
Возвращаться
Обратно...

Упадёт голова –
Не на плаху,
На тихую грусть...
И пока отшумят,
Отгаддят,
Отвздыхают, –
Нагрущусь,
Настыжусь,
Во весь рост поднимусь,
Отряхнусь
И опять зашагаю!

(«Третьи петухи», 1966)

С ТОБОЙ, РОССИЯ

Велик твой путь,
И ноша нелегка,
Дробится камень
Под твоей стопою.
Мне кажется,
Что прожил я века,
И всё живу,
И всё иду
С тобою.
Когда аркан
Над головой свистел
И шум пиров
Катился по улусам,
Другой бы постарел
И поседел,
А я русел,
Я становился
Русым.

Всевластьем силы
И всевластьем тьмы
Я в прежней жизни
Был сто раз унижен.
Другой бы не превысил
И травы,
А я всё рос,
Я становился
Выше.

И кровь была
Дешевле, чем вино.
Той кровью,
Безрассудно пролитую,
Другой
Ожесточился бы давно,
А я добрел
Твоею добротой.

По грозам,
По ветрам
Да по снегам
Я заучил
Твои степные песни.
Да, я ровесник
Всем твоим векам
И Революции твоей
Ровесник.

Мы стали
И моложе
И новей,
Но в добром свете
Красных пятилучий
Твоя дорога
Стала только круче,
Моя задача –
Только тяжелей.

Кто на горе,
Тот раньше
Солнце встретит,

Кто среди друзей,
Тот силой не шути,
Кто впереди шагает,
Тот в ответе
За все ошибки
На крутом пути.

А мудрый в дружбе
О друзьях печётся,
А кто в борьбе,
Тот сил не тратит зря.
Ведь океан великий
Лишь качнётся,
Как всюду
Закачаются
Моря.

Дробится камень
Под твоей стопой...
И пусть не первым,
Пусть не самым лучшим
Я был с тобой
В твоём
Давно минувшем,
Дай и в грядущем
Мне побыть
С тобой.

(«Третьи петухи», 1966)

ОСТАВЬТЕ МНЕ ТАЙНУ...

Какое же диво
В твоих, Руставели, словах:
Века отшумели,
А слово
Всё в тех же правах.

Века отзвучали,
А слову
И жить и звучать.
Кем был ты,
Как жил ты, –
Не знаю.
А надо ли знать?

Над миром тревожным
Ты крылья любви
Распластал.
Ты Индию левым,
Аравию правым достал.

У нас и поныне
Сердца и горят и болят,
У нас и поныне
Над сердцем
Царицы царят.

У нас и поныне
Усладу другие берут,
У нас и поныне
Кровавые слёзы текут.

Прости мне, Шота,
Что, влюбленный,
В порыве страстей
Любимую славил
Превыше царицы твоей.

Прости мне, Шота,
Что забылся
В своей похвальбе,
А помнил лишь право
Любовью быть равным тебе.

Не знаю,
Кем был ты,
Как жил,
Но, читая твой стих,
Тебя создаю я
По страсти героев твоих.

Как Бог триединый,
Во всех ты героях един:
В любви Автандила
И в нежных очах Тинатин.

Ты в каждой слезинке,
В кровинке
Отверстых их ран,
В тоске Тариэла
И в муках Нестан-Дареджан.

А что мне с того,
Что в чужом

Палестинском краю
Однажды найдут
Долговую расписку твою?

Унижен ли был ты,
Оболган ли был ты за труд?
Да мало ли агали...
И многих еще оболгут!

Ах, что мне догадки!
В твой век, Руставели,
И в наш
Доподлинна песня,
А все остальное –
Мираж!

Во имя той песни,
Что пели мы все
И не спели,
Оставьте мне тайну
Великой судьбы
Руставели!

(«Книга любви», 1968)

***

Когда ты
В Марьевке живёшь,
Обхаживая грядки,
Мне кажется,
Что мир хорош
И в мире

Всё в порядке.
Когда гора
Горит в заре,
А грудь рассветом дышит –
На той Назаркиной горе
Мы к правде
Чуть поближе.
Здесь тишина средь лопухов
И запаха капусты
Высоким криком петухов
Приправлена
Так вкусно.
Когда же
Солнце на закат,
Вздыхая аппетитно,
Пылит молочный комбинат –
Рогатый
И копытный.
И рад я,
Что тебя привёз
К земле первично-личной:
Первичных дел,
Первичных слёз
И радостей первичных.

(«Как цветы на заре», 1974)

***

Да Винчи говорил:
Когда вы захотите
Какой-нибудь реке
Дать новый,

Лучший путь,
Вы как бы
У самой реки спросите,
Куда б она сама
Хотела повернуть.

Мысль Леонардо!
Обновись, и шествуй,
И вечно торжествуй
На родине моей.
Природа и сама
Стремится
К совершенству.
Не мучайте её,
А помогайте ей!

(«Второй огонь», 1965)

* * *

Мне б,
Не горбясь под ношею,
Надо с прежней охотой
Сделать что-то хорошее,
Сделать доброе что-то.

Мне б
Взрастить, что посеяно,
Ну хотя бы до восхода,
И уйти, как Есенину,
Под защиту народа.

(«Как цветы на заре», 1974)

ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВ. УМЕЮЩИЙ ЛЮБИТЬ

Василий Дмитриевич Фёдоров – выдающийся русский поэт, писатель из разряда классиков. Полвека он служил поэзии. Читать Василий научился до школы, стихи сочинял в начальных классах, бродя по марьевским лугам у речки Яи. Семья была творческой. Сочинительством стихов, частушек, ба-сен занимались старшие братья Пётр и Иван. Отец Дмитрий Харитонович любил лошадей и красивые слова. Мама Ульяна Наумовна обладала хорошим голосом, знала много народных песен, в том числе свадебно-обрядовых, пела похоронные плачи, знала молитвы. Семья была православного вероисповедования, родители венчались, детей крестили. В семье не ругались и не сквернословили. Источником поэзии Василия Фёдорова стали вековые запасы чистых русских слов, которые он черпал не только из фольклора. Со школьных лет он был активным и вдумчивым читателем, хорошо знал русскую и мировую литературу, любил поэзию Пушкина и Байрона, Лермонтова и Шиллера, Гейне и Гёте, Есенина и Твардовского.

Известное стихотворение Василия Фёдорова «Прощай, село!..» с часто цитируемой строкой «Он – марьевский и поступью и родом» было создано ещё в конце 1930-х годов, а стихотворение «На родине моей выпали снега...» – в конце 1940-х. Уже в первой половине двадцатого века поэт начал создавать свой марьевский текст, воспевать Свет-Марьевку и её жителей.

В стихотворении «Корни» богатырь Левонтий определяется с местожительством в Марьевке только тогда, когда, взойдя на марьевские кручи, увидит красоту сибирских просторов. Эту красоту позднее будет воспевать его правнук-поэт: «Здравствуй, милый кедрово-берёзовый край, с этим лугом, где ноша легка, если есть в небесах хоть какой-нибудь рай, в нём должны быть такие дуга» («Как прекрасен над лесом...»). В Марьевке были созданы такие значительные произведения, как поэма «Женитьба Дон-Жуана» (1977), цикл новелл «Сны поэта», «Заметки», стихотворения «Озеро Кайдор», «Кузьмиха», «Блины», «Гимн корове», ставшее песней стихотворение «Когда ты в Марьевке живёшь...» и многие другие.

В феврале 1947 года в Новосибирске была издана первая поэтическая книга Василия Фёдорова «Лирическая трилогия». Книга поэм отличалась эмоциональной напряжённостью действия, склонностью к афористическим обобщениям. Всесоюзную известность Фёдорову принесли поэмы 1956 – 1957-х

годов: «Проданная Венера», «Золотая жила», «Белая роща». В 1959 году книга поэм «Белая роща» обсуждалась на страницах «Литературной газеты» за 24 марта. В обсуждении приняли участие 12 писателей и критиков. Творчество В. Д. Фёдорова получило высокую оценку: «Книга Фёдорова – это очень заметное, серьёзное и принципиально важное событие в русской советской поэзии <...> мир, увиденный глазами подлинного художника» (Л. Ошанин). Критик Вл. Мильков отметил в восьми поэмах книги «Белая роща» «золотую россыпь богатых народных характеров» («Литература и жизнь», 18.02.1959).

В. Д. Фёдорову были в равной степени близки и эпос, и лирика. Чтобы оценить в полной мере талант поэта-сибиряка, необходимо открыть для себя его лирико-философский эпос. Ключевые события русской истории XX века отражены в его поэжном творчестве. О событиях 1918 года и гражданской войне в Сибири – поэмы 1950-х годов. «Ленинский подарок», «Дуся Ковальчук», «Золотая жила». Лётный энтузиазм молодёжи, политические репрессии 1930-х годов, героизм 1940 – 1960-х годов отразились в поэмах «Седьмое небо» (1959–1967), «Женитьба Дон-Жуана» (1973 – 1977). Великая Отечественная война на фронте и в тылу – в центре поэмы «Лирическая трилогия». Трудовые подвиги народа в послевоенной деревне представлены в поэме «За рекою Ключевою». О трудовом энтузиазме молодёжи на целине – поэма «Белая роща». О трудовом героизме народа в 1930 – 1940-е годы – поэма «Проданная Венера». Герои поэм В. Фёдорова – сильные духом личности. Таков фёдоровский Бетховен из одноимённой поэмы, творец доброго искусства, спасающего людские души. Автобиографический герой поэмы «Седьмое небо» Василий Горин – личность духовно сильная, выдержавшая испытание войной, дружбой, любовью.

Певец России и Сибири, всей душой болеющий за судьбу Отчизны, Василий Дмитриевич Фёдоров талантливо запечатлел национальную жизнь и трагедии двадцатого века не только в лучших своих поэмах «Проданная Венера», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана», но и в известных стихотворениях: «О, Русь моя...», «С тобой, Россия!», «Совість», «Сердца» и др. Читая его страстную гражданскую лирику, невольно проникаешься болью поэта за народные судьбы: «Народ, извечный, как земля, кто б ни играл судьбой, все вековые векселя оплачены тобой...».

Тамара Ивановна Махалова, член Союза журналистов СССР, составитель и редактор книг В. Д. Фёдорова, автор сценариев к телефильмам и книг,

статей о нём, выступая в 2015 году перед учителями-словесниками города Кемерово, особо выделила стихотворение поэта «Совесь» и определила «совесь» как фундаментальное понятие в фёдоровской художественной системе. Понятие «совесь» у Василия Фёдорова, человека-гражданина и поэта-гражданина, по словам Т. И. Махаловой, связано с тремя основополагающими понятиями, которые необходимо формировать у молодого поколения: честность (честь), справедливость (правда), трудолюбие.

Доктор филологических наук, профессор Томского государственного университета Александр Петрович Казаркин ещё в 1989 году отметил «трагедийность стихов Василия Фёдорова», которая связана с «совестливостью, то есть с повышенным чувством личной ответственности. Не образ поэта-избранника вижу я в лирике В. Фёдорова, а образ художника-страдальца. Он острее многих видит не только красоту земли, но и уничтожение её людьми, а ведь «всё несовершенство мира лежит на совести его» (стихотворение «Ни в благодушии ленивом...»).

Современники высоко оценили любовную лирику Василия Фёдорова: «По главной сути...», «Второй огонь», «Любовь – мне как блистание...», «Любил, как сон прелестную...», «Красивым», «Как цветы на заре...» и др. В 1970-е годы он был одним из самых читаемых современных русских поэтов. «Книга любви» В. Д. Фёдорова трижды переиздавалась при жизни поэта.

Известный специалист по истории русской поэзии, профессор Кемеровского государственного университета Наталья Валерьевна Налегач в пленарном докладе на научно-практической конференции «Василий Дмитриевич Фёдоров и поэты его круга», которая состоялась в Кемерово 20 ноября 2018 года, точно обозначила ключевые темы в поэтическом мире Василия Фёдорова: «Понимание красоты как глубинной одухотворяющей силы объединяет все мотивно-тематические комплексы его поэтического мира, высвечивая жизнеутверждающую установку поэта, совмещающую в себе приятие мира (развитие темы природы) с желанием сделать его лучше посредством служения красоте (развитие темы поэзии), которое проявляется в любви к женщине, Родине, природе и искусству».

Чистое бескорыстное служение искусством своему народу и Родине – вот творческий принцип Василия Фёдорова, который считал поэзию «нервным центром мира». О важности присутствия поэта в мире его стихотворение «Оставьте мне тайну...». Свою миссию поэта-гражданина, поэта-патриота Василий Фёдоров, как и его кумир Александр Пушкин, как и близкие ему по духу писате-

ли-сибиряки Василий Шукшин, Валентин Распутин, считал делом государственной важности. Василий Фёдоров был поэтом с планетарным и духовным взглядом на жизнь, его поэтическое наследие является нашим национальным достоянием.

Галина Карпова.

БИОГРАФИЯ ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА

Василий Дмитриевич Фёдоров родился 23 февраля 1918 года по старому стилю в нынешнем городе Кемерово на территории его левобережной части. На момент его рождения это была территория волостного села Усть-Искитимского Кузнецкого уезда Томской губернии (с 1925 г. город Щегловск, с 1932 г. – Кемерово). Отец Дмитрий Харитонович Фёдоров (1880 – 1920) работал каменщиком, подземным рабочим на шахте Михельсона в Анжеро-Судженске. Мама Ульяна Наумовна Фёдорова, урождённая Кириллова (1882 – 1963), домохозяйка, до 1935 года занималась сельским хозяйством в д. Марьевка Яйского района Кемеровской области. Родители были уроженцами Томской губернии Томского уезда Судженской волости д. Марьевки, православные, русские. В семье было 11 детей. Поэт был девятым ребёнком. Он был крещён в Николаевской церкви с. Усть-Искитимского (запись в Метрической книге за 1918 год).

С 1919-го по 1934 год Василий жил в деревне Марьевке. С 1926 по 1930 годы учился в Марьевской четырёхклассной начальной школе. С 1930-го по 1932 год (5-й и 6-й классы) учился в Жарковской школе колхозной молодёжи (ныне Яйская ООШ № 1). В 1931 году стал членом ВЛКСМ. В связи с отсутствием средств вместо обучения в 7-м классе в 1932–1934 годах работал в колхозе водовозом, кассиром, помощником бригадира в деревне Марьевке, был комсоргом колхоза. С лета 1934-го по 1938 год Василий учился в Новосибирском авиационном техникуме и дополнительно с 1936 года учился в лётной школе при Новосибирском аэроклубе, умел летать на учебном самолёте По-2, посещал театральный кружок и литературную студию.

С июля 1938-го по март 1941 года проживал в городе Иркутске, работал на Иркутском авиационном заводе. В 1940 году появились первые газетные публикации. С апреля 1941-го по август 1947 года Фёдоров жил в Новосибирске, работал на Новосибирском авиационном заводе № 153 им. Валерия Чкалова в цехе

№ 42 технологом, старшим мастером. На фронт отправлен не был, хотя несколько раз писал заявления. В 1943 году стал членом КПСС. Посещал литературную студию под руководством Елизаветы Стюарт. С 1944 года стихи публикуются в журнале «Сибирские огни» и коллективном сборнике «Родина».

С 3 по 9 марта 1947 года был участником первого Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, был хорошо принят семинаром Н. Асеева, встречался с А. Т. Твардовским, который одобрил его поэму «Марьевская летопись» и помог перевестись с заочного на очное отделение. С 1947 года жил в Москве, учился в Литературном институте им. А. М. Горького и в 1950 году его окончил вместе с женой Ларисой Фёдоровной Фёдоровой (Быковой). В 1950 году В. Д. Фёдоров усыновил Игоря Владимировича Быкова, сына жены, и дал ему свою фамилию.

В конце 1940-х и первой половине 1950-х годов В. Д. Фёдоров занимался журналистской работой, ездил по заданию редакций журналов «Крестьянка», «Огонёк», «Смена» в командировки на заводы страны, публиковал очерки о людях труда. В 1951 году восьмой номер журнала «Новый мир» опубликовал его очерк «Кузнецкие сталевары», созданный по материалам поездки на КМК в г. Сталинск (Новокузнецк). К середине 1950-х годов в Москве изданы две его повести: «Зрелость» (1953) и «Добровольцы» (1955), а также книга стихов и поэм «Лесные родники» (1955). Третья поэтическая книга «Марьевские звёзды» была издана в Новосибирске в 1955 году.

Член Союза писателей СССР с 11 октября 1956 года, член Московского отделения СП СССР. В. Д. Фёдоров является автором сорока пяти прижизненных поэтических книг, а также двухтомного (М.: Художественная литература, 1970), трёхтомного (М.: Молодая гвардия, 1975–1976) собрания сочинений. Посмертно Юрием Прокушевым и Ларисой Фёдоровой были изданы пятитомное собрание сочинений (М.: Современник, 1987–1989) писателя и собрания сочинений в одном томе (М.: Современный писатель, 1998).

В 1968 году В. Д. Фёдоров стал Лауреатом Государственной премии РСФСР, а в 1979 году – Лауреатом Государственной премии СССР. В 1972 году на Центральном телевидении главной редакцией литературно-драматических программ была снята и вышла в телеэфир передача «Поэзия. У нас в гостях поэт Василий Фёдоров». Запись этой передачи хранится в архиве ВГТРК Гостелерадиофонда.

С 1963 года Фёдоров бессменный секретарь правления Союза писателей РСФСР и член правления Союза писателей СССР. В 1960–1980-е годы В. Д. Фёдоров много занимался общественной деятельностью, был членом редакционных советов издательств «Художественная литература», «Современник», «Советская Россия», членом редколлегии журнала «Молодая гвардия». В марте 1965 года В. Д. Фёдоров выступил на Втором съезде Союза писателей РСФСР в защиту жанра поэмы («Литературная газета». 1965. № 29. 6 марта. С. 3). Участвовал в IV, V, VI и VII Всесоюзных совещаниях молодых писателей в Москве в 1963, 1969, 1975, 1979 годах (руководил семинаром, выступал). Фёдоров был участником IV, V, VI и VII съездов писателей СССР в 1967, 1971, 1976 и 1981 годах.

23 февраля 1978 года поэт отметил 60-летие. Юбилейный вечер прошёл в Концертном зале им. Чайковского 27 февраля.

24 июля 1980 года в Кемерове в малом зале филармонии прошёл творческий вечер В. Д. Фёдорова. В. Д. Фёдоров с супругой Л. Ф. Фёдоровой с 1968 года ежегодно приезжал в родную для него Марьевку, бывал и выступал на творческих вечерах в Яе, Кемерове, Новосибирске. С 1970 года, строя в Марьевке дом-усадьбу (строительство было завершено в 1972 году), поэт каждое лето приезжал туда жить и работать.

Поэтические произведения Василия Фёдорова переведены на 15 иностранных языков: албанский, английский, болгарский, венгерский, испанский, китайский, немецкий, польский, румынский, сербохорватский, словацкий, украинский, французский, чешский, шведский.

Награды, премии, звания Василия Дмитриевича Фёдорова:

1) Государственная премия СССР (1979) за произведения последних лет (стихи и поэмы), диплом Лауреата № 000526, Постановление ЦК КПСС и Совета министров Союза ССР от 01.11.1979 года, пригласительный билет на торжественное вручение Государственных премий СССР 14 декабря 1979 года в Свердловском зале Московского Кремля;

2) Государственная премия РСФСР имени М. Горького (1968) за книгу стихов «Третьи петухи» и поэму «Седьмое небо» (удостоверение № 72, Постановление Совета министров РСФСР № 810 от 24.12.1968 года);

3) два ордена Трудового Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.10.1967 года, орден № 489082, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.07.1971 года, орден № 688387);

4) орден Октябрьской революции (указ от 26.03.1976 года, орден № 76896).

5) орден Кемеровской области «Доблесть Кузбасса» посмертно (постановление Совета народных депутатов Кемеровской области № 86 от 04.09.2003 года).

Умер В. Д. Фёдоров в г. Ессентуки 19 апреля 1984 года, похоронен 24 апреля 1984 года в Москве на Кунцевском кладбище.

25.08.1984 года Марьевский сельский Совет народных депутатов принял решение о переименовании улицы, где жил на Назаркиной горе В. Д. Фёдоров, в улицу Фёдорова, Марьевской средней общеобразовательной школе было присвоено имя В. Д. Фёдорова. Седьмого декабря 1984 года в школе села Марьевка был открыт Литературно-мемориальный музей поэта В. Д. Фёдорова, через три года и по настоящее время музей поэта находится в здании Марьевского Дома культуры. С 11 августа 1985 года в Марьевке проводятся областные и всероссийские праздники «Фёдоровские чтения». В Марьевке на Назаркиной горе был установлен и 11 августа 1985 года открыт бюст поэта, выполненный кемеровским скульптором Григорием Трофимовым, а также была установлена мемориальная доска на доме В. Д. Фёдорова. Жена поэта Л. Ф. Фёдорова оформила дарственную на дачный дом поэта на Назаркиной горе для Марьевского литературно-мемориального музея-усадыбы поэта В. Д. Фёдорова. В Иркутске 1 ноября 1985 года была установлена мемориальная доска на здании общежития № 7 Иркутского авиазавода (ул. Авиастроителей, 28).

Приказом Министерства культуры РСФСР № 379-п от 10.06.1987 года имя советского поэта В. Д. Фёдорова присвоено Кемеровской областной научной библиотеке (ул. Дзержинского, д. 19), а 24 февраля 1988 года на здании именной библиотеки установлена мемориальная доска. В 1995 году распоряжением администрации Кемеровской области от 05.10.1995 года № 569-р «Об именных наградах в области литературы и искусства» учреждена областная литературная премия им. В. Д. Фёдорова. Профессиональными композиторами и бардами созданы песни на его стихотворения. Профессиональными художниками и скульпторами созданы живописные и графиче-

ские портреты, бюсты и скульптуры писателя. 30 июня 2018 года в Марьевке Яйского района Кемеровской области прошли Всероссийские Фёдоровские чтения, посвящённые 100-летию со дня рождения Василия Дмитриевича Фёдорова. В празднике приняли участие гости из Воронежа, Омска, Бийска, а также из городов и посёлков Кузбасса.

Книги Василия Дмитриевича Фёдорова:

- Лирическая трилогия.* – Новосибирск: Новосибиргиз, 1947. – 44 с.
Золотые звенья: очерки. – Новосибирск: ОГИЗ, 1947. – 57 с.: ил.
На Белой гриве: очерки. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1947. – 56 с.
Зрелость: повесть. – Москва: Молодая гвардия, 1953. – 134 с.
Добровольцы: повесть. – Москва: Молодая гвардия, 1955. – 262 с.
Марьевские звёзды: стихи и поэмы. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1955. – 112 с.
Лесные родники: поэмы и стихи. – Москва: Молодая гвардия, 1955. – 94 с.
Дикий мёд: стихи и поэмы. – Москва: Советский писатель, 1958. – 109 с.
Белая роцца: поэмы. – Москва: Молодая гвардия, 1958. – 135 с.
Золотая жила: поэмы. – Москва: Правда, 1959. – 32 с. (Б-ка «Огонёк», № 16).
Не левее сердца: стихи и поэмы. – Москва: Советская Россия, 1960. – 192 с.: ил.
Белая роцца: поэмы. – 2-е изд., доп. – Москва: Молодая гвардия, 1961. – 174 с.: грав.
Лирика. – Москва: Госиздат, 1961. – 287 с.
Седьмое небо: стихи и поэмы. – М.: Советский писатель, 1962. – 281 с.
Книга любви: стихи. – М.: Московский рабочий, 1964. – 216 с.
Стихотворения, поэмы / Вступ. ст. Е. Стюарт. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1964. – 359 с. (Библиотека сибирской поэзии).
Второй огонь: стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1965. – 574 с.
Третьи петухи: новые стихи. – М.: Молодая гвардия, 1966. – 144 с.: портр.
Стихотворения. – М.: Художественная литература, 1967. – 63 с.
Избранная лирика. – М.: Молодая гвардия, 1968. – 32 с.
Книга любви: стихи. – 2-е изд., доп. – М.: Московский рабочий, 1968. – 339 с.: портр.
Седьмое небо: романическая поэма. – М.: Советский писатель, 1968. – 207 с.
Стихотворения и поэмы. В 2-х т. – М.: Художественная литература, 1970. – 495 с. (Т. 1. Стихотворения); 320 с. (Т. 2. Поэмы).
Третьи петухи. Седьмое небо. – М.: Советская Россия, 1970. – 350 с.

Поиск прекрасного: статьи о творчестве. – М.: Советская Россия, 1970. – 191 с.

Крылья на полдень: стихи; поэма. – М.: Воениздат, 1971. – 328 с.

Седьмое небо: романтическая поэма. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – 190 с.

Седьмое небо: романтическая поэма. – М.: Современник, 1972. – 196 с.

Избранные стихотворения. – Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1972. – 399 с.

Книга любви: стихи. – 3-е изд., доп. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 255 с.: ил.

Наше время такое...: о поэзии и поэтах. Статьи. – М.: Современник, 1973. – 512 с.

Как цветы на заре: книга лирики. – М.: Советский писатель, 1974. – 208 с.

Книга любви и веры: Стихи и поэмы. – М.: Современник, 1974. – 431 с.

Собрание сочинений, В 3-х томах. – М.: Молодая гвардия, 1975 – 1976.

Женитьба Дон-Жуана: ироническая поэма. – М.: Современник, 1977. – 223 с.

По главной сути. – М.: Современник, 1978. – 574 с.

Избранное: стихи. – М.: Советская Россия, 1978. – 496 с.

Стихи. – М.: Художественная литература, 1978. – 270 с. (Библиотека советской поэзии).

Стихотворения. Поэмы. – Мурманск: Кн. изд-во, 1978. – 192 с.

Золотая жила: поэма. – М.: Современник, 1979. – 86 с. (Биб-ка «Российская поэма»).

Седьмое небо: романтическая поэма. – Омск: Кн. изд-во, 1981. – 176 с.: ил., портр.

Женитьба Дон-Жуана: ироническая поэма. – М.: Советская Россия, 1982. – 239 с.

Как цветы на заре... : стихотворение и поэма «Женитьба Дон-Жуана». – М.: Советский писатель, 1982. – 415 с.: портр.

Поэмы. – М.: Художественная литература, 1983. – 447 с.: портр.

Белая берёза: стихи и поэмы. – Алма-Ата: Жазуши, 1983. – 172 с. На казахском языке.

Второй огонь: стихотворения; поэма. – Киев: Рад. письменник, 1984. – 189 с.: портр. (Б-ка «Братство»). На украинском языке.

Душа ещё полна заботы: стихотворения; поэмы / сост. Л. Ф. Фёдорова; вступ. ст. Ю. Л. Прокушев. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. – 272 с.

Стихотворения / Предисловие Ю. Л. Прокушева. – М.: Детская литература, 1987. – 159 с. – (Поэтическая библиотека школьника. Для старшего возраста).

Собрание сочинений. В 5-ти т. / Под ред. Ю. Л. Прокушева. – М.: Современник, 1987-1989.

Сны поэта : стихи, проза. – М.: Советский писатель, 1988. – 272 с.

И верю и правдою: стихотворения ; поэмы / Составитель Т. И. Махалова. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1988. – 223 с.

На родине моей повывали снега : стихотворения, поэмы. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. – 264 с.: портр.

Человек: стихотворения, поэмы. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 192 с.

Сны поэта / сост. Т. И. Махалова. – Кемерово: Кемеровское книжн. изд-во, 1989. – 165 с.

Проданная Венера: поэма / оформл. В. П. Кравчук. – Миниатюрное издание. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1998. – 55 с.

Судьба мне подарила Русь: стихотворения, поэмы, терцины, новеллы, статьи / сост. Т. И. Махалова; послесл. Ю. Л. Прокушев. – Кемерово: Сибирский писатель, 1998. – 591 с.

Собрание сочинений в одном томе / сост. : Ю. Л. Прокушев, В. В. Сорокин. – Москва: Современный писатель, 1998. – 500 с.

«По главной сути жизнь проста...» : стихотворения ; проза ; статьи ; очерки ; письма ; воспоминания. – М.: Московская городская организация СПР, 2009. – 480 с.

Книга Веры / сост. А. А. Кочетков. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012. – 364 с.

Книга Любви / сост. А. А. Кочетков. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012. – 266 с.

Женитьба Дон-Жуана. ...Неоконченная книга Души / сост. А. А. Кочетков. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012. – 347 с.

Чтоб видеть солнце и звезду. – М.: Интересная книга, 2013. – 120 с.

Дивись тому, что ты живёшь / сост. В. И. Лаврушкина, Г. И. Карпова. – Кемерово: КеМОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2016. – 160 с.: графика.

Владимир Михайлович Чугунов

*5 мая 1911 г., Иланская, Красноярский край –
5 июля 1943 г., Безлюдовка, Белгородская область.*

Поэт, прозаик, журналист.

АНЖЕРО-СУДЖЕНСКИЙ

В пазах, оскалив крепи,
Трещит забой.
Ударные сквозные,
Готовьтесь в бой!
Прорывы, неполадки
На фронте трудовом.
Тревогу боевую
По шахтам бьём!
Протяжными гудками
В предутреннюю рань
Кричат заводы шахтам:
– Угля достань!
Достань для топок пищи
В количестве таком,
Чтоб пламя изгибалось
Огромным языком;
И доменные печи
Сквозь каменный оскал,
Дыша огнём и жаром,
Расплавляли металл!
У нас довольно силы.
Крепка любовь к труду.
Мы помним вихрь атаки
В семнадцатом году!
На голод, на разруху,
На банды Колчака
Несла винтовку крепко
Горняцкая рука.
Мы славные победы
Обратно не сдадим!

Что кровью защищали,
Мы потом – отстоим!
Во имя
    Кровью смоченных
В былых боях знамён –
Вперёд,
    Анжеро-Судженский,
Угольный район!

(«Сибирские огни», 1930, № 9)

ЖАЖДА

В тайге жара. Глубокий лог
Гнилой испариной дымится.
Идёшь вперёд – и нет дорог,
И нет ручья, чтобы напиться.

Я грежу, как журчит ручей,
Раздвинув корень древней ели,
Иголки низовых ветвей,
Склонясь к ручью, оцепенели.

Над ним порхает мотылёк,
Букашки ползают по илу.
Живой воды один глоток
Вливает в тело жизнь и силу.

Я так ищу любви твоей,
Как ищут ключ у корня ели,
Где иглы низовых ветвей,
Склонясь к ручью, оцепенели.

(«Горючий камень», 1939)

ЯЯ

Шумно гонит воды Яя:
Дикий камень, тальники ...
И журчат, в неё впадая,
Три таёжные реки.

1

Голубой волне навстречу
Из болот, как ночь глухих,
Выгибает спину речка
В тальниках береговых.

Баял парням дед горбатый,
Что у яра под кустом
В речке плавает усатый,
Почитай, саженный сом.

Вентиля срывает с кольев,
Попадётся – сети рвёт
И гуляет по раздолью
Мутной речки взад-вперёд.

Дед, конечно, рыбой бредил,
Сома видел с пьяных глаз.
Ради памяти о деде
Речка Пьяной назвалась.

2

А в тайге, где мгла лежала,
Из колдобин и ключей

Брал певучее начало
Голубой, как день, ручей.

Над ручьем пихтач и сосны.
Размывая тёмный лог,
Он несёт золотоносный
Ослепительный песок.

И затерянной тропую
Мимо сосен вековых,
Лоси ходят к водопою
На копытах золотых.

Хохотушки-зимородки
Вместе с перьями цветными
Носят в клювах самородки,
Украшая гнёзда ими.

Из таких ручьёв в Сибири
Воду черпают руками,
Раздувая ноздри шире,
Пьют короткими глотками.

Потому ребята крепки,
Коренасты, конопаты,
Золотые кудри кепкой
Не закроешь – маловата ...

3

Меж крутыми берегами
Третья плещется река.

О горячий чёрный камень
Трёт упругие бока.

В речке тёплая водица
Гальку гонит волоком.
Если в речку заглядится,
Тучей станет облако.

И над чёрной речкой тотчас
Заворочается гром,
Вспыхнет огненная роспись
Под невидимым пером.

Там шахтёры в час заката
Ждут возлюбленных своих
У гремучих перекаатов,
В тальниках береговых.

Парней метит чёрный уголь –
Ночи тёмной он черней, –
Чтоб их помнили подруги
Да любили горячей.

Шумно гонит воды Яя...
Дикий камень. Тальники.
И журчат, в неё впадая,
Три таёжные реки.

(«Горячий камень», 1939)

НА ОТКАТКЕ

Целый день под гулкие сигналы
Вагонетки подымает клеть.
По путям до первого отвала
Нужно их откатывать успеть.

Гул железа... Воздух пыльный, едкий...
Лязг и шум. Шипя, хрипит насос,
И рычаг устало вагонетки
Влажными суставами колёс.

И в стволе мгновенно исчезала
Наверху разгруженная клеть.
Не дадут повторные сигналы
На минуту рельсам опустеть.

По спине огромной эстакады,
Громяхая, лязгая, пыля,
Вагонетки движутся парадом,
Сочетаньем стали и угля.

Уголь чёрный, льющийся лавиной,
Хлынул в люк и гулко грохотал.
Был похож на посвист соловьиный
Тихий лязг металла о металл.

Бункеров подветренные склоны
Водопадом уголь омывал,
И углём гружёные вагоны
Паровоз увозит на Урал.

(«Избранное», 1951)

ФОРЕЛЬ

Поднять не в силах лап мохнатых
Стоит у водопада ель.
Серебряная, в чёрных пятнах
Меж валунов плывёт форель.

Не страшно ей воды кипенье!
Поспорят с быстринной реки
В четырёхцветном опереньи
Из тонкой плёнки плавники.

Куда плывёт? И что ей надо?
В равнину б, в заводи плыла.
Но по стремнине водопада
Форель взлетает, как стрела.

В горах, где вечный снег искрится,
Она не думает о том,
Что проплывает выше птицы
В потоке гневном и седом.

1941 («Избранное», 1951)

СВЕТЛАНА

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трёхлетняя Светлана
Мысленно является ко мне.

Тёплая и нежная ручонка
Норовит схватиться за рукав.

Что скажу я в этот миг, ребёнка
На коленях нежно приласкав?

Что нескоро я вернусь обратно,
А возможно, вовсе не вернусь...
Так закон диктует в деле ратном:
«Умирая, все-таки не трусь!»

Может быть, в журнале иль газете,
Что хранили быль наших времён,
Дочь моя, читая строки эти,
Гордо скажет: «Храбро умер он!»

А еще приятней, с нею вместе
Этот стих короткий прочитав,
Говорить о долге, славе, чести,
Чувствуя, что был тогда ты прав.

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трёхлетняя Светлана
Мысленно является ко мне.

*1943 («Советские поэты, павшие
на Великой Отечественной войне», 1965)*

КУКУШКА

Над головою пуля просвистела;
Шальная иль прицельная она?
Но, как струна натянутая, пела
Пронизанная ею тишина.

Меня сегодня пуля миновала,
Сердцебиенье успокоив мне,
И тот же час в лесу закуковала
Весёлая кукушка на сосне.

Хорошая народная примета:
Нам жить сто лет, напополам деля
Всю ярость бурь и солнечного света,
Чем так богата русская земля.

*15 апреля 1943, Северный Донец («Советские поэты,
павшие на Великой Отечественной войне», 1965)*

***

Все распри сводятся на нет
Артиллерийской перестрелкой.
Сияет ярче дружбы свет,
И места нет корысти мелкой.

Мы в дни войны сошлись втроем –
Равно бедны, равно богаты, –
Грустим, смеёмся и поём
Под потолком крестьянской хаты.

А завтра в бой!
Быть может, смерть
Свершит над кем-нибудь расправу.
Он упадёт на землю в травы,

Но жаворонок будет петь,
Цвести ромашки, незабудки
И многодумный лес шуметь ...

С судьбой теперь плохие шутки:
Здесь очень просто умереть.

И если первым буду я
Судьбой отвергнут от событий,
То вы, товарищи-друзья,
Меня в час встречи вспомните.

А коль возьму над смертью власть,
Ток животворных сил почую,
Всю поэтическую страсть
В четыре строчки заключу я.

*1 мая 1943, с. Первомайское («Советские поэты,
павшие на Великой Отечественной войне», 1965)*

В РАЗВЕДКУ

Памяти Леонида Нуриева

С суровым озабоченным лицом
Он у сосны надламывает ветку.
Сегодня ночью уходить в разведку,
Искать «язык» за Северным Донцом.
Сегодня ночью...
А пока что синий
В бору сосновом шёл на убыль день.
И в чаще, смешивая четкость линий,
Ложилась фиолетовая тень.
Комбат спросил:
– Как думаешь, Нуриев,
Удастся ли разведка в этот раз?
Он, думу невесёлую развеяв,

С улыбкой ясной посмотрел на нас.
 – Пойду, – сказал он с твёрдостью солдата,
 Опять по-детски весело смотря.
 Таким весёлым был он до заката,
 Не зная, что сулит ему заря.
 Разведчики ушли ...
 Над ними месяц новый
 Глядел из золочёной полумглы.
 Светящиеся пули в бор сосновый
 Влетали и впивались в стволы.
 Друг не мечтал об орденах и славе,
 Отважным был он – Родины солдат.
 И в этой вот последней переправе
 В решениях был твёрдым, как всегда.
 Когда у ног его рвалась граната
 И падал он на землю вниз лицом,
 Знал сердцем чутким: храбрые ребята
 Остались там, за Северным Донцом.

*23 апреля 1943, Северный Донец («Советские поэты,
 павшие на Великой Отечественной войне», 1965)*

ПОЭТ-ШАХТЁР, ПОЭТ-БОЕЦ

Писать стихи Владимир Михайлович Чугунов начал ещё в раннем школьном возрасте в Омске. С 12 лет печатался в школьной стенной газете, затем в Омской городской газете «Рабочий путь». Первые публикации стихов были одобрены омской литературной общественностью и вдохновили его на профессиональную деятельность в области литературы. Литературным учителем для Владимира Чугунова был известный омский поэт Леонид Мартынов. О поэмах Л. Н. Мартынова Чугунов написал статью, которая была опубликована в 1941 году в журнале «Литература и искусство Казахстана» (№ 2–3). Особо он выделил поэму «Волшебные сады», в которой воспета подвижни-

ческая жизнь учителя-сибиряка, преобразующего природу северного края. Чугунов писал, что Мартынов «показал нам положительного героя – интеллигента, работающего на благо родины. Он поднял эту тему до обобщающих высот и вывел эту тему за рамки так называемой «провинциальной поэзии». Писатель и журналист Леонид Владимирович Макеев (1911–1993), редактор альманаха «Литературный Казахстан», справедливо отметил, что сам Владимир Чугунов «неутомимо трудился для того, чтобы выйти за рамки «провинциальной поэзии», подняться в своём творчестве до больших художественных обобщений».

Трудовая биография Владимира Чугунова связана с городом Анжеро-Судженском, работой на шахте и в городской газете. В его лирике и лиро-эпосе шахтёрская тема заняла значимое место. И это была не «провинциальная», а настоящая поэзия. Стихотворением Владимира Чугунова «Анжеро-Судженский» открывался девятый номер журнала «Сибирские огни» за 1930 год. Его стихи о шахтёрах («На откатке», «Шахтёрская») и историческая поэма «Горючий камень» об Анжерских копях Михельсона, авариях на шахте, тяжёлом труде шахтёров вошли в единственную прижизненную книгу «Горючий камень», изданную в 1939 году в Новосибирске.

Владимиру Чугунову удавалась не только тема труда, но и пейзажная и любовная лирика. Могучая сибирская природа талантливо воспета им в стихотворениях «Сосны», «Жажда», «Форель»; таёжные сибирские реки – в лирическом цикле «Яя». Образ любимой с нежностью запечатлён в стихотворениях конца 1930-х годов: «Просишь ты лирических стихов...», «Заволокло туманом горы...», «Что лицо твое туманно...» и др.

Более известна читателю его военная лирика, стихотворения о фронтовой дружбе, о подвигах бойцов-товарищей: «Все распри сводятся на нет...», «В разведку», «После боя». Казалось, что война должна была убивать в человеке все человеческое. Но в поэзии Владимира Чугунова все иначе. Например, его стихотворение «Кукушка». В редкие минуты затишья бойцы, с теплотой вспоминая о доме, о родных, обостренно воспринимали красоту окружающей природы. Для тех, кто каждый день ходит рядом со смертью, каждое мгновение тишины имело глубокое значение. И даже, зная, что могут умереть завтра, они с особым трепетом вслушиваются в пророчества кукушки, желающей долгих лет жизни:

*Меня сегодня пуля миновала,
Сердцебиенье успокоив мне,
И тот же час в лесу закуковала
Весёлая кукушка на сосне.*

«Жизнелюбивым поэтом-сибиряком» назвал Владимира Чугунова московский критик В. Кардин: «В его стихах люди, реки, леса жили общей радостной жизнью. И если сосна по-человечьи протягивала руки навстречу людям, то и они не оставались у неё в долгу. Чугунов рассказывает о весёлых ребятах, которые принесли к сосне свои песни. Таким Владимир Чугунов остался и во время войны, не помрачнев, не изменив своему жизнелюбию. Это был оптимизм бывалого человека, верящего в людей, в справедливость, в армейское товарищество. И его стихи, прочные, крепкие, светлые, как крестьянские дома в Сибири, распахнуты навстречу боевым друзьям. До последней минуты Владимир Чугунов радовался жизни, голубевшему после боя небу...»

Лирическое стихотворение «Светлана», созданное в 1943 году незадолго до гибели, поэт посвятил своей трёхлетней дочери. Там есть удивительная строка: «Сердце не грубеет на войне». Владимир Михайлович Чугунов был одним из первых профессиональных кузбасских поэтов. Стихи его и в двадцать первом веке не утратили поэтической значимости. Его сибирские строки и сегодня взволнованно звучат для молодых читателей.

Галина Карпова, Екатерина Тюшина.

БИОГРАФИЯ ВЛАДИМИРА ЧУГУНОВА

Владимир Михайлович Чугунов родился в 1911 году, 22 апреля по старому стилю / 5 мая – по новому, на станции Иланской Сибирской железной дороги (Красноярский край) в семье железнодорожного врача Михаила и Серафимы Александровны Чугуновых. Шести лет остался без отца. В Омске окончил семилетку. С конца 1920-х годов жил в Анжеро-Судженске, подростком начал работать на шахте, сначала коногоном, затем забойщиком. Окончил Анжерское горное промышленное училище, получил диплом машиниста врубовой машины. Некоторое время В. М. Чугунов работал в редакции анжерской газеты «Борьба за уголь». Решив продолжать свое образование,

Чугунов поступил на заочное обучение в Томский горный институт на геологоразведочный факультет. В первой половине 1930-х годов печатался в журнале «Будущая Сибирь» (Иркутск), в областной газете «Красное знамя» (Томск). Он пробовал свои силы в прозе, создавал рассказы и очерки о студентах, о шахтерах Сибири периода двадцатых годов.

В 1936–1937 годах жил и работал в Новосибирске, печатался в краевых газетах «Большевицкая смена», «Советская Сибирь», часто ездил на шахты Кузбасса, много писал о горняках. В Новосибирске вышел первый сборник стихов Владимира Чугунова «Горючий камень» (1939). Стихи, вошедшие в сборник, посвящены героике освоения и преобразования Сибири.

В 1938 году переехал в Казахстан в связи с женитьбой на артистке Казахского государственного академического театра оперы и балета имени Абая Марии Фёдоровне Чугуновой-Гришиной. В браке родилась дочь Светлана. Живя с семьёй в Алма-Ате, стихи и переводы Владимир Чугунов публиковал в газете «Казахстанская правда» и в журнале «Литературный Казахстан».

В 1942 году ушел добровольцем на фронт, оказался в городе Кузнецке Пензенской области, где шло формирование войсковых частей. Оттуда лейтенант В. М. Чугунов посылал весточки родным. Владимир Чугунов командовал стрелковым взводом, потом взводом автоматчиков. В редкие минуты затишья писал стихи о крепкой фронтовой дружбе, о подвигах товарищей. В составе 585-го стрелкового полка 213-й стрелковой дивизии 7-й гвардейской армии Воронежского фронта Владимир Чугунов участвовал в Курской битве. 5 июля 1943 года, когда немцы, открыв мощный артиллерийский огонь, перешли в наступление на Курской дуге, Чугунов поднял своих бойцов в атаку. В этом бою он погиб. Семья Чугунова получила письмо, подписанное командиром части: «В. М. Чугунов в бою за социалистическую Родину, верный военной присяге, проявил верность и мужество, был убит 5 июля 1943 года. Похоронен близ ст. Безлюдовск, Шебановского района, Курской области, близ дороги на Будно...». На деревянном обелиске друзьями сделана надпись: «Здесь похоронен Владимир Чугунов – воин – поэт – гражданин, павший 5 июля 1943 года». Ныне село Безлюдовка относится к Шебекинскому району Белгородской области.

Второй сборник стихов В. М. Чугунова «Огненная роспись», изданный в Алма-Ате в 1946 году, явился посмертным изданием его произведений. В 1951 году в Алма-Ате была издана книга избранных произведений стихов и

прозы В. М. Чугунова. Некоторые его произведения так и не появились в печати и хранятся в рукописях. Посмертно издано пять его книг, четыре в Алма-Ате и одна – в Томске.

Стихотворения Владимира Чугунова вошли в антологии кузбасской поэзии: «Гремели бои» (1975), «Дыхание земли родимой» (1979), «На родине моей повыпали снега...: Поэтический век земли Кузнецкой» (1998). Лирика В. М. Чугунова включена в коллективные сборники, изданные в Москве: «Стихи о Сибири» (1961), «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне» (1965), «Сибирские строки» (1984). Стихотворения В. М. Чугунова вошли в коллективные антологии, изданные в Новосибирске: «В боевом строю» (1954), «Поэзия Сибири» (1957), «Поэты 20–30-х годов» (1965), «Помнит мир спасённый» (1970).

Имя Владимира Михайловича Чугунова занесено на мемориальную доску, которая установлена в Новосибирской писательской организации в память о павших на фронтах Великой Отечественной войны литераторах-новосибирцах.

Книги Владимира Михайловича Чугунова:

Горячий камень: стихи. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1939. – 39 с.

Огненная роспись : стихи / Вступ. ст. Д. Николича. – Алма-Ата: КазОГИЗ, 1946. – 98 с.

Избранное: стихи и проза / Предисл. Л. Макеева. – Алма-Ата: Казахское государственное издательство художественной литературы, 1951. – 231 с., портр.

Клад на Алчедате: стихи и проза / Предисл. Д. Николича. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1959. – 150 с.

Стихи / Вступ. ст. А. Пасечника. – Томск: Томское книжное издательство, 1961. – 119 с.

Огненная роспись : Стихи. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1964. – 128 с., портр.

Владимир Михайлович Ширяев

20 февраля 1949 г., село Романово, Алтайский край –
24 декабря 2002 г., Кемерово.

Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 1994 года.

***

... А если ты филателист,
то подбери осенний лист.

Он бронзою раскрашен ярко,
он как погашенная марка
страны, где ты резвился встарь.
И ощущаешь вдруг обиду,
что затопил, как Атлантиду,
её безжалостный сентябрь.

1977 год («Августовские объявления», 1986)

МАРТОВСКОЕ

Печалиться зачем же мне,
раз этот миг настал? –
Мой город чисто зазвенел,
как свадебный хрусталь.

Лучом разбуженный родник
звенит. И вслед за ним
в моём кармане гривенник
торжественно звенит!

Ломами дворники звенят
и связками ключей,
звенит в сознание у меня
стих неизвестно чей.

... ..

Бывали лучше времена,
но не было звончей!

1978 год («Августовские объявления», 1986)

АВТОПОРТРЕТ

Стара метафора, и всё ж:
тяжёлый и округлый,
как поразительно я схож
с кувшином лепки грубой.

Я на земном стою огне,
И рвутся, рвутся к выси
вскипающие во мне
божественные мысли!

Но хрупок я. Меня ударь –
разрушусь я вчистую.
О чём же думал ты, Гончар?
Гончар, я протестую!..

1981 год («Чрезвычайное происшествие», 1996)

ПОСАДКА КЕДРОВ

Пришла осенняя пора,
гуляют ветры.
Опять я с самого утра
сажаю кедры.

Я знаю: даст орешек всход –
зелёный, малый.
Он будет через лет пятьсот
вполне нормальный.

Тянись, зелёная семья,
всё выше, выше!

Мне даже кажется, что я
тебя увижу.

... Придёт какая ли беда,
шалют ли нервы, –
не унываю: я тогда
сажаю кедры.

1986 год («Времечко желанное», 1993)

***

Во мне всегда любой диктат
рождад сопротивление.
Я с детства не любил диктант,
а только – сочинения!

1988 год («Времечко желанное», 1993)

***

Как и десять лет назад,
в царственном безделии
мрачно вороны сидят
на высоком дереве.

Закричу на весь наш сад –
взмоют без оглядки.
Опустились. Вновь сидят,
но в другом порядке.

1988 год («Времечко желанное», 1993)

ЛЮБИМОЙ

Повстречались с тобою
мы в эпоху застоя.
И – зажили неплохо,
несмотря на эпоху.

На работу ходили,
напевая мелодии.
И редиску садили
у себя в огороде.

... Если честно признаться, –
под весенней звездой
хорошо целоваться
даже в годы застоя!..

1990 год («Времечко желанное», 1993)

***

Я уверен в минуту сию
не узнаете вы меня! –
Я по полюшку семеню
и разбрасываю семена.

Дело спорится – ведь тружусь
не на тётенек я чужих.
Не какой-то служитель муз, –
а здоровый босой мужик.

По глаза я зарос бородой,
весь в грязище я, – Боже мой!

Но – пока я ещё молодой,
это с виду я – пожилой.

... Как я ждал её – эту весну!
И она наступила – весна!
Я по полюшку семеню
и разбрасываю семена!

(«Огородник», 2003)

***

Как прекрасен белый лист! –
Словно первопуток зимний.
Лист красив, когда он чист,
но исписанный – красивей!

Он теперь – в прожилках строк,
он волнуется, трепещет.
Он расскажет – дайте срок! –
удивительные вещи.

Где очутится, – Бог весть.
Закружился над аллеей.
Ты теперь не лист, а – весть!
Так лети же веселее!..

(«Мне нагадали по руке», 2004)

***

Сначала – в песочке возился,
потом – в универе учился.
И всюду моя позиция
нисколько не учитывалась.

За шкуру возьмёт родитель
и выдернет из песочка.
Скажет преподаватель:
«Ленин – гигант!»
И точка.

Столичные человеки
хотели – большое мерси! –
вспять повернуть мои реки,
об этом меня не спросив.

Чтоб выразить своё мнение,
и стал создавать их я:
не из песка творения –
стихотворения!..

(«Мне нагадали по руке», 2004)

***

Я так боялся одиночества!
Я так испить его хотел!
Мне женщин целовать не хочется.
Зову – по имени, по отчеству
цветы – ромашку, чистотел.

Они охотно откликаются,
они дают себя сорвать.
И снова белая акация
свой источает аромат.

И снова горькая календула,
как огонёк горит в саду.

Она, наверное, не ведала
о том, что в гости к ней приду...

1996 год («Мне нагадали по руке», 2004)

ЛИСТЬЯ И ЛИСТЫ ВЛАДИМИРА ШИРЯЕВА

Подборка стихотворений В. Ширяева отличается подчеркнутой социальной тематикой, может быть, это связано со временем написания большинства включенных в неё стихотворений. В основном это произведения, написанные в середине – конце 1980-х и опубликованные в 1990-е и 2000-е годы. Как всякий советский человек, оказавшийся на перекрестке эпох и формаций, Владимир Михайлович живо откликнулся на ситуации смены власти, смены взглядов и жизни. Как ни странно, но проявляется активная социальная позиция в стихотворениях о любви. В небольшом стихотворении «Любимой» прочитывается сюжет «любви в эпоху застоя». В контексте политического критицизма по отношению к советскому времени, истории и жизни, любовь также в застойное советское время воспринимается как нечто недолжное, ложное и смешное. Но, думается, именно всеобщее критическое отношение к советскому прошлому рождает авторскую иронию и индивидуальный протест против тотального отказа от общего прошлого. «Повстречались с тобою // мы в эпоху застоя. // И – зажили неплохо, // несмотря на эпоху». Любовь не измеряется социальными и политическими событиями, в любых условиях, в любых обстоятельствах отношения между двумя любимыми остаются на уровне совместного решения бытовых и иных проблем. В умении вместе, рядом, слитно проживать жизнь заключается главная сила любви:

*На работу ходили,
напевая мелодии.
И редиску садили
у себя в огороде.*

*... Если честно признаться, –
под весенней звездой*

*хорошо целоваться
даже в годы застоя!..*

Нам представляется, что подобный иронический протест против клише, навязанных стереотипов, шаблонных мыслей, манипуляции сознанием характерен для поэтического и внутреннего мира В. Ширяева. Достаточно привести в пример четверостишие «Во мне всегда любой диктат...», чтобы понять внешнюю и внутреннюю непримиримость поэта:

*Во мне всегда любой диктат
рождал сопротивление.
Я с детства не любил диктант,
а только – сочинения!*

Сочинение пишется не только на вольную, но и на заданную тему, но, в любом случае, оно предполагает выражение собственной позиции читателя, собственных мыслей, воображения и фантазии. Думается, именно поэтому В. Ширяев в противовес политике выбирает два универсальных и архетипических образа – лист дерева и лист бумаги. Листья и листы поэта связаны с полетом фантазии и воображения, в то время как изменения в социуме и политике требуют осознанных алгоритмов (как каждый диктант проверяет определенный набор правил). В этом смысле символично, что подборка стихотворений В. Ширяева представляет собой замкнутое целое, кольцевая композиция образуется стихотворением с осенним, сентябрьским листом («... А если ты филателист...») и стихотворением с листом бумаги с только что написанным текстом («Как прекрасен белый лист...»). При этом природный лист обретает характеристики послания, текста, сообщения о завершении определенного социального цикла, «он как погашенная марка // страны, где ты резвился встарь», жизни, которая кончилась навсегда. А бумажный лист, наоборот, может лететь над аллеей и становиться вестью из одного мира в другой, из одного времени в другое.

Образы листьев и листов коррелируются в подборке мотивом созидания, сотворения, посева. Так, в стихотворении «Я уверен, в минуту сию...» лирический герой предстает огородником, пахарем, сеятелем, он разбрасывает семена весны, молодости, жизни наперекор всем прогнозам и социальным потрясениям, потому что в засевании земли, в ее будущем урожае заключается смысл любой

жизни. В стихотворении «Посадка кедров» лирическое «я» становится лесником, сажающим семена кедра, опять же закладывая будущую жизнь, будущей природной силы обнаруживает стремление человека участвовать в вечном природном и жизненном цикле. В полную силу, рост кедр войдет через 200 – 300 лет, «Он будет через лет пятьсот // вполне нормальный», когда лирического героя давно не будет на свете, но смысл он видит в самом акте посадки кедра наперекор «гуляющим ветрам», «приходящим бедам» и «шляющим нервам». В стихотворении «Автопортрет» лирическое «я» уже не создатель, а создание. Он уподобляется старому кувшину «грубой лепки», сделанному неким Гончаром. Но и в образе орудия, творения лирический герой обретает характер индивида тем, что готов спорить и не соглашаться с задуманным алгоритмом Гончара.

*Я на земном стою огне,
И рвутся, рвутся к выси
вскипающие во мне
божественные мысли!*

*Но хрупок я. Меня ударь –
разрушусь я вчистую.
О чём же думал ты, Гончар?
Гончар, я протестую!..*

Таким образом, при внешней социальности, злободневности поэзия В. Ширяева прочитывается как лирическая и философская. Мотив творения, творчества, проявляющийся как в природном пространстве, так и пространстве духовном, охватывает все сферы бытия и формирует индивидуальное сознание поэта. Поэтому невинной красоте и белизне чистого листа поэт предпочитает черный цвет чернил, становящийся словами, мыслями, посланиями, вестями:

*Ты теперь не лист, а – весть!
Так лети же веселее!..*

Ирина Ащеулова.

БИОГРАФИЯ ВЛАДИМИРА ШИРЯЕВА

Владимир Михайлович Ширяев (20.02.1949-24.12.2002) родился в селе Романово Алтайского края в семье учителей. Отец, Ширяев Михаил Васильевич, – преподаватель русского языка и литературы, мать, Пушкива Августа Степановна, – учительница начальных классов. Несколько лет семья жила в городе Бердске Новосибирской области, но потом, в связи с его затоплением (сооружалось Обское водохранилище), переехала в кузбасский город Белово. В 1966 году Ширяев окончил одиннадцать классов средней школы № 76, получив помимо среднего образования специальность помощника машиниста электроподвижного состава. В 1976 году окончил филологический факультет Томского государственного университета и четыре курса исторического факультета Кемеровского государственного университета. Литературные наклонности его обнаружились очень рано, лет в восемь. А в пятнадцать лет он впервые увидел напечатанными на страницах беловской городской газеты «Знамя коммунизма» свои стихи. Работать начал в 17 лет литсотрудником в редакции газеты «Ленинское знамя» города Белово. В 1970-е годы он переехал в Кемерово. Работал в областных, городских, районных газетах «Комсомолец Кузбасса», «В бой за уголь», «Молодой ленинец», «На стройке», «Заря» литсотрудником, в газете «Горняк» – редактором. Работал также в издательствах «Земля и воля», «Практика» с 1994 по 1998 гг. редактором. Четыре года (1973–1977 гг.) руководил литературным объединением при Кемеровском горкоме комсомола. Здесь он познакомился с талантливыми ребятами Виталием Крековым, Геннадием Полицыным и до конца жизни опекал их.

Владимир Ширяев – автор шести прижизненных поэтических книг, изданных в Кемерове. В 2008 году, посмертно, жена поэта Раиса Чекалдина издала однотомник книгу стихов, прозы, критических статей и воспоминаний об авторе «Расскажу без прикрас...».

С 1994 года Владимир Ширяев – член Союза писателей России, в 1995 году он был принят в Союз журналистов СССР и стал лауреатом литературной премии им. В. Д. Федорова. С 2002 года – член Союза российских писателей. Публиковался в журналах «Чаян» (Казань); «Сибирские огни» (Новосибирск); «Юность», «Наш современник», «Студенческий меридиан», «Истоки», «Крокодил» (все – Москва); «Огни Кузбасса» (Кемерово); «Сибирские Афины» (Томск).

В декабре 1997 года Ширяев зарегистрировал альманах «Горицвет» и начал издавать его. Первый номер альманаха вышел в 2000 году, второй – в 2001 году, третий – в 2002 году (уже без него). Став издателем, помогал молодым литераторам. Был редактором 12 книг различных авторов. В 2000 году принял активное участие в организации конкурса имени Геннадия Полицына и Владимира Поташова среди воспитанников детских домов Кемеровской области на лучшее поэтическое (стихотворение, поэма) и прозаическое (рассказ, повесть) произведения.

Скончался 24 декабря 2002 года, сделав себе харакири в доказательство, что русские не слабее самураев. Похоронен в Кемерове на Центральном городском кладбище № 2, аллея 35. На могиле установлен памятник из чёрного гранита с портретом писателя.

В Государственный архив Кемеровской области на постоянное хранение переданы документы, рукописи из семейного архива писателя.

Книги Владимира Михайловича Ширяева:

Августовские объявления. Стихи / Предисловие И. Фоякова. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. – 68 с.

Времечко желанное. Стихи. – Кемерово: Кузнецкая крепость, 1993. – 60 с.

Мыслящий камень. Стихи. – Кемерово: Сибирский родник, 1995. – 112 с.

Январский дождь. Стихи. – Кемерово: Земля и воля, 1996. – 114 с.

Чрезвычайное происшествие. Стихи. – Кемерово: Земля и воля, 1996. – 152 с.

Огородник. Стихи, поэма. – Кемерово, 2003. – 54 с.

«Мне нагадали по руке...». Стихи. – Кемерово, Кузбассвуиздат, 2004. – 316 с.

Расскажу без прикрас... Поэзия, проза. – Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2008. – 408 с.

Геннадий Евлампиевич Юров

14 марта 1937 г., Кемерово – 7 марта 2016 г., Кемерово.
Поэт, журналист, публицист. Член Союза писателей СССР с 1976 года.

ОЗЕРО ТАНЦУЮЩИХ ХАРИУСОВ

А ночи не было. Был только сумрак синий,
Да на вершинах чуть заметный иней,
Да озера незыблемая гладь.
Но вот заря зарделась недалече.
И озеро рванулось ей навстречу.
И перекат запел на ста наречьях.
И хариусы вышли танцевать.

Я – зритель небывалого балета.
Я в зал стозвонный впущен без билета.
Мне это место кажется отменным
На валуне у стен Аборигена,
Где рампа утра радугу лучит.
А позади по сопкам и пригоркам
Шумит кустов зелёная галёрка,
И по ущельям каменным торопко
На зрелище стекаются ключи.

Танцуют хариусы. Как они танцуют!
Они как будто белый свет целуют.
Летят по воздуху и – разом замирают,
Лишь плавников подвижны веера.
На дно ныряют, толщу замеряют,
Зарю хватают, в воду окунают
И мчатся за полётом комара.

О Колыма! Моя седая сказка.
Прости, я тайну предаю огласке.
Нельзя такое прятать от людей
Нельзя – чтоб не видать такого блеска.

Нельзя – чтоб не слышать такого плеска
На озере в зелёных перелесках,
Под утреннюю музыку лучей.

1965 – 1969 год («Берега», 1970)

***

На фоне вечера,
Зарей просвечены,
Шишки кедровые,
Как вспышки багровые.
Так и просятся
В руки броситься.
По кончику ветки
Кидаю метко.
Жданно-гаданно,
Пахнувшая пряно,
Шишка падает
В ладони прямо.
Частица кедра,
Частица ветра,
Частица солнца
В ладонях жжётся.
В ней зной и нега,
В ней бьётся смолка,
В ней песня неба
Ещё не смокла.

1965 – 1969 год («Берега», 1970)

***

Меня учили жизни неустанно,
При этом вовсе не желая зла:
– Вот белый снег!
Весной он грязью станет.
Вот яркий свет!
В конце концов – зола.

Я на земле прошёл дорог немало.
Нелёгкая работа – мой удел.
Я видел гарь.
Но солнце так же ало!
Я видел грязь.
Но снег всё так же бел!

1965 – 1969 год («Берега», 1970)

ВЛАДИМИР МАРТЕМЬЯНОВ

Из поэмы «Последнее представление
Кемеровского цирка»

Когда он взмыл над Томью круто
С зенитом самым по соседству,
Спросило небо:
– Ты откуда?
И он ответил:
– Я из детства!

Когда достиг победы трудной
Полётом мирового класса,
Спросило небо:

– Ты откуда?
И он ответил:
– Из Кузбасса!

Когда в Бильбао многолюдном
Стал лучшим лётчиком планеты,
Спросило небо:
– Ты откуда?
Ответил:
– Из Страны Советов!
Мой взлёт трудом и кровью добыт,
Я представляю поколение.
Питает коллективный опыт
Моё свободное паренье.

И самолёт разбив на части,
Чтоб утвердить своё главенство,
Спросило небо:
– Жаждал счастья?
И он ответил:
– Совершенства!

Наш с небом спор
Жесток и вечен.
Пусть тем утешится долина,
Что в смерти не любой увенчан
Высокой песней лебединой.

Лишь потому не стоит плакать,
Что наледь горечи не тает...
Спросила дочь:
– А где мой папа?

И ей ответили:

– Летает!

1975 – 1977 год («Песня о городе», 1978)

***

Чистый камень сердолик
В чаше родника алеет.
Я б отдал тебе родник,
Только речка обмелеет.

Я б сорвал рябины гроздь,
Только птицы протестуют.
Я бы срезал в роще трость,
Да люблю листву густую.

Пень берёзовый подгнил.
В нём такая прель и сырость.
Если б я опёнком был,
Неприменно здесь бы вырос.

Я прошёл и дол и лог,
Не принёс тебе подарка.
Я хотел сорвать цветок,
Да пчелу согнать мне жалко.

Барабанит по сосне
Дятел весело и гулко.
Дай-ка лучше руку мне,
Подарю тебе прогулку.

Мы пойдём через ручей
Васильковою дорогой

У зари набрать лучей,
Горизонт рукой потрогать.

1973 год («Абориген», 1982)

ЯЗЫК ЦВЕТОВ

Цветы – от рос поры весенней,
От дуновения тепла,
От лёгкого прикосновенья,
Которое несёт пчела.

Люблю,
Когда в таёжном мраке,
Неунывающе ярки,
Как восклицательные знаки,
Встают из согры огоньки.

Взлететь стремится к небосводу,
Как крылья,
Лепестки раскрыв,
Стихотворение природы,
Её лирический мотив.

Страницы милые листаю
И понимаю алфавит.
Листвою,
Травами,
Цветами
Земля со мною говорит.

Цветы от гроз,
Цветы от ливней...

Их время не сожжёт дотла.
И в человеке неизбывней
Цветы душевного тепла.

Нам навсегда необходимый,
Невыразимый в голосах,
Язык цветов земли родимой
Понятен мне в твоих глазах.

Несу дыханье медуницы.
Не надо слёз!
Не надо слов!
Хочу с тобою объясниться
На точном языке цветов.

1975 – 1977 год («Абориген», 1982)

***

Какому зову ныне внемлю?
О чём несуетная речь?
Открыть неведомую землю?
Да нет! –
Родимую сберечь!

А что доверю я тетради?
А что доверит мне тетрадь? –
Слов изначальных
Не утратить,
Мелодию не потерять.

И в перестуке новых станций
Какой удел зову судьбой?
Найти себя?

Да нет! –
Остаться
Самим собой,
Самим собой.

1980 год («Абориген», 1982)

***

Я – сын реки,
Чей берег стал жестоким.
Я говорю – чисты мои истоки.
Я говорю – светлы мои ростки.
Не нужно безысходности в укор,
От одного произрастают корни
Слова «река» и «речь».
Я – речь реки.
Я – зов к людскому разуму и воле.
Я – боль реки и врачеватель боли,
Тоска реки и жертва той тоски.
Живу одним из данных мне напутствий:
Её – форелевую – сохранить до устья...
Тогда отпустит боль.
Я – сын реки.

1974, 1980-е годы («Доверчивое русло», 1987)

СОВЕСТЬ

Жить желая достойно,
Говорим неспроста:
Если совесть спокойна,
Значит, совесть чиста.

Каждый совестью красен,
Постоянством её...
Что чиста – я согласен.
Что спокойна – враньё!

Не каприз, не геройство,
Не парадная роль,
Есть у совести свойство
В нас выращивать боль.

На планете, где войны,
Где кромешно от бед,
Если совесть спокойна,
Значит, совести нет.

Точно речка струится,
Или птица летит,
Или зреет пшеница,
Так и совесть болит.

Этой болью невольно
Рвётся с губ и с листа –
Если совести больно,
Значит, совесть чиста.

1981 год («Доверчивое русло», 1987)

ВТОРАЯ ПРИРОДА

Декоративные породы
И рукотворный водоём,
Как существа второй природы,
Которую мы создаём.

Из леса саженцы ворует,
Чтоб в скверах радовали глаз,
Природу делаем вторую –
Уходит первая от нас.

Спасибо ей, что так рискуя,
Нас обучила ремеслу,
В свою впустила мастерскую,
Как муравья или пчелу.

Мы потрудились без оглядки,
Её законам вопреки.
Ну, а теперь лесопосадки,
Реанимация реки...

Я верю в то, что через годы
К творениям детей своих
Вернётся первая природа
Внести необходимый штрих.

Покуда нерест опекаем
И птиц сезонный перелёт,
Она сыновними руками
Сама себя воссоздаёт.

Смотрю на медленные восходы,
Склоняясь к истине простой:
Есть Родина
И есть Природа
Исконная –
И нет второй.

1982 год («Доверчивое русло», 1987)

СКАЖИ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ ХОРОШЕЕ

Непреднамеренно, непрошенно,
От сердца к сердцу – по прямой
Скажи мне что-нибудь хорошее,
Желанный собеседник мой.

А то, признаюсь я по совести,
Уже давно со всех сторон
Дурные осаждают новости,
Упрёки сыплет телефон.

И до того, как трубка брошена,
Прошу я, уловив момент:
– Скажи мне что-нибудь хорошее –
Но ты молчишь, мой абонент.

Как будто мысль моя чудовищна,
Как будто из последних сил
Оберегаешь ты сокровище,
Куда я руку запустил.

Непостижимо! Чуть не с гордостью,
Что так обижены судьбой,
Друг другуверяем горести
И сетуем наперебой.

Пора потерь владеет чувствами.
Нам улыбнуться недосуг.
Скажи мне что-нибудь негрустное,
Испытанный годами друг.

Ранимым я бывал и раненым,
Но слову верить не устал.
Пускай заблещет всеми гранями
Его целительный кристалл.

И не молчи так огорошенно.
Дай лучик от своих щедрот.
Скажи мне что-нибудь хорошее,
И пусть оно произойдёт.

1983 – 1986 год («Доверчивое русло», 1987)

КАК МНОГО МУЗЫКИ В ТЕБЕ

Когда идёшь ты по судьбе
Сквозь зависть или восхищенье,
Как много женщины в тебе,
Как много женщины в тебе,
Достоинства и всепрощенья.

Когда бесхитростной мольбе
Не внемлют чувства роковые,
Как много девочки в тебе,
Как много девочки в тебе,
Открывшей этот мир впервые.

И ласточки на городьбе,
И сосен шум, и дождь по крыше ...
Как много музыки в тебе,
Как много музыки в тебе,
Которую хочу я слышать.

(«Музыка снега», 2005)

***

Что даровано от Бога?
– Только родина да мать.
Только память да тревога,
Только жажда даровать.

Только странствий зябкий климат
Да утраты за спиной...
Но однажды люди примут
Сотворенное тобой.

Звук и отзвук различая,
Божьим даром назовут
После долгих лет отчаянья
Счастья несколько минут.

(«Музыка снега», 2005)

***

Где слово тёплое –
не чудо,
Где без прищуря злого
взгляд,
Я буду здравствовать,
покуда
Мне люди
«здравствуй»
говорят.

(«Музыка снега», 2005)

«ДОРОГА! ПОЗОВИ МЕНЯ!..»

Кемерово – Томск – Магадан – Кемерово. Геннадий Юров любил дорогу... Он родился 14 марта 1937 года в исторической части нашего города, названной далёкими предками звонко и ёмко – Красная Горка. Сначала дорога в его жизни была тропинками в сосновом бору, по которым мальчишки правого берега бежали к заветному роднику или за бумажным змеем:

*Возносится Змей мой дорогой былинной
Над малой удачей и участью горькой,
Над Томью-рекою, над Красною Горкой...*

Дорога детства вела к берегу реки, где старший брат учил «ловить ельцов и плавать, / Вязать плоты, искать саранку в травах», к заветному острову, где «детство / Разжигало костры свои / С этим островом по-соседству / И ему поклялось в любви». Эту дорогу, но уже не беззаботных радостей, а испытаний, герой разделит с другими детьми войны, и всё тот же сосновый бор, «спасая от голодной доли», даст место картофельному полю «под канонаду памятной поры». А когда минует военное время, позволяя повзрослеть мальчишке «с глазами карими, как свежий срез коры», дорога позовет его в новые, незнакомые края.

В 1954 году Гена Юров едет в Томск, чтобы учиться на историко-филологическом факультете университета. Здесь студент показал, что путь в большую поэзию ему непременно откроется: на втором курсе он сделал образцовый перевод старинной песни весёлых студентов «*Gaudeamus igitur*», ставшей гимном молодости. Она до сих пор в сибирских вузах звучит именно в юровской обработке, звучит в том числе и гимном поэзии. Заповедные шестидесяты! Это было время, когда стихи стали общей стихией жизни для талантливых и думающих, поэтические вечера были необходимы, как воздух. Геннадий Евлампиевич позже вспоминал: «Меня однажды объявили так: «Поэзия – та же добыча радия для студента ТГУ Юрова Геннадия»». Да, поэзия – напряжённый поиск верного слова о родине и о себе:

*Что даровано от бога?
– Только родина да мать.
Только память да тревога,
Только жажда даровать.
Только странствий зябкий климат ...*

Какое притягательное слово – «странствие»... Дорога Томск – Кемерово уже знакома, а странствие открывает путь в заветную даль. И потому корреспондент молодёжных газет Томска и Кемерово, автор первого сборника стихов «Синий факел» (1964 год) Геннадий Юров отправляется на Чукотку. Этот маршрут «за туманом и за запахом тайги» стал проверкой душевных и физических сил, ведь суровая природа севера никому не делает снисхождений: «Мы не раз жестоко биты, /И беды не видим в том. / Мы горды колымским стажем...» А что открывает пространство вечной мерзлоты поэту? Вечную красоту! Можно только услышать название текста – «Озеро танцующих хариусов», и воображение нарисует сказочную картину. А когда возникают сами строчки, сердце заходится от волшебства автора. Веришь, дорогой читатель, никак не поддавалось цитированию это чудесное стихотворение: столько в нём яркой образности, что невозможно вынуть из стихотворного кружева ни одной строки, не разрушив гармонию завораживающего танца хариусов «на озере в зелёных перелесках, / Под утреннюю музыку лучей».

Но всё-таки чаще север требует не эстетического восторга. Здесь прежде всего человек беспрестанно борется за жизнь. С холодом, с пургой, с пронзительным одиночеством, с диким зверем, крадущимся вослед. Проверка на смелость духа трассами Колымы, верность жителей Магадана в любви к своему краю, героические попытки человека вырвать у смертельного холода пространство для жизни – всё это позволит Геннадию Юрову «вдали от детства и от дома» переосмыслить ценность малой родины – земли Кузнецкой, где «как воплощенье мечты и труда/ Над Томью-рекой возвели города». И среди них – Кемерово, «град сокровенный, /Град сотворённый».

Дорога домой будет радостной: здесь ждут близкие, рады возвращению поэта друзья по литературной работе, здесь родные берега реки Томь. Возвратившись, Геннадий Евлампиевич Юров погружается в редакторскую работу в Кемеровском книжном издательстве, готовит новые сборники стихов, в 1976 и в 1981 годах, уже будучи членом Союза писателей СССР, участвует в замечательном празднике творчества – Днях советской литературы в Кузбассе. С 1979 года он стал руководить литературной студией «Притомье», название которой придумал сам, долго ещё выслушивая критику за новое слово. А теперь мы и не мыслим культурной жизни Кузбасса без этого глубокого и такого родного названия!

Но никакие «домашние» литературные дела не могли соперничать с романтикой долгой дороги. Она не отпускает сердце поэта. В 1972 году

Геннадий Юров вместе с единомышленниками отправляется на горный массив Карлыган в Хакасии, чтобы найти место, где рождается любимица Томь. Пройдя её от каменистого, бурунистого истока до широкого устья в Томске, он напишет пронзительные строки:

*Я – речь реки.
Я – зов к людскому разуму и воле.
Я – боль реки и врачеватель боли,
Тоска реки и жертва той тоски.
Живу одним из данных мне напутствий:
Её – форелевую – сохранить до устья...
Тогда отпустит боль.
Я – сын реки.*

К радости общения с первозданной природой присоединится горечь утрат от деятельности современного «хомо консументс» – человека потребляющего. Труженица река уже не справляется со всеобъемлющей людской жаждой переустройства мира в пользу комфорта и телесного благополучия. Экологическая проблематика прочно войдёт в произведения Геннадия Юрова, его призыв к защите природы и души человека прозвучит на всю страну! «Исчезнувший остров», «Мы все перед рекою виноваты», «Прощай, сосновый бор» ... Даже названия текстов наполнены болью, она пронзает сердце всякого человека, кто ценит живое:

*Земля растерзанная
Боль свою лучит.
Она кричит.
Да только мы не слышим...*

В эпоху, когда было принято восторгаться грохочущими стройками страны, Юров бьёт в тревожный колокол, объясняя опасность глобального переустройства мира природы в пользу только человека. И здесь интересует автора не столько вопрос истощения ресурсов и запасов воды и чистого воздуха, сколько то, что сам человек истощает в себе душу, отзываясь чёрной неблагодарностью на удивительный дар природы – жизнь. Этой дорогой спасения труженицы Томи, Соснового бора, заповедной сибирской тайги пойдут последователи Геннадия Юрова, услышавшие его призывное поэтическое слово:

*Какому зову ныне внемлю?
 О чём несуетная речь?
 Открыть неведомую землю?
 Да нет! –
 Родимую сберечь!*

Автор считает: только чувствуя, что «совести больно», и неся «бремя вечных вопросов», человек может «остаться самим собой», то есть человеком. И здесь важно беречь и природу, и память, сохранять культурные истоки родной земли. Так начинается востребованная сердцем дорога Геннадия Юрова по «духовному полю провинции». «Провинция! Как мне нравится это слово! Сколько в нём чистоты, пронзительности, синевы! И я сравнил бы таланты, которыми так богата Сибирь, с родниками. Одни родились вблизи селений и дорог. Из них чаще пьют люди... Другие живут себе в лесной глуши, и тропка к ним известна лишь знатокам. Но все они способны утолить жажду, из каждого можно напиться». Этими словами поэт, публицист, краевед Юров утверждает ценность людей-самородков, живших и живущих рядом с нами. С 2001 года к деятельности Геннадия Евлампиевича в качестве хранителя литературного богатства края (например, он участвовал в организации Фёдоровских и Чивилихинских чтений в Кузбассе) прибавится и работа над укреплением общей исторической памяти города и края. Он придумает краеведческий альманах «Красная Горка» и станет его главным редактором, тем самым откроет нам ещё одну дорогу – к самим себе, к своим истокам. И город оценит его вдумчиво-глубокую работу, назвав Геннадия Юрова своим Почётным гражданином. Присоединится к этой высокой оценке его дела и регион. А потом зазвучит гимн Кемеровской области «Рабочая мелодия Кузбасса», где так точно определит поэт особенность отношений между нами, сибиряками, и нашей снежной, таёжной родиной:

*Земля открыла людям свой талант,
 И свой талант земле открыли люди!*

Много дорог проходит человек за свою жизнь. Чем интереснее человек, тем больше самых разных дорог. О себе поэт писал: «... с берега Михайлы Волкова начинаются все мои дороги, все мои поэмы, все мои книги... Из истории, из детства, из природы, из мечты»... Геннадий Евлампиевич Юров 7 марта 2016 года земную дорогу дошёл до конца. Родовой кедр сохранил,

сыновей вырастил, духовный дом на Красной Горке построил, наполнил его пространство звонкими стихами и – ушёл дальше. Отправился в тот путь, о котором писал когда-то своему другу, поэту Игорю Киселёву:

*Подожди меня в долине
У лесного родника.
Там докурим, домечтаем,
Допоем и домолчим...*

Дорога поэта Геннадия Юрова продолжается нашими шагами в мире его стихов. Здесь можно вдумчиво, сосредоточенно идти «по Северо-Востоку» или весело шагать вместе с улицей Весенней «к Весне», можно, не двигаясь с места, смотреть, как идёт «семидесятый ледоход» ... Здесь много дорог, но все они по-настоящему юровские – «От сердца к сердцу – по прямой»!

Светлана Старовойтова.

БИОГРАФИЯ ГЕННАДИЯ ЮРОВА

Юров Геннадий Евлампиевич родился 14 марта 1937 года в г. Кемерово в учительской семье. В Кемерово семья приехала в 1931 году. Отец, Евлампий Гаврилович Юров, окончил Томский педагогический институт, преподавал историю и географию в школе № 16 Рудничного района с 1934-го по 1942 год, а после войны – в Кемеровском учительском институте, был зам. директора. Мама, Ксения Трофимовна Вараксина (1899 – 1974), окончила в 1916 году вторую Омскую гимназию, работала учителем начальных классов. В школе № 16 Рудничного района проработала 36 лет – до 1967 года. Г. Е. Юров окончил школу № 24 г. Кемерово. После окончания в 1959 году Томского государственного университета работал в областных молодёжных газетах «Молодой ленинец» (Томск) и «Комсомолец Кузбасса» (Кемерово), затем в газетах «Кузбасс», «Магаданская правда», редактором Кемеровского книжного издательства. Первая литературная публикация в 1956 году – стихотворение «Осеннее солнце» в областной молодёжной газете «Молодой ленинец» (Томск).

Участник межобластного совещания молодых писателей Кузбасса и Томской области в г. Кемерово с 23 по 27 апреля 1959 года. Первый поэтический

сборник издан в 1964 году. Член Союза писателей СССР с января 1976 года. Автор 20 книг. Автор двенадцати поэтических книг, книги стихов для детей «Прогулка» (1978) и шести книг прозы. Печатался в литературных журналах «Наш современник»; «Москва»; «Роман-газета»; «Смена»; «Работница»; «Наука и религия»; «Российская Федерация» (все – Москва); «Сибирские огни» (Новосибирск); «Паллоцфельд» (Венгрия); «На Севере Дальнем» (Магадан); «Огни Кузбасса»; «Красная Горка» (Кемерово).

Ему принадлежит авторство понятия «Притомье». Первый руководитель литературной студии «Притомье» (с 1979 г.), организатор литературных праздников «Весна в Притомье». С 1983-го по 1987 год был руководителем Кемеровской областной писательской организации. Участвовал в организации Всероссийских традиционных литературных праздников «Фёдоровские чтения в Кузбассе» (с 1985 г.) и «Чивилихинские чтения в Кузбассе» (с 1986 г.), был членом Ревизионной комиссии Правления Союза писателей России, редактором газеты «Родник сибирский», собственным корреспондентом журнала «Российская Федерация» по Западной Сибири. С 1975-го по 2002 год член редколлегии альманаха «Огни Кузбасса», с 1995-го по 1997 год – главный редактор альманаха «Огни Кузбасса». С 1987-го по 2001 год был членом редколлегии российского журнала «Сибирские огни» (Новосибирск). С 2001 года – создатель и главный редактор 14 выпусков краеведческого альманаха «Красная Горка».

Лауреат премии Союза журналистов СССР за книгу очерков «Труженица Томь» (1973), с которой началось экологическое движение в Кузбассе. Лауреат премии Кузбасса (1977, 2005) за текст песни «Рабочая мелодия Кузбасса», ставшей с декабря 2002 г. гимном Кемеровской области. Лауреат премии Министерства России по делам СНГ за большой вклад в дело духовного сближения народов (1997). Награды: Почётная грамота Правления Союза писателей России (1987); серебряная медаль В. И. Вернадского (2003); медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» II и III степеней, «60 лет Кемеровской области», «За веру и добро»; юбилейный гражданский орден Серебряная Звезда «Общественное признание» в связи с 60-летием Великой Победы (2005); «Орден Почёта Кузбасса» (2012). Заслуженный работник культуры России (1989). Почётный гражданин города Кемерово (2003). Почётный гражданин Кемеровской области (2007). Член Совета старейшин при Губернаторе Кемеровской области.

Скончался 7 марта 2016 года. Похоронен на Центральном городском кладбище № 3 г. Кемерово, аллея 29. В мае 2019 г. библиотеке семейного чтения

«Встреча» Муниципальной информационно-библиотечной системы г. Кемерово (пр. Шахтёров, 37Б) присвоено имя Геннадия Евлампиевича Юрова.

Книги Геннадия Евлампиевича Юрова:

- Синий факел: стихи.* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1964. – 42 с.
- Убегающая даль: стихи.* – Магадан: Книжное издательство, 1968. – 31 с.
- Берега: стихи и поэмы.* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. – 99 с.
- Труженица Томь: Художественно-документальные страницы её прошлого, настоящего и будущего.* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1974. – 126 с.
- Долина в сентябре: поэмы / [Предисловие И. Киселёва].* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1975. – 88 с.
- Песня о городе: поэмы.* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978. – 94 с.
- Прозулка: Стихи для детей.* Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978. – 9 с.
- Река родная: Документальное повествование о Томи.* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1979. – 240 с.
- Абориген: стихотворения и поэмы / [Художник В. Кравчук].* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1982. – 112 с.: ил.
- Доверчивое русло: стихотворения и поэмы / предисл. А. Казаркина.* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1987. – 224 с.: ил.
- Альма-матер.* – Томск: Томское книжное издательство, 1988.
- Какого цвета Томь-река: Документальная повесть.* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1992. – 238 с.
- Печальная повесть о Боге погоды: [повести].* – Кемерово: Сибирский родник, 1993. – 227 с.
- Товарищеский круг: Стихотворения.* – Кемерово: Сибирский родник, 1993. – 63 с. – (Русская сибирская поэзия)
- Лирические поэмы / Вступительное слово В. М. Баянова.* – Кемерово: Сибирский родник, 1997. – 171 с. (Русская сибирская поэзия)
- Планета Кемерово: Поэмы / Графика В. П. Кравчука.* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 2003. – 111 с.
- У родника на Красной Горке: очерки смутного времени.* – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 531 с.
- Музыка снега: Избранные стихотворения и поэмы.* – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 179 с.
- Заповедное пространство. Стихотворения, поэмы, разыскания.* – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012.
- Скажи мне что-нибудь хорошее... : Стихи / Сост. С. Л. Старовойтова.* – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдоров, 2019. – 160 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогой читатель, далёкий и близкий! (Борис Бурмистров)	3
Виктор Михайлович Баянов	8
«Ни слова без души...» (Светлана Старовойтова)	25
Биография Виктора Баянова	29
Книги Виктора Баянова	31
Михаил Фёдорович Борисов	32
Михаил Борисов. Поэт солдатского долга (Галина Карпова)	43
Биография Михаила Борисова	48
Книги Михаила Борисова	50
Евгений Сергеевич Буравлёв	52
Первый (Иосиф Куралов)	67
Биография Евгения Буравлёва	72
Книги Евгения Буравлёва	75
Леонид Михайлович Гержидович	76
Извечное величие тайги Леонида Гержидовича (Ирина Ащеулова)	88
Биография Леонида Гержидовича	92
Книги Леонида Гержидовича	95
Валерий Фёдорович Зубарев	96
Мой друг, товарищ, брат – Валера (Иосиф Куралов)	109
Биография Валерия Зубарева	112
Книги Валерия Зубарева	113
Александр Гумерович Ибрагимов	114
Поэтический универсум А. Ибрагимова (Ирина Ащеулова)	126
Биография Александра Ибрагимова	130
Книги Александра Ибрагимова	133

Владимир Алексеевич Измайлов	134
Разведчик и газетчик (Екатерина Тюшина)	143
Биография Владимира Измайлова	145
Книги Владимира Измайлова	147
Игорь Михайлович Киселёв	148
По просьбе читателей (Александр Казинцев)	168
Биография Игоря Киселёва	171
Книги Игоря Киселёва	173
Валерий Васильевич Ковшов	174
Поэтическое мироощущение Валерия Ковшова (Наталья Налегач)	184
Биография Валерия Ковшова	186
Книги Валерия Ковшова	187
Николай Иванович Колмогоров	188
Поиски истоков бытия... (Людмила Ходанен)	200
Биография Николая Колмогорова	204
Книги Николая Колмогорова	207
Виталий Артемьевич Крёков	208
Поэтический мир Виталия Крёкова (Людмила Ходанен)	220
Биография Виталия Крёкова	224
Книги Виталия Крёкова	227
Владимир Михайлович Мамаев	228
Юный поэт войны (Екатерина Тюшина)	235
Биография Владимира Мамаева	237
Книги Владимира Мамаева	239
Владимир Фёдорович Матвеев	240
Иронические строки Владимира Матвеева (Екатерина Тюшина)	259

Биография Владимира Матвеева	265
Книги Владимира Матвеева	266
Валентин Васильевич Махалов	268
Родом из детства (Ирина Ащеулова)	282
Биография Валентина Махалова	286
Книги Валентина Махалова	291
Геннадий Модестович Молостнов	292
Человек-айсберг (Виктор Арнаутов)	299
Биография Геннадия Молостнова	303
Книги Геннадия Молостнова	305
Михаил Александрович Небогатов	306
Певец земли, известной миру (Иосиф Куралов)	319
Биография Михаила Небогатова	321
Книги Михаила Небогатова	327
Любовь Алексеевна Никонова	328
Любовь Никонова. Поэт от Бога (Галина Карпова)	341
Биография Любви Никоновой	346
Книги Любви Никоновой	348
Иван Стефанович Полуниин	350
«Февральский соловей» Иван Полуниин (Татьяна Горохова)	360
Биография Ивана Полунина	364
Книги Ивана Полунина	367
Владимир Тимофеевич Поташов	368
Поэт трагической судьбы (Иосиф Куралов)	382
Биография Владимира Поташова	384
Книги Владимира Поташова	385

Тамара Ильинична Рубцова	386
Тамара Рубцова в поисках высшей Истины (Галина Карпова)	397
Биография Тамары Рубцовой	401
Книги Тамары Рубцовой	403
Анатолий Петрович Саулов	404
«Я всего лишь ручей...» (Михаил Небогатов)	415
Биография Анатолия Саулова	418
Книги Анатолия Саулова	419
Василий Дмитриевич Фёдоров	420
Василий Фёдоров. Умеющий любить (Галина Карпова)	440
Биография Василия Фёдорова	443
Книги Василия Фёдорова	447
Владимир Михайлович Чугунов	450
Поэт-шахтёр, поэт-боец (Галина Карпова, Екатерина Тюшина)	461
Биография Владимира Чугунова	463
Книги Владимира Чугунова	465
Владимир Михайлович Ширяев	466
Листья и листы Владимира Ширяева (Ирина Ащеулова)	473
Биография Владимира Ширяева	476
Книги Владимира Ширяева	477
Геннадий Евлампиевич Юров	478
«Дорога! Позови меня!..» (Светлана Старовойтова)	492
Биография Геннадия Юрова	496
Книги Геннадия Юрова	497

БЛАГОДАРНОСТЬ

Составители выражают признательность родным и близким авторов книги «Золотой запас поэзии Кузбасса» за помощь, оказанную при работе над первым томом: жёнам поэтов – Антонине Ивановне Баяновой, Нине Антоновне Гержидович, Наталье Геннадьевне Ибрагимовой, Ирине Анатольевне Киселёвой, Алле Павловне Колмогоровой, Нине Петровне Гусевой (Крёков), Тамаре Ивановне Махаловой, Раисе Максимовне Чекалдиной (Ширяев), Наталье Петровне Захарчук (Юров); детям поэтов – Ольге Владимировне Николаенко (Мамаевой), Наталье Геннадьевне Раковой (Молостной), Нине Михайловне Инякиной (Небогатовой), Татьяне Георгиевне Нестерук (Рубцовой), Любове Ивановне Климберг (Полуниной), Сергею Анатольевичу Саулову, Фёдору Игоревичу Фёдорову (внуку В. Д. Фёдорова), Николаю Николаевичу Алянчикову (родному племяннику В. Д. Фёдорова), Ольге Ивановне Петракевич (родной племяннице В. Д. Фёдорова); близким друзьям поэтов – Михаилу Николаевичу Шеховцову (Матвеев), Ирине Николаевне Востриковой (Никонова), Борису Трофимовичу Смердину (Поташов), Анастасии Николаевне Томышевой (Рубцова).

Составители первого тома благодарят за оказанную помощь и предоставление материалов о поэтах Кузбасса: директора Государственного архива Кемеровской области Людмилу Ивановну Сапурину; директора Государственной научной библиотеки Кузбасса им. В. Д. Фёдорова Веру Александровну Никулину, руководителя проекта «Литературная карта Кузбасса» (<http://old.kemrsl.ru/litmap>) Веру Ивановну Лаврушкину; зам. директора Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Новокузнецке Елену Дмитриевну Трухан; зав. Литературно-мемориальным музеем-усадьбой В. Д. Фёдорова в Марьевке Яйского района Марину Владимировну Савину; председателя Совета ветеранов ФСИН Кемеровской области Сергея Григорьевича Марченко; библиотекарей-краеведов, сотрудников именных библиотек Кузбасса: Марину Валерьевну Брюзгину (Баянов), Елену Михайловну Мазитову (Киселёв), Елену Викторовну Чазову (Рубцова), Татьяну Николаевну Кирееву (Борисов), Оксану Альбертовну Корташову (Гержидович), Ларису Александровну Ковалёву (Саулов), а также краеведов-общественников – Владимира Павловича Надя, Александра Анатольевича Кочеткова, Виктора Никифоровича Егорова.

Литературно-художественное издание

КЛАССИКА ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ
ЗОЛОТОЙ ЗАПАС ПОЭЗИИ КУЗБАССА

ТОМ I

Дизайн, вёрстка: А. Г. Торощин

Корректурa: Е. Л. Ясинская